

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. Пушкина

XXIII ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы международной научной конференции
23–24 апреля 2019 г.**

Том I

Санкт-Петербург
2019

УДК 378
ББК 74.48

Редакционная коллегия: проф. В. А. Веретенко,
проф. А. Г. Маклаков,
доц. М. А. Солдатова,
доц. М. Е. Харитоновна

XXIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2019 г. / отв. ред. А. А. Беляева. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – Т. I. – 392 с.

ISBN 978-5-8290-1848-1 (т. I)

ISBN 978-5-8290-1847-4

В сборнике представлены материалы международной научной конференции XXIII Царскосельские чтения, в которой традиционно принимают участие ведущие российские и зарубежные учёные, преподаватели вузов, специалисты-практики, представители общественных организаций и учреждений культуры, науки и образования.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, в том числе научно-педагогическим и руководящим работникам образовательных организаций всех уровней, аспирантам и студентам.

ISBN 978-5-8290-1848-1 (т. I)

ISBN 978-5-8290-1847-4

© Авторы, 2019

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2019

Содержание

<i>С. Г. Еремеев, А. П. Чернеевский</i> Современный мультикультурализм в контексте восприятия другого.....	9
<i>М. А. Солдатова</i> Мода на спорт. Традиции здорового образа жизни Санкт-Петербурга и Петербургской губернии на рубеже XIX–XX вв.	13

КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

<i>В. С. Амочкина</i> Здоровье души.....	20
<i>Н. С. Андреева</i> Оборотень и оборотничество: перспективы культурфилософского исследования.....	24
<i>А. А. Байрон</i> Вера, знание и «внутренняя гармония» личности.....	27
<i>А. А. Боедов</i> О роли ценностей в формировании здорового образа жизни.....	32
<i>Г. А. Касьянов</i> Трансформация представлений о «здоровом образе жизни» в восприятии молодых поколений городского населения России.....	39
<i>А. В. Конева, М. С. Юрьев</i> Религиозный образ жизни в светском государстве.....	47
<i>М. А. Коськов, Т. П. Самсонова</i> Некоторые вопросы философской методологии изучения культуры.....	50
<i>Е. М. Мирошникова</i> О культуре сосуществования в условиях религиозного плюрализма.....	53
<i>Т. С. Пронина</i> Роль религии в формировании «параллельных сообществ».....	56
<i>А. С. Романенко</i> «Четверица мира»: от Гёльдерлина к Хайдеггеру.....	59
<i>К. И. Савина</i> Религиозное развитие и социальное здоровье на примере общества Римской империи I–II вв.....	64
<i>Г. И. Синько</i> К проблеме теории и практики здорового образа жизни как социального явления.....	68
<i>М. Ю. Смирнов</i> Проблема ценностей в официальном дискурсе.....	71
<i>О. А. Сучкова</i> Репрезентация понятия «секта» в интернет-дискурсе.....	76
<i>Ю. А. Фоминенко</i> Мифологическое сознание как средство адаптации человека к природе и обществу.....	86

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА

<i>М. В. Ермолаева</i> Современная иллюстрация: ритм и пространство.....	90
<i>Е. В. Карпцова, Т. П. Самсонова</i> Музыкотерапия – теоретические и практические аспекты.....	93

<i>А. Г. Кучеров</i>	
М.П. Мусоргский «Картинки с выставки» разных инструментально-исполнительских интерпретаций.....	97
<i>Ли Линцзюнь</i>	
Свободные руки – основа в фортепианном обучении на начальном этапе: педагогический аспект	103
<i>Ли Ясюнь</i>	
Современная вокальная музыка Китая: Востоку Запад одновременно	109
<i>Лю Явэй</i>	
Роман Александра Пушкина и опера Петра Чайковского «Евгений Онегин» в прочтении китайского музыканта	113
<i>Е. В. Морозова</i>	
Музей как социальный агент реализации идей здорового образа жизни.....	121
<i>Т. П. Самсонова, И. В. Уварова</i>	
Семья Гарсиа в вокальном пространстве Европы XIX в.	124
<i>Ши Явэнь</i>	
Первая баллада Фредерика Шопена: путь к интерпретации	131

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>В. Н. Бенда, Н. Д. Козлов</i>	
Инженерное дело в начале XVIII в.	139
<i>Н. Н. Богемская</i>	
Влияние сословного состава на нравственное состояние воспитанников Алекса́ндро-Невского духовного училища в 60–80 гг. XIX в.	141
<i>Н. Н. Богемская</i>	
История становления Алекса́ндро-Невского духовного училища Санкт-Петербургской епархии	144
<i>Р. И. Ващук</i>	
Аскетика и повседневная жизнь монахов как фактор здорового образа жизни.....	148
<i>В. А. Верременко</i>	
«В чужом углу» – организация проживания городской женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.	151
<i>М. А. Виноградова</i>	
Исследование взаимовлияния алкоголя и психических заболеваний в Российской империи в конце XIX в.	155
<i>А. С. Волков</i>	
Изучение письменных источников по истории Водской пятины.....	158
<i>А. Х. Габдулина</i>	
К 180-летию М. П. Мусоргского: об интонационном единстве вокального цикла «Без солнца»	163
<i>И. Ф. Головеев</i>	
Социальное положение китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в начале XX в.	167
<i>Г. В. Григорьева</i>	
Тема ленинградской блокады и особенности ее воплощения в новой оратории В. Плешака.....	170
<i>А. Е. Жукова</i>	
Образ русской прислуги второй половины XIX в. в воспоминаниях иностранных дипломатов и их жён: «Karosh»	176

<i>Д. В. Калинина</i>	
Гигиена и бытовые условия воспитанников детских домов в 1925–1930 гг.	179
<i>О. В. Капустина</i>	
О некоторых направлениях развития советского пенсионирования в контексте первого пятилетнего плана	184
<i>В. В. Карлова</i>	
К вопросу о формах поощрения участников ученических сельскохозяйственных дружин в годы Первой мировой войны	187
<i>Д. А. Макаров</i>	
Развитие Византийского государства в период правления династии Комнинов	191
<i>Д. А. Макаров</i>	
Сохранение традиций византийской государственности в Трапезундской империи	195
<i>Г. П. Мурашов</i>	
История медицины и повседневности населения Кавказа в раннем железном веке	199
<i>Е. В. Никуленкова</i>	
Комплекс ГТО – основной концепт массового сознания в годы предвоенных пятилеток.....	202
<i>И. А. Рябцев</i>	
Всеобщая перепись населения 1897 г. и этномиграционная структура Бессарабской губернии	205
<i>О. А. Семёнова, А. М. Семёнов</i>	
Положение официантов в России в конце XIX – начале XX в.....	209
<i>Т. И. Сидненко</i>	
Культура здоровой личности как парадигма образования. История и современность	212
<i>С. Н. Травкин</i>	
История монетной чеканки на Днестре в Средние века и Новое время (нумизматика, политика, образ жизни)	215
<i>П. С. Чуракова</i>	
Спортивные общества в Стрельне в конце XIX – начале XX в.: общество велосипедистов-любителей и парусный кружок	218

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>О. С. Макарова</i>	
Патриотическая пропаганда в периодических изданиях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	222
<i>О. С. Макарова</i>	
Вклад деятелей театрального искусства в патриотическую агитацию и пропаганду в 1941–1945 гг.....	226
<i>Ю. А. Осипов</i>	
Дисциплинарная практика как показатель морально-психологического состояния личного состава Охраны водного района Краснознамённого Балтийского флота в 1943 г.	229

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

<i>В. В. Белов, Ю. А. Квицинская</i> Личностные особенности студентов, склонных к созидающему организационному лидерству	233
<i>В. В. Белов, И. Б. Гайворонская, И. А. Сидорова</i> Перспективные направления исследований психологии безопасности труда в области строительства.....	236
<i>Т. Ю. Бойкова, Н. Ю. Черанёва, В. Л. Власова</i> Некоторые особенности психологической характеристики несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков	240
<i>С. С. Вьюшкова, В. И. Карпова</i> Особенности эмоционально-волевой сферы у лиц с диагнозом невроз.....	244
<i>С. С. Вьюшкова, Е. К. Колесникова</i> Психосоматические проявления профессионального выгорания педагогов с различным стажем профессиональной деятельности.....	248
<i>О. М. Гуменская</i> Феномен психологического здоровья в свете системно-генетического подхода к рассмотрению явлений психики	251
<i>Ю. В. Еремеева, Н. С. Бар</i> Подходы к толкованию сновидений у представителей психоаналитического направления	255
<i>Ю. В. Еремеева, Н. В. Головешкина</i> Психологическое сопровождение тренерского процесса на примере конного спорта	258
<i>В. А. Исаева, В. Е. Капитанаки</i> Особенности отношения к болезни у юношей с вегето-сосудистой дистонией по гипертоническому типу	261
<i>В. Е. Капитанаки, С. В. Чермянин</i> Роль эмоционального дискомфорта личности в структуре расстройств адаптации у военнослужащих по призыву	265
<i>В. Н. Кузьменкова, В. Н. Наумова</i> Психологические проблемы взаимоотношений участников образовательного процесса.....	268
<i>Е. И. Лебедева</i> Индивидуально-психологические особенности младших школьников как фактор социального здоровья.....	271
<i>С. И. Лустин, А. В. Аракелян, А. Г. Колосова</i> Взаимосвязь гендерной идентичности и механизмов психологической защиты у женщин с миомой матки	275
<i>И. В. Неверова</i> Особенности эмпирического исследования инновационных характеристик профессионализма руководителя организации	278
<i>Б. В. Овчинников, Р. Х. Кузина, Л. В. Вайгачева, И. В. Подольская, А. И. Румянцева</i> Психологическая устойчивость как фактор здоровья и социального благополучия (обзор зарубежной литературы).....	282
<i>С. С. Пестова</i> Роль внешней и внутренней мотивации в определении эффективности служебной деятельности сотрудников ОВД	285

<i>А. Е. Пилипенко</i>	
Волевые особенности студентов с различными адаптационными способностями	288
<i>А. Е. Пилипенко</i>	
Копинг-стратегии у студентов с различными характеристиками ценностно-смысловой сферы	292
<i>О. С. Смирнова, У. М. Усманов, И. А. Куницына</i>	
Динамика коммуникативных характеристик студентов различных направлений педагогического вуза	296
<i>А. В. Тимченко, В. Е. Капитанаки</i>	
Особенности личности детей младшего школьного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата	302
<i>У. М. Усманов, В. А. Губин, О. С. Смирнова</i>	
Особенности профессионального самоопределения обучающихся бакалавриата Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина	306
<i>Г. Р. Чернова, М. В. Сергеева</i>	
Взаимосвязь стиля поведения в конфликтных ситуациях и типа личности педагогов дошкольного образовательного учреждения	308
<i>Н. С. Щукин</i>	
Сущность и содержание понятия «морально-психологическое состояние» ...	312

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

<i>Ю. А. Буков, И. М. Белоусова</i>	
Инновационный подход в организации оздоровительно-профилактической работы с лицами пожилого возраста	317
<i>А. В. Волков</i>	
Методика расчета продолжительности жизни индивидуума как фактор мотивации к здоровому образу жизни	321
<i>Т. Ю. Давыдова, Е. Н. Медведева</i>	
Положение тела гимнастки как фактор сложности перебросок предметов в художественной гимнастике.....	327
<i>И. В. Кивихарью</i>	
Технология организации физкультурно-оздоровительной работы в вузе художественно-творческой направленности	330
<i>А. С. Лебедев, З. Ю. Ансимова</i>	
Игровой метод в физической подготовке хоккеистов 7–8 лет	334
<i>М. В. Олифир</i>	
Обоснование необходимости включения адаптивного спорта в услугу ИПР (ИПСУ)	337
<i>Л. Н. Семенова</i>	
Дисциплина, борьба с курением и физическая подготовка учащихся в коммерческих училищах в начале XX в. (Санкт-Петербургское Охтенское коммерческое училище).....	344
<i>В. А. Сивицкий</i>	
Проблемы судейства в танцевальном спорте.....	347
<i>Г. В. Скорухатова, Е. М. Челаков, Т. С. Жуйкова</i>	
Анализ хронометрирования урока по лыжной подготовке в условиях зимней учебной практики.....	351

<i>Ю. В. Смирнова, К. Н. Леонов</i> Значение занятий боксом для выполнения служебно-боевых задач сотрудников спецподразделений	355
<i>Ю. В. Смирнова, Е. Г. Сайкина</i> Психорегуляции сотрудников спецподразделений в процессе занятий фитнесом с элементами психотехнологий.....	358
<i>А. А. Сомкин, О. В. Ляшенко</i> Технология организации и проведение круглых столов студентов на кафедре физического воспитания вуза творческого профиля.....	362
<i>Е. С. Сотников, Н. Е. Гуков, В. И. Муминов</i> Функциональное многоборье как средство подготовки спортсменов по атлетическим видам спорта.....	365
<i>И. Е. Устинов, Н. Н. Мальчевская, В. А. Богданова</i> Самоподготовка преподавателя к занятиям по баскетболу в нефизкультурном вузе.....	368
<i>О. Н. Федорова, Т. П. Елисеева, И. В. Лезошкина</i> Индивидуализация начального обучения в спортивном плавании на основе двигательной асимметрии занимающихся.....	371
<i>Е. Э. Червякова</i> Подготовка школьников к тестированию по нормам ГТО	376
<i>Н. А. Шумихин</i> Ретроспективный анализ спортивных результатов в прыжках на батуте и тенденции совершенствования экспертной оценки	380
Сведения об авторах.....	384

Современный мультикультурализм в контексте восприятия другого

Понятие «мультикультурализм» возникло в XX столетии. Оно отражает социальную тенденцию к объединению различных этносов в одном государстве при сохранении национальной идентичности всех членов общества. Мультикультурализм чаще понимается как политическая программа, государственная идеология. Жизнь в мультикультурном государстве предполагает сохранение культурных различий для разных народов.

Современный мультикультурализм характерен изучением проблем взаимодействия этносов как в пределах одного государства, так и на глобальном уровне. Различие культур – это вопрос не только трудностей коммуникации людей, и не только сложностей, связанных с социализацией и инкультурацией мигрантов. Различие культур – это вопрос взаимодействия стран, народов, политических систем на всех уровнях – от этико-политического, до научного обмена информацией. Например, в научной литературе можно найти высказывания о культурной войне между «силами постмодерна» и защитниками традиционной морали [2, с. 52]. Таким образом, социально-философский анализ мультикультурализма современного общества становится особенно актуальным в связи с возможными конфликтами на всех уровнях.

Проблема мультикультурализма – это проблема коммуникации различных людей, которая проявляется в психологическом, социальном, культурном аспектах. В философском аспекте мы можем проследить, каким образом происходит встреча сознания отдельного индивида с образом другого человека. Э. Гуссерль предлагает концепцию *интерсубъективного мира* – который конструируется в результате взаимодействия сообщества монад. Люди (мыслящие существа) понимаются как монады, которые Гуссерль трактует так же, как создатель этого термина Лейбниц – принципиально отделенные друг от друга субъекты, которые сообщаются посредством языка, органов чувств и других средств. Однако для Лейбница возможность коммуникации создается за счет «предустановленной гармонии», для Гуссерля – благодаря конструированию интерсубъективного мира – т. е. образа мира, созданного в результате деятельности сознания каждого индивида, средствами своего эго. «Мир культуры ориентированно дан по отношению к некоторому нулевому члену, или к личности. Я и моя культура исходно первичны здесь по отношению к любой чужой культуре» [3, с. 172].

Понятие интерсубъективного мира позволяет интерпретировать социальную природу сознания и то, каким образом происходит взаимодействие людей, как существ жизненного мира. Термин «жизненный мир» использует А. Шютц, с помощью которого он исследует способы восприятия людьми друг друга в «живом настоящем», которое одновременно для каждого участника взаимодействия, однако благодаря рефлексии, социальный актер знает о другом как бы больше, чем о себе самом. Рефлексия собственного действия относится не к настоящему (здесь и теперь), но к прошлому, т. е. невозможно в рефлексии знать что-либо о себе настоящем.

В интерсубъективности человек разделяет (соотносит) свой собственный мир с другими людьми, здесь формируется то, что можно назвать *социальностью* – бессознательное представление о том, что есть мир вокруг меня одновременно с убежденностью в реальности этого мира, причем окружающие люди являются гносеологическим гарантом «реальности» мира. В дополнение к пониманию интерсубъективности Гуссерля А. Шютц описывает социальный мир так же и как мир взаимодействия субъектов в повседневной жизни, в которой формируются смыслы и значения окружающего объективного мира. Это необходимо для того, чтобы сформировать типологические конструкции, благодаря которым человек ориентируется в социальном пространстве, получает возможность прогнозировать действия окружающих его людей. Мир, окружающий человека, является для него объектом, требующим смысловой интерпретации, эта интерпретация социальна по своей природе – мы постоянно конструируем мир смыслов и значений в непрерывной социальной коммуникации. «Свое знание социального мира, в той мере, в какой он в нем заинтересован, актер организует не в терминах какой-либо научной системы, а в терминах, релевантных своим действиям» [4, с. 193].

Социальные проблемы мультикультуральных обществ – это проблемы мирного сосуществования различных культур, в философском аспекте – это различные жизненные миры, которые взаимодействуют в пространстве культуры, в пространстве интерсубъективности. Возникает вопрос – возможно ли построение диалога, основанного на различных культурах, или всегда необходима третья культура, которая объединяет [возможно] конфликтующие социальные группы? Исходя из логики формирования интерсубъективного мира, построение третьей культуры, которая могла бы выполнять роль арбитра – невозможно. Восприятие иного социального объекта строится по дуальному принципу свой-чужой, не предполагающему нечто третье как реально присутствующее в моем собственном жизненном мире. Либо «третья» культура существует в пространстве «дополнительных смыслов», не имеющих укорененность в мире эго монадических индивидов.

Чужое является сознанию как нечто «определенно иное», оно всегда дано за пределами понимания. «Чужое» – это лишь знак, маркер, который скорее соответствует понятию *небытие* классической философии. «Не существует "определенного чужого", а существуют различные стили чуждости. Чуждость определяется, как сказал бы Гуссерль,okkaзионально, имея отношение к соответствующим здесь и теперь» [1, с. 123]. «Чужое» является сознанию не как человек, но как область отчуждения. Если мы мыслим зримый объект как человека, то это уже не есть нечто чужое, его можно скорее именовать «другое» – другой человек. «Чужое» воспринимается, скорее, как иная культура, как иной жизненный мир, как иные ценности. Если человек (или социальный субъект, например средство массовой информации) демонстрирует иные (чужие мне) ценности, то мое сознание начинает работу по преодолению разногласий. С точки зрения теории интенциональности, нет разницы, что является источником разногласия – нечто чужое, явленное как социальный объект, или нечто чужое во мне, явленное моему сознанию изнутри. Этим объясняются различные формы ксенофобии, выраженные в тотальном неприятии, например, других национальностей, нетрадиционных для данного государства – чужое врывается в сознание как бы изнутри.

Вопросы неприятия «иного» в философии рассматриваются с точки зрения возможности субъективного и объективного мира. Мы воспринимаем мир как нечто объективное (единое и одинаковое для всех), однако понимаем, что восприятие людей – разное. А. Щютц вводит понятие «биографическая детерминированная ситуация» – это некая социально-психологическая точка отсчета для каждого человека, его личная перспектива видения мира. Далее человек выбирает в окружающем мире лишь те смыслы и значения, которые релевантны (соответственны) его «биографической ситуации», т. е. его жизненным целям. При этом опыт в личной ситуации все же типичен с самого начала, и от личной активности каждого человека зависит понимание того, что есть индивидуальное, а что есть общее. Также каждый человек имеет свой собственный *значимый контекст*, который формирует собственные представления об окружающем мире людей. Первичные типы (образы) социального поведения человек принимает на уровне раннего опыта социализации, одновременно с опытом говорения на родном языке. Типизация социального поведения предполагает восприятие априорных социальных правил – взаимозаменяемость точек зрения и равноправие систем значимого контекста. Таким образом, строится общее, анонимное социальное знание, которое становится залогом единства (не-конфликтности) социума. Проблемы коммуникации этносов в мультикультурном мире связаны с различными системами типизации социального поведения и

типизации социальных смыслов и значений (ценностей). Потому один из наиболее эффективных способов устранения конфликтогенных факторов – это вовлечение во взаимное общение представителей разных этносов в наиболее раннем возрасте, в детских садах, школах, на детских площадках.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Мотив чужого. – Минск, 1999.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М.: Акад. проект, 2010.
3. Дерябина С. Р. Критика идей мультикультурализма в современном мире // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. – № 17, дек. – 2011.
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. – М.: Ин-т фонда обществ. мнения, 2003.

Мода на спорт. Традиции здорового образа жизни Санкт-Петербурга и Петербургской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Конец XIX – начало XX в. – период времени, когда в быт, повседневность, городскую культуру петербуржцев приходит спорт и становится излюбленным средством физического воспитания граждан. Несомненно, что в России с древнейших времен существовали традиции народных форм физического воспитания, военно-физического воспитания, телесной подготовки дворянства, но спорт в современном понимании – это продукт европейской культуры, и в Российскую империю он активно проникает на рубеже веков. И несмотря на колоссальные просторы Российской империи, спорт приходит к нам, по сути, через одно окно – через Санкт-Петербург и Петербургскую губернию. Именно в Санкт-Петербурге в конце XIX в. создались все предпосылки, необходимые для развития спортивного движения. Рассмотрим их. Это, во-первых, отношение к западной культуре, наличие большого количества иностранных граждан, проживающих на территории российской столицы. Люди западной ориентации (западники) стали пионерами спорта, его сторонниками. Вообще в российском обществе преобладали славянофилы, но не в Санкт-Петербурге, где еще со времен реформ Петра здесь формировалась и утверждалась прослойка российского общества, твердо ориентированная на Запад. Неслучайно и слово «спорт» в русском языке впервые появилось в Санкт-Петербурге.

Во-вторых, культурно-образовательный уровень столичной интеллигенции стал одним из факторов, способствовавших распространению прогрессивных идей в области физической культуры, хотя такая реакция интеллигенции на спорт, скорее была уникальна, нежели ожидаема.

Исследуя труды отечественных историков и философов, можно сделать однозначный вывод, что по своей сути спорт никак не вписывался в жизнь и традиции русской интеллигенции. Н.А. Бердяев отмечал, что «... интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми нравами и обычаями ...». Миропонимание, основа которого – сосредоточение на духовной сфере, отторгало спорт. Одна из причин заключалась в том, что в общественном сознании господствовало мнение о том, что «спорт – забава праздных людей», недостойная интеллигентного человека.

Однако в этом-то и заключается парадокс, именно представители интеллигенции сыграли значительную роль в развитии спортивного движения в Петербурге. В столице оказалась сосредоточена та

часть интеллектуалов, которая проявила интерес к новациям, интерес к телесному, в конечном итоге, интерес и тягу к физическому воспитанию и здоровому образу жизни как новому феномену социальной жизни России XX в.

Аргументированно, доступно и в то же время научно обоснованно врачи, педагоги, физиологи, писатели доводили до жителей столицы информацию о пользе физической культуры и спорта со страниц прессы, в материалах публичных лекций, даже личным примером.

В-третьих, материальные возможности представителей петербургской общественности сыграли немаловажную роль в становлении спорта. Во многом иницирующую роль в зарождении спорта сыграла аристократия. Из ее рядов выдвинулся ряд ярких фигур – меценатов и покровителей спорта. Очень часто представители высших аристократических кругов возглавляли спортивные общества, клубы, фактически содержали их. Спорт оказался в поле зрения деятельности меценатов наряду с искусством, культурой, образованием, медициной.

В-четвертых, следует отметить заинтересованность военных структур. Одним из толчков к пересмотру вопросов физического воспитания в России стало поражение в Крымской войне и, как следствие, военная реформа, сутью которой стал закон о всеобщей воинской повинности (1874) и существенное сокращение срока службы, вместо 20 лет – 6 лет; для лиц с высшим образованием – 6 месяцев; для лиц с начальным образованием – 4 года, что ставило перед Военным ведомством задачу поиска более эффективных форм и методов физической подготовки. Военные сразу же оценили спорт как эффективное средство физической подготовки самой армии.

Кроме перечисленных факторов, распространению идей спорта в немалой степени способствовали и первые спортивные журналы, появившиеся в 80–90-е гг.: «Охотник», «Велосипед», «Циклист», «Спортсмен», «Спорт» и др. Следует отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в Санкт-Петербурге издавалось в общей сложности 14 спортивных журналов.

Повлияли и климатические и географические факторы. В Петербурге с успехом одновременно стали развиваться и зимние, и летние виды спорта, что было нехарактерно для других европейских государств, где, как правило, это развитие происходило поочередно. Повлиял и тот факт, что именно в Санкт-Петербурге православная церковь не имела подавляющего влияния на образование и воспитание, как в других регионах России, и спорт как продукт протестантизма встречал минимум сопротивлений.

Вышеперечисленные факторы «привели» спорт в Санкт-Петербург и губернию, но для его развития нужна была поддержка. Зарождающаяся повсеместная любовь к спорту была поддержана с разных сторон, в том числе и со стороны императорского окружения. Было

традицией, когда великие князья, сам император становились официальными покровителями различных спортивных обществ, а некоторые и сами были серьезными спортсменами. Так, великий князь Дмитрий Павлович входил в состав сборной России по конному спорту и участвовал в V Олимпийских играх.

Сам Николай II относился к спорту с большим интересом. Играл в бадминтон, катался на лыжах, занимался яхт-спортом, с детства увлекался лаун-теннисом.

Особо заслуживает внимания вопрос финансовой поддержки молодого увлечения. В этой связи чрезвычайно интересен вопрос материально-технического оснащения спорта, в котором, что очень важно, не было ни одной «государственной копейки» – только средства владельцев и меценатов клубов. Рассмотрим некоторые примеры.

Одной из лучших была материально-техническая база в обществе «Маяк», имевшем великолепный зал, который был оснащен всем необходимым оборудованием для занятий гимнастикой и общей физической подготовкой. Проводя аналогии с современными спортивными сооружениями, можно констатировать, что не каждый современный зал обладает подобной комплектацией. Помимо этого, здесь впервые в России были установлены баскетбольные щиты и кольца.

В начале XX в. в Петербурге существенно увеличивается количество катков. Всего их было более трех десятков.

Одним из самых популярных спортивных сооружений в Петербурге становятся теннисные корты. Их наличие на территории загородной усадьбы свидетельствовало о богатстве и респектабельности их владельцев, увлечение в среде молодежи этой элегантно игрой распространялось повсеместно. В 1906 г. в Москве братьями Цыганковыми была открыта первая в России мастерская по изготовлению теннисных ракеток, в 1914 г. магазин Цыганковых появился и в Петербурге. Ракетками фирмы Цыганковых в начале XX в. играли победители и призеры Уимблдонских турниров.

Многочисленные архивные свидетельства, периодические издания, воспоминания современников отражают большую популярность велосипедного спорта. В конце XIX – начале XX в. в России насчитывалось до 25 представительств крупнейших зарубежных велосипедных фабрик и четырех российских производителей. Велосипедом не просто увлекались, велосипедом болели. К его покупке стремились в каждой семье. А прогулки на велосипеде по парковым зонам стали своеобразным семейным трендом начала XX в. Неслучайно именно велоспорт стал популярнее иных видов спорта среди женщин.

Существенным прогрессом в развитии велосипедного спорта стало строительство велотреков. В начале XX в. в Санкт-Петербурге и пригородах было отстроено в соответствии со всеми техническими требованиями четыре велотрека: в Царском Селе, на Крестовском

острове, сезонный деревянный трек в Михайловском манеже и циклодром в Сестрорецке. Сейчас в Санкт-Петербурге один велотрек, до 2008 г. не было ни одного, в Ленинградской области таких спортивных сооружений нет.

На Крестовском острове располагались лучшие легкоатлетические площадки, которые принадлежали Санкт-Петербургскому кружку любителей спорта.

Таким образом, несмотря на отсутствие государственного субсидирования, клубы не испытывали крупных финансовых затруднений и могли направлять свою деятельность не только на организацию спортивных мероприятий, но и на строительство спортивных сооружений.

Общества совмещали сугубо спортивную деятельность и просветительскую, для этого оборудовались библиотеки, читальни. Огромное значение их деятельность внесла в развитие вопросов физического воспитания школьников. До начала XX в. ситуация с физическим воспитанием в школах или, как принято было называть – гимнастикой, было плачевное. Ситуация изменилась на рубеже веков. Россия, переживающая экономический подъем, тратила на образование 22 % бюджета империи. Заметно возрастает интерес и к вопросам здоровья, физического развития, физического воспитания и образования школьников. В этом вопросе объединились усилия самых прогрессивных педагогов, врачей, спортивных деятелей того времени. Остройшей проблемой организации физического воспитания было отсутствие грамотных учителей. Первым, кто в России начал активно, настойчиво, системно, плодотворно решать проблему учительских кадров, был Петр Францевич Лесгафт. Результатом стало открытие Лесгафтовских курсов учительниц по физическому воспитанию. О проблеме учительских кадров многократно писали А.Д. Бутовский, В.В. Гориневский, В.Е. Игнатъев, Г.А. Дюперрон. Но звание преподавателя гимнастики по-прежнему, не являлось престижным. Вплоть до начала XX в. учителя гимнастики даже не были штатными преподавателями. Во многом изменить отношение помогло распространение спорта среди детей и подростков и деятельность спортивных обществ.

Одной из крупнейших организаций, занимающихся популяризацией идей здорового образа жизни среди учащейся молодежи в Петербурге, было «Общество содействия физическому развитию учащейся молодежи» (ОСФРУМ). Устав общества учрежден в ноябре 1907 г. Основной целью ОСФРУМа являлась организация игр в футбол, хоккей, лаун-теннис, лапту; упражнений по легкой атлетике; гимнастических упражнений и фехтования; зимнего спорта (лыжи, коньки); водного спорта (гребля, упражнения с парусами, плавание); прогулок.

Но, главное, в обществе зарождались основы теории школьного физического воспитания. На его собраниях заслушивались доклады на самые актуальные темы: о гигиене физического воспитания, совмещения спортивной и трудовой деятельности, о вопросах семейного воспитания.

Вопросам детского физического воспитания уделяло внимание и общество «Богатырь». В 1912 г. общество открыло курсы по гимнастике для детей, для них были введены льготные билеты в размере 3 р. за сезон. «Богатырь» брал на себя организацию и летнего отдыха детей: за счет общества детей вывозят в Лахту или специально построенный для этого Удельненский городок. Только за одно лето 1906 г., согласно отчетам общества, здесь побывало 25 тыс. детей.

В 1911 г. было открыто детское отделение общества «Маяк», проводились спортивные мероприятия для детей. Подобная деятельность стала характерной для большинства спортивных обществ.

Наконец, в 1915 г. в Петрограде опубликована «Записка о постановке физического воспитания в средней школе», где физическое воспитание вводилось как обязательный предмет во всех средних учебных заведениях. Делаем вывод, что немаловажную роль в данном явлении сыграла деятельность спортивной общественности, которая гораздо раньше, чем государственные структуры, заявила о необходимости внедрения физического воспитания среди подрастающего поколения, тем самым инициировав процесс.

Показательным фактом в плане популяризации физической культуры, спортивного досуга стало распространение спорта за пределы Санкт-Петербурга как в ближайших пригородах, так и в более отдаленных населенных пунктах Петербургской губернии. Можно выделить следующие направления: южное – Царское Село, Павловск, Гатчина, Вырица, Сиверская, Мшинская, Луга; юго-западное – Петергоф, Стрельна, Колпино; восточное, юго-восточное – Шлиссельбург, Тихвин; северное – Шувалово, Парголово, Удельное; северо-восточное направление – Зеленогорск, Сестрорецк.

Наличие физической культуры и спорта, спортивного досуга за пределами Санкт-Петербурга в первую очередь связано с дачной жизнью. Дачная жизнь – это определенный уклад, особые традиции. На лето столичные жители перемещали свои самые яркие моменты жизни в дачные пригороды. Выезды за город стали неотъемлемой частью досуга большей части петербуржцев. Столице, оглушенной грохотом тысяч колес по мостовым, задыхающейся от конского навоза, загазованности воздуха, противопоставлялась здоровая деревенская свежесть и тишина. Спорт оказался в числе тех культурных ценностей петербургских жителей, наряду с литературой, театром, охотой, живописью, которые на лето «переезжали на дачу». Это

явление подтверждает, что спорт стал устойчивой неотъемлемой частью образа жизни, повседневности, досуга жителей Петербурга.

Прежде всего спорт появился в частных владениях, в богатых усадьбах: теннисные корты, катки стали одним из признаков богатства хозяина. Не пренебрегали процессом совершенствования своей физической формы известнейшие лица столицы, выезжая за город. Ф.И. Шаляпин катался на коньках в усадьбе И.Е. Репина в Пенатах, А.И. Куприн обожал прогулки на велосипеде и купания, Д.И. Менделеев слыл как великолепный игрок в шахматы. Однако не только авторитет знаменитостей и мода внесли свой вклад в распространение спорта за пределами города. Активный отдых на природе всячески пропагандировали учредители и члены многочисленных обществ физического развития. Благодаря этому в конце XIX – начале XX в. во многих дачных местах стали появляться спортивные площадки, формироваться спортивные команды по различным видам спорта.

Окрестности Петербурга прославились в спортивной истории не только как пристанище развлечений физкультурного, двигательного характера, но и как места возникновения как минимум четырех популярнейших в настоящее время видов спорта.

Обилие водоемов в окрестностях Петербурга предопределило популярность водных видов спорта. На побережье Финского залива учреждались престижные яхт-клубы. Как и в самой столице, парусный спорт в пригородах в силу своей дороговизны имел достаточно ограниченный состав занимающихся, а вот в качестве более массового развлечения было купание, которое носило не только хаотичный характер, но и приобретало организационные формы. Интересно описание купален в Мартышкино: «В некоторых местах далеко от берега выносились большие купальни, к ним вели длинные мостики. Купальни были платными. Семья дачников покупала у владельцев сезонный билет, в среднем за 3 рубля. Существовало расписание мужских и женских часов». Особо были благоустроены Сестрорецкие пляжи, в Павловске и Царском Селе открыты курсы плавания. Интересный факт, что в купальнях Сестрорецкого курорта впервые продемонстрировали водное поло.

Однако родиной российского спортивного плавания считается пос. Шувалово. Здесь 27 июля 1908 г. доктором медицины и теоретиком спорта Песковым была открыта школа плавания, ставшая своеобразным центром спортивного плавания России.

А в 1888 г. в пос. Тярлево образовалась компания дачной молодежи, с увлечением занимавшаяся играми, велоспортом, футболом, плаванием, но охотнее всего бегом. Здесь возникла первая в России беговая дорожка. Организатором кружка и руководителем занятий был Петр Москвин, он и создал прекрасную школу легкоатлетов, прославившуюся на всю Россию.

Одним из крупнейших центров российского лыжного спорта стал поселок Парголово. 16 декабря 1897 г. здесь образуется общество «Полярная звезда». Одной из наиболее популярных форм работы в обществе была организация лыжных прогулок, на которые собиралось огромное количество дачников. Под покровительством этого же общества в соседних Юкках появились прыжки на лыжах с трамплина.

Однако это не единственные виды двигательной активности, которые получили популярность в пригородах столицы. Особой популярностью в дачных местностях пользовался футбол. Это был один из самых организованных видов спорта за пределами Санкт-Петербурга. Первые попытки интегрировать пригородное футбольное движение появились в 1909 г., но окончательно весь пригородный футбол был в 1912 г. объединен Г.А. Дюперроном, создавшим пригородный комитет футбол-лиги (этот год считается годом основания федерации футбола Ленинградской области). Дюперрон особо отмечал районы губернии, где развивался футбол. Лидером был Ораниенбаумский район, где насчитывалось 10 клубов. Хорошее развитие демонстрировали Невский, Приморский, Гатчинский, Варшавский районы. Самое большое количество команд наблюдалось в Гатчине и Луге, а самым отдалённым участником Петербургских футбольных соревнований был футбольный клуб из Тихвина, который мужественно преодолевал расстояния для участия в футбольных сражениях. Помимо футбола были популярны теннис, лёгкая атлетика, гимнастика, волейбол, известен баскетбол.

Используя разнообразные источники и архивные данные, нам удалось составить перечень 68 спортивных обществ, имевшихся за пределами Петербурга до 1917 г.

В деятельности пригородных обществ дореволюционного периода явно прослеживается отличительная черта – независимо от статуса организации, влияния его членов, богатства спортивного снаряжения, все они были под пристальным вниманием не только местной, но и столичной общественности. Об этом свидетельствуют многочисленные заметки в периодических спортивных изданиях, которые с неменьшим интересом и уважением относились к состязаниям в дачных поселках. Спортивный журнал любого масштаба считал своим долгом освещать спортивную жизнь провинции, что в настоящее время носит явно второстепенный характер. Из этого следует однозначный вывод, что распространение спорта за пределы столицы не только всячески приветствовалось спортивной общественностью столицы, но и во многом было инициировано ею.

КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В. С. Амочкина

Здоровье души

Говорить о здоровом образе жизни в современном обществе стало достаточно модно. Огромное количество статей в журналах сети Интернет, а также телевизионных программ объясняет человеку, как правильно питаться, работать, спать, чтобы сохранить или хотя бы поддержать свое физическое здоровье. Но очень мало рекомендаций по здоровью души и духа, если не брать в расчет опять же модные духовные практики, которые не всегда внушают доверие. Вспоминая поговорку о том, что «в здоровом теле, здоровый дух», хочется понять, что же означает здоровье духа. Стоит отметить, что речь здесь не идет о психических болезнях и нормах, к которым также применяют термины «душевное здоровье» или же «душевный недуг». В данном контексте подразумевается глубокое понимание и рефлексия личности исходя из своих внутренних принципов и стремлений, своих переживаний, идей и поступков как здоровое и полноценное бытие человеческой души. И с другой стороны, потребительское существование, целью которого является удовлетворение низменных инстинктов индивида, всего лишь наличествующее пребывание в человеческом теле без реализации своего потенциала.

Вопросом души и духа занимались в той или иной степени все философы, так как человек и далее общество невозможно без них. Аристотель определял душу как жизненное начало тела, движущее его и строящее как свое орудие. Поэтому в живых телах и обнаруживается в полной мере целесообразность природы. Также он разделял три рода души. Функции питания и размножения, имеющиеся у любого живого существа, образуют питательную, или растительную душу. Ощущение и передвижение, свойственные животным, образуют душу ощущающую или животную. Наконец, мышление осуществляется как деятельность разумной души – она принадлежит только человеку. Высшие души, свойственные только человеку, не могут существовать без низших, которые, в свою очередь, также присущи животным. Человека, как высшее существо, в природе отличает наличие разума, оно проявляет себя в прямохождении, наличии речи и рук как «органов труда».

Познание выступает деятельностью ощущающей и разумной души человека. По мнению Аристотеля, ощущение или восприятие – это изменение, которое производится воспринимаемым телом в

душе через тело воспринимающего. Общие качества предметов воспринимаются всеми чувствами, присущими человеку. Это «общее чувство» является особым образом организованным душевным действием, с помощью которого человек воспринимает реальность и все в ней находящееся во всем его многообразии. Безусловно, это восприятие может быть как истинным, так и ложным. Аристотель писал о том, что разум образует в себе формы предметов и тем самым обретает независимость от реальности. Творческий разум «создает» вещи в мыслях, обогащаясь духовно.

Платон добавляет в своем учении идею о бессмертии души и ее вечности, так же говорит о том, что душа разделена на части: разумную, благородную и неблагородную. Разумная часть – мыслящий дух, находящийся в голове. Благородная часть – энергия воли; она одарена влечением к благородному и доброму и по своей природе находится в союзе с разумом; она живет в груди. Неблагородная часть души, живущая в желудке, имеет своими качествами чувственные влечения и страсти. В человеческой душе образуется единство сознания, а это значит, что душа, имея свободную волю, сама решает, как ей мыслить и поступать. Способностью мыслить душу наделял и Декарт, ей же присущи воля и желания, эмоции. Душа соединена со всем телом, но в большей степени ее деятельность связана с мозгом, особенно с шишковидной железой. Душа может вызывать различные движения в этой железе. Соответственно, железа вызывает движение животных духов, таким образом, душа может вызывать произвольные движения тела, управляя им посредством сознания, присущего только человеку.

С точки зрения философов основным стремлением человеческой души является познавательная деятельность. Учение о душе Декарта вызвало сильную реакцию. Далее обсуждается философская система, в которой была предпринята попытка действительно творческого развития картезианской психологии – наряду с критикой ряда ее принципов. Речь идет о философии Дж. Локка, он является важной фигурой в истории учения о душе новоевропейской философии. Во многом он выступает продолжателем идей Декарта, имеющиеся же расхождения открывают области, где место достоверных утверждений занимают психологические гипотезы. Главный замысел Локка в его «Опыте о человеческом разумении» состоит в исследовании происхождения наших идей, или представлений. Очерчивание их источников позволяет установить границы возможного познания. Здесь также затрагивается область психологии человека. Дж. Локк приходит к выводу о том, что человеческая душа в начале жизненного пути является «чистым листом». Эта идея имела сильное влияние на педагогические идеи достаточно долгое время.

Свои исследования в области рациональной философии, хотя и не без влияния религии, проводил также Х. Вольф. Основной силой души, по его мнению, является способность представления мира соответственно положению человеческого тела в нем. Все тела взаимодействуют, но четко определить человек в состоянии лишь то, что находится в непосредственной близости. Разум строит свои предположения и умозаключения, исходя из ощущений того, что находится рядом с ним, что повлияло на него или на что повлиял сам человек при помощи своего разума. Из чего можно сделать вывод, что души посредством тел и их способностей, например к речи, определенным образом и с определенными целями влияют друг на друга. Вольф обсуждает парадокс: лишенное души тело может вести себя разумно. С этим ничего не поделаешь, надо только помнить, что у него все равно нет души, а значит, сознания, мышления и т.д. (хотя рассуждать это существо будет вполне осмысленно). Вольф рассматривает также различия человеческой и животных душ. Духом Вольф называет сущность, наделенную разумом и волей (человеческие души, тем самым, духи). Животные же – не духи. Они не употребляют слов. Значит, у них нет общих понятий. Нет общих понятий – нет рассудка и разума. Нет рассудка, значит нет воли, так как воля предполагает отчетливое представление предмета, на который она направлена.

Последняя обсуждаемая Вольфом в рациональной психологии тема – это бессмертие души. Философ различает понятия нетленности и бессмертия. Нетленно все, даже части материи. Но он не говорит, что они бессмертны. Бессмертие предполагает сознание тождества нас самих во времени. У животных нет такого сознания. Поэтому их души не бессмертны. В качестве аргумента в пользу сохранения такого сознания после смерти Вольф приводит довод о необходимости совершенствования души и о недостаточности нашей жизни для этого. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что философ писал о совершенствовании души вне конкретного тела и временного отрезка. Также о душе с точки зрения философской психологии говорил И. Кант, составив свою иерархию душевных сил, начиная от низшей способности чувствовать до высшей – разума. Он также говорил о сознательной и бессознательной частях души. В отличие от Фрейда, под бессознательным он понимал ту часть души человека, которая отвечает за первичную осмысленность. В своих лекциях по психологии И. Кант раскрывает понятие морального закона в человеке, который вызывает стремление души к прекрасному, божественному, что влечет за собой вознаграждение в виде надежды на бессмертие этой души и возможность существования свободы личности.

Основываясь на умозаключениях философов, можно дать определение души как некой нематериальной, возможно, бессмертной субстанции, состоящей из низменных, животных и высших, присущих

только человеку частей, влияющих на тело посредством разума, опирающейся на моральные законы и ценности, стремящейся к развитию и познанию. Выводы, к которым пришли философы, претерпевали изменения с течением времени, но все же и в современном мире остается открытым вопрос о здоровье души, как неотъемлемой части человеческой личности. К чему должна стремиться душа, чтобы положительно влиять на мысли и поступки человека в современном обществе?

Возвращаясь к мыслям Аристотеля, возможно предположить, что человек, обладая душой, разделенной на три составляющие, может жить, практически не используя потенциал души разумной, для удовлетворения своих низменных потребностей. Идя по пути наименьшего сопротивления и упрощения действительности человек может ставить перед собой исключительно материально-бытовые задачи, для решения которых не нужно «заглядывать вглубь себя», не всегда согласовывая свои действия с моральными законами души. Говоря о свободе воли каждого человека, остается вопрос, что же движет душой в ее «здоровом» состоянии? Платон отвечает на этот вопрос – любовь. Платоническая любовь, ведущая к познанию истины, осознанию высшей цели, пробуждающей стремление учиться, постигать, заменять низменные (животные) желания высшими стремлениями разума, поиском и созерцанием истины. Здоровье души является первичной задачей личности, именно от него зависит и здоровье физическое, хотя вполне возможно взаимное влияние.

Поддержание здорового состояния безусловно подразумевает постоянную работу мысли, напоминание себе о целях и задачах, поставленных личностью перед собой, правилах и законах морали, нравственности и совести, отступление от которых ведет к «болезни» души и духа. Таким образом, идя по пути постоянного контроля над собой, ориентируясь на моральные законы и не только собственные, но и общечеловеческие духовные ценности, человек идет по пути совершенствования и здоровья духа. И, принимая во внимание убежденность некоторых философов, этот путь души не ограничивается одной единственной жизнью, это вносит определенную ответственность в жизнь каждой личности.

Список литературы

1. Аристотель. О душе. – URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/arist/01.php
2. Гуревич П.С. Философская антропология. – Омега-л. М., 2010.
3. Декарт Р. Соч.: в 2 т. – М., 1989–1994. Т. 1. С. 78–100, 334–335, 348–349, 482–572; Т. 2. – С. 20–28, 58–72.
4. Канке В.А. Современная философия. – М.: Омега-Л., 2014.
5. Локк Дж. Соч.: в 3 т. – М., 1985–1988. Ч. 1–2 (Т. 1), 4 (Т. 2).
6. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0186d76cb86fa939e94e2d86>

Оборотень и оборотничество: перспективы культурфилософского исследования

В мифологии и фольклоре среди действующих персонажей зачастую встречается животное, а также существо – нечто среднее – «гибрид» животного и человека. Что же это за создание на самом деле? Какова его природа? Как его называть?

Существо, поставленное в центр рассуждений, волновало и волнует исследователей различных областей гуманитарного знания (фольклористов, культурологов, философов, увы, в меньшей степени). Так, Ю. Березкин видит в них «и не людей, и не животных, а скорее модели тех и других», подмечает их способность «мгновенно превращаться из животных в людей и обратно». Е.М. Мелетинский предложил называть их «первопредками» [1, с. 344–345]. Не только животные, но и растения, предметы играют большую роль в первобытной форме религии – тотемизме. Данное утверждение суть следствие интерпретации самого «тотема» как «названия и знака, герба клана, а также названия животного, которому клан оказывает специальный культ. Нет такого объекта, который не мог бы быть тотемом, однако наиболее распространенные (и по-видимому, древние) тотемами были животные» [6, с. 74].

Вера в связь людей и животных, в возможность смены облика, перехода друг в друга – важнейшая черта ранних культур. Человек-животное представляет собой первопредка как основы того или иного рода людей. Нередко первопредок обладал способностью к оборачиванию.

Кто же такой оборотень? Повстречавшись с данным вопросом, большинство современных людей актуализируют «типичный образ» огромного человекоподобного волка, звериные инстинкты которого преобладают над человеческими характеристиками, разумом. Воскрешение подобного представления во многом объясняется современным кинематографическим «тиражированием» образа «человек-волк».

Оборотень одновременно является главным антагонистом вампира, это замечание важно не только в отношении современной культуры, но и «фольклорного прошлого». Как свидетельствуют поверья, вампир может обращаться в различных животных. «Из могилы упыри (вампиры – А. Н.) могут выходить не только в человеческом облике, но и в виде кошки, или летучей мыши, или каком-либо ином» [7, с. 226]. Отметим, что широкий ряд персонажей фольклора наделен способностью изменять свой облик: ведьма, домовая, леший, черт и т. д. Оборотень есть некое существо, обладающее способностью

принимать облик «другого». «Оборотничество – способность принимать чужой облик» [3, с. 332].

Что же такое оборотничество? С.Ю. Неклюдов определяет понятие дважды, в широком и узком смысле. Если иметь в виду широкий смысл, то под оборотничеством понимаются «разные виды магического изменения внешнего вида, способностями к чему обладают многие персонажи "низшей" мифологии» [8, с. 7]. Здесь важно отметить, что «магическое изменение» указывает на особенность данных существ – владение магией. Определяя понятие в узком смысле, исследователь указывает на «временное, произвольное (чаще) или непроизвольное приобретение чужого инородного облика с последующим возвратом к своему первоначальному виду» [8, с. 9].

Зачастую образ волка приравнивается к образу оборотня, но данное обличье не является единственным. В Японии роль оборотня часто играют лисы, сверхъестественные характеристики которых не могут не поражать – необычайно острое зрение и слух, «умение читать» тайные мысли человека, способность принимать иной облик и др. [4, с. 87]. Еще более интересным является повествование Х.Л. Борхеса, представленное в «Книге вымышленных существ» – рассказ о «lobison» – оборотнях, образ которых распространен в мифологии Уругвая и Бразилии. Примечательны эти персонажи тем, что их «имя» отсылает к волку («lobison» в переводе с испанского – волк), но при этом представители указанной популяции в данных широтах не распространены. «Lobison» в таких условиях принимают облик других животных – свиньи или собаки [2, с. 75].

Как именуется оборотня славянская мифология? Фольклор называет оборотня волкодлаком, волколаком, вовкулаком (Е. Левкеевская, Л.Н. Виноградова, В.Н. Топоров, В.В. Иванов и т. д.). Такое номинативное разнообразие (разноименность) связано и с обширным территориальным расселением, проживанием славян и с широким, разнообразным их соседством (Литва, Сербия, Украина и т. д.), где оборотни одарены именами вукодлака, вилктака, волколака и т. д. Подобной логике аргументации следуют многие исследователи. Пример – «уравнивание» В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым «волкодлака», «волколака» из славянской мифологии и «вилктака» – из литовской мифологии [5, с. 195].

Почему же образ волка «преследует» нас при разговоре об оборотне? В.В. Сядро отмечает, что «если внимательно проанализировать старые предания, станет ясна некая закономерность: рассказы о бесчинствах загадочных существ появились в то время, когда волки, расплодившись, начали представлять собой реальную угрозу жизни людей» [9, с. 425]. Данное обстоятельство может быть указано в комплексе причин, приведших к выведению на «первый план» волка. Скорее всего, эта причина не просто не одна, но и не главная,

а обозначенная проблема (почему именно волк часто «играет роль» оборотня) нуждается в серьезном самостоятельном исследовании.

Волк – распространенный образ оборотня, зафиксированный мифологическими представлениями многих народов. При этом способностями к оборачиванию не лишены другие животные (медведь, кот, лисица и т.д.), а также предметы и человек. Определяя специфику «оборачивания» в той или иной культуре, следует обращать внимание на группу факторов: территориальное расположение народа (народности) как ареала бытования мифологических образов, фольклорной традиции; эволюцию мифологических (тотемных) представлений; смыслополагание самого «оборотничества» и «оборотня» в границах определенной культуры, конкретного временного отрезка и др.

Подведем итоги наших рассуждений: образ оборотня существует в большинстве культур, он активно «обыгрывается» и в современную эпоху, но в то же время данный мифологический персонаж нуждается в целенаправленном многоаспектном культурфилософском исследовании (классификация оборотней, механизм оборотничества и др.); в статье оборотничество интерпретируется как важная характеристика многих мифологических и фольклорных существ – способность менять обличье; широкое распространение оборотня в мифологических представлениях ранних этапов развития культуры во многом объясняется включенностью человека в природу, социокультурными функциями магии («магические» закономерности) и т.д.

Список литературы

1. Березкин Ю.Е. Из Старого в Новый Свет. Мифы народов мира – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 448 с.
2. Борхес Х. Л. Книга вымышленных существ / пер. Е. Лысенко. – СПб.: Азбука, 2004. – 384 с.
3. Виноградова Л.Н. Оборотничество // Славянская мифология: энцикл. слов. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 2014. – С. 332–333.
4. Дэвис Х. Мифы и легенды Японии / пер. с англ. О.Д. Сидорова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 379 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. Вилктаки // Мифы народов мира: энцикл. / гл. ред. Токарев С. А. – М.: Советская энциклопедия, 2008. – С. 195.
6. Кистенева О. А. и др. Тотемизм в истории народов // Журнал International scientific review. – Иваново: ООО «Олимп», 2016. – № 2 (12). – С. 74–78.
7. Левкиевская Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель; АСТ, 2007. – 526 с., ил.
8. Неклюдов С.Ю. Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: материалы междунар. конф. (Москва, РАН-ХиГС, 11–12 дек. 2015) / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. – М.: Дело, 2015. – С. 7–13.
9. Сядро В.В., Иовлева Т., Очкурова О. Оборотничество, или тайна полной луны / 100 знаменитых загадок природы. – Харьков: Фолио, 2008. – С. 425–427.

Вера, знание и «внутренняя гармония» личности

Одним из условий благополучного существования и деятельности человека в обществе является его «внутренняя гармония», душевное равновесие, залогом которого служит наличие у него целостного непротиворечивого мировоззрения. Поскольку последнее носит характер рационального убеждения и относится, как известно, к «области ведения» разума, ясно, что первостепенное значение для достижения «душевной гармонии» должно иметь налаживание единства и стройности именно в интеллектуальной сфере. И здесь двумя противоположными областями мысли, согласование между которыми оказывается необходимым, предстают вера субъекта и его знание.

То, что знание является существенной и даже главной составляющей интеллектуальной сферы бытия человека, пожалуй, ни у кого не вызовет несогласия. На совокупности того, что субъект знает (или считает, что знает), он старается основывать все свои мысли и действия. Можно сказать, что знание личности – это и есть содержание её сознания, мышления в собственном смысле слова.

Другую неотъемлемую область интеллектуального мира человека составляет вера¹. Может подумать, что разговор о вере в данном аспекте будет иметь актуальность, лишь если мы говорим о религиозной личности, однако на самом деле для любого человека вера необходима так же, как и знание. По меткому определению П. А. Бакунина, «верить – значит утверждать всем существом своим то, что принимается за действительную и несомненную истину» [2, с. 5]. Поскольку же для любого человека существует нечто, что он принимает за действительную и несомненную истину, то можно сказать, что в этом смысле ни один человек не может жить без веры. Если же мы вспомним «перекликающуюся» с данным определением веры дефиницию религии, предложенную П. Тиллихом: «религия – это состояние захваченности предельным интересом, который делает все остальные интересы предварительными и содержит в себе ответ на вопрос о смысле жизни» [13, с. 398], то получится, что психологической потребностью каждого человека, независимо от его убеждений, является не просто вера, но, в каком-то смысле, религиозная вера.

¹ Понятие веры, конечно, имеет и внерациональный аспект, но мы в рамках данной статьи не будем его затрагивать.

А так как то, что субъект считает истиной, как правило, не покрывается его знанием¹, то можно говорить о двух одинаково необходимых элементах интеллектуального мира личности: знании и вере. Притом совершенно ясно, что это вовсе не относится только к религиозной личности. На самом деле, говоря хотя и несколько упрощённо, всё же можно сказать так: религиозные люди верят, что Бог существует, атеисты – что Бога нет, агностики – что нет достаточных доказательств для окончательного вывода, а индефферентные – что подобные проблемы не имеют никакого значения.

Итак, можно констатировать, что как вера, так и знание являются необходимыми «слоями» интеллектуального бытия любого человека. Поэтому насущной потребностью любого человека является, в видах достижения «внутренней цельности» и душевного равновесия, нахождение между этими «слоями» некоего единства, «гармонии».

Но почему же мы не вправе сказать, что такая «гармония» уже изначально присутствует в сознании – ведь нельзя отрицать, что каждый основывает свою веру на каких-то «началах», если не рационально-логических, то значимых в субъективном смысле слова? Дело в том, что существенным препятствием для достижения «гармонии» часто оказывается такая вещь, как сомнение.

Проблема сомнения в истинах веры является одной из самых «больных» тем для, в особенности, религиозного сознания. Ведь обычно считается, что вера не требует доказательств, между тем как вера, если она «зиждется на самой себе» [10, с. 105], не может быть устойчивой – она неизбежно вызывает в сознании самого же верующего множество «коварных вопросов» по поводу оснований её истинности и оказывается перед ними безоружна. Поэтому существенным для религиозной философии является преодоление сомнений в вере. Далее мы рассмотрим этот вопрос на примере религиозной веры в христианстве, так как здесь мы можем найти в истории философии достаточно подробное рассмотрение данного затруднения. И здесь прежде всего надлежит отметить, что для устранения сомнений в истинах веры христианскими церковными деятелями и мыслителями предлагалось два основных способа.

Первый из возможных способов нейтрализации сомнений в вере – их подавление усилием воли. Такой вариант борьбы с сомнениями предлагает, в частности, митр. Вениамин (Федченков) [14, с. 313–328]. Ясно, однако, что это отнюдь не решение проблемы, а лишь загнание её ещё глубже. Как справедливо замечает Р. М. Грановская, «голос интеллекта тих, зато не смолкнет, пока его не услышат» [4, с. 13]. Насильственное подавление этого голоса не приведёт ни к

¹ Например, далеко не всякий, кто считает себя православным, может сказать, что он строго знает и может доказать всё то, что утверждает вероучение православия.

чему хорошему. Человек, не убеждённый разумом в тех истинах, которые для него дороги, и считающий к тому же поиск возможности такого убеждения чем-то недозволенным, запретным, обречён жить в состоянии постоянного внутриличностного конфликта, раздвоения, противоречия, разлада с самим собой. Поэтому данный способ «преодоления» сомнений в истинах религиозной веры должен быть признан не только «неконструктивным», но и опасным для душевного здоровья.

Но есть и другой путь преодоления сомнений в вере, идя которым, человек может стать по-настоящему от них свободным. Это – путь рационального познания субъектом тех положений, в которые он верит. Формальная логика ясно говорит о следующем: сомнения могут отсутствовать только там, где наличествуют доказательства. Поэтому и в религии лишь те положения могут быть свободны от сомнений, которые строго подтверждены логическими доводами. Только таким образом может быть достигнута «гармония» между его верой человека и его знанием¹.

Возможно ли, однако, для христианина достижение такой «гармонии» между рациональностью и верой? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего обратиться к истории философии. Если найдётся хотя бы один христианский мыслитель, которому удалось последовательно соединить в своём учении строгую рациональность со столь же строгой религиозной ортодоксальностью, то уже можно утверждать, что такое соединение является оправданным и возможным. Обращение же к истории человеческой мысли даёт нам не одного, а целый ряд таких философов. Прежде всего здесь могут быть названы христианские богословы Климент Александрийский, Августин Блаженный, «вселенский учитель» Восточной церкви Василий Великий; впоследствии – Иоанн Дамаскин. Все эти отцы и учителя Церкви признавали именно ум, мышление в качестве верховного критерия истины [6, с. 250; 1, с. 266; 12, с. 32] и при этом все они известны как представители строгого православия. В России первыми из таких

¹ Необходимость такой «гармонии» признаётся и в самом христианстве. Христианин обязан стремиться к рациональному постижению истин веры хотя бы уже потому, что ему даны заповеди – быть готовым дать ответ всякому вопрошающему о его вере (1 Пет. 3, 15) и увещевать делающих зло (Иез. 3, 18-21). Исследователь конца XIX в. А. Струнников в своём фундаментальном исследовании по проблеме веры и знания в православии пришёл к выводу, что вера, какой она должна быть по учению Писания – это «вполне свободное разумно-сознательное принятие учения Христова на основании убеждения в его истинности [11, с. 171]. Современный православный писатель Г. Михайлов сравнивает христианское мировоззрение со «стержнем личности», а пробелы в его объяснении и обосновании – с искривлениями и изломами этого «стержня», которые «уродуют душу» [8, с. 27].

философов могут быть названы Климент Смолятич и Кирилл Туровский, впоследствии – славянофил И. В. Киреевский и, наконец, выдающиеся представители русской религиозно-философской мысли конца XIX в. – Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев и В. Д. Кудрявцев-Платонов. Мы ограничимся рассмотрением идей трёх последних, наиболее близких к нам по времени из этих мыслителей.

Б. Н. Чичерин, говоря о психологической важности рационального познания положений религии, подчёркивает следующее: только к вере, основанной на знании, «чувство может прилепиться всею силой стремления, исходящего из глубочайших потребностей души» [15, с. 28]. Даже религиозное чувство, согласно мыслителю, «по самой своей природе есть чувство, проникнутое разумом» [15, с. 193]. Лишь постигнув разумом всю действительность величия жертвы Христа, можно возлюбить Его, как предписывает заповедь Евангелия (Мф. 22, 37). Поэтому можно сказать, что рациональное, философское мышление «приготавливает человека к более полному религиозному общению с Богом, ибо полнота общения зависит от полноты понимания» [15, с. 206].

Важность разумного обоснования истин веры для внутренней интеллектуальной цельности личности признаёт и К. П. Победоносцев. Говоря о религиозной вере, он понимает её как «веру в действительное, в существующее, в то, что сказывается душе... реальной истиной» [9, с. 353]. Вера в то, в истинности чего невозможно разумно удостовериться, есть, таким образом, не более чем жалкий обман. Спокойную убеждённость в том, что основано на разуме, мыслитель противопоставляет «слепому фанатизму» иррациональной веры по принципу «*credo, quia absurdum*» [9, с. 177–178].

В. Д. Кудрявцев-Платонов также говорит о важности разумного понимания догматов веры для обретения личностью «душевной гармонии». Хотя непосредственная, т. е. не опирающаяся на рациональные доводы, вера, при известной степени её развития, может даже компенсировать недостаток «религиозного знания», но именно поэтому для того, у кого она неразвита, может иметь неустрашимое значение постижение истин веры посредством разума, философии [7, с. 114]. Такое постижение для человека ценно тем, что его результатом является твёрдое и сознательное религиозное убеждение, уже недоступное для колебания и сомнений [7, с. 115].

Все три названных философа приводили и конкретные доказательства в защиту положений христианской веры. Так, у Б. Н. Чичерина этим доказательствам отведено значительное место в его главном философском труде «Наука и религия»; В. Д. Кудрявцев-Платонов, опровергая скептицизм И. Канта, приводил рациональные доводы в защиту догматов о Боге, свободе и бессмертии; К. П. Победо-

носцев, исходя из библейского определения божества как абсолютного бытия, «Сущего» (Исх. 3, 14) признавал, что человеческому разуму «некуда деваться» от идеи о Боге. О каждом из этих мыслителей можно утверждать, что они не только отстаивали необходимость «гармонии» веры и знания для внутренней интеллектуальной «гармонии» личности, но и продемонстрировали на примере конкретных положений веры возможность этой «гармонии». По меньшей мере такой главнейший догмат христианства, как бытие Бога, всеми ими защищается как удостоверяемая разумом истина.

Итак, в истории философии, а именно у русских религиозных мыслителей конца XIX в., мы находим обоснование исключительной психологической важности (и теоретической возможности) «гармонии» между верой и знанием в христианстве, и можно сказать, что их идеи не утратили своего значения и сегодня, в XXI в.

Впрочем, в XXI в. некоторыми исследователями выдвигаются и новые доводы в защиту мнения о принципиальном различии, несовместимости между верой и знанием, имеющей будто бы основание в самой структуре человеческой психики. Так, Г. Г. Ершова и П. Ю. Черносвитов связывают «расхождение» между религиозной верой и научным знанием с известным явлением асимметричности функций полушарий головного мозга человека. При этом знание данные авторы связывают с деятельностью левого полушария, «ответственного» за логическое мышление, а веру – с деятельностью правого, «ведущего» такими сферами, как интуиция, воображение, творчество [5, с. 341–342]. Между тем представляется, что, даже если такое соотнесение и верно, то лишь отчасти, поскольку вера, по Библии, – это «уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1); отсюда её предметы являются ни в коем случае не зрительными (или какими-либо другими) образами, доступными интуиции или воображению, а, напротив, не будучи таковыми, составляют предмет чистого интеллектуального умознания (так, по крайней мере, обстоит дело в христианстве). Кроме того, необходимо подчеркнуть, что, даже если вера и знание связаны с деятельностью различных полушарий мозга, это ни в коем случае не отменяет необходимости поиска их «гармонии» – ведь, в конечном счёте, оба полушария принадлежат одному человеку и их различные функции относятся к деятельности одного и того же сознания.

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что «гармония» веры и знания является необходимым условием, без которого невозможны интеллектуальная целостность, внутренняя уравновешенность и спокойствие и, в конечном итоге, душевное здоровье личности.

Список литературы

1. Аврелий Августин. Энхиридион, или о вере, надежде и любви. – К., 1996.
2. Бакунин П. А. Основы веры и знания. – СПб., 1886.
3. Библия. – М., 1979.
4. Грановская Р. М. Психология веры. – СПб., 2010.
5. Ершова Г. Г., Черносветов П. Ю. Наука и религия: новый симбиоз? – СПб., 2003.
6. Климент Александрийский. Строматы. Кн. 6–7. – СПб., 2003.
7. Кудрявцев-Платонов В. Д. Сочинения. Т. 1. Исследования и статьи по введению в философию и по гносеологии. Вып. 1. – Серг. Посад, 1893.
8. Михайлов Г. Наша душа. Онтология психической реальности. – СПб., 2005.
9. Победоносцев К. П. Сочинения / вступ. ст., коммент. и сост. А. И. Пешкова. – СПб., 1996.
10. Спирын И. В. Единство веры и науки в развитии знаний // Знание и вера (Вторые Хайкинские чтения): материалы междунар. науч. конф. 20–21 нояб. 2009 г. – Тамбов, 2010. – С. 102–106.
11. Струнников А. Вера как уверенность по учению Православия. Исследование по вопросу об отношении веры и знания. Ч. 1. – Самара, 1887.
12. Струнников А. Вера как уверенность по учению Православия. Исследование по вопросу об отношении веры и знания. Ч. 2. – Самара, 1887.
13. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М., 1995.
14. Федченков В., митр. О вере, неверии и сомнении. – М., 2002.
15. Чичерин Б. Н. Наука и религия. – М., 1999.

А. А. Боедов

О роли ценностей в формировании здорового образа жизни

В российской культуре представление о здоровом образе жизни традиционно было связано не только с телесным благополучием, но и с духовным. Здоровье духа и тела неразрывно соединялись в общественном сознании, формируя цельный образ жизненной гармонии. Информация на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики о здравоохранении в России свидетельствует о критически высоком уровне заболеваемости и смертности россиян, прежде всего в связи с широким распространением алкогольной, табачной и наркотической зависимостей, инфекционных и неинфекционных болезней, убийств и самоубийств, сокращением продолжительности жизни и преобладанием смертности над рождаемостью. Многие ученые, исследуя причины массового неблагополучия в сфере народного здоровья, объясняют их значительными нарушениями в области здоровья духовного. Так, Ф.Г. Углов, академик РАМН, описывает тесную взаимосвязь духовно - нравственной деградации в обществе с количеством людей, употребляющих легальные и нелегальные наркотические вещества [1, с. 38–39].

Кризис духовного пространства российского общества имеет определенное отношение к последствиям репрессивной практики господствовавшего в прошлом веке политического режима, но и в настоящее время, после состоявшихся реформ, можно наблюдать аморальное поведение, насилие, коррупцию, жестокость, безответственность.

Тревожный уровень преступности, по мнению многих исследователей [1, с. 219–223], объясняется уровнем наркотизации общества, в том числе легальными наркотическими веществами – алкоголем и табаком. Особую тревогу у аналитиков вызывает женский и детский наркотизм. Величина общественной девиантности показывает наличие в обществе проблемы формирования ценностного отношения к здоровью, что влечет за собой неспособность конкретного индивида бережно относиться не только к другим людям и окружающей среде, но и к самому себе.

Очевидно, что кризис индивидуального и популяционного здоровья связан с духовно-нравственными, культурными и экологическими кризисными явлениями.

Важнейшим фактором, фиксирующим отношение человека к здоровью, являются ценностные установки, которые благодаря воспитанию и культуре формируются в сознании человека с детского возраста (семья, дошкольные и школьные учреждения) и развиваются в обществе, подвергаясь влиянию значимого окружения и средств массовой информации. Соответственно, подготовить человека к самостоятельной заботе о собственном здоровье, стимулировать выбор ответственного отношения к образу жизни невозможно без разработки последовательной, целенаправленной, системной программы по формированию отношения к здоровью как важной жизненной ценности. Решающую роль в процессе выработки первых представлений, связанных с отношением к собственному здоровью, играют семья и общественно-культурная среда.

Транслируемые обществом негативные программы способны стать причиной формирования ложных установок по отношению к собственному здоровью в детстве, что впоследствии влечет к небрежному обращению со здоровьем. Специфика влияния на отношение населения к здоровью средств массовой информации в целом характеризуется отрицательным воздействием, так как механизмы пропаганды и убеждения нередко направлены на формирование ложных установок в сознание человека, которые провоцируют его на нездоровое поведение. В эффективной практике оздоровления, с неизбежным разрушением ложных взглядов, с заменой ложных ценностей на систему подлинных ценностей, избавляющих человека от вредных привычек и опасных, разрушающих здоровье стереотипов

поведения, оправдано обращение к философии. Очевидна потребность сосредоточиться на создании рефлексивного отношения индивидуума к собственному телу.

Мыслители различных эпох указывали на гармонизирующее влияние высокой культуры на формирование ценностного отношения к здоровью. В этой связи культуру можно рассматривать как сложноорганизованный набор надбиологических программ жизнедеятельности общества, в соответствии с которыми изменяется направленность различных видов деятельности, поведения и общения. Российская культура в своем пространстве сочетает сложное переплетение концепций здоровья, испытывая влияние как восточных, так и западных парадигм.

В различные эпохи проблема соотношения духовного и телесного в человеке решалась своеобразно. Так, в античной Элладе получил распространение культ физического здоровья и всесторонне развитого, пластичного тела.

В свою очередь, в монотеистических религиях, прежде всего в христианстве, важнейшее значение приобретает принцип веры, как в мировоззренческих вопросах, так и в отношении путей обретения духовного и физического здоровья. Можно говорить, что духовная культура оказывает влияние не только на мировоззрение и психологию общества, но и формирует определенный образ жизни. Необходимо также отметить, что в различных интерпретациях религиозного верования могли происходить ситуации игнорирования телесных потребностей человека, в том числе способные нарушить его телесное здоровье.

В настоящее время обществом вполне осознана необходимость полноценного изучения влияния на формирование здоровья человека не только духовных, но и экологических, социальных, психологических и биологических факторов [2, с. 3–17].

Для понимания национального здоровья как явления важное значение имеют социальные связи, здоровье рассматривается в его зависимости от социальной среды. В представлениях жителей России можно обнаружить сочетание античных и христианских идей, связанных с темой индивидуальной ответственности за состояние собственных души и тела, но нередко особое значение в деле обретения здоровья получает какая-либо внешняя влиятельная инстанция – знахарь, священнослужитель, ученый и др.

Невысокую популярность идеи самоценности здоровья в нашей стране можно объяснить длительным проживанием в условиях общинных отношений. В советский период социальные условия нередко препятствовали самоопределению и не всегда способствовали раскрытию личностного потенциала. Нередко необходимость адапта-

ции в обществе заставляла подавлять глубинные потребности и отказываться от личностного своеобразия. Наличие подобных противоречий могло приводить либо к протесту и бунту, либо к искажениям человеческой природы (наркотизм, психосоматические заболевания, преступность и др.).

В настоящее время в обществе активно изучаются социальные аспекты здоровья, что свидетельствует об актуальности проблемы. В рамках исследований особое значение имеет существующее противоречие между прогрессирующим ухудшением состояния здоровья населения, связанным с преобладанием негативных сценариев самосохранительного поведения, и потребностью общества в изменении отношения к собственному здоровью на уровне общественного и индивидуального сознания.

Сформировавшиеся в отношении здоровья национальные традиции, вырабатывая собственные пути, ограничены узким представлением о мире и человеке, о предмете здоровья и методах его обретения. В российской культуре тема здоровья перекликается с общечеловеческими ценностями. Последние могут быть как утилитарными (пища, жилье и пр.), так и духовными. Цели человеческой деятельности определяются утилитарными ценностями, а смысл ее – духовными ценностями. В период реформ после развала СССР и с переходом к рыночным отношениям в общественном сознании произошла переоценка ценностей: гонка за утилитарными ценностями многих россиян привела к деградации здоровья, утрате смысла жизни.

С падением нравственности нередко связывают демографические проблемы в России. Высокий уровень детского и женского алкоголизма вызывает тревогу за судьбу будущих поколений. Буквально до середины прошлого столетия большинство женщин были абсолютно трезвый образ жизни, употреблять алкогольные изделия было «стыдно, грешно». Будет уместно привести слова Б. Малиновского, который говорил, что уничтожение традиции лишает общественный организм его защитного покрова и обрекает его на медленный, неизбежный процесс вымирания.

В настоящее время печальные последствия деформации социокультурного стереотипа можно наблюдать в виде рождения больных детей и увеличении детской смертности, вырождении нации. Общественная роль будущих мам, с детства усвоивших миф о возможности «культурного питья» и безопасного употребления алкогольных изделий, оказалась весьма разрушительна.

Вытеснение из жизни этических норм, утрата художественного вкуса, легализация сквернословия – свидетельство духовной деградации. Возрождение подлинной культуры способно положить предел демографическому кризису.

Попытки искусственно перенести в российские условия традиции народов Западной Европы принесли мало пользы. Подражая поведенческим стереотипам и этическим эталонам западноевропейской культуры, многие россияне стали более прагматичными, дистанцированными, приобщились к более формальным отношениям.

Духовная пустота, ощущение бесперспективности существования, слом системы ценностей у значительной части общества показывает необходимость формирования адекватной ситуации мировоззрения. Очевидно, что благополучие и процветание страны недостижимо без идеи, связывающей вечные ценности и духовные традиции России.

Эффективное решение проблемы демографического кризиса не может ограничиваться только улучшением состояния здоровья населения, продлением долголетия, социальной защитой, поскольку принципиальное значение имеет учет специфически-ценностных ориентаций в различных культурных парадигмах по отношению к жизни и смерти, юному и преклонному возрастам, этнокультурным и религиозным традициям. Важнейший потенциал для преодоления демографического кризиса в нашей стране содержится в российской духовной традиции, основанной на соборности, братстве, коллективизме, взаимопомощи и возрастании духовного богатства личности и общества.

Отечественную философскую мысль можно охарактеризовать безусловным приоритетом духовного начала по отношению к телесному. В выдающихся произведениях русской литературы не было пропаганды потребительства, в то же время проблема «маленького человека» с его общественным и душевным благополучием очень часто появлялась в фокусе внимания.

Очевидно, что как в средствах массовой информации, так и в научной литературе человеческая культура прежде всего отождествляется с духовным и интеллектуальным пространством личности. Качества тела, плоти рассматриваются в лучшем случае с нейтральной стороны в связи с культурной средой обитания человека. Оценка телесной стороны жизни во многом зависит от принятых в определенном обществе норм.

В русской философии проблема культуры разрабатывалась на основе православно-религиозной методологии, имела собственную специфику, отличную от западноевропейской. Если на Западе исследователи решали проблему «оправдания» культуры, то российские философы соединяли цель культуры с эсхатологической перспективой, рассматривая значение культуры в сотериологическом аспекте. Православное миропонимание видело в культуре иерархию духовных ценностей, предназначение которой состояло в духовно-нравственном возрождении человека. На Западе культура трактовалась

как феномен различных видов человеческой субъективности. Ценности культуры рассматривались без элемента противопоставления – духовное и материальное, возвышенное и утилитарное сочеталось в единое целое. [3, с. 145].

Формирование отечественной парадигмы здоровья складывалось под влиянием феномена «богатырства». Образ русского богатыря формировался под влиянием народных преданий, былин. Эпическое воспевание богатырской силы было не только проявлением исторической памяти, но и своеобразным этическим кодексом. Знаменитый богатырь Илья Муромец с детского возраста имел ограниченные физические возможности, был парализован, но в зрелом возрасте прославился своей воинской службой князю и народу, совершив многочисленные подвиги. Феномен «богатырства» оказал существенное положительное влияние на формирование локальной парадигмы.

Очевидно, что ценности общества, связанные с определением смысла жизни, исповеданием веры (религиозной или нерелигиозной), альтруизм или эгоизм, ценности индивидуализма и общинности в совокупности оказывают существенное влияние на отношение человека к здоровому образу жизни, что, в свою очередь, влияет на состояние здоровья членов этого общества.

Эпоха Ренессанса возродила к жизни эстетизацию чувственного начала, связанного с женской телесностью. В православной традиции женская красота воспринималась в сочетании с идеально-функциональным представлением: важнейшее предназначение женщины – быть супругой и матерью, хранительницей семейного очага. Красота духа и души имела первостепенное значение, что непременно находило воплощение в красоте тела, благолепии.

Периодически эталоны красоты и здоровья целенаправленно программируются под запросы конкретного общества или общественного слоя. Так, показательна лекция известного идеолога пролетарской культуры А.В. Луначарского «Воспитание нового человека»: «Часто идут споры о том, каким будет новый тип женщины. Нет сомнения в том, что так называемая женственность уже уходит в прошлое. Ей необходима такая же закалка, как и мужчине. Поэтому ее нужно развивать в этом направлении» [4, с. 41–42]. Плоды подобного потребительского отношения к телесности человека страна ощущает до сих пор. Когда женщина востребована обществом не как мать и хранительница семейного очага, на передний план выходят роли труженицы, научной, культурной, общественно-политической деятельницы. Очевидно, что в таком аспекте для эффективного выполнения женщиной многообразных общественных ролей институт семьи нуждается в существенной поддержке государства.

Полноценное понятие о здоровье подразумевает его духовную сторону. В отечественной культурной традиции существуют конкретные нравственные категории – совесть, сострадание, стыд, жертвенность, благоговение перед святыней, представляющие собой эмоционально-нравственные установки тех, кто относит себя к национальной культуре. Эмоции имеют важное значение в жизнедеятельности человека, а психологические установки оказывают влияние через подсознание.

Феномен духовности и соборности приобрел особую значимость в российской истории. Отечественная цивилизационная парадигма не отвергает «примирения» восточных и западных культурных традиций, сочетание научно-технических достижений и социального устройства народов Запада и духовно-нравственных ценностей народов Востока [5, с. 432]. Для русской этической мысли характерно принципиальное утверждение самоценности жизни, ее нравственное освещение как основной ценности, исполненной высокого смысла.

Почва культуры с совокупностью ее ценностей, значений и норм позволяет осуществить общественное взаимодействие. По мнению П.Сорокина, без культуры не могут существовать полноценные социальные индивиды, а лишь просто «биофизические явления». Именно культурное содержание – духовно-нравственное и эмоционально-волевое начало позволяет уйти от представления о здоровье индивида и целой нации как о простых «биофизических свойствах носителей». Ценности культуры являются в этом случае важнейшим элементом структуры здоровья и фактором его формирования, сбережения, развития [6, с. 530].

Рациональное отношение к проблеме предполагает рассмотрение вопроса о здоровье человека и здоровом образе жизни в связи с представлением о целостном единстве тела, души и духа, с адекватной иерархией природно-материальных и духовно-нравственных ценностей. Современная аксиология категорию здоровья относит к объектам философско-методологического исследования. Феномен же неразвитости ценностного сознания можно отнести к важнейшим признакам культурного кризиса и самого общества. Решение проблемы возможно при разумном сочетании общечеловеческого и национального опыта.

Очевидно существование противоречия между осознанием обществом ценности здоровья и отсутствием у части общества желания практически ориентироваться на эту ценность. От одного поколения к другому транслируется образ жизни, часто губительный для здоровья. Необходимость гармонизации здоровья человека и общества предполагает преодоление этого явления. В этой связи современный российский социум нуждается в системном формировании отношения к здоровью как жизненной, общественной и духовной ценности.

Список литературы

1. Углов Ф.Г. Правда и ложь о разрешенных наркотиках: алкоголе и табаке. – М.: «Человек, семья, общество», 2014.
2. Киселев Г.С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. – 2006. – № 6.
3. Рогова А.В. Экологическая проблема в русле идей воспитания человека культуры отечественной философско-педагогической мысли второй половины XIX – первой половины XX веков // Вестн. Бурятского гос ун-та. Сер. 7: Педагогика. – Вып. 11. – Улан-Уде, БГУ, 2004.
4. Луначарский А.В. Воспитание нового человека: стенограмма лекции 05.28. – М., 1928.
5. Петрушин В.И., Петрушина Н.В. Валеология: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2003.
6. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политиздат, 1992.

Г. А. Касьянов

Трансформация представлений о «здоровом образе жизни» в восприятии молодых поколений городского населения России

Многочисленным понятиям, активно функционирующим в быденном и научном языках, выполняющим ряд изменяющихся речевых функций, со временем неизбежно приходится претерпевать и заметную смысловую трансформацию. Так обстоит дело со всеми понятиями социогуманитарных дисциплин, что развёрнуто продемонстрировал М. Фуко в «Археологии знания» [11]. Не представляет исключения и такое простое, на первый взгляд, и понятное каждому слово, как «здоровье».

В толковом словаре В.И. Даля мы можем прочесть, что здоровье это «...состоянье животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке» [3]. Формулировка Даля предполагает существование строго определённого, самой природой заданного «порядка» «жизненных отправлений». Здоровьем, следовательно, должно считаться соответствие между наблюдаемыми физиологическими параметрами функционирования организма и нормальными показателями этих параметров, определёнными медициной. Это определение можно назвать классическим, физиолого-натуралистическим. Социальный и психологический аспекты здоровья полностью игнорируются, точнее просто не предполагаются, как необходимые для его комплексного понимания. Аналогичное определение здоровья мы находим и в толковом словаре Д.Н. Ушакова: «Здоровье – нормальное состояние правильно функционирующего, неповрежденного организма» [10].

Не будем удивляться односторонности приведённых определений. Ведь речь идёт о справочных изданиях, впервые опубликован-

ных в периоды с 1863 по 1866 и с 1935 по 1940 годы. Уровень развития и популяризации психологических знаний, профессиональное наблюдение за состоянием психического здоровья, навыки его целенаправленного поддержания и воспроизводства ещё не были достаточно развиты. Недоставало понимания социальных факторов, этому воспроизводству способствующих. Именно поэтому все перечисленные выше социопсихологические аспекты здоровья как понятия не могли найти отражение в справочной литературе, которая по своей специфике фиксирует общепринятое, общественно-консенсуальное понимание слов, если, конечно, последние не являются узкоспециализированными терминами или элементами профессионального сленга.

В публикациях, поднимающих данную тему, часто цитируется определение здоровья, данное Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и считающееся наиболее «официальным», авторитетным его определением: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [8].

Не все отечественные учёные разделяют позицию ВОЗ в этом вопросе. Некоторые из них выдвигают альтернативные определения, претендуя одновременно на большую конкретность и универсальность своих формулировок. Так, например, доктор мед. наук, доцент кафедры восстановительной медицины Новосибирского государственного медицинского университета Росздрава А.Г. Щедрина утверждает, что «здоровье – это целостное многомерное динамическое состояние (включая его позитивные и негативные показатели) в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяющее человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции» [13].

Однако и эти поправки, привносимые в смысл рассматриваемого нами термина, не отражают тех изменений, которые проступают сегодня в общественной практике его применения, охватывая всё более разнообразные и специфичные сферы человеческого существования, не относившиеся ранее и не рассматривавшиеся как коррелирующие с темой здоровья.

Стоит сразу же внести важное уточнение. Изменения, о которых идёт речь, не должны восприниматься как глобальный, общечеловеческий феномен. Научная строгость требует как можно более точно локализовать совершающиеся трансформации, указав границы тех цивилизационных образований и социальных страт, в которых они происходят. Эти трансформации, очевидно, имеют свою вполне определённую социально-экономическую обусловленность и локали-

зованы среди представителей конкретной, социологически вычленяемой категории населения. Имеются в виду молодые жители мегаполисов Запада, с доходом, примерно, от 500 до 900 евро в месяц¹, обладающие высшим образованием, высокими культурными запросами, принадлежащие к самым младшим представителям поколения "X" и старшим представителям поколения "Y" (т. е. родившиеся в промежуток приблизительно между 1976 и 1996 годами). К жителям Запада, как транснационального культурного пространства, принадлежат, несомненно, и многие жители российских мегаполисов, на примере которых я и попытаюсь проиллюстрировать некоторые симптомы, интересующих нас смысловых метаморфоз.

Если ориентироваться на ту, достаточно широко распространённую концепцию поколений, которая была впервые сформулирована Н. Хоувом и У. Штраусом [14; 15; 16] и претерпела ряд более-менее удачных попыток быть адаптированной к специфике социально-исторических реалий России [см. в особенности 7, а также 1; 4], то мы, по сути, будем иметь дело с межзвенным участком поколенческой цепи, с множеством людей, находящихся на стыке поколений "X" и "Y". Социально-экономическая, психологическая, аксиологическая специфика последних достаточно полно охарактеризована в указанных выше исследованиях. Краткая контурная характеристика интересующей нас межпоколенной совокупности индивидов будет дана мной ниже. Углублённая, всесторонняя её концептуализация, по всей видимости, ещё ждёт своего исследователя.

Неприхотливость, относительно невысокая степень значимости уровня дохода и карьерного успеха в системе ценностей, свойственная представителям выделяемого мной межпоколенного множества, позволяет условно назвать эту категорию «скромными (пред)миллионалами» (СПМ).

Городской образ жизни, значительный опыт работы по найму, постоянная оглядка на график работы общественного транспорта обуславливают высокий уровень дисциплины СПМ, которая, однако, далеко не во всех случаях перерастает в самодисциплину, необходимую при переходе от наёмного труда к режиму свободной занятости. В то же время именно этот стратегический тренд весьма заметен в рядах интересующей нас социальной группы. Среди проявлений дисциплинированности стоит отметить экономность, практичность, внимательное отношение к личной гигиене, недорогому, но правильному питанию, заботе о том, что называется хорошим физическим, интеллектуальным, эмоциональным состоянием. Опыт взросления в тяжёлых экономических условиях 90-х гг. обеспечил СПМ серьёзную жизненную закалку, научил стойко претерпевать дискомфорт внешней

¹ Курсу ЦБ на 17 апр. 2019 (72 р. 65 к. за 1 евро).

среды, финансовые затруднения, тяжёлые условия работы и быта, но не мириться с ними, а всегда находить пути к улучшению своего физического, социального и экономического положения. Это качество заметно отличает СПМ от классических представителей поколения “Y”, сформировавшихся на фоне значительно более благополучных во многих отношениях 00-ых, которые оставили на них печать слегка инфантильной изнеженности и трогательного гедонизма. С другой стороны, значительно меньший (чем у «чистых» “X”) опыт взаимодействия с позднесоветской реальностью, с испарениями идейно-политического и морального распада «коммунистической» системы позволил им избежать формирования того мощного, но, зачастую, неосмысляемого рефлекса агрессивной, циничной аполитичности, столь широко распространённого среди типичных “X”. Напротив, СПМ порывают с аполитичным индивидуализмом и бытоцентризмом “X” и настойчиво ищут различных форм коллективности, осмысленного, общественно-полезного действия более или менее далеко выходящего за пределы личных или семейных интересов и выгод. Неудивительно, что именно представители этой межпоколенной прослойки составили значительную (31 %) долю участников политических протестов 2011–2013 гг. [9]. При этом своих союзников и единомышленников СПМ находили, как правило, в лице более молодых сограждан, классических “Y”, что ещё разительнее отличало их от поколения “X” (зачастую их старших сестёр и братьев), предпочитавших даже в самые острые фазы политической напряжённости (5 и 10 декабря 2011 г., 6 мая 2012 г.) «не высовываться» и «заниматься своими делами, как ни в чём не бывало».

Таковы, в общих чертах, социально-психологические характеристики, позволяющие отличить/отделить конструируемый мной межпоколенческий слой от смежных с ним поколений.

Не стоит забывать о том, что СПМ – это в массе своей дети «беби-бумеров», т.е. первого послевоенного поколения. В лице своих родителей СПМ (так же, впрочем, как и поколение “X”) сталкивались с двумя наиболее распространёнными типами супружеских пар.

Первый, наиболее благоприятный вариант, представлял из себя семью, состоявшую из социально ответственных, морально устойчивых граждан, где жена могла быть школьной учительницей, медиком или трудиться в сфере искусства, а муж – выполнять высококвалифицированную работу заводского инженера, занимать командующую должность среднего ранга в армии или преподавать в университете. Понимание «здорового образа жизни» в таких семьях предполагало, прежде всего, сохранение работоспособности, необходимой для успешного выполнения служебных обязанностей и зачастую коррелировало с их объёмом и напряжённостью. В организации домашнего питания таких семей, несмотря на их довольно высокий культурный

уровень, не предполагалось строгих и сложных требований, а тем более научно обоснованного учёта всех необходимых организму веществ. Объясняется подобное простодушие, во-первых, уровнем развития биохимии и диетологии того времени, а во-вторых, тем, что послевоенные дети были, по сути, первым поколением россиян не знакомых с опытом длительного недоедания. Само по себе наличие приятной на вкус и создающей ощущение сытости пищи было для них сигналом, означавшим, что эта проблема закрыта, и внимание следует переключить на что-то другое, более интересное. Ситуация резко ухудшилась в начале 90-х гг. Развал производственной системы СССР, массовые сокращения кадров, безработица, обнищание подвергали моральную стойкость большинства российских семей серьёзному испытанию. Семьи первого типа в силу более высокого уровня образования в массе своей успешно это испытание прошли. Жили, как говорилось, «бедно, тяжело, но достойно».

Второй тип семьи послевоенного поколения складывался, как правило, из представителей менее образованных и менее обеспеченных слоёв населения. Жена могла работать медсестрой, уборщицей, продавщицей. Муж – рядовой рабочий советского предприятия, шофёр или милиционер невысокого звания. Опасность развития алкоголизма одного из супругов в таких семьях была и остаётся значительно более высокой, поскольку уровень образования и склонность к алкоголизму, как свидетельствует статистика, имеют обратно пропорциональную зависимость [5, табл. 3]. Именно в семьях такого типа дети чаще всего имеют негативный опыт общения с родителем-алкоголиком, и психологические проблемы, этим опытом обусловленные. Ни о каком сознательном отношении к исследованию вопроса о выработке индивидуальной оптимальной диеты, обеспечивающей максимально полное насыщение организма всеми требующимися ему веществами, в таких проблемных и недостаточно культурных семьях и речи быть не могло. Детям, росшим в таких семьях, приходилось начинать формирование навыков здорового образа жизни, отталкиваясь от довольно-таки низких стандартов.

Лояльное отношение к т.н. «умеренному» употреблению алкогольных напитков было нормой едва ли не для всех 100% советских семей. Радикальное трезвенничество встречалось крайне редко, чаще всего в семьях религиозных сектантов, составлявших ничтожную долю от населения Советского Союза. Культура самоорганизованного пешеходного туризма, широко распространившаяся в послевоенном советском обществе и популярная среди семей первого типа, нисколько не препятствовала стабильному росту употребления алкогольных напитков, поскольку таковые были (и остаются по сей день в силу своей легальности) самыми популярными рекреационными ПАВ на туристских стоянках.

Ранняя генерация их непосредственных потомков – поколение “X” вопреки известному рекламному слогану переняло лояльное восприятие алкоголя, а во многих случаях даже превзошло своих родителей по объёмам и негативным последствиям употребления этого вещества. Тут проявляется ещё одно характерное отличие СПМ от своих родителей и старших сестёр/братьев. По мере взросления, роста самостоятельности и независимости мышления в рядах этой группы происходит постепенное переосмысление отношения к алкоголю. Нормализация его потребления (даже празднично-ритуального) подвергается всё большему сомнению. Объёмы и частота т.н. «культурного употребления» существенно пересматриваются в сторону уменьшения. То же самое касается и различных никотинсодержащих продуктов. Поколение “X”, напротив, несмотря на бунтарские настроения своей юности, оказалось в этом отношении более «последним советским», нежели «первым постсоветским» поколением. И напротив, чем дальше мы продвигаемся от старших возрастов к младшим, тем заметнее становится тенденция к росту популярности здорового образа жизни, тем яростнее проявляется мода на хорошую физическую форму, правильное питание, красивое тело, подвижный, интеллектуально и эмоционально насыщенный образ жизни¹ [2].

Итак, мы в общих чертах разобрались с теми «классическими» представлениями о «здоровом образе жизни», которые глубоко укоренились в общественном сознании россиян за счёт своей популярности среди представителей двух основных послевоенных поколений². Настало время поговорить о трансформациях этого понятия, претерпеваемых благодаря выходу на арену активной социально-экономической жизни новой генерации молодых горожан. Место этой генерации в цепи традиционно выделяемых социологами поколений российского общества, а также её ценностно-политическая и поведенческая специфика были охарактеризованы мной выше. Я предложил дать ей техническое название «скромных (пред)миллениалов» (СПМ).

В случае с СПМ и следующим за ним поколением “Y”, мы сталкиваемся с явлением форсированной модернизации самой концепции

¹ Последнее вовсе не означает, что современная молодёжь всё больше превращается в педантичных диетических жуков, панически отшатающихся от любых видов «вредной» пищи или даже от ПАВ. Скорее следует констатировать радикальную смену избираемых ими приоритетов со свойственного многим представителям “X” «кайфуй, отрывайся, бери от жизни всё» на «наслаждайся умеренно, не теряя творческой продуктивности, а наращивая её».

² Эти представления сделали своего рода общими местами. Выродились в форму бесчисленных «полезных советов», «рекомендаций» или учебных пособий по «валеологии». Превратились в набор банальностей, что отнюдь не способствует росту их популярности, желанию следовать им в повседневной жизни.

здорового образа жизни (КЗОЖ). Суть этой модернизации может быть выражена в следующих тезисах:

1. Традиционная, господствовавшая во 2-й половине XX в. КЗОЖ, несмотря на наличие множества своих версий, разнящихся в частности и деталях, была порождением индустриального общества, базировавшегося на темпорально регламентированной эксплуатации наёмного труда. Следствием этого стало то, что ключевым показателем здоровья оказалась трудоспособность. Здоровье – нечто противоположное болезни. Как только врач признаёт нас больными, мы получаем «листок нетрудоспособности». Выздоровливая, приостанавливаем его действие, вновь становясь в первую очередь трудоспособными. Система капиталистической эксплуатации диктует не только базовую дихотомию «здоровье-болезнь», в рамках которой предполагаются лишь различные степени тяжести заболевания¹, но и наше отношение к здоровью, подталкивая нас к тому, чтобы мы воспринимали его ценность, прежде всего с т.з. той способности продать свою рабочую силу, которую оно (здоровье) нам предоставляет. Самоценность здоровья, здоровье, как условие наслаждения жизнью в данной системе смысловых координат неизбежно отодвигается на второй план.

Стремление СПМ (ещё более сильно выраженное у поколения “Y”) вырваться из системы наёмного труда создаёт условия для возвращения здоровью его самоценности. Представители характеризуемой межпоколенческой страты склонны воспринимать здоровье в первую очередь как условие *наслаждения и творческой* (а не рабочей или коммерчески выгодной) продуктивности.

2. КЗОЖ, воздвигнутая на фундаменте индустриального общества, не допускала возможности множества различающихся подходов к решению вопроса о том, какой образ жизни считать правильным. Наличие разногласий между специалистами (спортивными тренерами, биохимиками, диетологами) объяснялось недостатком научных знаний, неразвитостью науки, которая в будущем обязательно преодолеет все противоречия и поставит точку в этом вопросе, создав окончательное, незыблемое Учение об Истинно Здоровом Образе Жизни. А людям останется лишь следовать ему, не отступая ни на шаг от строго прописанных рекомендаций на пути к идеальному здоровью.

¹ Градацию степеней «тяжести» состояния пациента можно обнаружить, например, в форме «медицинской карты амбулаторного больного», где эти степени приведены в качестве возможных вариантов оценки текущих характеристик нашего заболевания: «лёгкое», «среднее», «тяжёлое», «критическое»... Но до степеней и качеств человеческого здоровья современной медицине нет дела. В результате этот вопрос неизбежно вытесняется в другие сферы, создавая новые дискурсы и социальные практики.

Новые поколения свободны от этой квазирелигиозной веры в существование общего для всех, единственно правильного образа жизни. Они знают, что все мы уникальны, и, несмотря на необходимость соблюдения ряда универсальных рекомендаций, у каждого из нас свой собственный путь к физическому и духовному здоровью. Что на этом пути нам придётся руководствоваться не только авторитетными советами, но, даже в большей мере, собственными ощущениями, собственным опытом.

3. Из предыдущего пункта логически следует то, что здоровый образ жизни в восприятии СПМ (а значит, во многом, и последующего за ним поколения) оказывается сферой постоянных экспериментов, которые человек ставит над самим собой. Результатом этих экспериментов оказывается уже не просто здоровье, понимаемое как та или иная форма «физического, душевного и социального благополучия» [8], или «состояние», позволяющее лишь реализовать какие-то заранее заданные (генетически или социально запрограммированные) «функции» [13], а раскрытие уникальных, никогда и никем ранее не достигаемых физиологических и духовных состояний конкретного человека. Отсюда – пробудившаяся в последние годы популярность разнообразных практик психофизиологической трансформации: йога, тантра, экстремальный спорт, холотропное дыхание, психоделическая терапия, биохакинг, эксперименты с ноотропами... Всё это – сознательный уход от сценария т.н. «нормальной» жизни, от единообразного стандарта здоровья. Поиск путей обретения экстраординарных ощущений, принципиально нового опыта, недоступных доселе способностей. По сути – практическое утверждение множественности норм, непрерывный поиск новых здоровий, порою полный авантюризма и реальных смертельных опасностей. Но разве всё привычное и знакомое нам когда-то не было новым? А новое, в свою очередь, разве обязано являться в мир не вызывая ничьих опасений? В конце концов, как говорил Фридрих Гёльдерлин: «...где опасность, там вырастает / И спасительное...» [12].

Список литературы

1. Анипкин М. «Поколение лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас: науч. журн. – 2018. – № 117.
2. Бояк Т.Н. О формировании здорового образа жизни молодежи в современных условиях // Здоровье и образование в XXI веке. – Т. 19. – № 11.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ДРОФА, Рус. яз. – Медиа, 2011.
4. Мирошкина М. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский пед. вестн. – 2017. – № 6.
5. Мореев М.В., Попова В.И. Социальный портрет страдающих алкоголизмом и наркоманией // Проблемы развития территории. – Вып. 1 (53), янв.-март. – Вологда, 2011. – С. 72.

6. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: РОССПЭН, 2009.
7. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1. – Иркутск.
8. Официальные документы Всемирной организации здравоохранения. Преамбула к Уставу Всемирной организации здравоохранения, принятая Международной конференцией здравоохранения. – Нью-Йорк, 19–22 июня 1946 г. – № 2. – С. 100.
9. Попова О.В. «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? // ПОЛИТЭКС. – Т. 8. – № 2.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл., 1935.
11. Фуко М. Археология знания. – М.: Гуманитар. акад., 2012.
12. Хоружий С.С. Современность и эсхатология: Рене Жирар и парадигма спасения в последний миг // Вопросы философии. – 2018. – № 6. [Электронный ресурс]. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1976
13. Щедрина А.Г. Понятие и структура индивидуального здоровья человека: методология системного подхода // Медицина и образование в Сибири. – № 5. – 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-individualnogo-zdorovya-cheloveka-metodologiya-sistemnogo-podhoda>
14. Howe, Neil; Strauss, William Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.
15. Howe, Neil; Strauss, William The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. – New York: Broadway Books, 1997.
16. Howe, Neil; Strauss, William Millennials Go to College: Strategies for a New Generation on Campus (2nd ed.). – Great Falls: LifeCourse Associates, 2008.

А. В. Конева, М. С. Юрьев

Религиозный образ жизни в светском государстве

В официальной и повседневной лексике современной России за последние три десятилетия заметно обосновался фразеологизм «межконфессиональные отношения». При этом его значение редко артикулируется сообразно смыслу понятия «конфессия», который имеет вполне устоявшееся научное истолкование [7, с. 141–142]. Этот фразеологизм употребляется в случаях, когда рассуждение идёт о взаимоотношениях между последователями разных религиозных сообществ, что относительно допустимо (хотя конфессии – это различающиеся исповедания веры в рамках какой-то одной религии, и к межрелигиозным отношениям применять это понятие некорректно). Но сплошь и рядом он встречается в наименовании органов, ведающих реализацией государственной политики в сфере религиозной жизни граждан, типа «комитет по межнациональным и межкон-

фессиональным отношениям» и т. п. Такие название как бы намекают, что государственный орган занимается регулированием отношений между конфессиями, т. е. между разными исповеданиями веры. С точки зрения действующих норм российского права этого быть не должно, согласно 4-й статье Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» государство «не вмешивается в деятельность религиозных объединений», если она не противоречит законам.

Межконфессиональные отношения возможны только внутри поликонфессиональной религии. В России такие религии существуют. Отношения в них между последователями разных конфессий определяются вероучительными различиями. Другое дело, что большинство верующих не имеют адекватных вероучительных (догматических) представлений, и для них важна позиция государства в отношении тех или иных религиозных объединений, а также их личная мотивация в делах, имеющих социальное значение.

Межрелигиозных конфликтов в России нет. В плане социальной этики между верующими разных религиозных направлений могут быть расхождения во взглядах, например на брак, семью, воспитание и пр. Возможна, скажем, консолидация части последователей какого-либо вероисповедания на антигендерной основе. Или возникает движение за социальную справедливость, мотивированное религиозными убеждениями, что чаще всего бывало в истории любой религии. Это вполне естественные ситуации, которые в демократическом государстве регулируются нормами светского права, не содержащими никаких религиозных предпочтений [2, с. 62].

Если же государство демонстративно делает ставку на конкретную конфессию, то остальные конфессии этой религии и иные религии прямо или косвенно стигматизируются, с соответствующими отрицательными оценками их участников не только в религиозном, но и в общественном плане [1, с. 238].

Государство должно быть равноудалено от всех без исключения религий и конфессий в этих религиях. Рискованно связывать социально опасные проявления, которые не исключены в действиях религиозных объединений или (чаще) отдельных их участников, с исповедуемой ими религией, с вероучением.

Любые попытки представить местные, региональные и глобальные конфликты как противостояние религий должны быть категорически пресечены. Враждуют люди, а не идеи или верования. А чтобы верования не побуждали людей к враждебности, требуется культивирование общегражданских инициатив, в равной мере приемлемых как последователям разных религий, так и нерелигиозной части общества [6].

В этом плане характерными являются ситуации, возникающие вокруг намерений религиозных организаций форсированно распространять так называемое «храмостроительство» на территориях, являющихся пространствами общественного назначения (парковые и иные рекреационные зоны, например). Разумеется, что верующие должны иметь свои храмы, а количество культовых сооружений разных религий должно быть пропорционально числу последователей этих религий в городах, регионах. Но это требует выяснения действительного состояния разных религиозных сообществ. Крайне важно здесь было бы проведение регулярных социологических обследований. Как известно, заинтересованности в таких объективных обследованиях ни церковные, ни светские инстанции не проявляют.

Недовольство экспансией храмостроительства не имеет антирелигиозных оснований. Большинство населения, включая нерелигиозных людей, с уважением и пониманием относится к религиозным потребностям своих сограждан. Неприятие вызывает бесцеремонность и нахрапистость конфессиональных энтузиастов храмостроения и поддерживающих их представителей власти, явное нежелание вступить с населением в какое-либо конструктивное общение, намерение ставить перед фактом, игнорируя интересы местных жителей. Можно заметить, что сторонников храмостроения не интересует реальное состояние востребованности нарастающего количества храмов; идёт навязывание воли одной группы (меньшинства, но поддерживаемого административным ресурсом) другим группам населения. Для РПЦ, как наиболее настойчивого проводника такой стратегии, это влечет ощутимые репутационные потери. При взаимном учёте интересов этой проблемы вообще не существовало бы [3].

Крайне опасна и повышенная акцентация на сугубо религиозной идентичности [4, с. 116]. Религиозным организациям следует больше внимания уделять социальным служениям внутри страны, не рядясь между собой по поводу того, кто «духовнее».

В то же время, заявляя о себе, своем достоинстве, через так называемую социально значимую деятельность (благотворительность, попечительство и пр.), религиозные организации рискуют утратить вероисповедные смыслы, которые их конституируют. Вхождение в сферы мирского профанирует и девальвирует собственно религиозные мистические начала [5, с. 70]. Этот эффект усиливается неизбежным применением маркетинговых технологий, которые более действенны, нежели религиозно-культовые практики.

В целом уровень положительного восприятия религии довольно высок, включая авторитет религии у нерелигиозных людей, когда религиозное начало связывается с культурой и нравственностью. А вот доверия к конкретным инициативам и действиям религиозных организаций невелико. На уровне общего доминирует абстрактный образ

религии, и он положительный. А на уровне единичного население имеет дело с конкретными людьми, реализующими интересы религиозных организаций, и здесь доверие резко снижается.

Надежда на заступничество от религиозных организаций (они-де образуют носителей власти) сменяются либо разочарованием (вплоть до сарказма и пародий), либо переменой их социального имиджа в глазах общества; они всё чаще воспринимаются как часть истеблишмента, к которому у населения всегда двойное отношение – неприязнь и одновременно ожидание нужных решений. Собственно, религиозный образ жизни в светском государстве – это постоянное балансирование между мирскими интересами верующих и их верой.

Список литературы

1. Бокова О. А. Протестантские объединения Ленинградской области: некоторые итоги исследования // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. Философия. – № 2. – С. 230–239.
2. Мирошникова Е.М. Религиозный фактор в иммиграционной политике ЕС // Совр. Европа. – 2006. – № 1 (25). – С. 61–74.
3. Православие и современность: проблемы секуляризма и постсекуляризма: коллект. моногр. / науч. ред. А. И. Мраморнов, Т. Г. Человенко. – М.; Орел; Ливны: Изд-во Новоспасского монастыря; Изд-во «Спасское дело», 2015.
4. Пронина Т. С. Религия и поиски идентичности в постсоветской России // Религиоведение. – 2015. – № 2. – С. 112–117.
5. Смирнов М. Ю. О религиоведении, религии и религиозности // Вестн. Рус. христианской гуманитарной акад. – 2008. – Т. 9. – Вып. 2. – С. 62–73.
6. Чернеевский А. П. Проблема диалога культур: лингвистический и религиоведческий аспекты // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 272–280.
7. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское филос. о-во, 2017. – 508 с.

М. А. Коськов, Т. П. Самсонова

Некоторые вопросы философской методологии изучения культуры

Перед исследователем культуры неизбежно возникают проблемы методологического характера. Важнейшими вопросами остаются: «каково соотношение теоретических и эмпирических исследований в изучении культуры?» и «каковы требования к объему и содержанию собранного эмпирического материала о феноменах культуры, чтобы можно было делать теоретические обобщения?» [3]. Не менее важный вопрос, в ответах на который исследователи расходятся – вопрос о наличии личного опыта вхождения в мир изучаемых культурных феноменов, то есть «можно ли адекватно познать то, что сам не испытал и наблюдаешь со стороны».

Современные исследования культуры чаще всего носят междисциплинарный характер, методология которых предполагает использование историко-сравнительного метода, методов социологии, антропологии, феноменологии, активно используются приемы психологической науки. Такой методологический подход можно уподобить «витгенштейновскому ящику» с инструментами – из него следует вынимать тот инструмент, который наиболее функционален, и набор используемых методов и способов изучения должен меняться в зависимости от исследовательской задачи, корректироваться под влиянием промежуточных результатов.

Все указанные методы активно работают в исследованиях культуры. Но сложности возникают в ходе их применения. Например, при изучении творческих процессов в художественной культуре исследователи нередко применяют психолого-антропологический прием – формирование эмпатии. При этом вроде бы очевидно, что следует осознанно индуцировать в себе сопереживание состоянию другого человека, но без потери внешнего контроля за происходящим. Однако возникает целый ряд непростых вопросов практического характера. Как возбудить в себе такую эмпатию? Если это искусственно индуцированное состояние, то даст ли оно достоверное понимание предмета или превратится в своего рода игру? [2]. Нужно ли исследователю самому владеть навыками творческой деятельности в изучаемой предметной области? [5].

Порой возникает когнитивный диссонанс, когда читаешь виртуозно написанные теоретические статьи с множеством схем, таблиц, завораживающе логичными описаниям и рассуждениями, но всё это оказывается лишь красивой экипировкой, мало отношения имеющей к самому изучаемому предмету [4, с. 22–23]. Применение сложно организованной методологии не обязательно дает достоверный результат или исследователь приходит к довольно очевидным выводам, получение которых не требует сложнейших теоретических и экспериментальных процедур. Получается – применение методологии ради методологии, а реальность подменяется собственным фреймом, в котором соединяются имеющееся знание, ожидаемый результат и схема презентации [6, с. 24–25]. Когнитивная схематизация опыта, которая включает навязывание изучаемому объекту исследовательских смыслов, может приводить к тому, что самооценочность теоретического построения не только начинает превалировать над изучаемой реальностью, но и конструирует эту реальность.

Разумеется, конструирование всегда присутствует в социогуманитарных исследованиях. Но в эпистемологическом плане следует принимать во внимание, что объект исследования имеет сложную структуру, элементы которой могут существовать самостоятельно,

обладают разной степенью взаимовлияния, что не в состоянии отразить выстраиваемая схема исследования, теоретические модели, формируемые концепты. Причем речь идет не об изучении различных сторон объекта, а о различном восприятии одного объекта, о границах и характере фрейминга – формального определения исследователем объекта и предмета, перспективы изучения объекта [1, с. 42–43].

При этом исследователи обычно солидарны в том, что изучение феноменов культуры должно быть многомерным. К этому важному методологическому принципу следует сделать существенное дополнение: каждый из критериев также должен иметь многомерный или вариативный характер. Такой подход предполагает формирование исследовательских моделей, имеющих динамический характер и способных охватить наибольшее разнообразие изучаемых феноменов.

Проблемой при этом остается осознаваемая, но не всегда легко выполняемая необходимость исследователю уйти от предзаданных методологическими установками выводов, обнаружить общие мотивы культуротворчества, в том числе и скрытые, через рассмотрение уникальных аспектов изучаемого материала.

Методология определяется, в том числе, знанием контекста культурных процессов и включенностью исследователя в этот контекст. Научная отстраненность в данном случае должна иметь свои пределы – без длительного участия в жизни сообщества невозможно понять психологические интенции, скрытые мотивы, выявить и проанализировать комплекс удовлетворяемых рациональных и эмоциональных потребностей. Особенно это актуально при изучении новых форм культуры (так называемое актуальное искусство и т. п.), которые в стадии поиска и эксперимента, вступают в режим диалога, конфликта или интеграции с традиционными формами культуры [7, с. 279]. С методологической точки зрения важно заметить, что длительное изучение неизбежно сопровождается корректировкой методов изучения в связи с получением нового знания.

Методологические вопросы имеют не праздный характер, от выбора методологических оснований зависит и ход исследования, и его результаты. Парадокс в том, что методология – это всегда промежуточный результат самого исследования, и следует ее рассматривать как рабочий инструментарий. Он должен быть функционален и позволить верифицировать выдвинутую гипотезу, но не следует забывать, что гипотеза тоже носит инструментальный характер и опирается на имеющиеся знания об объекте, она тоже значимая часть методологии. Следовательно, если выбранные методы и приемы исследования опровергают гипотезу, то следует вспомнить об эффекте фрейминга и понять на какой стадии закралось искажение изучаемой реальности.

Список литературы

1. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г. С. Батыгина. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 7–57.
2. Коськов М. А. Игра: опыт философской теории // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2018. – № 1. – С. 69–85.
3. Культурология как дисциплинарная загадка: материалы круглого стола (окончание) / Шор Ю. М., Мосолова Л. М., Романов К. В., Трофимова Е. А., Агошков А. В. // Вопросы культурологии. – 2011. – № 3. – С. 110–123.
4. Пронина Т. С. Творческий ландшафт // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2001. – № 3 (23). – С. 22–23.
5. Самсонова Т. П. Философия и музыка: А. Ф. Лосев и М. В. Юдина // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2018. – № 1. – С. 106–114.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
7. Чернеевский А. П. Проблема диалога культур: лингвистический и религиозный аспекты // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 272–280.

Е. М. Мирошникова

О культуре сосуществования в условиях религиозного плюрализма

Проблема сосуществования разных религий и верований в современном глобальном мире не только приобретает все большее практическое значение, но и требует теоретического осмысления. Происходящие в XXI в. тектонические сдвиги экономического и социокультурного характера приводят к слиянию современных политических практик с традиционным локальным образом жизни, чаще всего базирующимся на религиозных традициях. Распространенная стратегия приоритетной роли традиционных религий как стержня национальной идентичности сопровождается усилением тенденции на ограничение религиозной свободы.

Является ли религия сама по себе проблемой или, напротив, религия может и должна быть частью решения проблем? Каким образом добиться социальной сплоченности, особенно в странах с растущим религиозным и культурным разнообразием? Анализ ситуации в разных регионах мира показывает очень широкий спектр возможных конфигураций в государственно-религиозных отношениях: от теократии и государственной церкви до государственного преследования и запрета [6, с. 196–198].

Наиболее распространена кооперационная модель в различных формах ее реализации, уважающая право на индивидуальную религиозную свободу для всех и принцип государственного нейтралитета и равенства в религиозных вопросах. Характерным примером в этом плане можно считать Германию. Реформация утвердила право человека поступать согласно свободе совести, право поиска персонального варианта общения с Богом, право на свободомыслие. Тем самым была проложена дорога к новым моделям отношений государства и религии: от государственной церкви через секуляризацию к принципу отделения. Изначальная идея Лютера о двух «империях» – свободная церковь и свободное государство – была им скорректирована после крестьянских восстаний в сторону признания роли государства как взявшего на себя обязанность гаранта целостности и стабильности. После Второй мировой войны в самой Германии, вместо предлагаемой вначале теории координации, стало реализовываться институциональное партнерство между государством и церквями, подтвержденное конкордатом и договорами. Церковь выполняла желаемую для государства и общества стабилизирующую и идеологическую функции. С середины 1960-х гг. стала развиваться новая надконфессиональная экуменическая теология двух больших церквей (католической и евангелической), главной целью которой объявлялась стратегия христианизировать церковную политику, но не политизировать церковь. Логичным продолжением такой стратегии стала совместная молитва католиков и протестантов в честь 500-летия Реформации в марте 2017 во время экуменического богослужения «Исцеление памяти». Все чаще в официальных документах применяется выражение «христианское служение» (при признании внутрiconфессиональных различий) [2, с. 67–74].

Сотрудничество государственных институтов с религиозными организациями в решении общих социальных проблем на основе нейтралитета, паритета и толерантности можно отнести к основным эффективным стратегиям мирного существования в условиях религиозного плюрализма. По мнению авторитетного современного исследователя религии Х. Казановы: «Протестантский путь секуляризации, его прагматическое выражение в культурном ареале англосаксонского кальвинизма, особенно в США, характеризуется стиранием границ и взаимовлиянием религиозного и секулярного, так что в определенном смысле религиозное стало секулярным и секулярное религиозным. Даже "отделение церкви от государства", закрепленное в Первой поправке к Конституции, нашло поддержку религиозных сект и имело цель защитить свободное выражение религии от вмешательства государства и от образования государственной церкви, защитить федеральное светское государство от любого религиозного вмешательства. И в такой модели совсем нет упадка религии. Наоборот,

радикальные процессы социальных преобразований и секулярной модернизации часто сопровождались, со времен американской революции и по сей день, религиозным возрождением и новыми движениями» [1, с. 89–90].

Примечательно, что стратегия экуменизма открытости миру, социализации религии способствует расширению влияния в странах с доминирующей «чужой» культурой, причем в моделях с высоким уровнем ограничения религиозной свободы. Например, в КНР, где действует отделительная модель государственно-религиозных отношений, наметилась тенденция на значительное увеличение численности протестантов. В 1949 г. в этой стране насчитывалось 3 млн католиков и 1 млн протестантов. Но уже в 2010 г. их стало соответственно 9 млн и 58 млн, в 2030 г. ожидается 224 млн протестантов [7].

В современной эпохе смешения культур, традиций и религий на фоне глобального демографического взрыва практически для всех религий и верований актуальной становится проблема религиозных меньшинств. Определение религиозного меньшинства и следующая за этим реализация прав на идентификацию составляют сегодня одну из ключевых теоретических проблем, теснейшим образом связанную с практикой жизни. Академик Л. Н. Митрохин совершенно точно отметил, что «адекватное формально-логическое определение религии дать вообще невозможно; ее сущность постигается лишь в результате выявления ее конкретных многообразных форм и существенных характеристик» [3, с. 437]. Исследование критериев религиозности, статуса религиозного меньшинства в настоящее время усложняется проблемами религиозной и конфессиональной (само)идентификации. «Недопустимо, когда любое религиозное объединение может произвольно самостоятельно отнести себя к любой религии, но и ни теоретически, ни практически неприемлема и «диктатура экспертизы», которая выносит решение о «правильной» идентификации вероучения религиозной организации вопреки убеждениям его членов» [5, с. 92].

Одним из самых распространенных в практике экспертиз является признание за образец наиболее многочисленной и укорененной религиозной организации и сравнении с ее практиками и вероучением данных о религиозном меньшинстве с последующими соответствующими судебными решениями. Например, немецкий суд отказал в иске гражданину, заявившему об освобождении его от воинской службы в связи с подготовкой стать священником сайентологической церкви Германии [8]. Вместе с тем религиозная организация «Свидетели Иеговы» (признанная в России экстремистской организацией) в 2007 г. после 10-летней судебной тяжбы, получила особый юридический статус публичного права в земле Берлин.

В России на законодательном уровне провозглашен принцип отделения, но де-факто осуществляется кооперационная модель, даже с элементами идентификационной модели. Сейчас следовало бы сопоставить теорию и практику и четко определиться с государственной политикой в области государственно-религиозных отношений. Религия стала фактором международной политики, а не только социального сегмента. В этой новой ситуации необходимо развивать межкультурный и межконфессиональный диалог, в котором существенная роль принадлежит религиоведческому и культурологическому образованию [4, с. 280]. Нам надо научиться жить с проблемой религиозного и культурного многообразия на основе уважения права на свободу совести как мировоззренческого выбора индивида.

Список литературы

1. Казанова Х. Страх Европы перед религией. Берлинские речи о религиозной политике / пер. с нем. Е. М. Мирошниковой // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 11 / М. И. Одинцов (гл. ред.) и др. – Владивосток, 2015. – С. 88–105.
2. Мирошников Е. М. Религиозный фактор в иммиграционной политике ЕС // Современная Европа. – 2006. – № 1 (25). – С. 61–74.
3. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. – М., 2001.
4. Чернеевский А. П. Проблема диалога культур: лингвистический и религиоведческий аспекты // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 272–280.
5. Шахов М. О. Проблемы религиозной и конфессиональной идентификации: правовой и религиоведческий аспекты // Классификация религий и типология религиозных организаций / редкол.: И.Я. Кантеров и др. – М., 2008. – С. 87–95.
6. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платон. филос. общество, 2017. – 508 с.
7. Fenggang Yang. Christianity's Growth in China and Its Contributions to Freedoms [Электронный ресурс]. – URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/responses/christianity-s-growth-in-china-and-its-contributions-to-freedoms/>.
8. Urteil des Bundesverwaltungsgerichts. Band 61. Berlin, 1980. – S. 152.

Т. С. Пронина

Роль религии в формировании «параллельных сообществ»*

Актуальность выбранной темы исследования, которое проводится коллективом ученых Центра религиоведческих и этнополитических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина, определяется остротой возникающих противоречий и конфликтов в сфере межэтнической и

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ. Соглашение № 19-18-00054, проект «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен "параллельных" обществ в системе международно-политических отношений».

межрелигиозной коммуникации, их тяжелыми последствиями. Процессы глобализации и интеграции, ассимиляции и столкновения культур, усложнение характера межкультурных взаимосвязей, массовая миграция, формирование этнических и религиозных анклавов – это те процессы, которые сегодня формируют мейнстрим политической повестки, вызывают серьезные социально-политические кризисы в отдельных регионах. По мнению профессора Гарвардского университета С. Хантингтона, в современном мире культурные идентичности, такие как этническая, религиозная, цивилизационная, оказывают решающее влияние на формирование союзов, конфликтов, государственной политики, которые складываются с учетом культурной близости или различий. Аналитик считает, что в современном мире именно религиозный фактор приобретает важнейшее значение, и столкновение политических идей сменяется конфликтами религий и культур: «межцивилизационное столкновение культур и религий вытесняет рожденное Западом внутрицивилизационное столкновение политических идей» [2]. В контексте своей концепции цивилизационных конфликтов, С. Хантингтон среди основных характеристик цивилизаций, таких как этническая общность, язык, способы мышления, этические нормы, на первое место выводит религию. В подтверждение он приводит примеры конфликтов в Ливане, бывшей Югославии, в Индии, где «народы с той же этничностью и языком, но разными религиями способны на братоубийство» [2, с. 142–143].

Несмотря на видимые процессы универсализации культурных норм, религиозный фактор по-прежнему сохраняет свое значение в индивидуальной и коллективной идентификации. Изучая миграционные процессы, исследователи обнаружили, что нивелировка этнических различий происходит более безболезненно, прежде всего за счет формирования гражданской нации – примером могут служить США и Канада [1]. Тогда как религиозная идентичность остается более постоянной величиной. Религия становится важнейшим источником этнического самосознания и обладает потенциалом формирования негативного типа идентичности. Для такого типа характерна самоидентификация в оппозиции к окружающему этнокультурному контексту, мышление в дихотомической модели «мы-они», с маркировкой «они» в негативной коннотации: чужие, враждебные, отпавшие и др.

Значительное число работ европейских и американских исследователей рассматривают отдельные аспекты религиозной идентичности. Особо актуальны вопросы этно-религиозных взаимодействий и конфликтов, ассимиляции культур, проблемы адаптации иммигрантов, формирования этнических и религиозных замкнутых сообществ, противостоящих господствующей культуре [2; 3; 4; 5]. Американский исследователь Хиршман К. в статье «The role of religion in the origins and adaptations of immigrant groups in the United States (Поль религии

в происхождении и адаптации групп иммигрантов в США) анализирует роль религиозных традиций, религиозных организаций в процессах адаптации иммигрантов в США. На основании многолетних наблюдений он делает вывод, что первое и второе поколения иммигрировавших обладают высокой степенью религиозной идентичности, значение которой снижается в третьем поколении. К схожим выводам сегодня приходят и европейские ученые, изучающие сообщества иммигрантов. Представители первого поколения иммигрантов ощущают себя «чужаками», они вынужденно сосредоточены на создании для себя и семьи необходимых жизненных условий. Религия у них сохраняется на уровне личного утешения, связи с прежней историей. Второе и третье поколения, родившиеся в другой стране, вырастают в новых социальных условиях, но продолжает ощущать на себе некое «клеймо второго сорта», что интенсифицирует процессы самоидентификации. В этой ситуации при языковой и культурной ассимиляции религия начинает играть роль осознания собственной уникальности. Исследователи также отмечают, что религиозная идентичность обладает большей стабильностью в жизни индивида, чем формы религиозного участия. Иммигранты могут нерегулярно исполнять обряды, посещать мечеть, но вероисповедная принадлежность становится для них важным фактором социальной консолидации. Однако обозначилась и еще одна тенденция – формирование параллельных иммигрантских сообществ. Этому способствует целый ряд причин: численный рост, компактное расселение и социальные программы, которые, с одной стороны, включают их в систему социальной безопасности, с другой стороны, позволяя довольствоваться необходимым минимумом, не работая, а значит, воспитывают социальное иждивенчество. Последнее затрудняет или вовсе препятствует ассимиляции в жизнь новой страны. Религиозные организации, исполняя социальные функции, оказывая помощь иммигрантам с размещением, одеждой, денежной помощью, устройством детей в школы, повышают свой авторитет среди иммигрантов-единоверцев. При таких условиях и ограниченном влиянии окружающего общества новой страны пребывания миссионерская активность религиозных проповедников ложится на благоприятную почву. В итоге происходит добровольная сегрегация и создаются условия для формирования параллельных сообществ, ведущих самостоятельный образ жизни. Его члены противятся ассимиляции, и религия для них становится важным фактором самосегрегации, способом защиты от разрушения их ценностно-мировоззренческой системы.

Список литературы

1. Сахарова В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада. – М., 2011.

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et contra. М., 1997. – № 2. – Т. 2. – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pes/1997/2/ProEtContra_1997_2_10.htm (дата обращения: 2.02.2014).

2. Arweck E., Nesbitt E. Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? (Формирование идентичности молодых людей в смешанных семьях: преемственность или прерывание преемственности религиозных традиций?) (2010).

3. King P.E., Boyatzis C.J. Exploring adolescent spiritual and religious development: current and future theoretical and empirical perspectives (Исследование духовного и религиозного развития подростков: текущие и будущие теоретические и эмпирические перспективы) (2004).

4. Valde G.A. Identity closure: A fifth identity status (Завершение идентичности: пятый статус идентичности) (1996).

5. Wallace J.M., Forman T.A., Caldwell, C.H. и Willis D.S. Religion and U.S. secondary school students: Current patterns, recent trends, and sociodemographic correlates (Религиозность учащихся средней школы в США: современные модели, последние тенденции и социально-демографические корреляты) (2003).

А. С. Романенко

«Четверица мира»: от Гёльдерлина к Хайдеггеру

Реконструкция истории философского осмысления понятия «мир» означает воссоздание самой истории философии. Во все исторические эпохи философия ставила перед человеком проблему осмысления мира – рождались различные модели, парадигмы, концепции. Что же есть мир?

Ответим на этот вопрос в границах философского видения крупнейшего мыслителя XX в. – Мартина Хайдеггера, исследующего проблему мира (мирности) на всем протяжении философского пути (ранний период – «Пролегомены к истории понятия времени», «Бытие и время»; поздний – доклады, статьи, выступления).

В работе осмыслены философские истоки модели «четверица мира», представленной в докладе «Das Ding» («Вещь», пер. В.В. Библихина, прочитан в 1950 г.), нашедшей отражение в поздних работах. «Четверица мира» – сложное понятие, требующее точного определения, в данной работе автор оперирует представлением о «четверице» как некой «модели» и «структуре».

В основу методологии исследования положены структурно-семиотический подход к изучению текста (семиотика Ю.М. Лотмана) и компаративистский метод. Сущность структурного подхода к изучению художественного текста – «необходимость изучения произведения как синхронно замкнутой структуры» [4, с. 48], заключающей в себе сложную систему иерархических отношений элементов различных уровней. Художественный текст рассматривается и с точки зрения

реляционных значений внутри структуры, и значений, возникших в отношении внетекстовых связей.

Хайдеггер на примере конкретной вещи (чаши) осмысливает существо вещи, вечности как таковой. Суть чаши – «вмещающей емкости» – в «подношении», «вмещении и выливании». Философ выстраивает путь к четырем смысловым компонентам: земле, небу, смертным и божествам. Подносимая в чаше вода отсылает к источнику, в котором «присутствует скала, в ней – темная дрёма земли, принимающей в себя дождь и росу неба» [8, с. 320]. Подношение в чаше может осуществляться и в качестве питья смертных, и как «напиток, жертвуемый бессмертным богам» [8, с. 321]. Очевидно, «в подношении полной чаши одновременно пребывают земля и небо, божества и смертные», которые, «предшествуя всему присутствующему... сложены в простоту единой четверицы» [8, с. 322]. Элементы «зеркально отражает существо остальных», раскрывая и свою сущность. Такое «событие зеркальной игры» земли, неба, божеств и смертных философ именует миром.

Истоки хайдеггеровской модели обнаруживают себя в осмыслении философом поэзии Фридриха Гёльдерлина.

Поэзия – важнейший объект размышлений Хайдеггера, «поэтические» тексты которого (особенно позднего периода), сложно назвать привычными философскими трактатами. Здесь вспоминаются слова Франческо Петрарки о различии поэзии и философии как разнице облачного и ясного неба – «за тем и другим стоит одинаковое сияние, только наблюдатели воспринимают его различно» [5, с. 15].

Творчество Гёльдерлина – тема многих текстов и выступлений Хайдеггера. Причина трепетного научного, философского интереса к произведениям поэта указана философом в одной из лекций: «... поэзия Гельдерлина несет поэтическое назначение – собственно сочинять сущность поэзии» [10, с. 39]. Эмпирическая основа настоящей статьи: доклад М. Хайдеггера «Возвращение на родину / Сородичам» («Heimkunft / An die Verwandten», 1943 г., университет Фрайбурга; включен в книгу «Разъяснения к поэзии Гёльдерлина» / «Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung», 1944 г.), стихотворение Ф. Гёльдерлина «Возвращение на родину» («Heimkunft», пер. Г.Б. Ноткина).

Поэтические образы Гёльдерлина делятся на две группы. Первая группа: пейзажные образы, выстраивающие вектор «земля-небо» или «верх-низ» («древние источники вод», «облако», «зелень деревьев святых», «светлые горы», река Рейн, «Эфир», «дуб с тихой березой и буком», «солнце», «лучи света» и «тьма», «день» и «ночь» т.д.). Художественные тропы делят пространство стихотворения и картину мира в целом на сферы небесного и земного. Вертикаль «верх-низ» обозначена в первых строфах: «Вот в деревеньке внизу

спросонок хлопают ставни, / Веря высокому, вверх окна бесстрашно глядят...» [9, с. 15].

Пример двустошия из четвертой строфы: «О, как прекрасно пойти в Комо сквозь светлые горы / Или, как шествует день, к морю открытому, вниз...» [9, с. 19]. Здесь противопоставлены детерминативы – горы и море. Образы водоемов (реки, озера, моря) и гор повторяются в тексте, проходят через все творчество поэта. Отметим, что Романо Гвардини поместил указанные образы как предмет анализа и рассуждений в «Первый круг». Мыслитель подчеркнул двусторонний характер их связи: «воде в ландшафте Гёльдерлина противостоит гора» [3, с. 61], вершины гор выступают как «первоисток реки» [3, с. 70]. Оппозиции «горы-реки» в стихотворении соответствуют пары «верх-низ», «Альпы-Рейн», «небо-земля» и т. д.

В выявленной парной оппозиции прослеживается и вертикальный вектор отношения «земля-небо», и структурная взаимосвязь двух со-противопоставленных элементов. Подобную структурную взаимосвязь выстраивает и Хайдеггер в описаниях «четверицы», каждый элемент которой включает в смысловое множество значений, «играет», отсылая к другому со-противопоставленному элементу четверичной структуры. В «Вещи» перечислены смысловые единицы, соответствующие пространству каждого элемента. Мыслитель указывает: «Небо – это путь Солнца, бег Луны, блеск звезд, времена года, свет и сумерки дня, тьма и ясность ночи, милость и неприютность погоды, череда облаков и синеющая глубь эфира» [8, с. 323]. Отметим, хайдеггеровские характеристики земли и неба присутствуют и в стихотворении Гёльдерлина.

Вторая группа поэтических образов: тропы, выстраивающие вектор взаимосвязи «человек-бог». Проанализируем строки стихотворения: «Много сказал я богу, ведь все, что поэтом пропето, / Большею частью идет к ангелам и к нему...» [9, с. 17]. Обращают на себя внимание три центральных образа (Бог, ангелы, смертные).

Образ Бога в стихотворении сопровождается рядом «имен» – «Высокий», «чистый и радостный бог», «житель эфира» и т.д. Комментируя вышеприведенные строки, Хайдеггер отмечает сущность «Высокого» или «радостного» (еще один эпитет божественного) – «ободрение», поскольку «он "открывает" вещи для радующего их настоящего..., проясняет расположение духа людей, чтобы их дух был открыт для чистого их полей, городов и домов» [9, с. 35].

В пятой и шестой строфах стихотворения есть следующие строки:

Скоро святые дары нам принесет он и песнь
Ясную даст, и пошлет сонм добрых духов. Спешите,
Духи-хранители! – вы, ангелы года, и вы,
Ангелы дома, сюда!

Первый ангел – «ангел дома» – в разъяснениях Хайдеггера есть, прежде всего, «ободряющая земля», предоставленная человеку, его «историческое пространство» [9, с. 31]. Второй – «ангел года» – «ободряющий свет», «в игре» которого являет себя «пространство времен», «времена года». Философ отмечает: «Времена этого "года" в смене бодрого дарят человеку ту побывку, которая отмерена его историческому пребыванию в "доме"» [9, с. 31]. «Ангелы дома» и «ангелы года» – связующее звено векторов «земля-небо» и «человек-бог» в структуре мира Гёльдерлина. Указанное, а также присутствие в стихотворении образов античных божеств, разделение божественного на троичную структуру порождает вопрос об отношении поэта к Богу. По мнению Х.-Г. Гадамера, поэта «отличает как раз то, что античный мир выступает перед ним не как культурный материал, но как властный и исключительный императив», поскольку «Греции и отечеству, античным богам и Христу как Учителю гесперийско-германской эпохи равно предано верное сердце поэта» [2, с. 208].

В «Вещи» в отношении элемента «Божественного» использованы поэтические образы Гёльдерлина: «намекающие посланцы божественности...», из которой, «потаенно правящей, является Бог в своем существе...» [8, с. 324]. Интерпретировать данные наименования как «поэтические образы» можно лишь с определенной условностью. Думается, Хайдеггер использует их для описания структурных элементов предлагаемой модели мира.

Смертные, люди, в докладе «Возвращение на родину / Сорочичам» – «радостные посланцы ободрения, отец Эфир и ангел дома, Земля и ангел года, и Свет – сами по себе ничего не могут..., если вовремя не окажется кого-то, кто первым и потому в одиночку, поэтизируя, идет навстречу радостному и уже принадлежит ему» [9, с. 35]. Этот «поэтизирующий» – человек – у Гёльдерлина предстал в двух ипостасях: «поэт» или «певец»; «сорочичи», «земляки» или «другие». Последних Хайдеггер именует «слушающими» [9, с. 55].

Обратим внимание на «подсказку», отсылающую к текстам Гёльдерлина. Образ «радующего», «ободряющего», являющийся в стихотворении сквозным, важнейшим в лекции «Возвращение на родину», присутствует и в докладе «Вещь»: вещь в своей вещности «не явит себя без бодрствования смертных» [8, с. 325].

Таким образом, в поэтической картине мира Гёльдерлина прослеживается хайдеггеровская структура, изначально представленная поэтом как смысловое пространство семи элементов. Их распределение на четыре группы произведено уже Хайдеггером. Если в поэзии Гёльдерлина структура суть поэтическая модель мироздания, то Хайдеггер использует ее в онтологическом ключе, обращая к понятию «бытия» как такового.

Заслуживает внимания вопрос о схематичном изображении структуры «четверицы». Хайдеггер в описании единства «четверицы» использует слово «скрещение» – «средокрестие, пересечение нервюр готического крестового свода» [8, с. 431]. В этой связи В.В. Биbihин отмечает: философ «не дает определения бытию и пишет это слово, Sein, перечеркнутым крест-накрест, чтобы напомнить нам, что мы не представляем себе бытия», а «концы этих двух диагоналей... предлагает понимать как указание на четверицу земли и неба, богов и людей» [1, с. 240]. В.А. Подорога предложил перевод фрагмента хайдеггеровского сочинения «На пути к языку», повествующего о четверице как «квадрате четырех» [6, с. 269]. Исследователи подчеркивают, понимание Хайдеггером мира не может быть приведено к привычному для нас смыслу, не требует предметного соотношения с образами сущего.

В.В. Биbihин пишет: «Мир, космос не такая вещь, чтобы представить его в виде схемы. Хайдеггер лишней раз напоминает, что он чистая трансценденция» [1, с. 241]. Таким образом, при схематичном изображении мира (в понимании Хайдеггера) важно помнить об условности изображения, отображающего связи элементов структуры четверицы.

Список литературы

1. Биbihин В.В. Мир. Язык философии. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. – 443 с.
2. Гадамер Г.-Г. Гёльдерлин и античность // Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 207–228.
3. Гвардини Р. Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность / пер. с нем. А.В. Перцева; стихи в пер. С.П. Пургина. – СПб.: Наука, 2015. – 489 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
5. Петрарка Ф. Письма / пер. с лат. В.В. Биbihина. – СПб.: Наука, 2004. – 619 с.
6. Подорога В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. – М.: Ad Marginem, 1995. – 426 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В. В. Биbihина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
8. Хайдеггер М. Вещь / пер. с нем. В.В. Биbihина // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
9. Хайдеггер М. Возвращение на родину / Сородичам / пер. с нем. Г. Б. Ноткина // Разъяснения к поэзии Гельдерлина. – СПб.: Акад. проект, 2003. – С. 13–63.
10. Хайдеггер М. Гёльдерлин и сущность поэзии / пер. с нем. и примеч. А.В. Чусова // Логос. –1991. – № 1. – С. 37–47.

Религиозное развитие и социальное здоровье на примере общества Римской империи I–II вв.

Прежде всего определим понятия, с которыми предстоит работать. Под *религиозным развитием*, в данном историческом контексте, будем понимать несколько разнонаправленных процессов: распространение эллинистических синкретических культов мистической направленности, как следствие присоединения восточных областей; возникновение и возрастание христианской общины; кризис римской и греческой религиозности, спровоцированный развитием философии и политическими трансформациями. Три названных процесса в равной степени взаимообусловлены и вместе составляют содержание серьезного мировоззренческого изменения, сопутствующими явлениями которого были и утрата социального здоровья, и обретение. Под *социальным здоровьем* будем понимать устойчивость социальных институтов, таких как политическая система, образование, семья и быт. Античное общество вследствие нескольких ключевых событий, таких как завоевания Александра Великого, распространение греческой культуры, особенно философии и рост могущества Рима, утратившего свою политическую идентичность, находилось в состоянии поиска путей возвращения социального здоровья и таким выходом для него стала христианство. Рассмотрим данное утверждение подробно.

Переворот в мировоззрении человека совершенный в Античности включает христианство как свое завершение. Два коренных отличия от древности «несет в себе» Античность - греческую философию и римскую империю. Чем же были философия, принявшая христианство как ведущего ведомая и империя, покорившаяся ему, после упорной борьбы, до его возникновения?

Греки отличали свою любовь к мудрости от мудрости, потому что понимали, что язык философии способен *сказать* о мире, но не утвердить его, как именно тот, который *есть* для всех и каждого, ведь ни у одного учения нет такой силы убеждения. Философия открыла человеку «мир как он есть» и разум как начало, ἀρχή мира, как его пронизывающий и им руководящий принцип, но не человека в нем, поскольку имеющий разум человек не обретал места в том мире, каковой им познавал. Человек отныне знал природу сущего и себя как такового, знал, что должен ей следовать, но где есть ее мера для человека? Философия разъединила привычный для мифа, в котором человек благопребывал до того времени, мир непрерывно изменяющихся вещей и неизменный мир их сущности, который прежде миф умел соединить в ритуале, повторяющемся вместе со временем, но

доставляющем совершающего в непреходящее измерение. По эту сторону философия оставила и жизнь человека краткую и незначительную, жизнь которую человек должен был прожить согласно со своей природой, которая разумна и блага, но пребывает вне границ мира видимого и в нем никак не являет себя кроме как в деяниях, деяниях, которые человек совершал сам не ведая ни об их последствиях, ни об их месте в мире.

Тем временем история, в которую вступил человек вышедший из мифа, стремительно шла вперед, обуреваемая страстями человека нового, его желаниями и достижениями их. Философия, вместе с небывалыми победами Александра, приведшими круг земель к единому эллинскому знаменателю, перешла в состояние усредненное – философские школы, одна из которых, а именно Стоя, ясно обозначила будущее направление мысли, собравшей в себе все прежние достижения познания и устремившейся на человека, она же и явно продемонстрировала собственную недостаточность для решения данного вопроса, в силу отсутствия кардинального аргумента, какого философия не знала. Теперь оставался единственный способ для человека удержать равновесие, который был осуществлен полно и всесторонне в Риме. Оставалось надеяться на «крепость земного сооружения». Рим стал таковой империей человека не столько благодаря своему оружию, сколько благодаря господству закона в Римской общине. Впрочем, все же, приходилось этого человека обожествлять, что чаще вызывало насмешку более, чем религиозный восторг.

Рим, как общество, подчиненное закону и ставящее закон выше самого общества, стал господином всего круга земель, так, что, подчас, его владычество принимали добровольно и охотно, не страшась, но почитая римское имя и славу граждан Рима. Римлянин, на краткое время его победоносного шествия, стал для Античности воплощением разумной силы, которой, всякий знал, управляется мир. Однако, сила Рима была в самом его образе жизни и стоило тому перемениться и перестать соответствовать провозглашаемому, стоило Риму начать пользоваться своей властью не разумно, но произвольно, полагая саму власть оправданием ее неограниченности, как мировоззренческий авторитет завоевателей стал стремительно падать. Под изменениями образа жизни мы имеем в виду развращение нравов, которое пытался остановить Август и которое потом более всего было видно именно по высшим слоям римского общества (имя Нерона в числовом значении даже обозначило некий образ Зла для христиан).

Рим подошел к рубежу эр подлинно столицей мира, но историки констатируют [2; 4; 5] состояние глубочайшего кризиса в Римском государстве, слава которого принесла ему нескончаемые беды от ее желанности и могущество которого погубило сами свои истоки - римские

добродетели. Блистательный Цезарь был по сути своей чрезвычайными мерами, какие предпринял Рим, чтобы остановить все более очевидную несостоятельность всего предприятия. Государственный корабль стал неуправляемым, закон без законопослушания стал пуст и мертв и подобно обузе был сброшен, ведь кроме человека некому было стать его хранителем. Но римляне были на то и римлянами, они сохраняли ожесточенное упорство и когда Цезарь был убит, появился Август, попытавшийся смягчить новизну тех мер, которыми был и оправдать явную их потребность, и Цезарь был обожествлен, и был обожествлен Август. Чрезвычайные меры стали болезненной и нестабильной нормой для ставшего, не менее болезненного, обычным кризиса, вызвавшего их к жизни. Период правления Юлиев-Клавдиев стал временем усиления как мер, так и кризиса. Но для христианства то было начало, начало его борьбы и его победы.

Христианство стало ответом на главные чаяния своего времени: философия искала выход к мифу, где совпадали бы конечное и безграничное, Рим искал безусловный закон, неподвластный слабости человека и ее устранивающий, Восток не надеялся обрести государственность, но искал оформления своим исконным мистическим чаяниям. Всё античное общество желало социального выздоровления. Христианская община и учение смогли стать таким лекарством в силу ряда причин: прежде всего христианство давало уверовавшему веру, сильное мобилизующее чувство, фактически – цель; христианство давало крепкую общность, в которой каждый член чувствовал себя именно частью целого, а это – основа социума; христианство устанавливало ряд непреложных правил, восстанавливающих древнее благочестие, по существу общее для всех религиозных систем древности и Античности (направленное на поддержание жизни – мир, семья, человеколюбие, честь). О том, что нравы христиан сильно отличались от нравов прочих членов античного общества, свидетельствует как стремительное пополнение их рядов, так и собственные свидетельства [См.: 1]. О том, что христианская вера была искренней и давала силы, свидетельствуют многочисленные мученичества. Конечно, подобные процессы могут показаться скорее негативными для социального здоровья, но мы склонны считать это сопутствующими выздоровлению «муками». Другой вопрос в том, что античному обществу не пришлось пожинать плоды христианизации – наступили Средние века. Впрочем, это иная тема.

Интересно об описанных процессах пишет церковный историк Луи Дюшен: "...Несмотря на безобразия, разыгрывавшиеся в Риме, Римская империя обеспечивала мир, безопасность и даже свободу...", "однако в этом громадном теле было больше материальной жизни, чем умственной деятельности", "блеск поэзии и красноречия угас... ..сама философия была в упадке", не занимаясь метафизикой

и не будучи способной влиять "на римскую чернь или на массу населения в провинциях" [3, с. 4, 5]. Подробно отзывается Дюшен и о религиозной ситуации, говоря об упадке религиозности как римской, в которой осталась лишь "официальная обрядность", так и греческой, "фантазия <которой> сумела облечь в блестящие образы отвлеченные идеи первобытного натурализма", а философия, отыскав "космогонический смысл" подорвала к ним доверие, после чего "...религиозное чувство ушло в мистерии, сулившие раскрыть вековечные тайны, освободить плененную душу и обеспечить ей счастье в будущей жизни" [3, с. 4]. Эти греческие мистерии, по Дюшену, не могли привлечь простой народ и когда с Востока пришли "шумные, опьяняющие" культы в них религиозность нашла пищу, которую она не находила "более в официальных церемониях", которые также претерпели значительные перемены – скоро в них особое место занял культ Рима и Августа, как "связанный с организацией городских муниципий и провинций" и так "стал важнейшей частью официальной религии" [3, с. 6]. В целом мы видим как созвучно сказанному вышеприведенное, но наиболее интересны нам выводы проф. Дюшена, состоящие в уже знакомом признании римского владычества, положительным обстоятельством для распространения христианства и философии, как "союзника, в виду тех ударов, которые она нанесла старым преданиям, и ее неспособности взамен их создать нечто свое" [3, с. 7].

Так же считает и Филипп Шафф, известный церковный историк: греки, по его мнению, "обрели ясность и свободу зрелого сознания" и дали свой "богатый и красивый язык" [6, с. 61] всей ойкумене, "греческая философия стала мостом к христианской вере", "но если не считать неизменной ценности греческой литературы, слава самой Греции к моменту рождения <христианства> уже безвозвратно ушла"; "римляне обладали самым сильным характером и были рождены, чтобы править миром" [6, с. 62], но заполучив то, чего желали римляне изменились, как было сказано, "...бесконечная экспансия и внешнее процветание привели к пренебрежению семейными и общественными ценностями" [6, с. 64], ибо, добавим, дойдя до пределов завоеваний римские доблесть и сила обратились против самих себя и стали жестокостью и произволом. Провозглашаемые и осуществляемые на практике христианством добродетели любви и милосердия вели к восстановлению социального здоровья и в рамках христианских общин, и в перспективе в рамках всего общества.

Впрочем, подводя итоги, скажем, что эта идиллическая картина была бы верна, если бы дальнейшее историческое развитие не превратило, слишком быстро, христианство в господствующее учение, причем для членов иных обществ, не античного, ведь античное прекратило свое существование. Естественная христианизация смени-

лась искусственной и последствия для социального здоровья общества государств Средних веков всем известны. Таким образом мы можем сделать вывод, упрощая всё вышесказанное, что религиозное развитие, в рамках которого старая система отмирает, а новая аккумулирует всё нужное обществу благотворно влияет на социальное здоровье, до тех пор, пока новое учение не становится системой, которая склонна, как организм, накапливать ошибки и разрушаться. Для римского общества I–II вв. это справедливо.

Список литературы

1. Апология Тертуллиана // Богословские труды. Вып. 25. М.: Издание Московской Патриархии, 1984. – С. 176–225.
2. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи / пер. с англ. В.Н. Неведомского. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 704 с.: 420 ил.
3. Дюшен Л. История древней церкви. Т. 1 / пер. с пятого фр. изд. под ред. проф. И. В. Попова и проф. А. П. Орлова. – М.: Тип. Императорского Московского университета, 1912. – 390 с.
4. Историки античности: в 2 т. Т. 2. Древний Рим / пер. с лат.; сост. и прим. М. Томашевской. – М.: Правда, 1989. – 649 с.
5. Моммзен Т. История римских императоров. По конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882–1886 гг. / пер. с нем. Т. А. Орестовой. – СПб.: Изд. дом «Ювента», 2002. – 631 с.
6. Шафф Ф. История христианской церкви. Т. 1. Апостольское христианство. 1–100 г. по Р.Х. – СПб.: «Библия для всех», 2007. – 585 с.

Г. И. Синько

К проблеме теории и практики здорового образа жизни как социального явления

Общеизвестно, что здоровье – это не просто отсутствие заболеваний, но и сложный комплекс психофизического и духовного благополучия человека.

Здоровый образ жизни – это стремление человека контролировать необходимые условия жизни для поддержания наилучшего состояния своего организма и личности. Это способ деятельности, соответствующая которому, человек соблюдает особые правила и предписания, которые направлены на улучшение качества жизни и достижения долголетия. Забота о здоровье – несомненная ценность для человека, важность которой трудно переоценить. Значимость этого явления носит не только индивидуальный, но и общественный характер. Это позволяет рассматривать здоровый образ жизни как социально обусловленный поведенческий процесс.

В социологии XX в. здоровому образу жизни уделялось важное значение. Классики гуманистической социологии полагали, что ответственное отношение к здоровью – это социально необходимое явление, которое необходимо поощрять и поддерживать. Французский социолог Э. Дюркгейм выделяет понятие «социальное здоровье», под которым он понимает положительную динамику жизненных сил индивида, группы или общества в целом, их способность к адаптации и развитию в определенных условиях среды. Это повышает шансы людей на более долгую продуктивную жизнь. Особое значение Э. Дюркгейм придает здоровому образу жизни молодежи как репродуктивно активной части общества, группе социального воспроизводства. Он понимает общество как механизм регуляции поведения людей, посредством которого, здоровый образ жизни должен стать важным компонентом социальной реальности [3; 4]. Молодежь усваивает опыт предыдущих поколений через навыки, традиции, ценности, поэтому образ жизни отчасти наследуется как социальный капитал. Капитализация здорового образа жизни является важным элементом воспитания молодежи для формирования положительного общественного климата, уверенности в будущем.

Воспитание, по мнению Э. Дюркгейма, играет важную социальную роль, так как стимулирует развитие значимых коллективных представлений в индивидуальном сознании. Он отмечает: «коллективное представление развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и свои чувства, и длинные ряды поколений... накапливали свой опыт и свои знания» [5, с. 218].

Важность влияния коллектива на поведение индивида подчеркивает классик немецкой социологии М. Вебер: «...действия каждого человека ориентированы на действия других, и все люди придают особую ценность коллективным образованиям, в которых они участвуют. Прято связывать такую субъективную ориентацию и ценности с условиями социального бытия, в котором они рождаются» [1, с. 571].

М. Вебер уделял особое значение социальному характеру здорового образа жизни: «действия индивида, влияющие на сохранность здоровья, мы относим к социальным» [2, с. 502]. На выбор того или иного способа сохранения здоровья оказывают влияние факторы социального характера личности, такие, как принадлежность к одной из статусных групп, включенность в коллективные действия, вовлеченность в общественно значимые процессы.

В российском обществе в конце XIX – начале XX в. делались попытки реализовать программу привлечения к здоровому образу жизни представителей различных социальных групп, от средней ин-

теллигенции до городской бедноты. В дореволюционной России центрами воспитания здорового образа жизни стали Народные дома. Это были общественные негосударственные учреждения, целью которых была организация просветительской и культурно-досуговой деятельности. Открывались и содержались народные дома, в основном, на средства общественных организаций, частных благотворителей, муниципальных управ.

Деятельность Народных домов была разнообразной. В большинстве из них размещались библиотеки с читальнями, воскресные школы, вечерние образовательные курсы для взрослых, общества трезвости, лекционные, театральные-концертные, гимнастические залы, столовые. Во многих домах были музеи с передвижными и постоянно действующими выставками, мастерские для обучения ремеслам, центры сельскохозяйственного просвещения.

Пользовались услугами Народных домов представители городские разночинцы, студенты, солдаты, рабочие и члены их семей, крестьянство. К началу XX в. в Санкт-Петербурге действовало более десяти Народных домов. В других регионах империи подобные организации также были весьма популярны. До 1917 г. Народные дома были открыты в Москве, Томске, Уфе, Нижнем Новгороде, Челябинске, Львове, Виннице и других городах России.

Во многих Народных домах развивалась добровольческая деятельность. Например, в Лиговском народном доме (Санкт-Петербург) более трети задействованных в обслуживании лиц работало бесплатно.

На добровольческих началах участвовали в работе народных домов виднейшие представители творческой интеллигенции, ученые и общественные деятели России. В одном из крупнейших культурно-просветительских учреждений дореволюционного Петербурга – Народном доме императора Николая II, открытом 25 декабря 1900 г., с благотворительными концертами выступали В.Н. Давыдов, Л.В. Собинов, Ф.И. Шаляпин, М.Н. Кузнецова-Бенуа и другие. Ф.И. Шаляпин принял активное участие в строительстве народного дома в Нижнем Новгороде, который открылся 5 сентября 1903 г. его концертом. В Лиговском Народном доме, построенном в Санкт-Петербурге в 1904 г. на средства графини С.В. Паниной с благотворительными лекциями выступали В.И. Вернадский, А.П. Карпинский, Г.О. Графтио, П.Ф. Лесгафт и другие. Научно-просветительская и художественно-театральная деятельность этого учреждения была отмечена на Брюссельской выставке 1910 г. премией за пропаганду достижений науки, техники и искусства.

Эти учреждения становились центрами культурно-образовательной жизни, как в российской провинции, так и в столичных городах.

Их регулярно посещало большое количество людей различных социальных слоев общества.

Воспитание здорового образа жизни в Народных домах происходило путем пропаганды трезвости, отвлечением от пагубных привычек и пристрастий, которые были популярны в бытовой культуре народных масс. Повышение уровня общей культуры, приобщение к образованию, искусству способствовало пробуждению осознания важности развития личности, повышению уровня социальных притязаний у простых людей.

В современной России возрождение Народных домов может сыграть важную роль в пропаганде здорового образа жизни. Просветительские лекции о вреде вредных привычек, бесплатные спортивные залы, выступления деятелей науки и искусства – только некоторые инициативы, которые могли бы приносить реальную пользу в формировании положительных мыслительных установок и поведенческих реакций по отношению к здоровому образу жизни.

Список литературы

1. Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера // Макс Вебер. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков / ред. В. И. Добренко. – М., 1996.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996.
4. Дюркгейм Э. Социология образования. – М., 1996.
5. Дюркгейм Э. Социология и теория познания // Хрестоматия по истории психологии. – М., 1980.

М. Ю. Смирнов

Проблема ценностей в официальном дискурсе

Выступая на первом пленарном заседании Всемирного русского народного собора 31.10.2013, патриарх Московский и всея Руси Кирилл вполне обоснованно поставил вопрос о значении для общества устойчивой системы ценностей, определяющей мотивацию к социальной солидарности. По его словам: «Безусловно, люди разных взглядов и убеждений не всегда понимают общественные ценности одинаково. Есть оттенки и нюансы, есть пространство для дискуссии, для диалога. Невозможен, однако, никакой диалог с теми, кто эти ценности грубо принижает, высмеивает, топчет, кто разрушает межнациональный и межрелигиозный мир. Сегодня отрицание ценностей стало одним из самых опасных проявлений сил духовного разрушения. В этой ситуации защита ценностей – это защита нашего духовного суверенитета» [4].

Такая постановка проблемы побуждает, прежде всего, определить, что именно в современной России рассматривается в качестве ценностей, каким образом в официальном дискурсе, на уровне документов государственного значения формируется, так сказать, базовый ценностный набор.

Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 была утверждена **«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»**, разработанная межведомственной рабочей группой Межведомственной комиссии Совета безопасности РФ по проблемам стратегического планирования. Пункт 1.1. документа содержал перечень **общих ценностей** в такой формулировке: «Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма» [7].

В июле 2014 г. в текст «Стратегии...» был внесён ряд изменений, а в конце 2015 г. этот документ был существенно переработан и утверждён Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 **«О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»**. Здесь перечисление **общих ценностей** было дано в уточнённой редакции (пункт 11): «Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм». Наряду с этим, обновленная «Стратегия...» ввела понятие **традиционные российские духовно-нравственные ценности**, к которым в пункте 78 были отнесены: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» [8].

Ещё один официальный перечень содержится в **«Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»** (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р), которая использует термин **духовно-нравственные ценности** и перечисляет их. В разделе «Общие положения» этого документа говорится: «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей

и своим Отечеством» [9]. В этом же документе раздел III (Основные направления развития воспитания) содержит ещё ряд наименований ценностей, но уже без их конкретизации: «традиционные семейные духовно-нравственные ценности» и «традиционные российские культурные, в том числе эстетические, нравственные и семейные ценности» (п. 1); «традиционные культурные, духовные и нравственные ценности российского общества» и «российские культурные, нравственные и семейные ценности» (п. 2).

Употребление эпитета «традиционные» стало частым атрибутом по отношению к ценностям, упоминаемым в официальном дискурсе. В то же время, пояснение смысла «традиционности», за исключением отсылок к исторической длительности существования, фактически отсутствует. По справедливому замечанию Е. А. Степановой: «Главный недостаток темы традиционных ценностей ... заключается в том, что она существует лишь на дискурсивном уровне, никак не проявляясь в повседневных моральных практиках, хотя должна была бы способствовать формированию национальной идентичности, преемственности в ходе социальных трансформаций и излечению связанных с ними травм» [6, с. 313].

Перевод декларируемых ценностей в практическую сферу преследовался, очевидно, в документах, посвящённых некоторым направлениям государственной политики. Прежде всего, это **«Основы государственной культурной политики»** (утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808). Здесь уже во Введении дана характеристика культуры как инструмента передачи новым поколениям ***свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности***. В разделе «Общие положения» в понятие культуры включены сохранение, производство, трансляция и распространение «духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)»; к содержанию культурной политики отнесено формирование личности на основе «присущей российскому обществу системы ценностей»; «духовная сфера» определена как «система представлений о мире и человеке, о человеческом обществе и отношениях людей, о ценностях и их иерархии», а «менталитет, ментальность российского народа» – как «совокупность интеллектуальных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих россиянам». Среди целей государственной культурной политики (раздел IV) указана передача от поколения к поколению «традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения». К числу принципов государственной культурной политики (раздел V) отнесена реализация права на доступ к «культурным ценностям». А в перечне задач государственной культурной политики (раздел VI) в области воспитания значится

утверждение в общественном сознании «традиционных семейных ценностей» [2].

Можно заметить, что конкретизация значимых ценностей идёт по пути умножения понятийного ряда, без раскрытия содержания вводимых понятий.

Аналогичную картину демонстрирует и документ **«Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»** (утверждён распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р). В постановке целей и приоритетных задач государственной молодёжной политики (раздел III, пункт 7.а) указывается на «формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства, предусматривающей создание условий для воспитания и развития молодёжи, знающей и ответственно реализующей свои конституционные права и обязанности, обладающей гуманистическим мировоззрением, устойчивой системой нравственных и гражданских ценностей, проявляющей знание своего культурного, исторического, национального наследия и уважение к его многообразию, а также развитие в молодёжной среде культуры созидательных межэтнических отношений», и далее ещё упоминается «укрепление нравственных ценностей»; а пункт 7.в указывает на «формирование ценностей здорового образа жизни» [3].

Во всех приведённых официальных документах отсылки к религиозному контенту ценностей предельно минимальны (изредка встречается слово «конфессиональные», чаще, но без явной привязки к религии, слово «духовные»). В принципе, это можно считать показателем реализма данных документов, составители которых не могли не учитывать наличное состояние отношения к религии в современном российском обществе.

Согласно исследовательским выводам, которые разделяет и автор статьи, «в секулярном обществе религиозные ценности не воспринимаются светскими людьми как терминальные, определяющие их жизнь и поступки, – скорее как то, что присутствует в воспитании и образовании и перенимается молодым поколением автоматически. Поэтому, анализируя религиозные ценности, сравнивая их с другими ценностями культуры, молодёжь даёт им низкие оценки, понимая, что они присутствуют в их сознании как часть культурного багажа, но не как реальные руководства к действию» [1, с. 491].

Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 **«О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.»** обозначил целый диапазон ценностей, которые необходимо учитывать при формировании государственной национальной политики. В документе, уже без перечисления, дана отсылка к «традиционным российским духовно-нравственным ценностям» (п. 14 и п. 21д), причём указано,

что происходит их размывание, «в том числе, вследствие глобализации». Дополнительно, хотя без какого-либо определения, введено понятие «культурные ценности народов России» (п. 21¹). также без определений в тексте значатся понятия «социальные и культурные ценности» (п. 4в) и «базовые ценности российского общества» (п. 4г). Перечисление встречается только в п. 11б, где говорится о **единых принципах и ценностях** (без их разделения, то есть как об одном и том же), к которым отнесены: «патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, взаимопомощь, коллективизм» [10].

Упомянем, наконец, и Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 20.11.2018) **О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»**. В этом документе понятие «ценности», как само по себе, так и в любом сочетании – отсутствует полностью.

Даже при наличии нескольких вариантов перечисления того, что следует рассматривать как социально необходимые ценности, терминологический разброс в их обозначении и неопределённость употребления существенно снижают обязывающий статус ценностных ориентиров государственной политики.

Пожалуй, что единственным внятным и постоянным является мотив традиционности ценностей, то есть обращённость к отечественному историческому опыту. Однако в каком объёме этот опыт реально необходим и возможен к применению – это остаётся за пределами официальных формулировок, что приводит лишь к декларативному их характеру и соответствующему сниженному восприятию.

В любом случае следует помнить, что в состав основ конституционного строя Российской Федерации входит норма, предписанная 2-й статьей Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». То есть не граждане существуют для государства, а государство существует для граждан.

Список литературы

1. Ивлева М. Л., Курилов С. Н., Россман В. И. Религиозные ценности глазами молодёжи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2018. – Т. 18. – № 3. – С. 481–493.

2. Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 № 808. [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70828330/>

3. Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждены распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf>

4. Патриарх Кирилл: «Защита ценностей – это защита нашего духовного суверенитета». [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/news_rl/2013/10/31/patriarh_kirill_zawita_cennostej_eto_zawita_nashego_duhovnogo_suvereniteta/
5. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 N 1493 (ред. от 20.11.2018) О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>
6. Степанова Е. А. Традиционные ценности: специфика религиозного и светского обоснования // Наука о религии в XXI веке: традиционные методы и новые парадигмы: Материалы Второго конгресса российских исследователей религии. Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2014 года. – СПб., 2014. – С. 292–313.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. [Электронный ресурс]. – URL: <https://library.fsetan.ru/doc/o-strategii-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii-do-2020-goda-s-izmeneniyami-na-1-iyulya-2014-goda/>
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.2235068719104527#026987987948285075>
9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/06/08/vospitanie-dok.htm>
10. Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N 1666». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72020010/>

О. А. Сучкова

Репрезентация понятия «секта» в интернет-дискурсе

В 90-е гг. по мере развития православного сектоведения и появления специалистов при миссионерских отделах, защищающих православное учение, начал также формироваться и особый дискурс, характеризующий секту как тоталитарную и деструктивную организацию. Данная характеристика при участии средств массовой информации начала активно проникать в широкие массы и в последствии стала неотъемлемой частью лексикона среднестатистического жителя России.

Мало, кто в публичном языковом дискурсе говорит о секте с позиции социологической методологии в рамках научного подхода, опираясь на исследования М. Вебера, Э. Трельча и Р. Нибура [1]. Обычно это происходит в области узкого сегмента науки – академи-

ческом религиоведении. Сами ученые чаще всего используют данный термин с акцентом на его функциональную значимость и в нейтральном значении.

В рамках конфессионального религиоведения секта чаще всего бывает представлена в негативном контексте и как отрицательное явление [2]. Однако исследователь В. А. Мартинович отмечает, что православное сектоведение является одним из возможных подходов к изучению нетрадиционной религиозности. Он выделяет пять направлений, в рамках которых возможно изучение сектанства [3].

На наш взгляд, несмотря на указанное выше многообразие подходов, в русскоязычном дискурсе чаще всего доминируют идеи «противокультурной» и «антикультурной» школ. Особенно это заметно в языке СМИ, политической риторике, а также в повседневном дискурсе жителей России. Подтвердить или опровергнуть преимущественно отрицательное значение понятия «секта» мы сможем, обратившись к практической части нашего исследования.

В 2013 г. нами было проведено несколько опросов в сети Интернет. Два из них были реализованы через специальную форму опросов Google и размещены преимущественно в социальных сетях. Проект состоял из двух частей: первая часть – опрос участников на разных ресурсах с помощью анкет с фиксированным списком вопросов; вторая часть – опрос участников на двух ресурсах с помощью одного открытого вопроса, сюда же мы отнесли свободные ответы участников фиксированного опроса.

Описание результатов анкетирования с закрытыми вопросами

Одна из анкет предназначалась для христиан-протестантов и была размещена в специальных тематических сообществах все тех же социальных сетей. Вторая анкета предназначалась для более широкого круга участников и размещалась она в социальных сетях, в других нехристианских и нерелигиозных сообществах. Третий опрос был размещен на сайте Pollservice.ru, четвертый – на сайте Otvet.mail.ru.

Вопросы анкеты и варианты ответов были идентичны во всех опросах: «Какие у вас возникают ассоциации, когда встречаете слово "секта" в СМИ?»

1. Религиозное направление, которое отделилось от основного, и его учение пока мало кому известно;
2. Не знаю, что-то страшное;
3. Место, где зомбируют и подавляют волю человека;
4. Нетрадиционное вероучение;
5. Место, откуда трудно выбраться;
6. Это там, где совершают человеческие жертвоприношения;
7. Экстремистская организация;

8. Что-то тоталитарное и деструктивное со своими адептами;
9. Это те, кто навязывают свою веру;
10. Религиозная община, где есть лидер, которому поклоняются, вместо Бога;
11. Круг по интересам;
12. Больные или доверчивые люди;
13. Затрудняюсь ответить;
14. Другое.

Предложенные варианты ответов были выбраны для анкеты как наиболее частотные в употреблении в СМИ и в бытовом дискурсе. Во всех четырех опросах пользователям было разрешено выбирать несколько вариантов.

Можно распределить данные ответы в соответствии с позитивной, негативной и нейтральной тональностью, которые они в себе несут. Таким образом, у нас получилось, что 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 – это ответы с отрицательным значением. 1, 4, 11 – ответы с нейтральным значением. Ответ под номером 13 не предполагает наличия какой-либо тональности. Ответ под номером 14 предполагает открытый ответ, который может быть любым по тональности, количественный подсчет этих ответов был достаточно сложен, так как некоторые из ответов оказались неинформативными и не относящиеся к сути вопроса.

Всего в опросе приняло 702 человека, так как пользователям было разрешено выбирать несколько вариантов, ответов получилось в два раза больше, чем количество участников – 1462.

Самым популярным ответом, который выбирали участники, оказался вариант «Место, где зомбируют и подавляют волю человека» (21 % от общего числа ответов). В опросах, размещенных на нерелигиозных площадках, эти ответы распределились от 22 до 24 % от общего числа ответов для каждого из сообщества. Тогда как протестанты оказались более сдержанными в выборе этого варианта ответа – 17 %.

На втором месте оказался вариант №1 «Религиозное направление, которое отделилось от основного, и его учение пока мало кому известно» (13 % от общего числа ответов). Протестанты также отдали 17 % своих голосов, участники Otvet.mail.ru – 14 %, участники Pollservice.ru – 11 % и остальные отвечающие на вопросы Google-анкеты – 10 %.

Третье место по количеству ответов занял вариант №10 «Религиозная община, где есть лидер, которому поклоняются, вместо Бога» (11 % от общего числа ответов). 16 % протестантов выбрало этот вариант, остальные отвечающие на вопросы Google-анкеты – 13 %, участники сайта Otvet.mail.ru, выбравших этот вариант, оказалось

11 %, а вот у участников сайта Pollservice.ru более популярным оказался другой вариант ответа № 12 «Больные и доверчивые люди», за него они отдали 11 %.

Также стоит отметить два ответа, которые набрали по 12 % голосов в Google-анкетах: у протестантов это вариант №4 «Нетрадиционное вероучение», а у остальных участников – это вариант №5 «Место, откуда трудно выбраться».

Если соотнести количество ответов на нейтральные и отрицательные варианты, то больше всего мы их найдем у протестантов, почти 1/3 (30 %) от общего количества ответов этой группы респондентов. У других участников опроса ответы равномерно распределены: 20–22 % для каждой тональности.

Описание результатов опроса с открытыми вопросами

Получив результаты анкетирования с фиксированными вопросами, в 2014 г. мы снова опросили участников проекта Mail.Ru и одного из сообществ ВКонтакте, задав им один вопрос: «Какой смысл вы вкладываете в понятие «секта», когда встречаете его в СМИ или употребляете в речи?» Полученные результаты мы суммировали с открытыми ответами, которые были даны во время первой части опроса (ответы, которые прислали участники, выбрав вариант №14 «Свой вариант»). Ответы были классифицированы по тематическим группам и соответственно распределены.

Стоит отметить, что некоторые ответы не могли быть учтены (или учтены не в полном размере) из-за ненормативной лексики, присутствовавшей в них. Также в связи со спецификой общения и анонимности в интернете нам трудно назвать точное количество открытых ответов, но большинство из них отражены в нашей работе. Так что в этом случае мы исследуем не количественную характеристику ответов, а качественную.

Мы распределили ответы по пяти тематическим группам, шестая группа – это ответы, которые мы не смогли отнести ни к одной из тем. По пяти группам распределились ответы, которые:

1. Характеризуют «секту» как организацию (9 примеров);
2. Характеризуют людей, находящихся в «секте» (14 примеров);
3. Нейтрально или отстраненно отзываются о понятии «секта» как организации и как людях, принимающих участие в ней (7 примеров);
4. Связывают понятие «секты» с идеологической войной и конспирологическими теориями (7 примеров);
5. Обозначают наименования конкретных организаций, светских или религиозных (10 примеров).

А также 19 ответов, которые мы отнесли к разделу «Другие».

Далее мы попробуем выделить общие черты для каждой тематической группы, обращаясь к смыслу каждой фразы. Для этого мы обратим внимание на лексические средства, которые использовали респонденты, отвечая на вопрос.

Характеристика «секты» как организации

Криминализация понятия – лексика и высказывания, характеризующие «секту» как нарушающую закон: «запрещенная», «лохотрон», «запрещенное законом», «руководители сект – мошенники», «(часто) с человеческими жертвоприношениями», «(почти) тоталитарное сообщество», «скрывающиеся от правосудия», «ломка психики и характера (иногда через наркотики)», «преступная организация».

«Дихотомия "мы-они"» – лексика и высказывания, характеризующие «секту» в оппозиции к «нормальному светскому обществу» или чему-то другому: «подлежат немедленному уничтожению с лица земли в силу их враждебности и коварства к трудящемуся слою человечества <...> которые спокойно обходятся без всякой религии», «маргинальная группа людей, проповедующих часто сомнительные идущие в разрез с общечеловеческими ценностями идеи», «деятельность секты несет асоциальный характер и часто выходит за пределы группы, принося прямой вред обществу», «закрытые организации», «религиозные организации, которые позиционируют себя как христиане, но суть их учения противоречит христианскому вероучению».

«Финансовый вопрос» – лексика и речевые конструкции, которые характеризуют «секту» и ее руководителей как желающих власти и денег. Это смысловое поле тесно связано с криминальной тематикой, однако мы решили его отделить. Здесь же можно обозначить другое смысловое поле, назовем его «Адепты-жертвы» характеризующее участников таких организаций как доверчивых и лишенных критического мышления, сюда же можно отнести подверженность таких людей психологическому влиянию: «обирающие легковверных людей», «иметь власть над глупыми людьми и собирать с них деньги».

Характеристика людей, находящихся в «секте»

Далее мы будем встречаться с повторяющимися смыслами, поэтому без дополнительного разъяснения перейдем к примерам.

«Адепты-жертвы»: «группа умалишённых людей», «группа людей с промытым мозгом, не имеющих своего мнения», «что-то вроде недостойного общества <...> слабых людей <...> что-то мелкое, убогое одинокое, жалкое, безнадёжное, пропащее, попавшие под влияние люди, люди отчаянные, желавшие почувствовать себя действительно настоящими людьми <...> сами жалкие и порой не в состоянии помочь самим себе», «группа зомбированных людей»,

«больные люди на голову», «безвольные терпилы», «группа фанатов, у которых узкий круг мировоззрения», «совместно сходящие с ума».

Криминализация понятия и «Финансовый вопрос»: «мошенники, преступники и вымогатели в руководстве любой секты», «уголовники, пытающиеся сорвать бабло», «шустрячки, находят себе легковерных для своего прихода, дурят им головы, с того и жируют».

«Дихотомия "мы-они"»: «люди которые презирают окружающий мир или скорбят за него, те которые хотят всеобщего блага и добра для всех, хотя сами жалкие <...> потерянные люди, придумавшие свой мирок», «группа фанатиков исповедующая идеи, отличные от традиционных», «люди, не способные реализоваться в обществе».

Отстраненные определения

В эту тему мы отнесли высказывания людей, в которых понятие «секта» дается максимально нейтрально, без личного оценочного суждения, как если бы респондент цитировал энциклопедию или словарь. Эту тему можно также выделить и в одну категорию **отстраненных определений**, которая включает в себя следующие смыслы: понятие «секта» – это группа людей, которая проповедует взгляды, отличные от других; направление, отколовшееся от традиционной религии; по истечении времени после успешной адаптации в обществе это течение может перейти на другой уровень и перестать быть «сектой»; «секта» изолирована и закрыта от внешнего мира; люди в «секте» объединены общей идеей. Три из семи участников указали на происхождение этого понятия от слова «сектор».

Конспирологические теории

«Агенты запада» – высказывания, которые характеризует «секту» как шпиона и агента западного влияния в России: «элемент идеологической войны против России на религиозном уровне», «почему-то все секты появляются не на святой земле Иордана, а США».

«Теория заговора» – высказывания, в которых оценочный акцент смещается на любой другой объект, имеющий влияние в обществе (например, СМИ, сектоведы, политики), а «секта» как понятие выступает в качестве жертвы или объекта манипуляции.

- «Под эту формулировку попадут многие структуры, далеко не религиозные. А иногда под это понятие подгоняют неугодных. Все не так однозначно...»

- «Это абсолютно любая религиозная группа, которая не вхожа в коридоры власти».

- «Термин тоталитарная секта сам по себе бред. СМИ же зачастую выдумывают страшилки про секты, рассказывая небылицы, запугивая народ».

- «Обычно секта в российских СМИ упоминается с приставкой тоталитарная, т.е. имеет уже негативный окрас... Отсюда и ассоциации – деструктивная псевдорелигиозная организация».

Названия конкретных организаций

Наиболее популярный ответ в этом разделе – это РПЦ (5 ответов), под которым респонденты скорее всего подразумевали Русскую православную церковь, а также пятый ответ был с уточнением, что «секта» это «ответвление от истины, например, православие».

Два ответа касались политической партии «Единая Россия» и один ответ обезличенно объявил «сектой» коммунистическую партию.

Ответы в разделе «**Другие**» с трудом поддаются классификации, однако, мы можем выделить некоторые общие черты.

Например, отрицательная оценочная лексика и высказывания, которые характеризуют понятие «секты» в негативном свете: «глубочайшее отвращение», «что-то очень плохое», «расчленение людей». Сюда же можно отнести односоставные предложения: «пакость», «жалость», «вляпались», «клетка», «плохие».

Фразу «отсутствие разума» можно отнести к ранее обозначенной нами категории «Адепты-жертвы», а характеристику «секты» как «банды» отнесем к категории «Криминал», к категории «Финансовый вопрос» можно добавить анекдот, предложенный одним из респондентов: «Здравствуйтесь, перепишите на меня квартиру и дачу. Ой, простите, вы верите в Бога?»

Смещение оценочных акцентов («Теория заговора») мы можем увидеть в ответах, в которых респонденты обвиняют сектоведов в том, что те оказывают негативное влияние на бытование понятия «секта» в дискурсивном пространстве: «В этом плане официальные сектоведы ничуть не лучше обманщиков-гуру, т. к. они точно также жонглируют недоказуемым, призывая "прийти именно к ним"»; «Изначально слово секта не имело отрицательного значения. Негативный фон оно получило благодаря разным странным, так называемым сектоловам православным, чтобы отпугнуть их от всех христианских течений кроме православия».

Отдельным пунктом в нашей работе можно выделить **ответы протестантских конфессий**.

- «Те религиозные организации, которые позиционируют себя как христиане, но суть их учения противоречит христианскому вероучению, противоречит Библии и является ересью».

- «Закрытые организации считающие что только они несут истину».

- «Секта – от слова "сектор", часть целого. В религиозном отношении часть какого-то учения, вероисповедания, например, христианского. Характеризуется обычно закрытостью, изолированностью, неприятием другого опыта».

- «Секта – это организация некоего количества людей, движимых (объединенных) одной идеей или видением».

- «От слова "сектор". Как правило, отличается фундаменталистской направленностью религиозного мышления».

- «Секта – это кривое зеркало религии».

- «Вызывает впечатление, что человек, употребляющий это слово, полагается на религиозную безграмотность и невежество, а значит и страх опорочить какую-либо религиозную организацию (как правило)».

- «Изначально слово секта не имело отрицательного значения. Негативный фон оно получило благодаря разным странным, так называемым сектоловам православным, чтобы отпугнуть их от всех христианских течений кроме православия. В основном пострадали протестанты – вторая по численности конфессий христианства в мире»

Как мы видим, оппозиция «мы-они» здесь реализуется в другой форме – в виде догматического спора, не «нормальное общество и сектанты», а например, «истинное христианство и сектанты».

Второе, что можно заметить, три из семи ответов в теме «Отстраненные определения» принадлежат респондентам из группы протестантов. Данные ответы представлены с нейтральной оценкой понятия «секта». Характеристику «секты» как «кривое зеркало религий» тоже можно назвать нейтральной и эмоционально сниженной в данном контексте.

И третий пункт, который стоит отметить в связи с ответами протестантов, что среди них есть обвинительный выпад в адрес сектоведов, в котором отмечается угнетаемое положение их конфессии: «В основном пострадали протестанты – вторая по численности конфессия христианства в мире».

Анализируя ответы, которые мы получили в результате первой части исследования, можно сказать, что вариант ответа «Место, где зомбируют и подавляют волю человека», за который проголосовала пятая часть респондентов, говорит о негативном восприятии понятия «секта».

Нейтральный вариант ответа «Религиозное направление, которое отделилось от основного, и его учение пока мало кому известно» занял второе место с отставанием в 8 %.

Третье место также занял ответ с отрицательной коннотацией: «Религиозная община, где есть лидер, которому поклоняются, вместо Бога», его выбрала десятая часть респондентов.

Показатели анкет, на вопросы которой отвечали протестанты, немного отличаются от общей картины, а именно своей равномерностью распределения ответов по первым трем местам (17 %, 17 %, 16 % соответственно). Причем именно протестанты отдали больше всего голосов за нейтральный вариант ответа по сравнению с другими группами респондентов. Именно у протестантов на четвертом месте по популярности находится другой относительно нейтральный ответ: «Нетрадиционное вероучение» (12 %). Также именно группа респондентов, в которую входили протестанты, занимает первое место по числу выбравших ответы с нейтральной тональностью.

Подводя итоги работы с категориями, также можно определить их оценочное и смысловое значение. Как уже было упомянуто в ходе исследования, категория выражений, криминализирующих понятие «секта», тесно связана с категорией «Финансовый вопрос», но по причине большого количества примеров для каждой из групп, из одной большой тематической группы мы выделили группу поменьше. Однако, как первая, так и вторая группы изначально содержат в себе отрицательную характеристику «секты» и ее последователей. *Она характеризует их как нечто или некто, нарушающее закон.*

Категорию «Дихотомия "мы-они"» также можно отнести к разряду отрицательных характеристик «секты», потому что она говорит о *социальном и моральном разрыве между субкультурой и обществом*, которому она себя противопоставляет. Минимумом в этих отношениях, о которых говорит это самое общество, является непонимание двух сторон, максимумом – опасность.

В самом названии категории «Адепты-жертвы» уже заложена отрицательная коннотация. Она указывает на то, что люди, присоединившиеся к «секте», *сделали неправильный выбор*, и находясь в этой среде, они сами того не понимая *страдают от воздействия ее руководителей*.

В категории «Агенты запада» также имеет место оппозиция «мы-они», однако, уже на национальном уровне, и также как и предыдущие, эта категория, включающая в себя различные смысловые конструкции, имеет отрицательное значение. Последователи и руководители «секты» – это враги, которые представляют уже не личную опасность для индивида или какого-то сообщества, а *угрозу для целой нации*.

Категории «Теория заговора», названия конкретных организаций и соответственно выражения, которые мы отнесли к ним, имеют более сниженный агрессивный фон. Это происходит по той причине, что отрицательные акценты смещаются по отношению к другим (как правило, властным) структурам, при этом о «секте» либо не говорят ничего, либо отмечают ее положение жертвы в идеологической войне.

Наиболее нейтральной категорией являются отстраненные определения, которые скорее являются парафразом энциклопедических статей или напоминают вырванные из контекста научного дискурса различные мнения относительно того, чем является «секта». В случае с этой категорией оценочное мнение в большинстве примеров убраны «за скобки», отсюда и снижение агрессии, так как объект рассматривается не через призму личного отношения к нему.

Итак, можно с уверенностью говорить, согласно нашему исследованию, что общество вкладывает в понятие «секта» в большей степени негативное значение и в дискурсивном пространстве оно бытует с преимущественно отрицательной характеристикой.

Отдельным вопросом в исследовании для нас стало отношение к понятию «секта» протестантов. Судя по результатам, эта группа респондентов достаточно сдержанно высказывалась, хотя бы по той причине, что три из семи ответов в нейтральной категории отстраненных определений принадлежат представителям этой конфессии. Обвинительные выпады в отношении «сектантов» находятся в догматической, нежели социальной плоскости. Кроме того, судя по некоторым ответам, сами протестанты соотносят себя с понятием «секта», но считают данную характеристику, навязанную обществом и сектоведами, обидной и несправедливой.

Говоря о проделанной работе, хочется отметить проблемные моменты, с которыми нам пришлось столкнуться в ходе исследования. Мы изложили их в формате «за» и «против».

Аргумент «против»: неудачные формулировки ответов в анкете, которые могли сформировать у респондентов заведомо отрицательную картину. Аргумент «за»: респондентам были также предложены ответы с нейтральной тональностью и возможность написать свой ответ, выбрав пункт «Другое», также ограниченность вариантов первой части уравнивается открытыми ответами второй части исследования.

Аргумент «против»: интернет сам по себе проблемная среда для исследования, которая из-за своей специфики анонимности часто лишает исследователя возможности детального подсчета и полного контроля над ходом исследования, отсюда и получаются проблемы с неинформативными ответами, повторным голосованием одних и тех же лиц на разных ресурсах и сомнительным качественным составом респондентов. Аргумент «за»: все эти трудности, однако, не лишают исследователя возможности увидеть общую картину по интересующему его вопросу, и в дальнейшем у него всегда есть возможность корректировать методику и инструменты исследования.

Список литературы

1. Сучкова О. А. К вопросу об использовании слова «секта» в русскоязычном дискурсе // Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сб. докладов / под ред. А.П. Забияко, М.М. Шахнович, Е.А. Аринина, П.К. Дашковского, В.В. Шмидта, Е.С. Элбакян. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 2018. – С. 170–174.
2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. – С. 44.
3. Мартинович В.А. К вопросу о православном сектоведении в современном мире // Минские Епархиальные Ведомости. – 2005. – № 3 (74). – С. 55–59.

Ю. А. Фоминенко

Мифологическое сознание как средство адаптации человека к природе и обществу

В начале XXI столетия явно обозначился кризис идеалов классического рационализма. Человек разумный оказался не в состоянии воспринять целостность мира только с помощью рационалистического мышления, развитие которого продолжается в течение последних четырех веков. Многие исследователи замечают возрастающую потребность человечества в освоении иррационального, в постижении сущности жизни воображением, интуицией. В этом плане мифологизация стала неотъемлемой частью личностного сознания, не зависящей от культурного или исторического состояния.

А. Ф. Лосев, подробно изучая формы мифологического мышления, утверждал необходимость присутствия мифа в сознании человека на любом уровне абстрактного мышления и научного мировоззрения. Мифологическое мышление способствует отождествлению образа реальности с самой реальностью. Концепция мифа, как неотъемлемого элемента сознания, основана на непосредственном восприятии мира. Рационалистическое мышление не дает возможности восприятия мира как живого, целостного образования. Миф есть важная антропологическая категория, определяющая структуру мировосприятия человека, его способ мышления [1].

Познающий субъект ограничен в своих возможностях освоения окружающего мира. Человек неизбежно сталкивается с необходимостью упрощения сложных процессов, реально происходящих вокруг него. Познавательный процесс состоит, как правило, из классификаций, обобщений, типизаций явлений, абстрагирования свойств и признаков от реально существующей сложности познаваемых объектов. Воспринять всю полноту многообразия мира человеческий мозг не в силах. Только через упрощение отношений и связей возможно восприятие объектов и явлений бесконечно сложной вселенной.

Некоторые исследователи называют мифологическое мышление нерасчлененным мышлением, или «пралогическим». В. М. Пивов в своей работе «Мифологическое сознание как способ освоения мира» важнейшей функцией мифа называет «придание человеческого смысла хаосу», мифологическое сознание предстает здесь как «коллективное эмоционально-рефлективное отражение результатов освоения мира», позволяющее человеку адаптироваться к природной среде и обществу [6, с. 99]. Миф представляет собой способ освоения мира, посредством которого человек упорядочивает это многообразие окружающей действительности и вносит в нее определенный смысл.

О. М. Фрейденберг в своей работе «Миф и литература древности» заметила, что человеческое сознание в процессе переработки реальной действительности само становится одной из форм выражения реальности. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский в статье «Миф – имя – культура» определяют мифологическое сознание как «сознание, порождающее мифологические описания», и мир глазами мифологического сознания должен выглядеть как составленный из однократных, одноранговых объектов, не расчленимых на признаки [6, с. 34]. Сознание «выступает реально прежде всего как процесс осознания человеком окружающего мира и самого себя. <...> Наличие у человека сознания означает, собственно, что у него в процессе жизни, общения, обучения сложились или складывается такая совокупность (или система) объективированных в слове, более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее и самого себя, опознавая явления действительности через их соотношения с этими знаниями» [6, с. 35].

Согласно определению К. Леви-Стросса, миф представляет собой форму упорядочивания знания в условиях недостатка информации и навыков её структурирования. Содержание мифов зачастую абсурдно, но при этом в структуре повествования присутствует строгая логика. Широкое хронологическое, социальное и географическое распространение мифов говорит об их универсальности как формы знания, в которой у объекта все свойства неизвестны. В то же время наиболее важные для создателя мифов характеристики объекта упорядочиваются. К. Леви-Стросс утверждал, что такая организация человеческого разума есть отражение структуры бытия [3].

Уже в эпоху палеолита мифологическое сознание стало фундаментальным свойством человеческого мышления. Исторически оно формируется, согласно концепции А. Ф. Лосева, как универсальный механизм осмысления мира в условиях общинно-родовой организации жизни. В нем нет четкого различия действительного и воображаемого, образы реального переплетены с фантазией, обобщающие понятия передаются чувственно-конкретными персонификациями.

Имея в своей основе эмоциональную оценку, мифологическое сознание характеризовалось преимущественно коллективным характером получения и передачи знания.

В. И. Ленин утверждал, что в общем смысле сознанием называют идеальное отражение объективной реальности, данной нам в ощущениях. Человеческие ощущения субъективны, следовательно, сознание можно определить как субъективную реальность. Психические процессы в индивидууме обусловлены особенностями познающего субъекта. Однако если взять социальный опыт человека в совокупности, то он имеет субъективно-индивидуальную форму и объективно-социальное содержание. Так можно сказать о современном нам общественном сознании. Сознание же человека архаики не выделяло отдельного индивидуума. В первобытном обществе нет индивидуального сознания как осознанного факта. Есть лишь индивидуальные носители общего мифологического сознания, опыта.

Иная ситуация наблюдается в наше время. По мнению социолога М. Ю. Смирнова, основными причинами современного социального мифотворчества можно назвать «нарастающую диспропорцию между резко ускорившимися темпами техногенного и социумного развития и адаптационными возможностями человека» [7, с. 11]. Люди находятся в постоянном поиске идентичности, в желании соотносить себя с обществами, дающими безопасность, целостность и стабильность. Современное социальное мифотворчество можно назвать способом «достижения равновесия индивида и общества».

Образно говоря, современная социальная мифология, как и во времена архаики, переводит «хаос» окружающей жизни в «космос». Благодаря своей простоте миф создает психологический комфорт, дает предсказуемость и ясность, позволяет ощутить полноту и цельность существования. В сложной и противоречивой реальности возникает постоянная необходимость компенсирующих факторов. Эта востребованность превращает мифотворчество в деятельное средство социальной адаптации. «Аналитика мифологического сознания дает основание для вывода о мифотворчестве как константном явлении в социокультурных процессах любых эпох, при любом строе господствующего мировоззрения, идеологии, политики, хозяйственных отношений» [7, с. 11].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что мифологическое сознание даже в современном обществе продолжает представлять собой жизненную стратегию, позволяющую решать проблему адаптации человека к природе и обществу. Базовые свойства мифологического сознания не теряют своей актуальности, однако предстают в современном мифологизированном сознании в несколько иной форме.

Список литературы

1. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/view?id=173> (дата обращения: 10.04.2019).
2. Иванов А. Г. Мифо-ритуальные практики: культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
3. Ильченко А.С. Ритуальное поведение и мифологическое сознание в современном мире // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. – Вып. 8. – Сер. Мыслители. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 391–599.
5. Петров Н. В., Тимофеев В. Г. Свойства мифологического сознания // Вестн. Чуваш. ун-та, 2010.
6. Пивоев В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 111 с.
7. Смирнов М.Ю. Религиозно-мифологический комплекс в российском общественном сознании. Историко-социологическое исследование: автореф. дис. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 47 с. [Машинопись].
8. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1996. – 240 с.

М. В. Ермолаева

Современная иллюстрация: ритм и пространство

Книжная иллюстрация формируется на основе литературного произведения, именно это во многом определяет ее задачи и функции в отношении словесного текста. Изображение порождает в рецепции читателя дополнительный визуальный образ, способствует передачи информации. Но и сама иллюстрация тоже является источником информации, а при рассмотрении серии изображений открывается возможность «прочитать» писательский текст, даже не прибегая к нему напрямую.

Как сами авторы изображений видели (видят) траектории обновления искусства иллюстрации? Представитель русского авангарда Э. Лисицкий считал необходимым «новую книгу сделать материалом самой книги», художник-полиграфист должен не украшать книгу, а конструировать ее» [1, с. 8]. Один из ярких примеров преобладания иллюстративного ряда в книге является «Сказка о двух квадратах» (1922). Произведение состоит из тридцати трех слов, повествование заключено в конструктивном графическом изображении и ведется при помощи визуальных, а не вербальных средств. Так Э. Лисицкий с помощью геометрических форм и трех цветов создал своеобразный небольшой рассказ. Очевидно, в этом случае рисунок вышел на уровень самостоятельного текста, в котором слова «превратились» в дополнение.

Основоположник советской теории книжного дизайна В. Н. Ляхов в издании «Искусство книги» выделил художественно-эстетические «инструменты», необходимые художнику в процессе иллюстрирования литературного (научного) произведения. В качестве ключевых средств здесь выступили: предметно-пространственный и временной строй издания, ритм, динамичность / статичность, средства изменения обыденной действительности в действительности поэтической и т.д. В данной статье уделено внимание двум указанным инструментам: ритму и пространству.

Пространство. Ляхов пространство определяет, как саму структуру книги (листы, компоновка, иллюстрации), как некую форму текста (визуального и вербального): «Свойства пространственной развертки книги – самое важное и интересное в ней». Следующий виток исследовательской интерпретации пространства – его классифицирование – «два типа пространств» – «физическое» («среда, в которой

книга существует на тех же правах, что существуем и мы») и «специфически книжное» (движение, возникающее при прямом общении с книгой), «весьма различные и соотносящиеся друг к другу в очень сложной взаимозависимости» [4, с. 145]. Подобная классификация оказывает помощь в исследовании перспектив развития иллюстрации – взаимозависимость пространств раскрывает механизм процесса художественной эволюции: изменение физического пространства → изменение пространства специфически книжного. И если эйдологическими характеристиками современной культуры выступают плюралистичность, мобильность, интерактивность, то и современная иллюстрация «прислушивается» к подобным требованиям времени.

Актуальным методологическим вектором изучения искусства иллюстрации является семиотическое рассмотрение указанного текста культуры. В этой связи интересно обратиться к пониманию «пространства» Ю.М. Лотманом как «совокупности однородных объектов (явлений, состояний, функций, фигур, значений переменных и т. п.), между которыми имеются отношения, подобные обычным пространственным отношениям (непрерывность, расстояние и т. п.). Рассматривая данную совокупность объектов как пространство, отвлекаются от всех свойств этих объектов, кроме тех, которые определяются этими принятыми во внимание пространственно-подобными отношениями» [3, с. 275].

Отталкиваясь от лотмановского определения, пространство в художественном произведении (образе) можно представить, как некую «безграничную» характеристику, раскрывающую конструкцию того «всего», что предлагает автор.

Пространство в рамках книжной иллюстрации может существовать в разных областях, одно из пространств существует уже в созданном произведении, выступая контекстом развития, разворачивания некой истории, сюжета.

Советский художник А. Д. Гончаров писал: «...мы воспринимаем книгу в движении и во времени» [1, с. 14]. Таким образом, оформление книги (начиная от суперобложки, переплета, титульного листа, буквицы и т. д.) превращается в моделирование единого художественного целого, заключенного в пространстве книжных страниц. Действительно, механическое движение – переворачивание листов – уже само по себе является перемещением в пространстве книги, осязательно и зрительно читатель двигается в глубину книги. Думается, что «подвижность» книги, всех внутренних векторов нарратива, формирует требование драматичности иллюстрации, ее серийности, возможности «достраивания» читателем.

Ритм. М.Ю. Лотман определяет данное понятие в процессе анализа литературного текста: «Ритм – метр выступает в значительной мере лишь как средство сегментации текста на единицы, меньше,

чем слово» [3, с. 199]. Суждения исследователя о ритмических повторах говорит в пользу идеи самостоятельности ритмического изложения, поддерживаемой и развиваемой сегодня. Именно ритмичность текста культуры (например, кинематографического) позволяет говорить о структурно-семантических явлениях ритмизации в различных видах искусства (например, «ритм кинематографический») [6, с. 129]. Ритм может не только быть вспомогательным элементом в формировании структуры, но и являться источником информации. Без ритмических повторов исчезает индивидуальность текста, его каркас. Этот факт показывает важность изучения ритма при создании визуального графического ряда. Если художник способен «поймать» ритм произведения, то он сможет задать ритм и самой книге, что способствует хорошему восприятию информации читателем.

Ляхов отмечал: «Задумывая книгу, художник неизбежно сталкивается со специфической книжной ритмической организацией, которую он должен не только учитывать, но и использовать как средство художественного воздействия. Насыщенность иллюстрации, ритм разворотов, расположение монтажных узлов и пауз и т.д. находят свое принципиальное выражение в макете» [4, с. 22]. Данное утверждение встречается и у других исследователей, ритм является основным элементом произведения, способствующим созданию целостного пространства книги (издания). Так, график и теоретик изобразительного искусства В.А. Фаворский характеризовал ритмичность разных элементов книжного пространства, определяя ритм в отношении шрифтов, орнамента, иллюстраций, сюжета, пространства и т.д. [5].

Отталкиваясь от данных рассуждений, выявим три позиции ритмичности в отношении иллюстрации: иллюстрация как элемент ритма, ритм в группе иллюстраций и ритм в иллюстрации как произведения.

Иллюстрация в значении элемента ритма функционально поддерживает целостность книги. Формирование пространства книги заключается в развитии фабулы и сюжета, ключевые узлы и моменты которых определяют иллюстративную серию, поддерживающую ритм литературный. В данном случае иллюстрация – лишь один из элементов, формирующих ритм, здесь могут быть обозначены и шрифт, композиция, верстка, небольшие изобразительные элементы и др.

Ритм в отношении группы иллюстраций способствует сохранению единой ритмичности изобразительного ряда. Подобный ритм задает характер иллюстраций, жанр, стиль изображения (портрет, пейзаж, сцена и др.), формирует ритм книжного пространства.

Если рассматривать иллюстрацию как отдельное художественное произведение, то ритм в этом случае есть основа композиции пространства. Здесь он диктует характер изображения, способствует

выражению идеи художника в определенной картине. Данный вид ритма иллюстрации основывается на широком многообразии художественных приемов, которых в современной культуре становится все больше и больше. Отметим, что развитие графического дизайна – один из инструментов актуальной эволюции книжной иллюстрации.

Пространство и ритм в построении книжного издания формируют основные принципы визуального ряда и определяют книжную иллюстрацию как часть художественного оформления, источник информации и т.д. Слово и изображение взаимодействуют и создают особый текст культуры. Иллюстрация – часть книги, но ее многовековая эволюция свидетельствует о стремлении изображения, возможно, стать равным слову, возможно, даже завладеть пальмой первенства. Визуализация современной культуры для такого, смелого развития иллюстрации, думается, создает комфортные условия. Семиотическая, культурфилософская интерпретация иллюстрации очевидно поможет и осмыслению современного облика данного культурного феномена и поспособствует налаживанию общения с ним.

Список литературы

1. Гончаров А.Д. Книга и художник. – М.: Знание, 1964. – 50 с.
2. Новое издание: Лисицкий Э. Супрематический сказ про два квадрата. – М.: А+А, Ад Маргинем, 2017. – 24 с.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.
4. Ляхов В.Н. Искусство книги. – М.: Сов. художник, 1978. – 367 с.
5. Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. – М.: Книга, 1986. – 216 с.
6. Шатова Е.Н. Философия культурного текста: практика семиотической интерпретации: учеб.-метод. пособие. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – 252 с.

Е. В. Карпцова, Т. П. Самсонова

Музикотерапия – теоретические и практические аспекты

Исследованием влияния музыки на человека занимаются различные науки – физиология, психология (арт-психология), психотерапия, психиатрия, музыкальная педагогика, терапия, микробиология, неврология и др. Потребность человека в музыке связана с тем, что здоровая клетка живой материи издает звуки различной частоты, которые являются производными от процессов вращения биологических ферментов клеток (С. Э. Шноль, 1968 г.).

Акустическое поле музыки накладывается на акустическое поле организма и совпадающие частоты начинают звучать и резонировать, катализируя биохимические реакции и оздоравливая организм. На психотерапевтическом уровне музыка и проживание музыкальных

произведений позволяет осознать переживаемые чувства. Устранение негативных эмоций возможно в рамках музыкально-коррекционного подхода через прослушивание специальных фрагментов, проработку образов, пропевание специальных формул, дыхательные техники. С помощью вокальной терапии можно снять тревожность, агрессию, нервозность, страхи, депрессию, приводит к внутренней релаксации, покою, оптимистическому взгляду на жизнь. Можно сказать, что каждый музыкант является психотерапевтом [6].

В 2011 г. в России возникла Ассоциация музыкальных психологов и психотерапевтов (АМПП). Ежегодно проводится конференция «Музыкотерапия в музыкальном образовании» на базе Института музыки, театр и хореографии РГПУ им. А.И. Герцена под руководством проф. А.С. Ключева. В Уставе Ассоциации говорится, что «музыкотерапия представляет собой совокупность методов психосоматической регуляции функций организма человека, основанных на мультимодальном подходе, в котором задействованы технологии исцеления, применяемые в различных психологических школах и направлениях». Современные приемы и способы музыкальной психотерапии включают следующие (по Петрушину В.И.):

1) двигательные и ритмические упражнения, нацеленные на взаимодействие правого и левого полушария мозга, развитие координированных движений и умение соотносить свои действия с действиями членов малой группы;

2) различные виды дыхательных упражнений, среди которых особое внимание уделяется освоению навыков брюшного (диафрагмального) и межреберного типа дыхания;

3) пение вокализов и вокальных упражнений;

4) разучивание и исполнение формул музыкального самовнушения, нацеленных на формирование у участников занятий уверенности в своих силах, высокой самооценки, внутреннего спокойствия, невозмутимости в трудной ситуации, гуманистического отношения к окружающим и позитивного отношения к окружающему миру;

5) пение песен различного содержания, как успокаивающего, так и воодушевляющего характера;

6) просмотр под музыку слайдов, нацеленных на обогащение зрительных и слуховых представлений участников занятий, активизацию их эстетических переживаний средствами изобразительной искусства и художественной фотографии;

7) игру на музыкальных инструментах;

8) трансцендентальную медитацию, смысл которой заключается в выходе личности за пределы личной ситуации и созерцание собственной жизни с позиции некоторого целого, достижение глубокого покоя, в котором включаются механизмы саморегуляции.

Одной из целей музыкотерапии является формирование «собственного идеального образа» на основе накопленных эстетических переживаний, наполнение сознания позитивными переживаниями – спокойствием, улыбкой, любовью, радостью и высокой самооценкой [6].

А.С. Ключев считает, что музыкотерапия – это лечение в человеке человеческого. Природа человека – это тело, душа и дух. Музыка воздействует на все три ипостаси человека и «...музыкальная система соответствует внутренней системе психофизиологических процессов». Музыка воздействует на три компонента психической организации человека: сознание, подсознание и сверхсознание. Как утверждал Б.В. Асафьев «музыка – искусство интонируемого смысла». Музыка воздействует на подсознание и сознание человека, пробуждая его интуицию или сверхсознание или духовный уровень бытия [4].

«...Важно полностью подчиниться музыкальному потоку, позволить ему резонировать во всем теле и отвечать ему в спонтанной манере... важно приостановить интеллектуальную деятельность (анализ, сравнения, оценка, критика и т.д.)... позволить музыке воздействовать на психику и тело..» из книги С. Грофа «Целительный потенциал Музыки» (1991 г.).

Вокалотерапия – это вид активной музыкотерапии, использующий собственный голосовой аппарат человека, принципы классического пения и явление фонационной вибрации для повышения функциональных возможностей организма в целом и кардиореспираторной системы в частности (Шушарджан С. В.) Исследование вокалотерапии показало тенденцию к нормализации электрической активности мозга (замедление альфа-ритма), положительную динамику функций внешнего дыхания (особенно у пациентов с бронхиальной астмой), стресс-лимитирующее действие, положительное влияние на состояние периферической крови. Изучение акустико-вибрационных процессов во внутренних органах выявило, что при фонации (пении) во внутренних органах возникают вибрационные волны (фонограммы) и они различны у каждого органа (печень, селезенка, сердце, почки) и зависят они от высоты звука. Таким образом, вокалотерапия является синхронизатором, способствующим согласованию ритмов организма с ритмами окружающей среды [7; 8].

Рюмин В.Г. предлагает использовать песенный репертуар при расстройствах невротического ряда. Составлено несколько готовых песенных программ 2-х видов: успокаивающие и активизирующие из 12 песен каждая [5].

Говоря о вокалотерапии, хотелось бы сказать и о влиянии духовной музыки на человека. Филаретова Т.Н. в своей работе «Богослужбное пение – терапия возвышением» говорит о том, что в основе богослужбного пения – слово, церковно-славянские тексты, и с

древних времен понятие «пение» подразумевало только богослужение. Песнопевец – инструмент Божией благодати, ангелы отражают Божественный свет вовне, освящая все вокруг и передавая Божественную Красоту всему сущему, поэтому церковное пение – это отзвук ангельского пения. Церковно-певческая система складывалась на протяжении более полутора тысячелетий и представляет собой высокохудожественную, самодостаточную систему гласов и распевов, охватывающих весь круг годовых и суточных богослужений. Богослужбное пение разнообразно и включает знаменный распев, византийский, киевский, болгарский, греческий, монастырские распевы, произведения гомофонно-гармонического стиля. Преподобный Евфимий Зигабен в предисловии к Толковой псалтыри говорит: «Пение псалмов имеет огромное влияние на образование характера человека, на его исправление, на его изменение и упорядочивание». Богослужбное пение является аскетической дисциплиной, воспитывающей смирение и чистоту и охватывает тело, душу и дух человека [4].

В настоящее время проводятся исследования влияния музыкотерапии при различных заболеваниях.

Музыкотерапия у больных с нейроциркуляторной дистонией и гипертонической болезнью I стадии наиболее эффективна, а при гипертонической болезни II и III стадий музыкотерапия в сочетании с диетой и гипотензивными препаратами позволяет снизить дозу препаратов. Выявлено снижение общего кортизола в плазме крови, увеличение суточного диуреза, увеличение диастолы (период расслабления сердечного цикла), уменьшение ударного объема сердца, стойкий гипотензивный эффект [9].

Макашева В. А. применяла музыкотерапию в комплексном лечении детей с нарушениями психического развития. Музыкальные произведения воздействуют через формирование смысла, иерархию ценностей и мотиваций, позитивной Я-концепции, коррекцию эмоционального состояния и поведения, развитие навыков коммуникации и интеграции в социум [2].

Английские авторы Алвин Д. и Уорик Э. исследовали детей с аутизмом. Смысл работы с детьми авторы видели в расширении и углублении слухового, зрительного и тактильного восприятия, что помогает осваивать мир, удовлетворяет эмоциональные потребности, активизирует когнитивные процессы [1].

Онтопсихологическая музыкотерапия по А. Менегетти проводится с участием ударных инструментов, включает тане и пение. Акцент в этой методике делается на языке тела, который считается первичным по отношению к вербальному языку [3].

В заключение обзора различных методик музыкотерапии следует подчеркнуть, что большинство из них включает активное музицирование в виде игры, пения или занятий вокалом. Воздействие собственного голоса на физическом и психическом уровне человека оказывает наибольший положительный эффект по сравнению с игрой на инструментах или прослушиванием музыки. Однако, целесообразно применять сочетание различных видов музыкотерапии в зависимости от конкретной ситуации и терапевтической задачи. По мнению Петрушина В.И., музыкальная психотерапия должна быть выделена в отдельную специальность.

Список литературы

1. Алвин Д., Уорик Э. Музыкальная терапия для детей с аутизмом / Джульетта Алвин, Эриел Уорик; под ред.: Эриел Уорик пер. с англ. [Ю. В. Князькиной]. – 3-е изд. – М.: Теревинф, 2008. – 205 с.
2. Макашева В. А. Музыкотерапия в комплексной терапии детей с нарушениями психического развития: автореф. дис. ... канд. мед. наук [Новосиб. гос. мед. акад.]. – Новосибирск, 2001. – 15 с.
3. Менегетти А. Музыка души. Введение в онтопсихологическую музыкотерапию: пер. с ит. – СПб.: Паллада, 1992. – 82 с.
4. Музыкотерапия в музыкальном образовании. Терапия искусством в художественном образовании: по итогам 10-ти междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 2008–2017 гг.), [заглавия которых указаны в содержании и тексте книги и отображены в добавочных записях коллективного автора / сост. и науч. ред.: д-р филос. наук, проф. А.С. Ключев]. – СПб.: Алетейя, 2018. – 374 с.
5. Рюмин В.Г. Вокалопсихотерапия – исцеляющее пение: (практическое руководство). – М.: Институт консультативной психологии и консалтинга (ФПК-Институт), 2015. – 112 с.
6. Петрушин В. И. Музыкальная психотерапия; Рос. Фонд гуманитар. исслед. – М.: Изд. Об-ние «Композитор», 1997. – 163 с.
7. Шушарджан С.В. Руководство по музыкотерапии. – М.: Медицина Шико, 2005. – 473 с.
8. Шушарджан С.В. Физиологические особенности воздействия вокалотерапии на организм человека: автореф. дис. ... канд. мед. наук / Рос. ун-т дружбы народов. – М., 1996. – 16 с.
9. Уон Л. С. Музыка в комплексном лечении артериальной гипертензии у больных ожирением: автореф. дис. ... канд. мед. наук / С.-Петербур. гос. санитар.-гигиен. мед. ин-т. – СПб., 1994. – 20 с.

А. Г. Кучеров

М.П. Мусоргский «Картинки с выставки» разных инструментально-исполнительских интерпретаций

Картинки с выставки – один из лучших шедевров в русской фортепьянной музыке. Фортепианный цикл «Картинки с выставки» был создан очень быстро – за три недели июня 1874 г. Цикл был написан М. П. Мусоргским под впечатлением смерти его друга, Виктора Александровича Гартмана, неожиданно скончавшегося летом 1873 г. В

феврале – марте 1874 в Петербургской Академии художеств была организована выставка его трудов. Вероятно, первоначальные мелодические мысли зародились у Мусоргского непосредственно при рассмотрении акварелей и рисунков В. А. Гартмана.

В настоящее время «Картинки с выставки» являются признанным творением мировой музыкальной культуры со сформировавшейся необыкновенной исполнительской участью. Эта музыка – востребованная и популярная на концертной эстраде и в преподавательском репертуаре. Помимо этого, творение Мусоргского существует в разных аранжировках, транскрипциях и переложениях для разнообразных музыкальных составов – от дуэта и трио вплоть до большого симфонического оркестра.

«Картинки с выставки» оркестровались большое количество раз, однако найти более успешное решение данной тонкой задачи получилось у выдающегося французского композитора Мориса Равеля.

В 1922 г. Морис Равель завершил оркестровку «Картинок с выставки» Мусоргского – творения чрезвычайно особого и по самой музыке и по ее пианистическому олицетворению. В «Картинках» имеется большое количество элементов, которые можно представить себе в оркестровом звучании, однако для этого надо было отыскать в собственной палитре краски, которые неотъемлемо сливаются с оригиналом. Равель реализовал такого рода сочетание и создал партитуру, оставшуюся образцом профессионализма и стилистической чуткости.

Оркестровка «Картинок с выставки» сделана не только с необыкновенной изобретательностью, но и правильностью нраву подлинника. В нее были внесены незначительные правки, однако практически все без исключения объединены с особенностью звучания инструментов. Согласно сути, они свелись к перемене нюансов, варьированности повторов, купюре одной «Прогулки», повторяющейся два раза, и прибавлению одного такта в аккомпанементе к мелодии «Старинного замка»; значительная продолжительность, нежели в подлиннике, органного пункта в «Богатырских воротах» и внедрение нового ритма в партии медных ограничивают список изменений, занесенных в партитуру. Все это без исключения не нарушает единства нрава музыки Мусоргского, изменения элементов появились при работе над партитурой, и они были минимальными.

Оркестровка «Картинок с выставки», как и всегда у Равеля базируется на четком расчете и знании каждого инструмента и вероятных тембровых комбинаций. Практика и находчивость подсказали композитору большое количество характерных элементов партитуры. Напомним о *glissando* струнных «Гном», прекрасном соло альтового саксофона «Старый замок», необыкновенном колорите «Балета невылупившихся птенцов», огромном звучании финала. При всей своей

внезапности оркестровые находки Равеля передают внутреннюю суть музыки Муссорского, включаются в строй его образов очень органично. Однако, как уже отмечалось, в фортепьянной фактуре «Картинок» имеются особенности оркестральности, это сформировало подходящие посылы для работы вдумчивого и воодушевленного мастера, каковым и был Равель.

Равель обратился к оркестровке «Картинок с выставки», ранее обладая опытом работы над партитурой «Хованщины». Помимо этого, он был автором оркестровых редакций собственных фортепьянных произведений, и данные партитуры воспринимались как оригиналы, а никак переложения. Согласно отношению к «Картинкам с выставки» такие выражения невозможны, однако значительное преимущество оркестровки феноменального творения Муссорского, безусловно. Это доказывает его постоянный успех у публики начиная с первого исполнения, состоявшегося в Париже 3 мая 1923 г. под управлением С.А. Кусевицкого (Эта дата приводится Н. Слонимским в его книге «Music since 1900». А. Прюньер указывает другую – 8 мая 1922 г.) [5].

Равелевская оркестровка «Картинок с выставки» побудила и отдельные критические замечания: ее упрекали в недостающем соответствии духу подлинника, не соглашались с преобразованиями некоторых тактов и т.д. Данные упреки в некоторых случаях можно услышать и в наш период. Но вплоть до сегодняшних времен оркестровка остается наилучшей из числа других. Она по праву вошла в концертный репертуар: ее исполняли и продолжают исполнять лучшие оркестры и дирижеры всех стран.

Еще «Картинки с выставки» Муссорского звучат в переложении для классической гитары. В 1981 г. японский гитарист Кадзухито Ямасита сделал транскрипцию всех десяти пьес цикла «Картинки с выставки», а впервые исполнил в 1984 г. на фестивале гитары в Торонто. Его исполнение вызвало триумф у музыкальной критики и публики.

Гитарная версия «Картинок с выставки» Ямаситы считается поистине уникальной, она занимает совершенно особое положение в гитарном репертуаре. Исполнение Ямасита выделяется обширными динамическими градациями звучания, особой манерой исполнения, искусной техникой. Транскрипция «Картинок с выставки» невероятно трудна для исполнения. Сложнейшие пассажи, абсолютно не типичные для классической гитары, большое количество аккордов, требующих сильной растяжки пальцев, скоростные трели – все это филигранное мастерство, не подвластное рядовому музыканту.

Исполнение Ямасита «Картинок с выставки», несмотря на признание и мировой успех, вызвало и негативные отзывы. Некоторые

музыканты утверждали, что при такой интерпретации теряется глубина и богатство звука, а вместе с тем и красота звучания, созданная Модестом Мусоргским. Например, пьесу «Гном», в переложении Ямаситы, ругали за то, что в этой транскрипции невозможно сделать быстрый и плавный переход от низких трелей к аккордам в высоких регистрах.

Так же Уилл Кратчфилд прокомментировал: «Картинки с выставки», которые Ямасита продемонстрировал в воскресенье, на гитаре звучит не очень хорошо. Удивительно, но даже тонкие миниатюры звучали весьма тяжело и неуклюже. В кульминационных моментах игра господина Ямасита стала резкой и звонкой, и это даже при том, что использование подобных балалайке крещендо достигало потрясающей силы в «Быдло». (Уилл Кратчфилд, «Нью-Йорк Таймс», 1988 г.). Клод Бишоп говорил: «Ямасита позволяет исчезнуть различию игры на гитаре использованию пишущей машинки», «Недалеко от меня, среди ликующей толпы, я видел известного лютниста рядом с видным английским композитором, они смотрели друг на друга весьма беспомощно и огорченно. Во время обсуждения они высказали мнение, что это была не музыка» (Клод Бишоп, 1985) [4].

Уже в более позднее время стали известны две другие гитарные обработки музыкального шедевра М. Мусоргского – Хайнц Валлиш (Heinz Wallisch, 2 гитары, ок. 1989 г.) и Эльмар Роте (Elmar Rothe, 3 гитары, 1995 г.).

Тем не менее, большое количество людей восхищались звучанием пьес, казалось бы, непредназначенных для исполнения на гитаре. Большинство слушателей называет исполнение Ямасито блестящим и идеальным, его игру изысканной и четкой, а представления о музыке эмоционально привлекательными.

Создавая собственную версию «Картинок», народный артист России Ф. Липс идет своим путем. Липс иначе разъясняет произведение Мусоргского, где уже привычное фортепиано (или оркестровое звучание каждой части) воспринимается абсолютно по-новому. Музыкант дал этому сочинению новые особенности: колористика баянной интерпретации формирует ту палитру красок, уникальных звуковых решений и внезапных характеристик, которые можно сопоставить с такими определениями как «русский импрессионизм». Липс широко использует различную регистровку, позволяет допускать обратное использование штрихов, иногда меняет фактуру. Стоит отметить, что при нехватке педали в баянной транскрипции внезапно выявляются абсолютно новые выразительные качества музыкального стиля Мусоргского. Все это без исключения формирует пластичные, яркие «картинные образы». Само звучание инструмента с отсутствием эффекта педали, формирует иллюзию краски, мазка, нечеткого пятна, равно как в полотнах импрессионистов, и представляется одним из

основных колористических средств в сформировавшемся стандарте восприятия «Картинок» в фортепьянном оригинале.

Непосредственно в транскрипции и интерпретации Липса «Картинки выставки» обретают необыкновенные голосовые мысли и знаки. Образы Мусоргского в новой «тембральной одежде», а кроме того уникальность «неузнаваемость» определенных пьес цикла объединены с авторским переосмыслением транскриптора – новатора. Формируя собственную версию «Картинок», Липс заметил, прежде всего, неподражаемую «звукоидею» данного бессмертного сочинения.

Так, например, впечатления от баянной версии пьесы «Гном» из данного цикла: ощущается надрыв; обнаженность интонации взбирается к образам Юродивого, Блаженного. Это остроумная иллюстрация с «грузными синкопами («*sforzando*»), звучащими неловко и неуклюже, и секундовыми форшлагами, формирующими «электрическую» напряженность.

Это насмешка, однако, через нее просвечивается трагичность настоящего персонажа. «Стремящейся наверх завершающий заключительный пассаж, как полагает Дельсон, «обретает значение драматического финала» [3].

В баянной транскрипции – этот пассаж формирует чувство неожиданного пропадания по мановению волшебства или внезапного сюрприза после уникального трюка фокусника: гном – всего лишь новогодняя елочная игрушка.

Подобные индивидуальные ресурсы непосредственно баянной выразительности и, соответственно, баянной технологии, свойственны и с целью других номеров цикла.

В «Старом замке» на первый план выступает восточный колорит, в следствие тембровой окраски духового звучания баяна. Липс применяет звучание ряда приглушенных голосов ломаной деки. Невероятно завершение пьесы: звук чудодейственно ослабевает под пальцами исполнителя. В пьесе «Быдло» Липс применяет регистр «тутти»; на первом плане – «шаг» басов. В отличие от фортепьянного оригинала, где она растворяется в педальном фоне, звучит звонко и трудно, тут ощущается непосредственно выразительность тяжелого шага, нагруженности. В этом колоссальном напряжении Липс использует всю силу инструмента. «Балет невылупившихся птенцов» – изящность духового звучания баяна в верхнем регистре еще более выделяет «птичий» колорит «баян с пикколо». Особенно вязко в баянном оформлении звучат секунды. В следствие штрихам и уникальным тембрам, исполнитель достигает живописной иллюстрации невообразимой суматохи, птичьего гвалта, свалки [2, с. 136].

«Два еврея, богатый и бедный» - здесь наибольшее использование регистров: «баян с пикколо», «орган», «тутти» – портрет богатого, «гобой» – бедного еврея. Властное созвучие пародийно, красочным

контрастом – к печальной репетиции (в партии левой руки), имитирующей озноб бедного еврея. При формировании транскрипций Липс уделяет огромное внимание просторному применению абсолютно всех приемов игры мехом, по его словам, «роскошного художественно-выразительного богатства, которого нет ни у одного музыкального инструмента». Транскриптор полагает, что тремоло, триоли мехом, рикошеты, вибрато всегда украсят любое переложение и даже «смогут вывести его на уровень транскрипции». В пьесе «Лимож. Рынок (Большая новость)» в особенности вырисовывается полифоничность фактуры, передающая шум толпы. Отсутствие педали формирует особенную ясность мелодичной материи, где отчетливо вырисовывается каждый персонаж этой толпы. При помощи штрихов и динамики Липс добивается вовлечения мелодического рисунка линии каждого голоса, звучит яркий, бесцветный регистр – «баян с пикколо» [2, с. 136].

Максимальную модификацию образа и новейшее уникальное звучание приобретает сама тема «Прогулки». Тема «Прогулки» в «баянной одежде» приобретает особенный размах, широту и напевность.

У Липса «Прогулка», проходя через весь цикл, осуществляет ряд других драматургических функций, нежели в фортепьянном подлиннике. Тембр баяна, похожий по звучанию на духовые, придает ей абсолютно новые окраски, новый спектр, новый колорит.

Изменения кроме того касаются и темпа, динамики и штрихов. Так, второе проведение «Прогулки» звучит особенно мягко, неуверенно и простодушно. Липс использует регистр «концертино». В третьем проведении интерпретатор использует регистр «баян», демонстрируя всю красоту тембра этого инструмента. Легкие верха как раз и формируют то невообразимое чувство «смысловой духовности»: с одной стороны, распевности в народной атмосфере, с другой – строгой хоральности. Тема – рефрен, как бы прекращает осуществлять собственную основную функцию – мерной поступи, «прогулки» по выставке Виктора Гартмана. Она утрачивает свою собственную буквальную характеристику.

Четвертое проведение (после пьесы «Быдло») отличают красочная яркость в стилизации народного эпоса и глубокое созерцательно раздумье. В этом проведении проявляется профессионализм нюансировки Липса, имеющий свой неповторимый почерк. Пятое проведение звучит неожиданно, внезапно и как-то особенно по-русски – широко, решительно и преднамеренно свободно. Тут особенная значимость осуществляется благодаря мелодических басовым ходам, которые на баяне звучат весьма непосредственно и настойчиво, в от-

личие от громкого фортепьянного баса. «Прогулка» оттеняет разнообразность пьес цикла. Обретая новые краски, она порождает новые смыслы [1, с. 46].

Такая интерпретация отвечает замыслу композитора, сформулированного прекрасной по своей собственной смысловой образности эпистолярного языка Мусоргского. Образы «Картинок с выставки» в баянной транскрипции красочные, внезапные, в некоторых случаях просто неузнаваемые.

Изучение «Картинок с выставки» в исполнительском аспекте невозможно без обращения к самым разнообразным транскрипциям этого монументального цикла. Масштаб этих транскрипций необычайно широк и прекрасен. Количество таких обработок рекордно. В данной статье мы рассмотрели лишь краткий обзор некоторых, представляющих, с нашей точки зрения, интерес.

Список литературы

1. Абызова Е.Н. Картинки с выставки Мусоргского. – М.: Музыка, 1987. – 46 с.
2. Липс Ф.Р. Об искусстве баянной транскрипции: Теория и практика / перераб. и доп. – М.: Музыка, 2007. – 136 с.
3. Дельсон В.Ю. Святослав Рихтер [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sviatoslavrichter.ru/books/Delson/14.php> (дата обращения: 01.04.2019).
4. Дарья Завьялова, Кадзухито Ямасита [Электронный ресурс]. – URL: <https://cirkul.info/article/kadzukhito-yamasita> (дата обращения: 03.04.2019).
5. И. Мартынов Святослав Рихтер [Электронный ресурс]. – URL: https://www.belcanto.ru/mussorgsky_pictures.html (дата обращения: 06.04.2019).

Ли Линцзюнь

Свободные руки – основа в фортепианном обучении на начальном этапе: педагогический аспект

Первый этап обучения является решающим для всей дальнейшей судьбы музыканта. Это как бы посадка первого семени, из которого впоследствии вырастет огромное дерево. Выдающийся русский музыкант и педагог Генрих Густавович Нейгауз говорил, что таланты создавать нельзя, но можно и нужно создавать среду для их проявления и роста. Этими мудрыми словами могут пользоваться все музыкальные педагоги, приступающие к начальному обучению маленького ребёнка.

Общеизвестно, что музыке необходимо учить ребёнка в раннем возрасте, независимо от того, откроется ли в ребёнке к четырём-пяти годам музыкальная одарённость. Часто бывает, что способности проявляются не сразу. Именно в этом возрасте легче всего приобщить ребёнка к музыке, чтобы она стала близкой и понятной ему на всю

жизнь. В четыре-пять лет ребёнок не только начинает познавать то, что его окружает, но и испытывает желание подражать, пробовать свои силы во всём, что он воспринял и накопил. Очень важно, и это, наверное, самое трудное, вводить занятия музыкой в жизнь ребёнка естественным путём, нисколько не отрывая его от привычной детской жизни и не вытесняя из детского бытия ничего, что кажется ребёнку приятным и необходимым (вроде игры в куклы для девочек или игры в солдатики – для мальчиков). То, что откроется позже для ребёнка: обучение на любом инструменте – это большой труд, а сначала надо открыть ему чудесную, волшебную страну музыки, помочь полюбить её, не насилуя естества ребёнка.

Большую роль в первый период обучения музыке играет домашнее окружение. Счастлив тот ребёнок, у которого есть родные, горящие энтузиазмом, несмотря на собственную загруженность работой, стремящиеся помочь ребёнку, встретившему препятствие. Мама, папа, бабушка, дедушка, старший брат или сестра, если они любят музыку и любят ребёнка, могут стать незаменимыми помощниками в деле его ежедневного обучения. С первых шагов ребёнку нужна ежедневная помощь в освоении нового. Только с такой помощью музыка становится для ребёнка необходимым компонентом жизни. Не знающие музыкальной грамоты и не умеющие играть на рояле родители, став «ассистентами» педагога, должны сами в какой-то мере учиться, особенно в первое время, чтобы по возможности помогать ребёнку. Как правило, очень скоро ребёнок опережает своих помощников в освоении исполнительских приёмов благодаря гибкости движений и интуиции, так свойственной детскому возрасту.

Самая распространённая опасность начального периода обучения «зжатость рук». Для формирования у ребёнка чувства свободы и лёгкости движений во всей руке – от плеча, предплечья, локтя, кисти и каждого пальца в отдельности – необходимы специальные упражнения. Арсенал их весьма разнообразен, и у каждого педагога есть свои собственные названия упражнений, наработки и даже игры. Как правило, обучение начинается от свободного прикосновения каждого пальца к клавиатуре. Основной приём: *non legato* (раздельно) отдельно взятых звуков, отдельно каждым пальцем. Это могут быть «снежинки», которые надо «сдуть» с клавиши, это может быть мягкое «катание по волнам» – перенос руки через октаву. Это может быть мелодия известной песенки, которую надо разложить между правой и левой руками и играть эту мелодию только третьим пальцем, самым сильным, устойчивым и крепким. Главное, здесь надо добиться свободного снятия и переноса рук после их «погружения» в клавишу. Педагог может сам найти в различных методических пособиях для начинающих и «полёты» на разные интервалы по клавиатуре. Очень

эффективное упражнение. Такого рода упражнения развивают мобильность, быструю реакцию, и, конечно, воспитывают ощущение свободной руки. Эти ощущения надо постоянно закреплять. Существуют определённые способы закрепления правильной посадки за инструментом и то, что называется в музыкальной педагогике «постановка рук».

«Лепку» игрового аппарата ребенка необходимо начинать с первой минуты занятий. При этом следует добиться полной свободы тела и мягкости рук. Показывать приемы следует в живой и увлекательной форме и так, чтобы ученик сам убедился в их правильности и удобстве на собственных ощущениях [1; 7].

Например, для того, чтобы помочь ребенку избавиться от «зажатости», надо научить его, во-первых, воспринимать разницу в ощущении напряженной и свободной руки, а, во-вторых, услышать зависимость качества звука от изменения состояния руки. Для этого педагогу полезно сыграть простую мелодию тремя способами: а) напряженной рукой с жесткими пальцами; б) преувеличенно расслабленной рукой; в) свободной, но организованной рукой, и предложить ученику внимательно послушать, в каком случае мелодия звучит лучше.

Обычно дети правильно выбирают (в данном случае) третий вариант. При повторном проигрывании этими тремя способами, ученик может придерживать руку педагога, чтобы почувствовать, что перемена качества звучания зависит от изменения состояния руки.

Есть несколько упражнений, которые помогают ребенку чисто визуально научиться быстро ориентироваться на клавиатуре и закрепить навыки правильной посадки и постановки рук:

Очень полезна игра «*Кластеры*» на двух-трех черных клавишах, когда ладошкой ребёнок зажимает чёрные клавиши и потом переносит руку по всей клавиатуре.

Занимательна игра «*Вертолет*» – извлечение одного звука. Цель – научиться брать звук сразу и непосредственно, одним движением, без прицеливания или остановки. Выполняется двумя руками одновременно определенным пальцем, по определенным нотам от середины клавиатуры и обратно. Звуки исполняются различными длительностями, начиная с более длинных к более коротким V.

В российской педагогике вопросу организации движений пианиста большое внимание уделила в своей практике педагог и пианистка А.Шмидт-Шкловская, занимавшаяся изучением профессиональных заболеваний пианистов и поиском рациональных приемов игры. В своей брошюре «О воспитании пианистических навыков» [3] она приводит множество упражнений, помогающих правильно сформировать осанку и взаимодействие всех частей игрового аппарата. Сидеть за инструментом следует спокойно, удобно и прямо, допустим лишь не-

большой наклон вперед. Плечи опущены, дыхание ровное и свободное. Сохранить осанку помогает хорошая опора на ноги. Поэтому, малышам 6–7 лет важно подобрать необходимой высоты подставку под ноги. Выработке такой осанки помогают различные упражнения. Стоя: а) поднять руки в сторону от корпуса и произвольно опустить их, сознательно сосредоточившись на полной пассивности их падения; б) размашистыми движениями вращать вытянутыми руками вокруг корпуса и над головой с ощущением абсолютной свободы плечевых суставов; в) поднять плечи и внезапно легко и непроизвольно опустить их. Сидя: а) оперев локоть о ладонь другой руки, двигать предплечья вверх-вниз, одним движением, без остановки в крайних точках; б) описывать круги предплечьем, оперев локоть о ладонь другой руки; в) подвесить кисть, опершись тремя средними вытянутыми пальцами о край стола. Рука висит безвольно с ощущением тяжести в локте. Отвести ее в сторону от корпуса (пальцы остаются на столе, после чего внезапно опустить и дать возможность самостоятельно колебаться вплоть до остановки). Основную нагрузку при игре несут самые сильные и выносливые мышцы плеча, спины, груди и плечевого пояса. Очень часто зажатость этих мышц мешает работе пианиста. Наилучшее положение руки на фортепиано то, которое можно легче и скорее изменить. Поэтому нежелательны такие встречающиеся крайности, как прижатые, опущенные или неестественно раздвинутые локти, затрудняющие игру и вызывающие напряжение.

Педагог должен знать природные возможности пианистического аппарата, уметь анализировать состояние ученика, понимать и чувствовать, какие движения вызывают неудобства, чтобы вовремя прийти на помощь. Ведь самого ребенка его ощущения во время игры не занимают, и он часто даже не замечает напряжения. Организованность движений должна сочетаться с освобождением от всяких лишних напряжений. Возникают напряжения легко, а избавиться от них трудно. Распознаются излишние напряжения различными способами. Одно из них – слуховое восприятие. Для игры скованных исполнителей характерно форсирование звука. Другой способ – субъективные ощущения исполнителя – чувство скованности, быстрое утомление, в последствии могущее перейти в боль. Наконец, напряжение заметно по внешнему виду исполнителя.

Педагогические наблюдения зафиксировали некоторые типичные двигательные дефекты и способы их устранения. Приведём их.

1. *Скованность плеча.* Причина: ученик близко или низко сидит. Нужно проверить посадку и, если замечания недостаточно, следует предложить упражнение – перенос руки на далекие расстояния или гимнастические упражнения.

II. *Тряска кисти*. Малыши начинают трясти рукой потому, что не чувствуют силы и самостоятельных возможностей в своих еще маленьких и неокрепших пальчиках. Между тем это психологическое заблуждение. Можно порекомендовать упражнения на выполнение небольших последовательностей из 2-3-4-5 звуков на одном дыхании.

III. *Слабые пальцы могут прогибаться*. Причина этого – желание играть более громко, неестественным для себя звуком – отсюда излишнее давление. По этому поводу Игумнов говорил: «Так же как нельзя ходить, продавливая ногами пол, так нельзя и играть, продавливая пальцами клавиатуру». При необходимости лучше играть тише, чем пользоваться распространенной рекомендацией «собрать пальцы», вызывающей переизогнутые ленивые пальцы с проломленным сводом кисти. Следует дать ученику упражнение на беззвучное, мягкое нажатие клавиши.

IV. *Скованность кисти*. Следует играть трели в медленном темпе, делая круговое движение запястьем.

V. *Скованность предплечья*. Следует играть тремоло в медленном темпе, преувеличенно раскрывая ладонь руки.

VI. *Скованность пятого пальца*. Когда обращают внимание учащихся на данный недостаток, они ссылаются обычно на физическую слабость своих пятых пальцев. Иногда это верно. Но сама слабость пятых пальцев проистекает из-за музыкальной и физической нетребовательности. Следует играть этюды для четвертых и пятых пальцев и упражнения, начинающиеся с пятых пальцев.

VII. *Напряженность первого пальца*. Этот недостаток происходит из-за несамостоятельности, из-за того, что его действие подменяется вращательным движением предплечья. Для того, чтобы заиграл палец, надо играть именно пальцем, не заменяя его работу действиями других мышц. Внешним признаком развитости первого пальца являются приобретение им закругленной, выпуклой формы и увеличение управляющей его движением мышцы. Упражнения: доставать первым пальцем квинту при задержании пятого пальца; взять третьим пальцем звук, а первым брать звуки с разных сторон от третьего.

Замечательный российский педагог Т.Б. Юдовина-Гальперина создала уникальную методику подготовки рук юных пианистов к игре. Она пишет: «В своей педагогической практике я неизменно использую различные гимнастические упражнения, которые помогают ученикам преодолевать затруднения, вызванные нарушениями в опорно-двигательной системе. Приведу ряд упражнений, позволяющих решать стоящие перед нами задачи. В зависимости от индивидуальности ребенка педагог может варьировать, изменять эти упраж-

нения, придумывать новые и т. п. Всё вместе это называется: "Пальцевые игры. Готовим руки к игре"» [2, с. 5]. Приведём эти уникальные упражнения:

1. *«Балерина»*. Чуть прогнутый корпус. На вдох подняться на носки и одновременно плавно приподнять руки вверх, скрестить их над головой и развести в стороны. На выдохе вместе с наклоном туловища руки свободно падают и раскачиваются до полной остановки. Педагог в это время проверяет, расслаблены ли мышцы плеч (подставляя под плечи ребенка ладони). Упражнение помогает распрямить туловище, научиться ощущать руки «из корпуса», а также освободить мышцы рук

2. *«Палочка»*. Спинка прогнута. Руки свободно лежат на гимнастической палке, которая находится за спиной в подмышечных впадинах. Ребенок вращает туловище в разные стороны, не напрягая при этом рук. Упражнение помогает держать прямо спину, предотвращает сколиоз и зажатие рук в локтевых суставах.

3. *«Пальчики – очки»* «Наши пальцы – не крючки, – Сделай круглые очки!» Попробуйте сделать колечко, соединив палец правой и левой руки с остальными, – получатся очки, в которые можно посмотреть! Это упражнение полезно для постановки рук на фортепиано. Прочтите стихи, потренируйтесь изображать пальцами очки, затем распойте стихи песенкой (каждый ребенок сочиняет по очереди) и поиграйте в очки, разглядывая друг друга!

4. *«Пальцы – грабли»* Переплетите пальцы ладонями к себе и прочтите: «Что за пальцы: "Ну!" и "Ну!" Как граблями я гребу!»

Распойте слова песенкой и потренируйте пальчики. Это упражнение способствует хорошей растяжке между пальцами, которая необходима для игры на фортепиано.

5. *«Пальцы – колечки»*

«В кольцо колечко пропусти

Цепочку встретишь на пути».

Соедините в кольцо большой и указательный пальцы левой руки. Через него попеременно пропускайте колечки из пальчиков правой руки: большой и указательный, большой и средний, большой и безымянный, большой и мизинец, – участвуют все пальцы. Упражнение полезно для правильной постановки рук и развития пальцевой техники в игре на фортепиано.

6. *«Пальцы – домик»*

игра-загадка: «Построим дом. Кто в нем живет

И песню такую звонкую поет?» (скворечник, скворец)

Сделайте ладошками домик, поставьте их друг к другу, мизинцы прижаты, а большие пальцы загнуты внутрь. Полюбуйтесь домиком и распойте слова песенкой. Похвалите лучшего исполнителя.

7. «Пальцы как жук»

Покажи, как жук летит и усами шевелит. Сложите пальцы в кулачок, а указательный и мизинец разведите в стороны и пошевелите ими. Распойте слова песенкой, изображая пальцами полет жука [2, с. 5]. Так, все пальцевые игры подготавливают детскую ручку к игре на фортепиано.

Подводя итог, можно отметить, что современная российская музыкальная педагогика накопила богатый опыт начального периода обучения детей дошкольного и младшего школьного возраста. Момент игры, заинтересованности в занятиях должен всегда присутствовать. Надо всегда помнить, что в ребёнке существуют скрытые творческие силы, которые, если их пробудить, могут яркой вспышкой озарить сложный творческий педагогический процесс, что позволит шагнуть через все скромно намеченные нормы и планы. Если ребёнок что-нибудь очень любит, он способен проявить чудеса неутомимости и дать совершенно неожиданные результаты. Педагогу надо в это верить и надеяться.

Список литературы

1. Артоболовская А.Д. Первая встреча с музыкой: учеб. пособие. – СПб.: Композитор, 2004. – 96 с.
2. Юдовина-Гальперина Т.Б. За роялем без слёз или я детский педагог. – СПб.: Союз Художников, 2002. – 112 с.
3. Шмидт-Шкловская А.А. О воспитании пианистических навыков. – 2-е изд. – Л.: Музыка, 1985.

Ли Ясюнь

Современная вокальная музыка Китая: Востоки Запад одновременно

Общеизвестна баллада Р. Кипплинга «Восток – Запад» и её первые строки, часто цитируемые: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда». Процессы глобализации и интеграции, происходящие в современном мире, показывают «встречные» процессы музыкальных культур, весьма отдалённых по своим основным параметрам. Современная вокальная музыка Китая показывает интересные процессы сближения с западной музыкальной культурой, а в некоторых случаях, даже активную ассимиляцию. Но прежде обратимся к истории.

Национальная неповторимость, замкнутость, «кодифицированность», «редкий консерватизм» и бесконечное многообразие музыкальных форм характеризует музыку Китая далёкого прошлого и настоящего. При этом: «...Китайская музыка – это обычно музыка с

текстом, с жестом, с танцем; музыка, сопровождающая придворный или культовый церемониальный ритуал, свадебный танец, похоронное шествие... Это совместное использование пляски, жеста, слова и музыки привело к разработке специальной, чрезвычайно дифференцированной системы аналогий звуковых «эквивалентов» танцевальных движений и, наоборот, жестовых «эквивалентов» интонаций, максимально соответствующих определённым последованиям музыкальных тонов и танцевальных движений» [1, с. 207]. Этот синкретизм создавал в веках и создаёт сейчас красочное, утончённо-эстетическое театральное действо, полное глубоких смыслов, с исключительным преобладанием зрительных, предметных ассоциаций и понятий.

Известный исследователь музыки Востока профессор У Ген Ир пишет: «Китайская цивилизация – одна из древнейших в мире. По свидетельству учёных и исследователей, Китай за 2000 лет до начала европейской цивилизации уже обладал высокоразвитой культурой – наукой, литературой и искусством. Именно в Китае, на тысячу лет раньше, чем в Европе было изобретено книгопечатание с досок. Именно китайцы дали миру бумагу, порох, компас и т. п. И именно китайская философия музыки, прежде всего конфуцианская явилась философской основой развития музыки всего Дальнего Востока» [3, с. 21].

Помимо конфуцианства, концепты даосизма и буддизма создали свой универсум в этом географическом ареале, кардинально отличающийся от европейского. Архетипы «индивидуального» и «бессознательного» культурного «кода» китайской нации заняли прочное место в общественном сознании и неизменно существовали на протяжении тысячелетий, сохранив свой смысл и значение до сегодняшнего дня. К концу XX в. музыкальные языки европейской и китайской культур остаются такими же непохожими и далёкими друг от друга, как и тысячелетия назад.

Традиционная культура Китая, рассматривая природу, как единую часть жизни, всемерно подчёркивала, что между человеком и природой существует прямая связь – «единство неба и человека», что в целом должно было совершенствовать внутреннюю природу человека. Космологическая и этическая философская доктрина получила законченное выражение у Конфуция (551 г. до н.э. – 479 г. до н.э.). Согласно Конфуцию «музыка – это зеркало природы, в ней заключаются два начала: *ян* – сила Неба, светлое, активное, мужское начало, и *инь* – сила Земли, тёмное пассивное женское начало. Следовательно, музыка должна быть естественна, как гармония Неба и Земли и служить средством связи между Небом и Землёй. Иначе говоря, музыка – это средство гармоничного управления обществом и государством» [3, с. 30]. Задолго до принятия христианства в Европе,

в Китае был создан и регламентирован уникальный свод «философии музыки» и «музыки философии». В этом своде китайская музыкальная космология в отдельных моментах пересекалась с античной, не потому, что по преданию Пифагор посетил Китай, а потому, что движение человеческой мысли к расширению границ познания присуще многим культурам, что можно наблюдать в разных исторических срезам.

В литературных и поэтических памятниках древнего Китая музыка присутствовала постоянно, как свидетельство духовного бытия человека. Вот текст известного китайского философа IXвека Хань Юй: «... Всякая вещь, исторгнутая из состояния покоя, звучит. Травы, деревья - беззвучны, но ветер на них налетит – и они зазвучат; беззвучна вода, но ветер взволнует её – и она зазвучит... Металлы и камни беззвучны, но ударить по ним – и они зазвучат. Такова же и речь человека. Когда нет ему выхода, – он говорит. В его песнях заложены мысли, в его плаче заложены думы. Всё, что исходит из уст как звук, говорит о том, что он исторгнут из состояния покоя [1, с. 198]. Так уже в древнем Китае философы размышляли о музыкальном универсуме, а российская наука XX в. даёт свои постижения этой «вечной темы»: «На протяжении многих тысячелетий музыка существует как необходимая и органическая сторона действительности, как атрибут Универсума. Материя музыки – звук, состоящий как физическое явление из колебательных движений с дискретными частотами и определённой высотой. Первозвуки Вселенной выражают гармонию Универсума, где все тоны этой гармонии строго определены и взаимосвязаны в единое целое. Данные самой природой и созданные человеком в ходе многотысячелетней истории, формы постижения музыкального бытия поразительно многообразны» [2, с. 8].

Главная особенность древнекитайской музыки в её *пентатонике*, сохранившейся до наших дней, – в особом ладе, так непривычно звучащем для европейского уха. Это самодостаточная интервальная система пятиступенного звукоряда без полутонов. Она на протяжении тысячелетий была и остаётся основой китайской музыкальной теории. Древнекитайские философы придавали сложную символику этим пяти ступеням, «где 5 звуков соответствовали 5 стихиям, 5 вкусам, кроме того, конфуцианская традиция приписывала магическое воздействие этих ступеней на социум: где «гун» – соответствовал государю, «шан» – министрам, «цзюэ» – народу, «чжи» – делам, «юй» – материальным вещам» [4, с. 236 (2 столб.)]. Существенным в китайской музыке и в пентатонике является «подчёркнутость основного мелодического контура,.. где полифоническое ведение голосов отсутствует,.. также отсутствует гармонический и аккордовый склад [1, с. 203]. Можно особо отметитькитайский инструмен-

тарий, впитавший все элементы традиционной культуры: придворной, ритуальной, военной, народной музыки, своими корнями уходящими в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.), династии Цинь (221–206 до н.э.), династии Суй (581–618 гг.), династии Тан (618–907 гг.) [4, с. 22] и т.д., вплоть до настоящего времени. Своеобразие китайских инструментов существует во многих параметрах: в использованных материалах – это камень, бронза, яшма, глина, кожа, шёлк, дерево, тыква; в разнообразной и широкой тембральной окраске звучания этих инструментов; в способах звукоизвлечения (встряхивание, «скребление», удар, щипок и пр.); в громадном количестве всевозможных шумовых и ударных инструментов. Пройдя многотысячелетний путь существования в музыкальной культуре Китая, эти инструменты сохранили своё практическое применение в музыкальной жизни и используются современными китайскими композиторами.

Вокальная музыка современных китайских композиторов достаточно разнообразна. С одной стороны, она опирается на традиционную ладовую основу (пентатонику), с другой стороны, всемирные процессы интеграции культур коснулись и современной китайской музыки в целом. В современной вокальной китайской музыке можно увидеть несколько направлений. Так, широкий музыкальный пласт на сегодняшний день представляет киномузыка Китая, включающая богатую фильмографию, которая с успехом вышла на европейский кинорынок. Важно отметить, что большое количество сольных китайских певиц получили своё признание именно через киномузыку. Это певицы и киноартистки: У Инъинь, Пэн Ли, Карен Мок, Муи Анита.

В современном вокальном искусстве широко представлена традиционная вокальная школа, соединённая с европейской культурой пения «на опоре дыхания», на выровненном звукоизвлечении. Таковой представляется певица Сонг Цзуин, получившая мировую известность в выступлениях в Сиднее, Вене, Вашингтоне.

Народное вокальное искусство Китая прошло многотысячелетний путь развития, получившее своё воплощение в так называемой «Пекинской опере», которая существует со времён династии Юань (1279–1368 гг.). В «Пекинской опере» закрепился синтез музыки, пения, танца и пантомимы. «Пекинская опера» продолжает развиваться в настоящее время.

30 августа 2008 г. на сцене Венского оперного театра состоялась премьера китайской оперы «Мулان» («Магнолия»), музыка которой написана известным композитором Ксиа Гуаном. Эта опера продолжает традиции древней «Пекинской оперы». Постановка этой оперы стала результатом совместной работы китайских певцов, Венского симфонического оркестра и европейского хора «Империал» под руководством индуса Виаи Упадхияя.

В 2014 г. в Пекине в Национальном центре исполнительских искусств прошла премьера совместной постановки Мариинского театра и китайских артистов оперы «Евгений Онегин» Чайковского. Партию Онегина пел известный китайский певец Юань Ченье. Современное поколение китайских певцов и певиц, заполнившие эстраду, с лёгкостью впитали все новации европейской и американской эстрады от рэпа до джаза, побеждают в Китае на различных телевизионных конкурсах и демонстрируют ассимиляцию музыкальной культуры Запада и Востока. Музыкальные культуры идут навстречу друг к другу и это обстоятельство вселяет надежду на мирное существование в этом беспокойном мире.

Список литературы

1. Грубер Р.И. История музыкальной культуры. – М-Л.: Гос. муз. изд-во, 1941. – 593 с.
2. Самсонова Т.П. Феномен человека в музыкальной культуре. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – 135 с.
3. У Ген Ир. История музыки восточной Азии: Китай. Корея. Япония. – СПб.-М.: Планета музыки, 2011. – 539 с.
4. Холопов Ю.В. Пентатоника // Музыкальная энциклопедия / гл. ред. Ю.В.Келдыш. – Т. IV. – М.: Сов. энцикл., 1976. – 974 с.

Лю Явэй

Роман Александра Пушкина и опера Петра Чайковского «Евгений Онегин» в прочтении китайского музыканта

В Китае в настоящее время идёт активный процесс «освоения» европейского и русского оперного репертуара. В 2014 г. на сцене Национального центра исполнительских искусств в Пекине прошла премьера оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин» в совместной постановке Мариинского оперного театра под управлением Валерия Гергиева и китайских артистов. Партию Евгения Онегина исполнял известный китайский певец Юань Ченье, который в настоящее время является профессором Центральной консерватории в Пекине. Опера «Евгений Онегин» – бесспорный русский оперный шедевр, который звучит на многих театральных сценах мира. Для студентов-музыкантов из Китая на данном этапе важно верное понимание этой оперы во многих её аспектах.

Ракурс сегодняшней статьи сводится к сравнительной характеристике текстов Пушкина и оперы Чайковского. Значительный интерес также представляет собой история создания оперы Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин».

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – великий русский поэт. Своей творческой деятельностью за свою короткую жизнь (он трагически погиб в 37 лет на дуэли) он снискал себе славу блистательного поэта, писателя, критика, публициста и основоположника современного русского литературного языка.

Роман «Евгений Онегин» А.С. Пушкин писал семь лет с 1823 по 1830 гг. Особенностью этого романа является то, что он написан в стихах. Особенна структура романа: он *строфичен*. Пушкинские строфы романа «Евгений Онегин» – это ритмически-синтаксические единицы, объединяющие три четверостишья. Строфы в романе объединяются в главы. В романе «Евгений Онегин» восемь глав. Этот роман в России изучают уже в школе и многие русские люди знают строки из «Евгения Онегина» наизусть всю жизнь. Это культовое произведение русской литературы.

Повествование ведётся от имени безымянного автора, который представился добрым приятелем Онегина. Роман многосюжетен: главные герои – Татьяна, Онегин, Ленский, Ольга, имея разные литературные характеристики, сюжетно «втягиваются» в единый драматургический узел взаимоотношений. Драматична неразделённая любовь Татьяны к Онегину, трагична смерть Ленского на дуэли с Онегиным, а запоздалая страстная влюблённость Онегина к Татьяне, в конце романа уже не находит отклика. Герои страдают, мучительно жаждут счастья, но – *«счастье было так возможно, так близко...»* – для них счастье становится невозможным. Сюжет романа развивается на фоне разнообразных картин русской природы и русской жизни: это дворянская усадьба, хлебосольная Москва, холодный столичный Петербург. В целом, можно представить роман «Евгений Онегин» как полифоническую оркестровую партитуру. Известны слова литературного критика Виссариона Белинского: «"Онегина" можно назвать энциклопедией русской жизни и, в высшей степени, народным произведением». Из романа, как и из энциклопедии, можно узнать практически всё об эпохе: о том, как одевались, и что было в моде, что люди ценили больше всего, о чём они разговаривали, какими интересами они жили. Очень быстро, после выхода в свет, роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» стал любимым и популярным в России.

Пётр Ильич Чайковский (1840–1896), к моменту возникновения идеи написать очередную оперу, был уже широко известным и любимым композитором в России. Известность принесли ему симфонии, симфонические поэмы «Ромео и Джульетта», «Франческа да Римини», оперы «Воевода» (1869), «Ундина» (1869), «Опричник» (1875), балет «Лебединое озеро» (1871). В период поиска сюжета для новой оперы, показательны размышления Чайковского, выраженные в письме к композитору Сергею Танееву: «... Мне нужно, чтобы не было

царей, цариц, народных бунтов, битв, маршей, словом, всего того, что составляет атрибут *grand opera*. Я ищу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, мною испытанных или виденных, могущих задеть меня за живое...» [5, с. 67].

В письме к брату Модесту Чайковскому от 18 мая 1877 г. композитор подробно рассказал о возникновении идеи «Онегина»: «На прошлой неделе я был как-то у Лавровской. Разговор зашёл о сюжетах для оперы... Лизавета Андреевна молчала и добродушно улыбалась, как вдруг сказала: «А что бы взять «Онегина»? Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал. Потом, обедая в трактире один, я вспомнил об «Онегине», задумался, потом начал находить мысль Лавровской возможной, потом увлёкся и к обеду решился. Тотчас побежал отыскивать Пушкина. С трудом нашёл, отправился домой, перечёл с восторгом и провёл совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценариум прелестной оперы с текстом Пушкина. Ты не поверишь... как я рад избавиться от эфиопских принцесс, фараонов, отравлений, всякого рода ходульности. Какая бездна поэзии в «Онегине». Я не заблуждаюсь: я знаю, что сценических эффектов и движения будет мало в этой опере. Но общая поэтичность, человечность, простота сюжета в соединении с гениальным текстом заменят с лихвой все эти недостатки» [4, с. 21–22]. В мае 1877 г. Чайковский поехал на дачу к своему другу Константину Сергеевичу Шиловскому в Подмосковье, где ему был предоставлен отдельный флигель и фортепиано, для совместного написания либретто оперы «Евгений Онегин».

Работа над либретто «Евгения Онегина» и его воплощение, на наш взгляд, заслуживает серьёзного внимания для понимания этой оперы в контексте своего времени. Поэтому, проведём сравнительный анализ текстов Пушкина и либретто, созданного П.И.Чайковским и К.С. Шиловским. Оперу «Евгений Онегин» Чайковский не случайно назвал «лирические сцены». В первом действии авторы либретто «сжали» действие романа, совместили II и III главы романа Пушкина, используя минимум пушкинских цитат, следуя не за «буквой текста», а за его духом. Последующие главы романа были интерпретированы либреттистами таким же образом.

В картине *первой* действие оперы происходит в деревенской усадьбе Лариных, где подтекстом звучат пушкинские строки начала II главы «Онегина»: «*Деревня, где скучал Евгений, / была прелестный уголок*». Очень точными музыкальными средствами Чайковский «рисует» прелесть деревенского дворянского быта, где красота и гармония разлиты кругом. Современная режиссура упражняется в нововведениях, искажающих представление об исторической эпохе, а по мысли Пушкина и Чайковского сцена первого действия должна пред-

ставлять русский XIX век, деревню, усадьбу Лариных, дом и прилегающий сад: «вечереет, хозяйка дома Ларина и няня варят варенье»¹. Из дома слышно пенье Татьяны и Ольги. В этом известном дуэте Татьяны и Ольги впервые слышатся пушкинские строки, но не из «Онегина», а из раннего стихотворения Пушкина «Певец» (1816 г.): «Слышали ль Вы, за рощей глас ночной/ Певца любви, певца твоей печали?». Слушателей сразу «окутывает» атмосфера пушкинской эпохи, домашнего музицирования, негромкого пения. Приведём слова Чайковского, которые как нельзя точно характеризуют общую поэтическую идею оперы: «Пушкин – силою своего гениального таланта очень часто вырывается из сфер стихотворства в бесконечную область музыки» [6. Т. 1, с. 49]. Гений Чайковского воплотил эту «бесконечную область» сферы стихотворства Пушкина в оперу «Евгений Онегин».

Характерно, что поэтические строки пушкинского романа взяты в либретто в Первой картине короткими репликами или фрагментами персонажей (Лариной, няни, Ольги, Ленского, Онегина) типа: «привычка свыше нам дана..»; «задумчивость моя подруга, от самых колыбельных дней»/; «скажи, которая Татьяна?», «Мой дядя самых честных правил...» и т. д. Характерно, что, два значительных сольных номера Первой картины: Ариозо Ленского «Я люблю вас, Ольга, как одна безумная душа поэта..» и Ариозо Ольги «Я не способна к грусти томной/ Я не люблю грустить в тиши.. – имеют не пушкинский текст. Здесь либреттисты создали свои тексты, близкие пушкинскому стихосложению, исходя из вокальной природы этих ариозо, мелодические линии, которые необходимы были композитору для создания музыкальной характеристики этих образов. Весьма примечательно выглядят два народных хора: «Болят мои ноженьки, со походушки..» и «Уж как по-мосту, мосточку» – они придают определённое движение происходящему на сцене и вносят народный колорит в общий контекст оперного действия. Текст хоров составлен либреттистами.

Вторая картина первого действия – сцена письма Татьяны – является полной музыкальной экспозицией образа Татьяны – это страстный монолог влюблённой девушки, который является драматургической кульминацией первого действия. Характерно, что в либретто почти без изменения взят пушкинский текст: «Я вам пишу, чего же боле...» [2. Т. 3, с. 61–63]. Пушкинские поэтические строки удивительно пластично легли на вокальную партию. Музыкальная характеристика Татьяны необыкновенно привлекательна в эстетическом и человеческом отношении, а смена состояний, настроений, порывов создают глубокий, психологический образ. Великие русские певицы

¹ Либретто оперы «Евгений Онегин». Действие Первое. Картина первая.

создали непревзойдённые образцы сцены письма на оперной сцене: Галина Вишневская, Любовь Казарновская, Анна Нетребко.

Третья картина оперы, сцена свидания Онегина и Татьяны в саду, со стороны либреттистов решена похожим образом: пушкинский текст взят только в хоре девушек: «Девицы красавицы» и в отповеди, которую даёт Евгений Татьяне (Ариозо Онегина «Вы мне писали, не отпирайтесь...»). Здесь взят полностью пушкинский текст IV главы «Онегина» [2, с. 70–72]. В образе Онегина незримо присутствуют и пушкинские строки «моралите»: «Чем меньше женщину мы любим/, тем легче нравимся мы ей./ и тем вернее губим/ средь оболстительных сетей/. В Ариозо Онегина последовательно взяты XII, XIII, XIV, XVI строфы IV главы, которые создали удивительно цельную линию музыкального развития, где звучание слова совпало с мелодией и слово «распеваётся» естественным образом. Это Ариозо Онегина чрезвычайно важно в драматургическом отношении, оно показывает, как под влиянием подлинного чувства любви, в финале оперы меняется психологическая характеристика Онегина. Не случайно, это Ариозо Онегина вошло в репертуар всех выдающихся оперных баритонов мира.

Второе действие оперы, картина четвертая¹. Второе действие чрезвычайно важно в драматургическом отношении: здесь происходит драматическая развязка отношений главных действующих лиц. Либреттисты отступили от пушкинского текста, изменив последовательное течение романа Пушкина и сконцентрировали сюжетную линию вокруг мазурки на балу, которая венчается вызовом на дуэль Онегина Ленским. В либретто мы практически не найдём совпадений с Пушкинским текстом/ /Ленский. Я требую, чтоб господин Онегин мне объяснил свои поступки! Он не желает этого, и я прошу его принять мой вызов!! Ларина. Боже! В нашем доме! Пощадите, пощадите !/ Для общей драматургии оперы Чайковскому была важна динамика и темп развития ситуации, её театрализация, что было блистательно решено композитором оркестровыми средствами, звучанием и действием хоровых эпизодов, драматизацией, динамикой и действиями солистов. Благодаря такому сценарному решению в либретто, драматургия спектакля была «стянута в тугой узел».

Пятая картина второго действия². Центром этой картины является, конечно, ария Ленского «*Куда, куда вы удалились, Весны моей*

¹ Либретто оперы «Евгений Онегин»: второе действие, картина четвёртая. Бал в доме Лариных. Молодежь танцует. Пожилые гости сидят группами и разговаривают, наблюдая за танцующими. Антракт и вальс со сценой и хором.

² Либретто оперы «Евгений Онегин»: Второе действие, картина пятая. Старая заброшенная мельница – место, назначенное для дуэли. Раннее зимнее утро. Ленский и его секундант Зарецкий ожидают Онегина. Интродукция, сцена и ария Ленского.

златые дни? Текст этой арии полностью совпадает с пушкинским текстом VI главы (строфы XXI, XXII [2, с. 111–112]. Эта ария является вокальным шедевром Чайковского. Выдающиеся русские тенора оставили несравненные варианты записей этой арии: Иван Козловский, Сергей Лемешев, Владимир Атлантов, Николай Гедда и другие. Эта ария является показателем русского певческого искусства. За этой арией, рефреном в дуэте Онегина и Ленского звучит пушкинская строка *«Враги! Давно ли друг от друга/ Их жажда крови завела?..»*

Действие Третье, седьмая картина. Заключительная сцена Онегина и Татьяны, финал оперы в либретто опирается исключительно на пушкинский текст, начиная со слов Татьяны: *«Довольно, встаньте. Я должна Вам объяснить откровенно ...»* [2, с. 163–165]. Заключительные слова Онегина: *«Позор, тоска, о жалкий жребий мой!»* – не принадлежат Пушкину.

Таков краткий анализ сопоставления текстов Пушкинского романа в стихах и либретто, созданного П.И.Чайковским и К.С.Шилловским. В качестве вывода, проведенному анализу текстов, можно заключить, что пушкинская поэтическая строка использовалась композитором чрезвычайно экономно: только в моменты ключевых ситуаций оперного действия, в сольных оперных ариях и ариозо. Этот метод использования поэзии Пушкина в оперном действии, в результате поднял на высокий пьедестал значение всех сольных арий «Евгения Онегина», которые навсегда вошли в русское культурное пространство как знаки тесного объединения поэзии и музыки, соединения творческого гения Пушкина и Чайковского. Неслучайно арии из оперы «Евгений Онегин» стали известными и популярными во всём мире. Этот метод экономного использования поэзии Пушкина, динамизировал действие оперы «Евгений Онегин», в ней нет длиннот, так как если бы шёл просто «пересказ» романа Пушкина. Благодаря экономному использованию строфической поэзии Пушкина, сюжет оперы «скручен воедино» и развивается по всем законам театрального драматического и оперного жанра.

Написание либретто и история создания оперы «Евгений Онегин» были тесно связаны. История создания этой оперы совпала с важными событиями в жизни П.И.Чайковского, его неудачной женитьбой и, в результате, бегством за границу. Опера «Евгений Онегин» была начата в Москве в мае 1877 г., одновременно с написанием либретто и окончена в Италии в феврале 1878 г. в Сан-Ремо, об этом свидетельствуют письма к Надежде Филаретовне фон Мекк¹. С мая

¹ Надежда Филаретовна фон Мекк (1831–1894) – баронесса, после смерти мужа управляла Московско-Рязанской железной дорогой, меценатка, большая любительница музыки, в течение 14 лет материально обеспечивала жизнь и творчество П.И. Чайковского. Одно из условий их взаимоотношений было никогда лично не встречаться. Их письма представляют собой уникальный образец эпистолярного искусства XIX века, раскрывают многие страницы творческой биографии П.И. Чайковского.

1877 г. по 1788 г. Чайковский прожил за границей, посещая Рим, Венецию, Милан, Флоренцию, Париж, Вену и при этом неустанно работал: в этот период была написана IV симфония с посвящением «Моему лучшему другу» (Н.Ф. фон Мекк) и опера «Евгений Онегин». Живя в Италии и перемещаясь из города в город, восхищаясь природой и культурой, Чайковский ощущал себя постоянно прежде всего русским человеком. Вот характерный отрывок из письма к Н.Ф. Мекк из Флоренции 9 февраля 1878 г.: «Но как бы я не наслаждался Италией, какое бы благотворное влияние ни оказывала она на меня теперь, а всё-таки я остаюсь и останусь на веки верен России. Знаете, дорогой мой друг, что я ещё не встречал человека более меня влюблённого в матушку-Русь вообще и в её великорусские части в особенности... Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи...» [б. Т. 1, с. 218]. Примечательно, что эти строки писались в период создания «Евгения Онегина». И действительно, русским настроением проникнута каждая нота партитуры «Онегина».

В период завершения работы над «Онегиным», композитор обратился к директору Московской консерватории Николаю Григорьевичу Рубинштейну с просьбой поставить свою новую оперу силами студентов консерватории: «Постановка же её именно в консерватории есть моя лучшая мечта. Она рассчитана на скромные средства и небольшую сцену». А несколько позже он писал своему другу К.К. Альбрехту, который был хормейстером первой постановки «Онегина»: «Я никогда не отдам этой оперы в Дирекцию театров прежде, чем она не пойдёт в консерватории. Я её писал для консерватории, потому что мне нужна здесь небольшая сцена». Далее композитор перечислил, что ему необходимо для постановки «Онегина», добавив при этом, что если опера не будет поставлена в Консерватории, то она не будет поставлена нигде: «Я готов ждать сколько угодно».

Готовые сцены «Онегина» из Италии Чайковский отправлял почтой в Москву, Николаю Григорьевичу Рубинштейну, директору консерватории и там студенты начинали репетировать оперу. Во многих письмах Чайковский делился с Надеждой Филаретовной фон Мекк сомнениями об «Онегине». Примечательно его письмо от 16 декабря 1877 г. из Милана: «Я думал о своей опере. Где я найду Татьяну, ту, которую воображал Пушкин и которую я пытался иллюстрировать музыкально? Где будет тот артист, который хоть несколько подойдёт к идеалу Онегина, этого холодного дэнди, до мозга костей проникнутого светской бонтонностью? Откуда возьмётся Ленский, восемнадцатилетний юноша с густыми кудрями, с порывистыми и оригинальными приёмами молодого поэта а la Шиллер? Как опошлится прелестная картинка Пушкина, когда она перенесётся на сцену с её ру-

тиной, с её бестолковыми традициями, с её ветеранами и ветераншами которые без всякого стыда берутся... за роли шестнадцатилетних девушек и безбородых юношей» [6. Т. 1, с. 134].

Когда вышел из печати клавир оперы, то в нём стоял авторский подзаголовок – «лирические сцены», это говорит о том, что Чайковский подошёл к тексту Пушкина творчески, взяв из романа только лирическую тему, дав музыкально-психологические портреты главных героев. Чуть позже, когда в ученическом концерте были исполнены отрывки из «Евгения Онегина», рецензент отреагировал на первое исполнение этой музыки так: «Никогда композитор не был в такой мере самим собою, как в этих лирических сценах...г. Чайковский – несравненный элегический поэт в звуках» [1, с. 279]. В декабре 1878 г. состоялось первое исполнение «Евгения Онегина» силами студентов Московской консерватории. Затем началась жизнь оперы «Евгений Онегин» в других театрах России. В настоящее время эта опера – один из символов русской оперы, которая именно так воспринимается во всём мире.

Есть убеждение, что любое произведение выдающегося композитора, есть – *послание*. Опера «Евгений Онегин», исполняемая во всех оперных театрах мира, это *послание* в XXI век П.И.Чайковского, который писал: «Мне кажется, что я действительно одарён свойством *правдиво, искренно и просто* выражать музыкой те чувства, которые наводит текст. В этом смысле я *реалист* и коренной русский человек...» [4, с. 111]. Эти «заветы» великого русского композитора должны изучаться всеми исполнителями, желающими постигнуть оперу «Евгений Онегин» в концертном зале, в оперном театре или на учебных концертах в музыкальных учреждениях. *Правдиво, Искренно и Просто* – вот смысл прикосновения к музыке П.И. Чайковского.

Список литературы

1. Асафьев Б.В. Избранные труды. Т. 2 // Избранные труды о П.И. Чайковском. – М.: АН СССР, 1954. – 383 с.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Евгений Онегин. – М.: Художественная литература, 1950. – 511 с.
3. Соллертинский И.И. Критические статьи. – Л.: Музгиз, 1963. – 181 с.
4. Чайковский П.И. Избранные отрывки из писем и статей. – М.: Музыка, 1952. – 196 с.
5. Чайковский П.И. Об опере и балете. Избранные отрывки из писем и статей. – М.: Музгиз, 1960. – 288 с.
6. Чайковский П.И. Переписка с Н.Ф. фон Мекк: в 3 т. Т. 1. – М.: Книжный Клуб Книговск, 2016. – С. 49.
7. Опера «Евгений Онегин» П.И. Чайковского по одноименному роману в стихах А.С. Пушкина. Чайковский П.И., Шиловский К.С. Либретто оперы «Евгений Онегин. –URL: www.sitesgoogl.com (дата обращения: 10.04.2019).

Музей как социальный агент реализации идей здорового образа жизни

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется интенсивным развитием науки и технологий, общим повышением качества жизни. Однако, несмотря на достижения научно-технического прогресса, нерешенными остается ряд проблем, среди которых особо остро стоит вопрос сохранения здоровья молодого поколения. Традиционно решение задачи приобщения к здоровому образу жизни общество возлагает на социальные институты здравоохранения, физкультуры и спорта, образования и культуры. Музеи как учреждения культуры должны быть вовлечены в решение данной проблемы, однако эту функцию, как правило, адресуют только музеям соответствующего профиля. Вместе с тем широкое понимание термина «здоровье» позволяет рассматривать его не только как физическое и психическое благополучие организма, но и интеллектуально-духовное состояние личности. В этом контексте понимания сущности здоровья человека музей обладает большими возможностями для приобщения общества к здоровому образу жизни, проявляя свой потенциал социального агента культурной политики государства. Современный исследователь Р. Сандел [6], выделяя три уровня влияния музея (на индивидуумов, социальные группы, общество), рассматривает его как агента социальной инклюзии, способного решать проблемы даже государственного уровня.

Как известно, в современном мире человек подвержен влиянию мощных информационных потоков. При этом получаемые из разных источников информации «знания» могут идти вразрез с положениями, принятыми в науке. Эту проблему затрагивал в своих трудах А. Моль [1], выдвигая понятие «мозаичной культуры» в качестве ключевой характеристики современного общества. По мнению французского культуролога, мировоззрение личности складывается из множества фрагментов информации, проецирующихся на общий «экран знаний». Для повышения интеллектуального уровня необходимо увеличить количество информационных сообщений, исходящих из проверенных и авторитетных источников. В качестве подобной, компетентной в различных областях знаний инстанции может выступать музей.

Согласно современной теории музеологии [4], к социальным функциям музея специалисты относят функции документирования, образования и воспитания. Функция документирования направлена на глубокое научное изучение предметов, что обуславливает прио-

ритет знаний над информацией. Осуществляя образовательно-воспитательную деятельность, музей не только знакомит посетителей со своими коллекциями, являясь при этом авторитетным источником информации, но и создает условия для их индивидуального восприятия, побуждает к диалогу культур, аксиологическому дискурсу, саморефлексии. Согласно М. Б. Пиотровскому [3], музей учит интеллектуальному отношению к миру. Способность музея побуждать к размышлениям, обмену мнениями и творческим открытиям положена в основу современной концепции «постмузея» – музея будущего.

Между тем музейная деятельность не ограничивается только трансляцией и осмыслением знаний. Еще в эпоху Просвещения, со времен своего становления как публичного института музей являлся учреждением, посещение которого требовало от людей соблюдения определенных правил. Иными словами музей как феномен культуры предполагал наличие регулятивов, детерминирующих поведение посетителей. Так, само музейное пространство апеллировало к порядку: предметы, демонстрирующиеся публике, были сгруппированы по определенному принципу, а в некоторых случаях предполагался и маршрут осмотра. Кроме того, музейные предметы всегда обладали материальной и особой исторической ценностью и требовали обеспечения их сохранности. Однако, как отмечает Т. Беннет [5], в роли контролирующей инстанции выступали не столько какие-либо охранные структуры, сколько другие посетители, находящиеся в тот же момент времени в зале. Объясняется это тем, что посещение музея изначально воспринималось как приобщение к культуре привилегированного класса общества. Право осмотра коллекций получали только те, кто соответствовал установленным правилам и манерам. Таким образом, наряду с источником знаний музей реализовывал функцию приобщения к общей культуре, культуре поведения, образуя особое воспитательное пространство, усиливающее влияние культурных ценностей.

Всё вышеперечисленное свидетельствует о мощном воспитательном потенциале, изначально заложенном в музей как культурную форму. О признании роли музея как активного социального агента свидетельствуют задачи, поставленные государством. В частности, в «Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 г.» [2] говорится о том, что музейная деятельность должна быть направлена на воспитание ценностей и стандартов здорового образа жизни. Для того чтобы политика музея соответствовала общей культурной политике, заданной в данном документе, музейным сотрудникам предстоит творчески переосмыслить имеющиеся в их музее возможности, чтобы использовать их в своей работе. Рассмотрим некоторые варианты проектирования музейной деятельности, решающей поставленную государством задачу.

На наш взгляд, можно выделить несколько уровней трансформации музейной деятельности.

1. Внесение изменений в содержание экскурсий. Для музеев медицинского профиля это может выражаться в том, что экскурсовод может более экспрессивно описывать возможные последствия нездорового образа жизни. Сотрудники музеев других профилей могут продумать, каким образом их тема может соприкоснуться с темой здоровья. Вопросы здорового образа жизни можно затрагивать, ведя разговор о спортивных достижениях, о величайших полководцах и героях страны (А.В. Суворов, Ю.А. Гагарин), о красоте и моде в разные эпохи (насколько безопасной была косметика в различные эпохи, к каким последствиям могло привести женщин ношение корсета). В мемориальных музеях можно рассказать об образе жизни владельца дома, оценить его с точки зрения пользы для здоровья. Особенно действенным этот метод будет для детской аудитории при небольшой корректировке текста экскурсии.

2. Организация тематических выставок (в том числе и временных). В художественных музеях поводом для обращения к проблеме здорового образа жизни могут служить творения древнегреческих скульпторов, воплотивших в мраморе и бронзе идеалы человеческого тела, а также некоторые картины в стиле соцреализма, например, авторства А. Дейнеки или Т. Яблонской. В некоторых случаях здоровый образ жизни может быть связан с национальными особенностями. Так, например, Государственный музей истории религии может в рамках своей экспозиции, посвященной индуизму выделить особое место для рассмотрения йогических практик, целью которых является совершенствование души и тела.

3. Проведение отдельных мероприятий или тематических занятий в рамках детских программ. Например, в Музее-Лицее можно рассказать о физическом и духовном воспитании лицеистов. Одной из самых удачных форм следует признать квест, в рамках которого участники сами учатся добывать нужную информацию и лучше воспринимают идеи, заложенные в содержание маршрута.

4. Составление специальных программ, по возможности основанных на сетевом взаимодействии с другими образовательными учреждениями. Так, разработанная нами «Программа непрерывного образования молодежи по сохранению и укреплению здоровья для Военно-медицинского музея» позволила связать содержание школьных учебных предметов (биология, обществознание, история Отечества и ОБЖ) с изучением музейной коллекции, на базе которой расширялись представления школьников о здоровье в целом и о здоровом образе жизни. Трехчастное деление программы позволило охватить все составляющие здоровья: физическое (например, профилак-

тика заболеваний, последствия вредных привычек), духовно-нравственное (в частности, осмысление нравственного выбора человека в периоды военного и мирного времени), а также социальное (например, ответственность за экологическое состояние планеты, за безопасность окружающих, за свой личный выбор профессии и т. п.).

Таким образом, музей, являясь авторитетным источником знаний, становится не только связующим звеном между прошлым и настоящим, сохраняющим и транслирующим культурные ценности, но и социальным агентом, способным влиять на формирование мировоззрения, в т.ч. и в сфере здорового образа жизни.

Список литературы

1. Моль А. Социодинамика культуры / ер. с фр.; предисл. Б. В. Бирюкова. – 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
2. О концепции развития музейной деятельности Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]: решение коллегии Министерства Культуры РФ от 7 февраля 2013 г. №3 // Министерство культуры Российской Федерации [сайт]. – URL: <http://www.mkrf.ru>
3. Пиотровский М. Б. Музей не терпит хамов // Для музеев нет табу. Михаил Пиотровский 50 статей за 10 лет. – СПб.: Арка, 2016. – С. 224–230.
4. Шляхтина Л.М. Основы музейного дела: теория и практика: учеб. пособие. – СПб.: Издательство «Лань», Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2016. – 248 с.
5. Bennett T. The birth of the museum. History, theory, politics. London, New York: Routledge, 1996. – 278 p.
6. Sandel R. Social inclusion, the museum and the dynamics of sectoral change // *Museum & Society*. 2003. № 1(1). P. 21.

Т. П. Самсонова, И. В. Уварова

Семья Гарсиа в вокальном пространстве Европы XIX в.

Семья Гарсиа – это семья известных певцов, каждый из членов которой снискал шумную славу на протяжении всего XIX в. Их вклад в развитие вокального искусства огромен. История этой семьи ещё ждёт своих исследователей, так как биографические данные дошли до настоящего времени в крайне фрагментарном состоянии. Остановимся, хотя бы кратко, на каждом члене из этой семьи. В их жизненных историях отражён романтический XIX век с необычными ситуациями и стремительными взлётами.

Родоначальник этой семьи – **Мануэль Гарсиа-старший**, родился в 1775 г. в Севилье. По разным биографическим данным, которые в настоящее время достаточно сложно проверить, Мануэль Гарсиа-старший, имел маврское, еврейское или цыганское происхождение. В любом случае, кровь горячих предков всегда говорила в его

поступках, подчас необузданных и грубых. Он не знал отца. В книге Барбары Кендэлл-Дэвис о Мануэле Гарсиа сказано, что он имел «красивую наружность, шарм, музыкальный талант, стал известным певцом и композитором в возрасте, когда многие только начинают. К семнадцати годам сделал карьеру; когда ему было двадцать с небольшим, его портрет нарисовал Гойя. В 1807 г. тридцатидвухлетний Мануэль-старший, сделавший в Испании блестящую карьеру, отправился в Париж вместе со всей многочисленно семьёй: двумя жёнами-певицами и двумя детьми... Ситуация с двоежёнством разрядилась довольно быстро: первая жена, подучив ангажемент в Испании, покинула навсегда Мануэля, оставив ему ребёнка...» [5, с. 5]. Эта девочка под именем Мария Малибран уже в юном возрасте прославила семью как необыкновенное колоратурное меццо.

Через несколько лет пребывания в Париже Мануэль Гарсиа поехал в Италию. В Неаполе он был принят главным тенором в Придворную капеллу при брате Наполеона Бонапарта Мюрате. Здесь Мануэль Гарсиа-старший встретился с великим Джоакино Россини, который написал именно для него партию графа и Альмавивы в опере «Севильский цирюльник», партию графа Норфолка в опере «Елизавета, королева Английская», партию Отелло в одноимённой опере. Потом снова был Париж, где Мануэль Гарсиа – старший пел во французской опере; свои выступления на французской сцене он перемежал длительными гастрольями в Лондоне.

Главе этой семьи всегда, видимо, присуща была «охота к перемене мест». В 1825 г. вся семья Гарсиа в полном составе отправилась в неизведанную страну Америку. Предприятие называлось «Итальянская оперная труппа», спектакли предполагалось проводить в Нью-Йорке, пели все члены семьи: «сам Мануэль – ведущий тенор, жена – вторая солистка, двадцатилетний сын, Мануэль Гарсиа-младший – главный баритон, семнадцатилетняя дочь Мария – примадонна» [5, с. 6]. Младшей дочери Полине, которая впоследствии станет великой Полиной-Виардо-Гарсиа, было всего четыре года, но она знала уже все вокальные партии семейного репертуара, в частности, партии в опере В.А. Моцарта «Дон Жуан».

Остались любопытные свидетельства об этом морском путешествии семьи Гарсиа в Америку. Во время путешествия Гарсиа-старший разучивал партию Фигаро с младшим сыном, но делал это достаточно грубо, с руганью, не гнушаясь даже рукоприкладством. Капитан судна, видя это, обещал заковать грубияна в кандалы, если он ещё раз тронет пальцем членов своей семьи или пассажиров.

Гастроли в Америке с 1825 по 1827 гг. прошли успешно, семья заработала большие деньги, которые Гарсиа перевёл в золото. Но романтические коллизии преследовали эту семью: Мануэль Гарсиа,

попав после Нью-Йорка в Мексико-сити, решился, несмотря на гражданскую войну, пройти 300 миль по горам до морского порта Веракрус на берегу Мексиканского залива, чтобы вернуться в Париж. «Путников охраняли солдаты, однако, в одном из ущелий солдаты превратились в разбойников, забрали всё, вплоть до дорогого шотландского пальто Полины. Существует легенда, что разбойники заставили Мануэля петь и так восхитились его исполнением народных испанских песен, что вернули часть золота и проводили до порта» [5, с. 6]. У Гарсиа остался основной капитал – его собственное вокальное мастерство, композиторский талант и вера в свою счастливую звезду. По прибытии в Париж с успехом ставились комические оперы Гарсиа и его тонадильи (испанские короткие комические оперы, сатирического содержания, продолжительностью 10–12 минут). Одна из песен Гарсиа из тонадильи «Мнимый слуга» использована Бизе в опере «Кармен».

В 1829 г. в Париже Гарсиа – старший организовал вокальную школу, где обучались и любители, и профессионалы. В этой школе стал преподавать и сын Гарсиа. Вокальные методы Гарсиа-отца пользовались огромной популярностью. Именно в них он, с одной стороны, подытожил все «секреты» искусства *bel canto*, с другой стороны, давал певцам новые установки романтического виртуозного итальянского пения Россини и Беллини. В настоящее время «Упражнения для голоса Мануэля Гарсиа (отца)» изданы и дают прекрасную возможность современным вокалистам совершенствоваться по апробированным итальянским методам¹.

Сын Мануэля Гарсиа, Гарсиа-младший прожил долгую жизнь (1805, Мадрид – 1906, Лондон). Мануэль Гарсиа (младший) рано оставил оперную сцену и занялся исключительно педагогикой. С 1842–1850 гг. он преподавал пение в Парижской консерватории, с 1848 по 1895 гг. стал профессором Королевской академии музыки в Лондоне. Мануэль Гарсиа (младший) написал много серьёзных методических работ, вошедших в историю вокальной педагогики: «Записки о человеческом голосе» (1840), «Полное руководство по искусству пения» (1847), «Полный трактат об искусстве пения» был издан Парижской консерваторией дважды в 1847 г. и 1856 г. В своей педагогической деятельности, которая охватила почти весь XIX век и в методических работах Гарсиа (младший) попытался объединить свой опыт и опыт своей уникальной семьи. Его сёстры стали европейскими «звёздами» первой величины: Мария Малибран (1808–1836) и Полина Виардо-Гарсиа. Наиболее полно идеи Гарсиа (младшего) выразились в «Полном трактате об искусстве пения», который издан в

¹ Гарсиа Мануэль (отец) Упражнения для голоса. Вступительная статья М.Г. Людьюко, зав. кафедрой камерного пения СПбГК им. Н.А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения, доцент, заслуженная артистка России. СПб.: Планета музыки, 2015. 102 с.

настоящее время¹. В этом трактате представлена единая система итальянского пения, где даются рекомендации о правильном дыхании, звукоизвлечении, много места в трактате уделено голосовому аппарату певца и охране голоса. Мануэль Гарсиа (младший) придал своему вокально-педагогическому практическому опыту теоретическое обоснование. Труд Мануэля Гарсиа (младшего) не утратил своего значения и в настоящее время, представляя собой незаменимое пособие по изучению итальянской вокальной манеры пения.

Помимо методических работ Гарсиа (младший) прославился как изобретатель нового метода и практически нового направления медицины. Как вокальный педагог, он живо интересовался проблемами физиологии человеческого голоса, что и привело его к изобретению метода прямой ларингоскопии. В 1855 г. Мануэль Гарсиа (младший) вошёл в историю как изобретатель ларингоскопа. Гарсиа подробно и досконально изучил анатомию и физиологию гортани, физиологию голосовых связок, стал заниматься лечением воспалительных и профессиональных заболеваний гортани у оперных певцов. Ему была присвоена степень доктора медицины.

Мария Малибран (1808–1836) – в эпоху XIX в. она стала первой *мегазвездой*, говоря современным языком. Вокальное искусство она в полной мере восприняла в своей семье. Мария была девушкой с независимым и своевольным характером, пению учил её отец. «Сохранилось свидетельство, что прохожих, обращавших на громкие женские крики, раздававшиеся из дома, где жила семья Гарсиа, соседи успокаивали: ничего страшного, это Мануэль обучает свою дочку» [5, с. 6]. В 17 лет Мария поехала на гастроли с семьёй в Америку, где она дебютировала в опере «Дон Жуан» (Церлина), и с тех пор её жизнь стала сплошным триумфом. Она обладала необыкновенно сильным голосом, сочетавшим в себе контральто и сопрано. Такой голос был привлекателен для композитора Россини, и во многих своих операх (а из было 40!), женские партии композитор писал для Марии Малибран, для колоратурного меццо, крайне редкого в природе. (В настоящее время таким голосом обладает итальянская певица Чечилия Бартоли). Неожиданно для своей семьи Мария в 17 лет в Америке вышла замуж за коммерсанта, значительно старше её. Брак был не долгим, но так Мария освободилась от жёсткой опеки отца и обрела звучную фамилию Малибран. За оставшиеся десять лет своей жизни она сделала ослепительную карьеру певицы.

В 19 лет Мария отправляется в Париж и Париж «у её ног». Жорж Санд, Ламартин, генерал Лафайет, известный скрипач Шарль Берио,

¹ Гарсиа Мануэль (сын) «Полный трактат об искусстве пения». СПб.: Планета музыки, 2015. 411 с.

пианист Фредерик Шопен – все в восхищении от её пения. Шопен писал: «Сегодня, бесспорно, Малибран, а не Паста – лучшая певица Европы... Малибран поражает своим голосом и поёт, как никто. Чудо! Чудо!» [6, с. 36]. В ту пору не было звукозаписи, но прослушав любой небыстрый раздел в произведениях Шопена, мы услышим эту завораживающую кантилену, певучесть женского голоса. От великих певцов своего времени, от Марии Малибран Шопен воспринял *bel canto* человеческого голоса и воплотил его в фортепианном звучании. Шопен порой рекомендовал своим ученикам учиться петь. «Вы должны учиться петь», – сказал как-то Шопен своему ученику, – если только хотите научиться играть» [6, с. 36].

Искусством Марии Малибран восхищались в Париже, Лондоне, Венеции, Брюсселе, Милане. Гонорары её были фантастическими. В итальянском городе Ареццо она спасла от финансового краха оперный театр, отдав ему свой гонорар. С тех пор театр носит имя Марии Малибран. Малибран не знала себе равных в драматических партиях в операх Дж. Доницетти. В настоящее время в театре Ла Скала в Милане выставлены два портрета Марии Малибран, один – кисти Л. Педруцци, в костюме Дездемоны из оперы «Отелло» Россини (1834), и другой – кисти Карла Брюллова, в период, когда он работал над своей знаменитой картиной «Последний день Помпеи».

Мария Малибран обладала многочисленными талантами: она хорошо рисовала, сочиняла песни, их всего сохранилось 50, одна из них, с «Рото-план» дошла до настоящего времени и с успехом исполняется Чечилией Бартоли. Мария любила верховую езду и любила носить мужское платье.

Погибла Мария Малибран в зените славы в 28 лет, упав с лошади, она повредила ногу, которая не заживала. Придя на свой последний спектакль в больном состоянии, она сказала: «Сегодня я сыграю свою последнюю роль», что и произошло в конце спектакля.

Искусство Марии Малибран надолго сохранилось в памяти современников. Высокая планка вокального искусства – техническое мастерство, драматическая игра, *bel canto* женского голоса – эти критерии вошли в историю музыкальной культуры XIX в. как основополагающие на все последующие времена.

Полина Виардо-Гарсиа (1821–1910) – певица, воспитанная своим отцом Мануэлем Гарсиа(старшим). Отец обожал младшую дочь и, говорил, что, если «старшая дочь нуждается в железной руке, младшую можно вести на шёлковой нитке. В отличие от старшей сестры Полина обожала отца, восхищалась его внешностью, статной фигурой, скульптурными позами его сценических персонажей» [5, с. 6]. В юности Полина хотела стать пианисткой, она брала уроки у знаменитого Ференца Листа, но трагическая смерть сестры изменила

её планы, и она решила стать с певицей. В 16 лет она дала свой первый концерт в Брюсселе. Отзывы публики и прессы были благожелательными, так началась вокальная карьера Полины Виардо. Вскоре она вышла замуж за директора Итальянского театра в Париже Луи Виардо, который занялся карьерой своей жены.

Первые концерты Полина Виардо сделала в Германии совместно с Шарлем Берио, мужем сестры. Она выступала в различных театрах Европы и много концертировала. Достаточно быстро к ней пришла известность и восторженные отзывы прессы. Так, Теофиль Готье называл голос Полины Виардо «одним из самых великих инструментов, какой только можно услышать и звездой первой величины о семи лучах». Полина Виардо блистала в операх Мейербера, Моцарта, Глюка, Россини, Беллини, Доницетти. В 1843 г. Полина Виардо прибыла в Петербург на гастрольный сезон Итальянского театра. Для дебюта Виардо выбрала партию Розины в «Севильском цирюльнике». Особенный восторг у петербургских меломанов вызывала сцена урока пения, куда артистка неожиданно для русской публики вставила романс А. Алябьева «Соловей». Успех был полным. Виардо завязала тесное знакомство с лучшими представителями русской художественной интеллигенции: часто бывала в доме Виельгорских, – на долгие годы одним из ее лучших друзей стал граф Матвей Юрьевич Виельгорский. На одном из спектаклей побывал и Иван Сергеевич Тургенев, вскоре представленный приезжей знаменитости. Как писал А.Ф. Кони, «в душу Тургенева восторг вошел до самой ее глубины и остался там навсегда, повлияв на всю личную жизнь этого однолюбца». Так началась эта романтическая любовь всей жизни, прерванная только смертью И.С.Тургенева.

Тургенев стал практически членом семьи Виардо. Рядом с домом Виардо в предместье Париже для Тургенева был построен небольшой дом, так называемое «шале». «На краюшке чужого гнезда» – так основную часть своей жизни провёл великий русский писатель Иван Сергеевич Тургенев около великой певицы Полины Виардо-Гарсиа.

Уйдя со сцены, Полина Виардо-Гарсиа активно занималась вокальной педагогикой, сочиняла музыку, проявила себя первоклассной камерной певицей. Вот одно воспоминание о музыкальном вечере в доме Виардо: «В один из музыкальных "четвергов" в доме Виардо в 1879 году певица, которой было тогда уже под 60 лет, "сдалась" на просьбы петь и выбрала сцену лунатизма из "Макбета" Верди. Сен-Санс сел за рояль. Г-жа Виардо выступила на середину залы. Первые звуки ее голоса поражали странным гортанным тоном; звуки эти точно с трудом исторгались из какого-то заржавленного инструмента; но уже после нескольких тактов голос согрелся и все больше и больше овладевал слушателями... Все прониклись ни с чем не сравнимым исполнением, в котором гениальная певица так

всецело сливалась с гениальной трагической актрисой. Ни один оттенок страшным злодеянием взволнованной женской души не пропал бесследно, а когда, понижая голос до нежного ласкательного пианиссимо, в котором слышались жалоба, и страх, и муки, певица пропела, потирая белые прекрасные руки, свою знаменитую фразу. "Никакие ароматы Аравии не сотрут запаха крови с этих маленьких ручек..." – дрожь восторга пробежала по всем слушателям. При этом – ни одного театрального жеста; мера во всем; изумительная дикция: каждое слово выговаривалось ясно; вдохновенное, пламенное исполнение в связи с творческой концепцией исполняемого довершали совершенство пения» [7, с. 251].

Полина Виардо писала романсы на стихи русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Тургенева, Тютчева, Фета. Сборники ее романсов выходили в Петербурге и пользовались широкой известностью. В настоящее время в России издана музыка Полины Виардо: «Сборник романсов» и «Упражнения для женского голоса. Час упражнений» [1; 2]. В этих произведениях любители и профессионалы могут прикоснуться к истории вокального искусства XIX в.

На либретто Тургенева Полина Виардо написала также несколько оперетт – «Слишком мною жен», «Последний колдун», «Людоед», «Зеркало». Вместе с супругом, переводившим произведения Тургенева на французский язык, Полина Виардо пропагандировала достижения русской культуры. У нее прошли отличную вокальную школу многие русские певицы, в том числе Фелия Литвин, Елизавета Лавровская-Цертелева, Наталия Ирецкая, Надежда Штемберг.

В заключении, можно отметить, что семья Гарсиа, вокалистов высокого класса, оставила большой след в европейском искусстве XIX в. Изучать и сохранять память культуры – это вопрос воспитания и образования для многих людей, изучающих музыкальное искусство.

Список литературы

1. Виардо Полина. Упражнения для женского голоса. Час упражнений. – СПб.: Планета музыки, 2013. – 141 с.
2. Виардо Плина. Сборник романсов. – СПб.: Планета Музыки, 2017. – 77 с.
3. Гарсиа Мануэль (отец) Упражнения для голоса. Вступительная статья М.Г. Людьюко, зав. кафедрой камерного пения СПГК им. Н.А. Римского-Корсакова, кандидат искусствоведения, доцент, заслуженная артистка России. – СПб.: Планета музыки, 2015. – 102 с.
4. Гарсиа Мануэль (сын) «Полный трактат об искусстве пения». – СПб.: Планета музыки, 2015. – 411 с.
5. Маццукато Альберто. Предисловие к «Полному трактату об искусстве пения». – СПб.: Планета музыки, 2015.
6. Мильштейн Я.И. Советы Шопена пианистам. – М.: Музыка, 1967. – 118 с.
7. Самсонова Т.П. Музыкальная культура Европы и России. XIX век. – СПб.: Планета музыки, 2017. – 398 с.

Первая баллада Фредерика Шопена: путь к интерпретации

Изучение произведений Фредерика Шопена (1810–1849) – это серьёзный вопрос музыкальной педагогики на разных этапах профессионального музыкального образования. Выдающийся русский педагог и известный «шопенист» своего времени Генрих Густавович Нейгауз писал: « ... можно непрерывно развивать ученика *музыкально, интеллектуально, артистически*» [7, с. 33]. Все эти три параметра, обозначенные Нейгаузом, мы взяли за основу над изучением одного из шедевров Шопена, представляющего собой сложное одночастное произведение романтического и драматического характера. Работу над Первой балладой Шопена g-moll мы разделили на определённые стадии. Не вызывает сомнений тот факт, что прежде, чем зазвучит первая нота изучаемого произведения под пальцами пианиста, необходимо провести большую подготовительную работу «ума и сердца», которая включала бы несколько аспектов мира музыки Шопена: исторический, теоретический, исполнительский.

На первичном этапе мы ознакомились с биографией композитора в монографиях Ю.А. Кремлёва, А.А. Соловцова [3; 9], где содержатся важные биографические сведения о жизни Шопена, даются представления о культурном контексте эпохи, о понятии «романтизма XIX века», о фортепианном стиле Шопена. Известно, что созданию Баллады №1 Шопен посвятил четыре года с 1831 по 1835. В 1828 г. Шопен первый раз выехал в концертную поездку за границу. Были концерты в Берлине, Праге, Вене, Дрездене: молодого польского пианиста восторженно принимала публика, но на родину Шопен больше не вернулся. «В Париже Шопена настигло известие о польском восстании против русского самодержавия, о штурме русскими войсками Варшавы (сентябрь 1831). Бедствие своей страны, горечь разгрома польского восстания, беспокойство о судьбе родных вылилось в создание многих трагических произведений, в которых звучала эпоха, Польша, лишённая государственности, и человек – в гуще исторических событий» [8, с. 19]. Страницы дневника и писем Шопена полны самого мрачного отчаяния в тот период: «... с того дня, как я узнал о событиях 29 ноября, и до настоящего времени, я не испытываю ничего, кроме щемящей тревоги и тоски...» [10. Т. 1, с. 202]. Одним из произведений, где настроение и состояние души композитора нашли своё яркое музыкальное выражение стал «Революционный этюд» Ф. Шопена (op. 10 № 12, c-moll), написанный в сентябре 1831 г. Реальная история воплотилась в этой музыке, которая стала музыкальным символом Польши и популярнейшим произведением музыкальной литературы. Тема Родины стала ведущей творческой темой

Шопена. Польская революция «проложила» некую грань между двумя большими периодами его творческой биографии. Варшава – безоблачная юность, окрылённость, радужные надежды и Париж – быстро растущие духовная зрелость, мастерство, жизнь со всеми её драматическими контрастами.

XIX век – век расцвета романтизма уникального, многоликого и неповторимого явления в европейских духовных свершениях. Весь интеллектуальный «багаж» Европы вписался в сложную картину зарождения романтического искусства. В романтизме XIX в. воссоединение человека произошло не с внешним миром, а с «его» внутренним миром, созданным им самим. «В душе человека была сотворена новая вселенная, которая открыла путь к выражению богатейшего внутреннего мира идеалов, мыслей, стремлений, чувств, переживаний и эмоций. В романтическом искусстве выстраивалась новая художественная модель мира и взаимосвязь с человеком в их бесконечной сложности и противоречивости. На авансцену выходил эмоциональный мир героя, как правило, героя одинокого. Тема одиночества – едва ли не самая популярная у романтиков. Вместе с тем отъединённость от мира для романтического героя нередко связывалась с гордым ощущением своего духа, с самостийностью своего «Я» как безграничного космоса. Человек становился Творцом, открывающим в себе силу созидания своего мира, вырываясь из рамок привычного бытия, превращая космос своей души и искусства в высшее предназначение. В сферу музыкального осмысления «втягивались» и интенсивно раскрывались предельно полярные сферы психологических состояний человека: томление, порыв страстей, устремлённость к идеалу, а также отчаяние перед судьбой, мрак души, ностальгия и т.п. В романтическом искусстве полярность полюсов внутренних состояний протекала необыкновенно интенсивно» [8, с. 76–77].

Популярным жанром и в литературе, и в музыке в XIX в. стал жанр *баллады*. Как один из видов лиро-эпической поэзии, баллада представляет собой повествовательную песню с драматическим развитием сюжета, основой которого является необычная ситуация. Композиторы XIX в. активно взяли на вооружение эту форму литературного жанра, придав ему всю специфику романтических настроений: это драматизм развития сюжета, прерывистость повествования, концентрирующее внимание на кульминационных моментах, применение разнообразных форм повтора, а также недосказанность, придающую балладам таинственность или даже загадочность. Ни один композитор XIX в. не прошёл мимо этого жанра: Шуберт и Брамс, Лист и Шуман, Глинка и Верстовский, Григ и Сибелиус создали прекрасные произведения в этом жанре. Четыре баллады Ф. Шопена являются величайшим памятником жанру и романтической эпохе в целом.

Нашим вторым этапом на пути к интерпретации баллады Шопена № 1 было, безусловно, изучение самого нотного текста, который нам оставил Шопен. Надо учитывать, что в настоящее время существует много редакций Шопена, где приводятся различные указания по штрихам исполнения, по фразировочным лигам, динамике, педализации и т.п. Заслуживает внимательного отношения академическое издание И. Падерецкого и Л. Оборина. В монографии М.Д. Корноухова, озаглавленной «Нотный текст – горизонты познания», даётся широкий охват любого нотного, в частности, нотного текста Шопена, за которым стоит, действительно большая работа интеллекта и аналитических способностей пианиста [2, с. 62].

Образные и структурные особенности баллад Шопена всесторонне исследованы в трудах Н. Голубовской, Л. Мазеля, В. Николаева. Мы возьмём за основу положение Л. Мазеля о «модифицированной сонатности», т.е. о классическом сонатном *allegro* с романтическим развитием.

Драматургия Первой баллады основана на трёхкратном сопоставлении двух основных образов (главной и побочной темы) в экспозиции, разработке и репризе. «Герои драмы» не сразу выделяются на богатом фоне» [1, с. 108]. Главная тема выступает в окружении эпического вступления и лирически взволнованной связующей темы. К побочной теме примыкает цепь обаятельных мотивов дополнения. Темы не контрастны: первая отличается меланхолической задумчивостью, неторопливостью и широтой, вторая же (*Es-dur*) – ласковым лиризмом, приглушённостью звучания и сравнительной краткостью изложения.

Побочная тема отличается тем, что её приподнятые интонации (ходы на октаву, септиму), находятся в противоречии с мягкой обволакивающей звучностью (*pp*, *sotto voce*, прозрачным певучим басом). Благодаря этому возникает ощущение, что дремлющая ласковость лирического образа таит большую силу. Но прежде чем показать тему в новом виде, Шопен возвращается к главной, и в этом сопоставлении заключён импульс развития.

В разработке, существенно изменяется как облик обеих тем, так и их соотношение. Главная утрачивает характер задумчивого рассказа. Она «свёртывается», превращаясь из самостоятельной в подчинённую, напряжённо-настойчивую. «Сжавшись» она как бы концентрирует свою энергию: на кратком расстоянии (12 тактов вместо 30) затаённо-жалобные сетования перерастают в настойчиво вопрошающие интонации. Но уже готовый прорваться драматизм внезапно подменяется бурным лирическим взрывом в ранее «*тихой*» побочной партии: минорный «*предикт*» разрешается сияющим *A-dur*. Пре-

вращение застенчивой побочной темы в ликующе восторженную музыку – подобную внезапному расцвету чувства, натолкнувшегося на препятствие.

Сопоставление тем обнаруживает возникший контраст образов и противоположные тенденции их развития: сжатие, драматизацию, омрачение одного и расширение, динамизацию и осветление другого.

Эпизод Es-dur – это часто встречающийся у Шопена скерцозный образ, полный блеска, изящества, шаловливости. Лёгкая, непринуждённая грация и элегантность подобных тем связана с быстрым стремительным движением, прихотливым мелодическим рисунком и прозрачной фактурой. Драматургическая роль эпизода – продлить атмосферу ликования, достигнутую в разработке.

В репризе происходит третье, решающее столкновение основных образов баллады. Оно носит остро трагический характер. Немалую роль в этом играет перестановка тем. Длительное господство радостных эмоций никак не готовит слушателей к катастрофе. Возвращение в минорную тональность g-moll к главной теме баллады воспринимается как зловещая, внезапно наступившая тишина, как отрезвление. Прекрасный рассказ прерывается горестным возвращением к действительности и взрывом боли, вызванной трагической судьбой обаятельного поэтического образа.

Как и в разработке, главная тема сжата, но её тенденция к драматизации, ранее не завершённая, теперь реализуется с огромной силой и страстным речитативом в бурной, полной отчаяния коде. Начальная интонация, вопрошающая, снижающаяся, незавершённая – в коде звучит гневным протестом. Основной мотив в атмосфере коды из печального, лирически-повествовательного превращается в угрожающе-стихийный, драматически напряжённый.

Итак, в репризе широкому размаху и динамическому росту побочной темы противостоит лаконизм остро-трагической главной партии. Поменяв местами темы, Шопен изменил и смысл их сопоставления. Если в разработке радостная побочная тема отвечала тоскливым призывам главной, открывая путь «к свету», то в репризе появление главной темы после побочной производит эффект трагического срыва и катастрофы. Таково на наш взгляд, художественное содержание Первой баллады Шопена. Уяснив себе эти главные моменты, мы попытаемся в своём исполнении «лепить» образное содержание произведения.

При этом, в качестве руководства мы обратимся к «первоисточнику»: это издание баллад Шопена под редакцией И.Падеревского и работа Я.И. Мильштейна «Советы Шопена пианистам» [6], где тщательно собраны краткие педагогические замечания самого Шопена,

воспоминания его учеников, что при ближайшем рассмотрении представляет цельную концепцию методических рекомендаций великого композитора и пианиста XIX в., которым являлся Шопен.

Очень сложная ступень «приближения» к Шопену – это сам фортепианный звук, так называемое по словам Шопена *туше*. Будучи сам прекрасным пианистом, в совершенстве владеющим искусством звука и его разнообразием, Шопен писал: «Звук – это неопределённое (безграничное) слово человека, то есть нечто такое, что выражает самую интимную и самую глубокую сущность человека» [6, с. 15]. Эта формулировка вполне в духе романтического XIX века. Но сейчас в XXI в., что мы можем сказать: какого добивался звука Шопен у своих учеников? Что конкретно в звуке искал Шопен? Ответ однозначный: пения на фортепиано, которое было бы близко пению великих певцов *bel canto*, столь любимых Шопену: это Генриетта Зонтанг, Мария Малибран, Антонио Тамбурины, Джованни Рубини. От них, от великих певцов своего времени, Шопен воспринял *bel canto* человеческого голоса и воплотил его в фортепианном звучании. Шопен порой рекомендовал своим ученикам учиться петь. «Вы должны учиться петь, – сказал как-то Шопен своему ученику, – если только хотите научиться играть» [6, с. 31].

Играя Шопена, мы должны помнить, что *пение на фортепиано* – это игра *legato*, бесконечно связанных между собой звуков, когда один звук «перетекает» в другой, когда пальцы не «ударяют» по клавишам, «а прикасаются к ним «*подушечкой*», мягко падают на них, плавно и гибко переходят, переступают с одного на другой... пальцы как бы «лепят звук». Их основное положение – возможно ближе к клавишам» [6, с. 33].

Именно таким образом следует играть в Первой балладе Шопена все места обозначенные *legato*. Что касается технически сложных мест, надо помнить, что стилистике Шопена-пианиста был чужд «эффектный удар, пианистическая стукотня, то, что Глинка зло называл котлетной музыкой» [3, с. 373]. Всю мелкую пассажную технику в Первой балладе Шопена (также, как и в других технических произведениях Шопена) надо учить тщательно *пропевая* пальцами все интервалы, повороты и скачки, т.е. *мелодически*. Особое внимание надо обратить на левую руку, на те моменты, где она несёт главную мелодическую функцию или вступает с правой рукой в *диалог*.

Очень важный фактор в исполнении Шопена – педаль. Однако, следует отметить, что педальные указания Шопена, в основном, не отражают реально звучащей его фактуры. Поэтому работа над педалью в произведениях Шопена проводится достаточно скрупулёзно, так как это зависит и от инструмента, и от акустики помещения, и от «тонкого уха» исполнителя. Как справедливо отмечает М.Д. Корноухов: «... он [Шопен] почти никогда не фиксировал в записи реально

звучащую фактуру. Его записи всегда подразумевают использование гармонической педали, обозначение которой более или менее точно указывает реальную протяжённость басов» [2, с. 32].

Есть интересное свидетельство современника Шопена по поводу использования самим Шопеном педали: «Шопен пользовался педалями с чудесным чувством меры. Он часто сдваивал их, чтобы добиться нежной заувазированной звучности, но ещё чаще он употреблял их отдельно – для блестящих пассажей, для выдержанных гармоний, для глубоких басов, для пронзительных, сверкающих аккордов, или, кроме того, он пользовался одной малой педалью для лёгких шелестов, которые словно окружают прозрачным паром арабески, украшающие мелодию, и окутывают её подобно тонким кружевам...» [3, с. 375]. Такого рода воспоминания весьма ценны, так как дают возможность индивидуальной фантазии современного пианиста двигаться в правильном направлении и искать в звуковой палитре Шопена тембрового разнообразия, утончённости и элегантности исполнения.

Особого внимания заслуживает понятие *tempo rubato* в работе над Первой балладой Шопена. Как известно, термин *tempo rubato* произошёл от итальянского слова «*rubare*», которое в дословном переводе обозначает глагол «красть» [5, с. 19]. В музыкальном контексте этот термин имеет значение изменения темпа внутри такта, либо в сторону замедления, либо в сторону ускорения. Это свободное в ритмическом отношении музыкальное исполнение, которое отклоняется от обозначенного начального равномерного темпа. *Tempo rubato*, как правило, означает свободу отклонения главного мелодического голоса от исполняющегося в неизменном темпе аккомпанемента. В основе *tempo rubato* лежит индивидуальное исполнительское прочтение нотного текста, когда исполнитель ради эмоциональной выразительности делает замедления, ускорения и даже *fermato* в исполняемом произведении. При этом важно понимать, что *tempo rubato* отличается от обычных темповых указаний в нотном тексте, таких как *accelerando* (ускорение) и *rallentando* (замедление).

При исполнении Первой баллады Шопена надо помнить, что независимость правой и левой руки пианиста должна быть доведена до предела. Как отмечает Ю.А. Кремлёв: «Шопен... сравнивал левую руку пианиста с *капельмейстером (дирижёром)*, отмечающим ритм, а правая должна идти ритмически свободно» [3, с. 374]. Ференц Лист, современник и друг композитора, оставил такие впечатления от игры Шопена: «Своей игрой великий артист вызывал чувство восхищения, трепета, робости, которое охватывает сердце вблизи сверхъестественных существ, вблизи тех, кого не можешь разгадать, понять, обнять. У него мелодия колыхалась, как челнок на гребне мощной волны, или, напротив, выделялась неявно, как воздушное видение,

внезапно появившееся в этом осязаемом и осязаемом мире. Первоначально Шопен обозначал эту манеру, придававшую особенный отпечаток его виртуозному исполнению, словом *tempo rubato*: темп уклончивый, порывистый, размер гибкий, вместе чёткий и шаткий, колеблющийся как раздуваемое ветром пламя, как колос нивы, волнующийся мягким дуновением тёплого воздуха, как верхушки деревьев, качаемых в разные стороны порывами сильного ветра. Но это слово (*tempo rubato* – Я.Ш.) не объясняло ничего тому, кто знал в чём дело, и не говорило ничего тому, кто этого не знал, не понимал, не чувствовал. Шопен впоследствии перестал добавлять это пояснительное указание к своей музыке, убеждённый, что человек понимающий разгадает это «правило неправильности» [4, с. 179–180].

Но как же определить меру этой свободы? Как пользоваться *tempo rubato* в Первой балладе Шопена? Здесь можно вспомнить слова итальянского музыканта Паоло Този, написанные ещё в начале XVIII в.: «рассудок и талант сделают должное возмещение». Мера вкуса, соизмеримая с эмоциональным высказыванием, рациональное понимание пианистом смысла исполняемой музыки – всё это может служить верным критерием исполнения *tempo rubato* в Первой балладе Шопена, так же как и в других произведениях Шопена.

Придерживаясь принципа стадийности в работе над Первой балладой Шопена, можно сделать вывод, что подготовка к концертному исполнению и само концертное выступление, составит третий этап работы над этим произведением. В концертном выступлении синтезируется то, что было наработано ранее. Рельефно выделяется в этот период эмоциональное исполнение пианистом, достижение в нём художественного и музыкального образа, где предполагается особое напряжённое осмысление развёрнутой мелодической линии, ощущение кульминации произведения, что даст стилистическое верное прочтение музыки Шопена. В работе над Первой балладой Шопена нам особенно был близок следующий педагогический девиз Шопена: «Играйте это так, как Вы это чувствуете!» [6, с. 18].

Музыка Шопена, обращённая к чувству – это «код», который каждый пианист разгадывает индивидуально и по-своему. На вербальный язык очень трудно переложить специфику, тонкость и зыбкость многих понятий произведений Шопена. Ясно одно, что музыка Фредерика Шопена требует от исполнителя высокой культуры, тонкого понимания композиторского стиля, гибкости, образности, особого психологического и душевного настроения.

Список литературы

1. Голубовская Н. Об исполнении Шопена // Как исполнять Шопена. – М.: Классика – XXI, 2005. – С. 108.

2. Корноухов М.Д. Нотный текст – горизонты познания». – СПб.: Астерион, 2018. – 62 с.
3. Кремлёв Ю.А. Фредерик Шопен. Очерк жизни и творчества. – М.: Гос. муз. изд-во, 1960. – 702 с.
4. Лист Ф.Ф. Шопен. Второе переработанное издание. – М.: Музгиз, 1956. – 426 с.
5. Мальцев С.М. Tempo rubato. Типология. Исторические формы. – СПб.: Политехнический университет, 2015. – 361 с.
6. Мильштейн Я.И. Советы Шопена пианистам. – М.: Музыка, 1967. – 118 с.
7. Нейгауз Г.Г. Об искусстве фортепианной игры. Записки педагога. – 2-е изд. – М.: Гос. муз. изд-во, 1961. – 316 с.
8. Самсонова Т.П. Музыкальная культура Европы и России. XIX век. – СПб.: Планета музыки, 2017. – 398 с.
9. Соловцов А.А. Фредерик Шопен. Жизнь и творчество. – М.: Музгиз, 1960. – 467 с.
10. Шопен Ф. Письма / сост. Г.С. Кухарский. Т. 1. – С. 202. Т. 1–2, 1976, 1980.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. Н. Бенда, Н. Д. Козлов

Инженерное дело в начале XVIII в.

С первых шагов реорганизации артиллерии и преобразований в инженерном деле, а также на протяжении всей Северной войны, следуя сложившейся традиции, Петр I стремился сосредоточить в руках артиллерийского ведомства все инженерные силы и управление их деятельностью. Об этом свидетельствуют многочисленные документы. Так, в мае 1700 г., когда шли интенсивные приготовления к войне со Швецией, Петр, имея в виду предстоящую осаду Нарвы, в письме к Винуису напоминал: «...инженером вели быть при артиллерии» [10, с. 449]. Уже в период подготовки и осады Нарвы осенью 1700 г. был осуществлен целый комплекс инженерных работ, которыми руководил присланный из Саксонии по просьбе Петра генерал над фортификациями Людвиг Николай Алларт, под командой которого работала большая группа инженеров, в том числе и сержант бомбардирской роты Преображенского полка, первый русский инженер Василий Дмитриевич Корчмин. Командир артиллерийского полка И. Гинтер в челобитной на имя Петра, характеризуя свою службу в русском артиллерии, ставил в заслугу себе то, что ему часто приходилось выполнять не только чисто артиллерийские, но и инженерные обязанности. «При последнем добывании Нарвы (1704 г. – *В.Б., Н.К.*), – писал он, – я також яко инженер апроши и аки батарейный мастер батареи закладывал и сам строил...», а перед Полтавским боем «яко инженер параллельные апроши принужден был делати» [2. Л. 804 об.].

Обладая глубокими инженерными знаниями и хорошо зная современное ему состояние зарубежной военно-теоретической инженерной мысли и практики, Петр I высоко оценивал роль, которую играли на войне инженерные силы и средства. Исходя из этого, он неизменно проявлял заботу о их развитии и совершенствовании. Эти взгляды Петра I на роль инженерных сил очень ярко были раскрыты в Воинском уставе 1716 г. «Инженеры, обретающиеся при войске, – говорится в 3-й главе Устава, – обыкновенно стан свой при артиллерии имеют и с оною маршируют. Каково оных искусство есть, тако оные и определятся и по своим заслугам жалование получают» [11, с. 209]. Создавая регулярную армию, Петр уделил большое внимание вопросам организации полевого управления армии в военное время. Впервые такое управление было создано при выступлении русской армии в поход в 1700 г. В последующем, по мере накопления опыта войны в его организацию вносились новые изменения и дополнения,

однако в виде закона организация полевого управления армии была впервые объявлена в 1716 г. при издании «устава воинского» [12, с. 66].

Важнейшей частью полевого управления являлась так называемая квартирмейстерская служба, чины которой были введены в полках еще в 1701 г. Была учреждена должность генерал-квартирмейстера, которая с 1711 г. становится штатной должностью действующей армии. Лица квартирмейстерской службы должны были сочетать в себе глубокие знания как военно-инженерного дела, так и артиллерии. Петр I положил традицию использования для выполнения обязанностей чинов квартирмейстерской службы специалистов инженерного дела, и на них возлагалась обязанность составлять и обобщать всякого рода документальные данные о действиях русской армии в период войны, а также вести журналы боевых действий.

Следует заметить, что все инженерные специалисты, находившиеся в распоряжении приказа артиллерии, в первые полтора десятилетия XVIII в. использовались главным образом для обеспечения боевой деятельности войск в рамках артиллерийских штатов 1701, 1710 и 1712 гг. В эти годы из различных ведомств – Посольского и Адмиралтейского приказов, Военной канцелярии, Походной Санкт-Петербургской канцелярии и других – в Приказ артиллерии продолжали направляться отдельные инженерные специалисты, при этом неизменно делалась ссылка на указание Петра, что инженеры всяким управлением ведаются в приказе артиллерии. Так, в 1704 г., при оформлении на русскую службу капитана инженера Ягана Даниила Фоншолена, в Посольском приказе было записано: «...отослать его из Посольского приказа в приказ Артиллерии для того, что инженеры его великого государя службою ведомы в приказе Артиллерии» [1. Л. 233 об.]. В 1706 г. последовал специальный указ Петра I от 30 января на имя генерал-фельдцейхмейстера (главный начальник артиллерии – *В.Б., Н.К.*), где говорилось: «Великий Государь, царь и великий князь Петр Алексеевич... указал по имянному своему указу инженеров во всяком управлении ведать и свое Великого Государя жалование давать в Приказе Артиллерии». Этим указом в приказ артиллерии была передана группа инженеров, в том числе и известный архитектор и инженер Доменико Трезини [1. Л. 534–535]. В апреле 1714 г. из Походной Санкт-Петербургской канцелярии были переведены в приказ артиллерии полковник инженер Де Кулон, майор инженер Де Лепинас, а в июле 1719 г. – полковник инженер Де Бриньи и др.

В заключение отметим, что с 1716 г., с момента учреждения Артиллерийской канцелярии в Санкт-Петербурге, инженеры приказа артиллерии стали привлекаться для производства работ в Санкт-Петербургской крепости и Кронштадте [6. Л. 116, 164–166], на строительстве Царицынской укрепленной линии [4. Л. 470–474 об.; 7. Л. 174

об.-192; 8. Л. 202], для межевания земель в Ингерманландии [3. Л. 114 об.-115], для описания и составления карты побережья Финского залива [8. Л. 415, 455] и даже для проектирования и сооружения каналов на улицах новой русской столицы [5. Л. 51] и других работ.

Список литературы

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1 (Приказ артиллерии). Д. 1.
2. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 164.
4. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 202.
5. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 212.
6. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 217.
7. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232.
8. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253.
9. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1–2. – СПб.: Императорская Академия наук, 1861. – 972 с.
10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). – СПб.: Гос. тип., 1887. – 998 с.
11. Полное собрание законов Российской империи с 1648 г. (ПСЗ). Т. 5 (1713–1719). – СПб.: Тип. II отд. собств. его императорского величества канцелярии, 1830. – 782 с.
12. Столетие военного министерства. 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. – СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. – 812 с.

Н. Н. Богемская

Влияние сословного состава на нравственное состояние воспитанников Александро-Невского духовного училища в 60–80 гг. XIX в.

В 1860–1880-е гг. большинство учащихся Александро-Невского духовного училища были детьми уездного и сельского духовенства. Например, в 1872/73 учебном году детей светского происхождения было 3 %, и, соответственно, детей духовного происхождения – 97 %, из них детей уездного и сельского духовенства – 56 %, а детей столичного духовенства всего 10 %.

Как отмечено в отчете о ревизии училища за 1872–73 учебный год, столичное духовенство предпочитало отдавать своих детей в светские учебные заведения. Причины этого заключались в большей или меньшей материальной обеспеченности столичного духовенства, в его желании и возможности держать детей при себе и воспитывать их на собственных глазах в первые годы их обучения, а также

в предпочтении светского образования и светской карьеры из-за отсутствия твердого убеждения в необходимости, престижности и выгоды образования, получаемого в духовных училищах.

Таким образом, Александро-Невское училище было рассчитано в первую очередь на детей почетнических и сирот, которые поступали туда без какой-либо домашней подготовки и осознания необходимости данного образования. В их среде нередко оказывались дети с дурными наклонностями и привычками, приобретенными еще в ранние годы своей жизни. Эти дети, «малоразвитые, или дурнонаправленные, представляли большие затруднения для учителей и воспитателей и нужны были особые усилия, чтобы при таких условиях поднять учебно-воспитательную часть в училище до надлежащей высоты».

Таким образом, основной социальной группой, которая обучалась в Александро-Невском духовном училище, были дети уездного и сельского духовенства. Столичное духовенство предпочитало отдавать детей в светские учебные заведения. Соответственно, такой контингент учащихся не мог в основном добиться больших успехов и не всегда поддавался воспитанию.

Одним из важных критериев оценки деятельности учебного заведения является нравственное состояние воспитанников. По социальному происхождению воспитанники Александро-Невского духовного училища были детьми уездного и сельского духовенства, и это, в свою очередь, является одним из главных факторов, который влиял на их нравственное состояние.

Оценивая поведение учеников, профессор Духовной академии В.Н. Карпов отмечал следующее (1863): «Грубость ... и дерзость можно встретить почти на каждом шагу: не выражают они должного уважения не только комнатным надзирателям, но и наставникам; смотритель покровительствует ученикам, не только не подвергая виновных штрафу или замечанию, но, еще выражая свое недовольство наставнику, если он вносит в журнал дурные поступки учеников в классе; ученики не трогаются отеческими манерами и увещаниями смотрителя». Главным средством воспитания долгое время оставались розги, однако следует отметить, что в 60-е гг. XIX в. возник сильный протест против этой системы, а с 1867 г. применение розог запрещалось вообще.

К 70-м годам XIX в. происходят некоторые изменения в лучшую сторону: «...заметно развивается большее и большее доверие и уважение к своим воспитателям, сознание долга трудиться добросовестно, скромность и вежливость во взаимных сношениях, любовь к внешнему порядку и опрятности». Но вместе с этим можно привести статистику проступков, которые нельзя считать достойными для учеников, готовящихся стать служителями церкви: «табакокурение

(40 случаев), самовольная отлучка из училища в праздничное время (6 случаев), мелкое воровство (4 случая), грубое обращение с комнатными надзирателями (10 случаев), ослушание их (20 случаев), произношение площадных слов (15 слов), укрывательство от классов (6 случаев), намеренная порча казенных вещей (9 случаев)...» Большая часть из перечисленных проступков падает на детей неблагополучных, которые поступили в училище, уже имея «грубые навыки» и «дурные пороки».

Например, интересным представляется донос помощника смотрителя училищному правлению об ученике первого класса, 12-летнем сыне умершего дьячка (1870). По словам помощника смотрителя, ученик «вор, циничен, груб и дерзок в обращении с товарищами, небрежен в обращении с казенными вещами и собственностью других, упорно ленив и бессовестен. С сентября по сие время он 4 раза замечен в воровстве, несколько раз в брани площадными словами и однажды в площадном обращении с прачками,.. однажды сломал водопроводную трубу в ретирадном месте, в другой раз он там же сломал дымовую трубу,.. на занятиях и во время классов он часто шалил, скрывался от классов, в проступках своих он сознавался лишь тогда, когда обличать его являлись очевидцы...».

А вот пример того, что воспитанники училища могли делать во время занятий. «Дети развлекаются по мере возможности. Многие корчат гримасы, ловят нос языком, пялят рот пальцами, показывая искривленное лицо другим... Мямля сделал панораму из конфетных картинок и любит ее целый час и в сотый раз; у него же из билетиков от леденцов сделан оракул: по леденечным билетикам красны девицы гадают о женихах, а он – вспорют его завтра или нет. Сосед его сделал пильщика, то есть деревянную куклу с пилой, и, отыскав равновесие, поставил ее на краю парты и заставляет ее качаться. Чеснок запихнул себе в нос нитку, под сильным вдыханием воздуха проводит ее в рот и, передергивая нитку взад и вперед, показывает эту шутку своему закоперщику (другу) Мямле. Один великовозрастный камчадал оттачивает перочинный нож и потом бреет верхнюю губу и щеки. Выбравшись, он начинает долбить в парте ящичек... Другой великовозрастный свернул бумагу в тонкую трубочку и щекочет ею себе в носу; рожа его скорчилась, он чихнул громко, и ему весело. ... Пентюх на последней парте занимается типографским искусством: он слюнит кость на суставе пальца, прикладывает сустав на печатную букву в учебнике и потом вырывает ее; снявши букву с пальца, он переводит ее на бумагу; таким образом печатает какое-нибудь слово. Под последними партами улеглись на постланные на пол шубы человек пять и рассказывают сказки и побывальщины. На многих скучное, монотонное, без всякого содержания занятное время нагнало непобедимый сон; спят на пятой парте, спят на седьмой, спят

на двенадцатой, спят под партами. Так камчадалы и второкурсные, приготовившие уроки, проводят занятные часы. Веселая жизнь!».

Конечно, такое поведение не могло оставаться без внимания и требовало наказания. Можно выделить следующие исправительные меры училищного правления, которые применялись в 70–80-е гг. XIX в.: замечание или выговор виновному наедине или перед целым классом, стояние в углу в классе или стояние на коленях в классе во время урока или во время занятий, понижение балла по поведению, лишение какой-либо части обеда или всего обеда (кроме хлеба и воды), доведение поступка до сведения смотрителя, лишение отпуска в город, запись поступка в черную книгу, ношение на время изношенной одежды (за неряшество), лишение права жить в училищном общежитии, заключение в карцер на один, два, три дня, увольнение из училища.

Таким образом, нравственное состояние воспитанников Александро-Невского духовного училища оставляло желать лучшего. Применение различных карательных мер (в том числе и физических) не всегда давало положительный результат. Плохое поведение учащихся соответствующим образом влияло на учебный процесс, а значит и на уровень подготовки выпускника училища. Можно предположить, что после окончания учебного заведения, возвращаясь домой, в село, данный выпускник не всегда должным образом мог выполнять свои служебные духовные обязанности, а это соответственно становилось одной из причин негативного отношения простого народа к православной церкви вообще и к ее служителям в частности.

Список литературы

1. Отчет о ревизии Александро-Невского духовного училища Санкт-Петербургской епархии в 1872–73 году. – СПб., 1875.
2. Помяловский Н.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.-Л.: Худож. лит., 1965.
3. Соколов М.М. Краткий исторический очерк Александро-Невского духовного училища. – СПб., 1908.

Н. Н. Богемская

История становления Александро-Невского духовного училища Санкт-Петербургской епархии

Русская православная церковь с самого момента своего возникновения стала неотъемлемой частью жизни общества. Именно она оказывала непосредственное влияние на формирование общественного сознания и нравственного облика населения. Главенствующая

роль в этом процессе принадлежала духовенству. Для обучения священства грамоте и воспитания в нужном направлении постепенно начинают появляться духовные учебные заведения.

История учебных заведений Санкт-Петербургской епархии начинается в 1721 г. Именно в год окончания Северной войны при Александро-Невском монастыре была открыта Славянская школа. В 1726 г., она была переименована в Славяно-греко-латинскую семинарию, а была в 1740 г. преобразована в Александро-Невскую семинарию. С 1788 г. учебное заведение получает статус Главной семинарии, куда посылали учиться лучших воспитанников почти из всех епархиальных семинарий России. В 1797 г. Главная семинария была переименована в Александро-Невскую академию, которая в результате всеобщей реформы образования в начале 1809 г. распалась на три учебных заведения: Духовную академию, Духовную семинарию и Александро-Невское духовное училище [1].

В начале XIX в. в духовной школе православной церкви была сложная ситуация. К этому периоду времени ещё не была четко определена программа духовных школ. Учебные заведения существовали без общего надзора, не имели единого устава и систематического устройства. Программы для обучения учащихся семинарии и академии были сходными. Они вмещали в себя аналогичные предметы, «так что круг их, стесненный в одном месте и от первоначальных познаний простираясь до самых высших наук, не имел ни надлежащего времени, ни нужного пространства» [2]. Учебные заведения в материальном плане были плохо обеспеченными, нуждались в учебных пособиях. Таким образом, к началу XIX в. в духовном образовании сложилась очень сложная ситуация, требующая преобразований.

Первая реформа в этом направлении была произведена в 1809 г. Она предусматривала деление всех учебных заведений на четыре разряда: академии (предусматривали получение высшего духовного образования), семинарии (среднее образование и возможность поступить в академию), уездные училища (для получения первоначального образования) и приходские училища (предоставляли возможность получения элементарного образования).

Все такого рода учебные заведения были связаны между собой взаимными административными отношениями. Высшее управление всей духовной школой сосредоточивалось в Комиссии духовных училищ при Святейшем синоде. Эта система была создана по аналогии Главного правления училищ при Министерстве народного просвещения. Все епархии в государстве распределялись на четыре учебных округа. Во главе каждого находилась духовная академия. Согласно этой структуре, в каждой епархии должна была существовать своя семинария и несколько уездных училищ (по одному на уезд, но не

более десяти на епархию). В Российской империи в этот период времени насчитывалось 36 епархий, следовательно, «семинарий предполагалось максимум 36, уездных училищ 360, а приходских 1080» [2].

Высшие духовные учебные заведения должны были контролировать низшие: уездные училища были поставлены над приходскими, семинарии – над уездными, академии – над семинариями. Постепенно духовная школа получала определенные права, которых раньше не имела.

В соответствии с постановлением Комиссии духовных училищ, первой реформированию должна была быть подвергнута Санкт-Петербургская епархия. В столице 17 февраля 1809 г. была открыта академия. Затем 01 марта 1809 г. в зданиях Александро-Невской лавры была учреждена семинария. Она располагалась между Федоровской церковью и собором. В этот же день, «... в понедельник, на четвертой неделе великого поста...» [3] «... с утверждения Комиссии духовных училищ, изложенного в отношении на имя митрополита Амвросия от 14 февраля 1809 года...» [4] открыто Александро-Невское духовное училище. Оно образовано из первых двух классов старой Александро-Невской академии. Территориально оно располагалось там же, где и семинария – в зданиях лавры между собором и Федоровскую церковью [3]. Первоначально училище должно было вмещать в себя 112 учеников [4].

Училище должно было в духовном плане, учебном и экономическом, зависеть от семинарии. Но в то же время имелось собственное начальство и делопроизводство. Обычно ректором Александро-Невского училища был инспектор семинарии. Первым этого чина был удостоен Филарет Дроздов (его управление продолжалось шесть месяцев и семь дней – с 8 августа 1809 г. по 15 февраля 1810 г. [3]). Его утверждение на должность состоялось по представлению митрополита Амвросия [4].

Можно предположить, что совмещение двух должностей в одном лице было достаточно трудной задачей для одного человека и, соответственно, он не всегда мог выполнить свои обязанности в полном объеме. Кроме того, «инспектор семинарии был еще профессором какого-либо предмета, большей частью философии, и на него возлагались часто разные поручения, не входящие в круг школьного дела...» [3]. Поэтому в ноябре 1840 г. должности ректора училища и инспектора семинарии были разделены. Первым после преобразования на должность ректора училища был назначен магистр Московской академии, иеромонах Авраамий Казанский. В это же время формируется правление, состоящее из ректора, инспектора и эконома.

В Санкт-Петербургское училище могли поступить дети, обучавшиеся в приходских училищах своей епархии, «... но не иначе, как по

предъявлении об их успехах их положенных свидетельств» [5]. Аналогичное положение действовало и в других епархиях. Курс обучения в училище составлял четыре года. Учащиеся были разделены на классы и переводились в зависимости от выполнения учебной программы и успеваемости.

В период обучения учащиеся изучали: «продолжение Российской Грамматики и обучение Славянской; продолжение Арифметики, продолжение Церковного Нотного пения; начала языка Греческого; начала языка Латинского; начала Истории и Географии, особенно же Священной и Церковной Истории; пространный Катехизис и Устав церковный...» [5]. Кроме того, этот список имеет два примечания: «1. Под именем начал Латинского и Греческого языка, здесьразумеются не только первые самые начатки, но и обучение Грамматики сих языков, но и упражнения в переводах. Арифметика в сих училищах должна быть окончена совершенно. То же разумеется и о Российской и Славянской Грамматике. 2. Сверх сих предметов Ректор и Учители должны в сих Училищах приобучать учеников в удобное время к исправному составлению метрических книг, исповедных ведомостей, обысков и других подобных бумаг, в церковном письмоводстве употребительных» [5].

Кроме катехизиса, церковного устава, арифметики, истории, языков, учебный план училища включал в себя даже основы церковного делопроизводства. Все это должно было наилучшим образом отразиться на уровне подготовки выпускников.

Таким образом, в результате реформы духовного образования была изменена и систематизирована система образования в Русской православной церкви. В отдельную группу выделяются училища, главенствующее положение среди которых занимает столичное Санкт-Петербургское училище. Преобразованиям подверглась система управления и учебная программа. В результате, училище стало занимать достойную среднюю ступень в лестнице духовного образования.

Список литературы

1. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Александро-Невской академии. – СПб., 1854.
2. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX веке. Исторические наброски. – СПб., 1901.
3. Соколов М.М. Краткий исторический очерк Александро-Невского духовного училища. – СПб., 1908.
4. Надеждин А. История С.-Петербургской православной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства 1809–1884. – СПб., 1885.
5. Доклад Комитета о усовершенствовании Духовных училищ, и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства при церквах служащего, с приложением Имянных Высочайших Указов по сему предмету последовавших. – СПб., 1808.

Аскетика и повседневная жизнь монахов как фактор здорового образа жизни

На тему повседневной жизни монахов и аскетики написано большое количество работ [5; 4; 3; 1; 2]. Однако в них или не учитывается, или крайне редко делается акцент на факторах, положительно влияющих на здоровье от подобного образа жизни. Особенно редко это касается физического здоровья так как монашество, так же как и исследователей монашества, в первую очередь интересует духовная составляющая.

Однако, как показывают медицинские исследования, одним из лучших способов борьбы с раком и еще целым рядом заболеваний является уход в монастырь, в первую очередь образ жизни, который монастырь обеспечивает. В результате шестнадцатилетних исследований профессора Салоникского университета Хараламоса Аидонопулоса, представленных им на конференции «Здоровье и диета», рацион питания и образ жизни афонских монахов является эталонным, среди них много долгожителей, некоторые монахи доживают до 110 лет. Однако в истории известны случаи, когда монахи-пустытники проживали большое количество лет. Такими были Антоний Великий, проживший 105 лет. Макарий Великий, проживший 91 год, а также Павел Фивейский 113 лет, 91 из которых в пустыне.

Иностранные исследователи-диетологи Стори Ричард, Тодд Сью, а также Стори Лотти вслед за Аидонопулосом приходят к тем же результатам [6, с. 264]. Они делают вывод, что обитатели афонских монастырей – это одно из самых здоровых сообществ на Земле. Среди них не только практически не встречается раковых больных, но и не наблюдается проблем с диабетом, сердечно-сосудистой системой, болезни Альцгеймера. И судя по исследованиям, ведущихся с 1962 г., это характерно не только для последних лет. Исследование костей монахов показали, что проблем со здоровьем у них практически не было на протяжении истории их существования, все они дожили до глубокой старости, сохраняя здравый рассудок.

Монахи не употребляют в пищу мяса и разных переработанных продуктов, но много едят овощей и фруктов, которые сами выращивают. Будучи экологически чистыми, фрукты и овощи хорошо очищают организм от шлаков и токсинов. Также в их рацион входит свежая рыба. Употребление в меру красного вина, положительно влияющего на сердечно-сосудистую деятельность, является одной из важных составляющих их здоровья. Не последнюю роль играет тот факт, что монахи довольно много времени проводят на свежем воздухе и в меру своих сил занимаются физическим трудом, да и вообще

часто передвигаются пешком. Поэтому такие известные выражения «ты есть то, что ты ешь» и «движение – жизнь» находят свое подтверждение в монашеском образе жизни. Само собой, в монашеском обществе отсутствуют вредные привычки.

Однако не следует думать, что дело заключается только в прекрасном средиземноморском климате и продуктах, потому что, как показывает статистика, мужское население материковой Греции, находящееся в том же климате и питающееся такими же экологически чистыми продуктами, живет в среднем на десять лет меньше афонских монахов. Средний возраст жизни монаха – 88 лет, а греческого мирянина – 78 лет [6, с. 6]. К тому же среди мирского населения на 30 % больше раковых больных, как и прочих заболеваний.

Как было отмечено монахом Святой горы Епифанием на седьмом конгрессе онкологической клиники в Патрах: «Сегодня на горе Афон живет около двух тысяч монахов. Они обычно умирают от естественных причин, доживая до глубокой старости. Важная роль в физическом здоровье монахов – это неизбежный пост. Пост, как правило, не является наказанием. Это предложение о спасении. Монахи следуют правилам поста с удовольствием, потому что они испытывают преимущества. Пост очищает ум. Отражает мышление. Пост необходим, как дыхание. В принципе на протяжении последних ста лет медики разных стран сходятся во мнении, что пост – это универсальное средство от множества болезней, начиная с ревматизма и заканчивая инфекционными заболеваниями» [6, с. 5]. Таким образом, монашеский пост несет в себе не только религиозный, но и профилактический фактор с точки зрения здоровья человека.

Немаловажную роль играет тот факт, что монастырский образ жизни лишен тех негативных, особенно для нашей нервной системы, сторон жизни, которые существуют в миру. Конкуренция, постоянные стрессы, неуверенность в завтрашнем дне неведомы атмосфере монастыря, где все идет размеренно и стабильно.

Кроме того, монастырь учитывает эти негативные последствия мирской жизни и с пониманием относится к людям, вновь прибывшим. Периодически ведутся разговоры о необходимости социальной защиты монашествующих, так как все прекрасно понимают, что у каждого человека своя физическая крепость, свое состояние нервной системы. В конце концов, главная задача монашеской жизни заключается в обуздании страстей, а не уничтожении тела. И тут мы подходим ко второй важной в монашеской жизни составляющей, а именно к аскетике и молитвенной практике.

Одна из главных задач христианской аскетики заключается в борьбе со страстями, которые мы все так или иначе переживаем и которые могут иметь пагубные последствия, в том числе и для нашего физического и психического здоровья. При этом христианская

аскетика требует немалых усилий, так как достижение бесстрастия совсем не означает безразличия, духовного самоубийства, а заключается в исправлении отравленной пороками воли. Стяжание исихии есть состояние внутреннего покоя. Духовная практика исихазма оказывает положительное влияние на психоэмоциональное состояние молящегося, даже если он не стремится с ее помощью достичь состояния духовных высот, описанных в творениях св. отцов. Типологически, но ни в коем случае не генетически, практику исихазма можно сравнить со всем известной йогой [8, с. 384].

Аскетизм – это христианство в действии и размышлении, опыт, собранный отцами церкви для исцеления человеческой природы от греха. Аскетизм – это не монашеская прерогатива, однако монастырь с его образом жизни очень способствует аскетизму, поддерживая дисциплину, то чего не легко добиться в мирской жизни по разным причинам. Именно монашество в своем идеальном выражении подразумевает высокую степень аскетизма. Православное монашество является средоточием всего восточнохристианского аскетизма. Несомненна глубинная связь монашества и древнего апостольского аскетизма [7, с. 528].

Таким образом, монастырский образ жизни несомненно способствует укреплению физического и психического здоровья человека, если четко соблюдать все правила и режим. Подобный образ жизни может быть осуществим во многом и в миру. Правильный рацион питания, физический труд либо регулярные занятия физкультурой, прогулки на свежем воздухе, отказ от вредных привычек, аскетические практики – это то, что может позволить себе любой мирянин, достаточно иметь должную дисциплину по отношению к самому себе и волю.

Список литературы

1. Епископ Палладий. Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. – М.: Сибир. звонница, 2014. – 496 с.
2. Лурье В.М. Призвание Авраама: Идея монашества и ее воплощение в Египте. – СПб.: Алетейя, 2000. – 250 с.
3. Мулен Лео. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.). – М.: Молодая гвардия, 2002. – 352 с.
4. Ренье Люсьен. Повседневная жизнь отцов-пустынников IV века. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 352 с.
5. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 336 с.
6. Ричард Стори, Сью Тодд, Лотти Стори. Диета святой горы Афон. – М.: Синдбад, 2015. – 264 с.
7. Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. – М.: Православный паломник, 1998. – 528 с.
8. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Петерб. востоковедение, 1997. – 384 с.

**«В чужом углу» – организация проживания
городской женской домашней прислуги в России
во второй половине XIX – начале XX в.***

Условия проживания городской домашней прислуги определялись как характером и спецификой данного труда, так и зависели от материальных возможностей хозяев и выбранного ими жилища.

Вся домашняя прислуга, рабочий день которой начинался с самого раннего утра, а заканчивался поздней ночью [4], да и в обязанности которой входило «постоянно быть под рукой», должна была жить если не в одной квартире, то в одном доме (на одном дворе) с хозяевами. В наибольшей степени такая «территориальная близость» касалась нянь, функции которых предполагали «безотлучное» нахождение возле своих воспитанников. Поэтому даже в наиболее обеспеченных барских семьях, живших в собственном особняке и имевших возможность выделить для остальных своих слуг комнату под «людскую», няни все равно получали место в детской – со своим питомцем (питомцами) [5]. Сам же вид спального места няни – отдельная кровать, кресло, кушетка, или тюфяк на полу – отражал как материальные возможности хозяйской семьи, так и социальный статус работницы. Опытная, высокооплачиваемая бонна, могла либо возить с собой от места к месту собственные предметы обихода, включая кровать, сундук, зеркало и даже шкаф, либо требовать их предоставления от господ. Только приехавшая в город, деревенская 11–13-летняя девочка, готова была спать на полу, у кровати хозяйского ребенка, положив под голову узел со своим бельем [8, с. 6; 9, с. 32; 14, с. 23].

Характер же организации жилого пространства остальной женской городской прислуги хотя и были привязан к рабочему месту, но, в значительно большей степени определялись достатком хозяев и их жилищными условиями.

Во второй половине XIX – начале XX в. преобладающую массу горожан составляли арендаторы. Например, «для г. Санкт-Петербурга по подсчёту 1900 г. на одного домовладельца приходилось около 18 квартир с 130 жильцами. Другими словами, почти 1,25 млн находились в зависимости от небольшой группы в 10 тысяч человек. Эта зависимость могла быть выражена в отношении 1:100» [16, с. 356]. Принимая решение о найме, потенциальные арендаторы учитывали разные факторы, главными из которых были расстояние от

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

жилья до места службы главы семьи, цена квартиры и ее состояние («сухость», «свет», «тепло», возможность пользоваться новшествами – водопровод, канализация, телефон и т.д.) [см. подр. 6]. Несмотря на то, что в специализированных пособиях по домоводству авторы советовали при найме жилья обязательно исходить из того, что у прислуги должно быть особое помещение, состояние которого следовало принимать во внимание и читателю рекомендовалось «скорее отказаться от нравящейся ему квартиры, чем отвести своей прислуге недостойное для человека помещение» [17, с. 14], всем было понятно, что при «нынешней квартирной дороговизне», когда «господа-наниматели жмутся в тесных комнатах, платя однако безобразно высокие цены», интересы прислуги хозяевами в расчет не принимались [3; 7].

Отдельные дома сдавались с помещениями для слуг. В цену квартиры входила одно-два места в общей для всех проживавших в доме квартиронанимателей «людской» или в одной из разбросанных по дому крошечных комнатусек. Располагались эти помещения либо в подвальном/первом этаже дома или в придворных пристройках. В любом случае, место служанок находилось так близко от господской квартиры, чтоб их можно было призывать по мере необходимости в любое время суток.

Вот вполне обычное описание данного жилого помещения: «Тесно, негигиенично, воздух спертый, на полу грязь, мухи, клопы и тараканы, а еще и изба примыкает прямо к скотному двору» [13, с. 11]. Потолки большей частью были такими низкими, что человек не мог выпрямиться, кровати маленькие, наличие окна считалось неоправданной роскошью [2, с. 93].

В большинстве же городских строений отдельное помещение для прислуги квартиронанимателей не предусматривалось и если хозяева хотели поместить ее в отдельную комнату, то они должны были либо выделять часть своей жилплощади, либо самостоятельно снимать угол служанкам в том же доме, где жили сами.

В богатых «барских» семьях, где было несколько слуг, а хозяева занимали целый этаж, одна из небольших комнат могла выделяться для совместного проживания кухарки и горничной [10, с. 254–256]. Иногда в этом помещении находилось место и для необходимых элементов домашнего обихода: кроватей, сундуков, общего шкафа и стола. Известный юморист и бытописатель городской жизни пореформенной России – Н.А. Лейкин, посвятивший домашним слугам целую серию рассказов, оставил подробную характеристику подобного жилья, куда прислуга даже могла привести своих гостей:

«– Пожалуйте вот в нашу комнату.

Она ввела их в людскую. Акинфиев помолился на образа.

– Садитесь, пожалуйста.

– Мы на минуточку, так, мимоходом.
– Нет уж, посидите, я вот сейчас кофий сварю... Сейчас, в минуточку готов будет.

Дашенька ушла в кухню.

– Ну, что, Федор Акинфьевич, смотри, видишь, как живет? Господа ее любят, может, и на свадьбу дадут. Видишь вон Божие милосердие, все это она сама, на свою трудовую копейку в ризочку оправила. А вот сейчас и салоп покажу. ... А вот это все ее платья, - продолжала она соблазнять его, и открыла дверцы шкафа: – вот матерчатое зеленое, шерстяное, ситцевых два, а вот и еще матерчатое розовое... Видишь? Тетка, ради красного словца, соврала; розовое платье принадлежало кухарке...» [12, с. 265].

В большинстве же дворянско-интеллигентских и чиновничьих семей при наличии в доме нескольких домашних работниц каждая из них получала свой «угол» в зависимости от статуса: кухарка – «на кухне, по соседству с печкой или же плитой», горничная – в гладильне или прихожей [8, с. 6; 15, с. 4].

Как и в случае с няней, конкретное наполнение этого «угла» могло быть совершенно различно и зависеть от опытности и требовательности прислуги с одной стороны, и от материальной и «метражной» возможности хозяев. Последние, не имея условий, отвечавших требованиям опытных специалистов, обрекали себя на найм деревенских неумех. Ведь, сменившая нескольких хозяев, хорошо знавшая свое дело и успевшая заработать значительный собственный скарб кухарка, желала работать только в такой кухне, «отгороженный угол» в которой, мало того, чтобы был с окном, но и позволял вместить ее личные вещи: «и кровать, и комод, и сундук, и зеркало, и два Божьих милосердия» [11, с. 288]. Хозяйева же, экономя деньги и место на помещении, в которое никто из чужих не заглядывал, предпочитали снимать жилье, в котором «полутемная или совсем темная кухня нередко была таких малых размеров, что кровать прислуги могла поместиться только рядом с плитой» или даже представляла собой «нечто вроде деревенских палатей, под самым потолком возле плиты» [1, с. 91, 8, с. 6; 15, с. 4].

В отдельных случаях и горничная могла рассчитывать на свой собственный угол в хозяйской квартире. Элите из этой группы домашних работниц – «горничным с шитьем», как и менее значимым «горничным с глажкой», нанимаемым не только для уборки, но и для выполнения дополнительных обязанностей, требовался специальный уголок для этих работ. А это означала, что горничная получала «свою коморку», где помимо гладильной доски или швейных принадлежностей, могла поставить кушетку и разложить собственные вещи [11, с. 315–317].

Но большинству из горничных и тех женщин, которые работали «одной прислугой» выделить отдельное места в 3–4 комнатной хозяйской квартире было совершенно невозможно. Поэтому многим из них приходилось спать где-нибудь в проходном коридоре, на сундуке, переносной кушетке или на полу, ежедневно пряча свою «постель» «за шкафом в коридоре» [8, с. 6; 15, с. 4; 13, с. 12]».

Таким образом, условия проживания женской городской прислуге в значительной степени варьировались, отражая как специализацию домашней работницы, так и уровень ее опытности. Квалификация влиял не только на заработную плату, но и на требовательность в организации жилищных условий. Тем более, что за годы службы в городе, прислуга успевала обзавестись определенным имуществом, которое уже никак не влезало в тот узелок, с которым девочка-крестьянка впервые переступила порог господской квартиры.

Список литературы

1. Бородин Д.Н. Алкоголизм и проституция. – СПб.: Типо-Литография Виленчик, 1910. – 118 с.
2. Бузин Д. Жилищные условия рабочего класса в дореволюционной России и в СССР // Проблемы экономики. – 1938. – №4. – С. 89–105.
3. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 77–86.
4. Верременко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. История. – № 1. – С. 181–191.
5. Верременко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 4. История. – № 3. – С. 18–31.
6. Верременко В.А. Факторы, определявшие выбор места жительства столичной дворянско-интеллигентской семьи в последней трети XIX – начале XX в. // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2019. – Т. 2. – С. 22–31.
7. Верременко В.А. Хозяйские заботы: жизнь замужней дворянки в провинциальном городе России в конце XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. – 2019. – № 1 (62). – С. 71–78.
8. де-Турже-Туржанская Е. Белые невольник. (Домашняя прислуга в России). – Смоленск: паровая типо-лит. Я.Н. Подземского, 1906. – 12 с.
9. Диканский М.Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1912.
10. Кириков Б.М. Архитектура Петербургского модерна: особняки и доходные дома. – СПб.: Коло, 2017. – 394 с.
11. Лейкин Н.А. Господа и слуги. Рассказы. – СПб.: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903. – 353 с.
12. Лейкин Н.А. Повести, рассказы и драматические сочинения. Т. 2. – СПб.: издан. книгопродавца К.Н. Плотникова, 1871. – 432 с.

13. Ленская Л.Н. О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе. – М.: Тип. Вильде, 1908. – 32 с.
14. Листов С. Женская домашняя прислуга, проституция и венерические болезни // Вестн. общественной гигиены, судебной и практической медицины. – 1910. – №4. – Отд. 4.
15. Невский В.Л. Домашняя прислуга. – Пг.: Прибой, 1917. – 21 с.
16. Рубель А.Н. Жилища бедного населения г. Санкт-Петербурга // Вестн. общественной гигиены. – 1895. – № 4.
17. Синицына М. Хорошая хозяйка. Настольная книга для каждой хозяйки, советы о разумном и выгоднейшем ведении домашнего хозяйства. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1899.

М. А. Виноградова

Исследование взаимовлияния алкоголя и психических заболеваний в Российской империи в конце XIX в.

Употребление алкоголя наносит огромный вред здоровью человека, его организму, вызывая изменения в физиологических, психологических и поведенческих функциях человека. В 1878 г. А. Байер охарактеризовал употребление алкоголя как «непрекращающуюся эпидемию» [3, с. 30].

Правительство Российской империи проводило так называемую «питейную политику» и злоупотребление алкоголем носило характер народного бедствия [1, с. 5]. В журнале Общества охранения народного здравия пытались доказать, что Российская империя по количеству выпитого вина стояла среди умеренно пьющих стран, однако, эти попытки не увенчались успехом, так как измерения ограничивались только количеством выпитого спирта на душу населения [4, с. 151].

Несмотря на то, что о вреде алкоголя знали не понаслышке, он имел большое значение в жизни всех слоёв русского общества. Например, некоторые отечественные врачи считали, что алкоголь вполне можно использовать как медицинский напиток. А обычные люди использовали его в лекарственных целях и лечили им своих детей, справедливо полагая, что маленькие дозы не несут большой вред [5, с. 351].

Врачи-психиатры, напротив, считали, что алкоголь оказывает отрицательное воздействие на организм человека, в том числе, и на его психическое здоровье. Несмотря на то, что вопрос об алкоголизме и его влиянии на психические заболевания в Российской империи разрабатывался не так активно, как того требовалось, многие ученые в конце XIX столетия отмечали, что этому направлению стоит уделить должное внимание.

Так, изучением алкоголизма в связи с душевными заболеваниями в 80-е гг. XIX в. занимался Б. С. Грейденберг, который отмечал, что в его врачебной практике алкоголизм являлся причиной душевных заболеваний в 25 % случаев, в то время как наследственность составляла лишь 19,3 % [3, с. 281]. По наблюдениям Ф. Х. Гадзяцкого алкоголь, как причина психозов, также играл роль в 25 % исследуемых им случаев [3, с. 282].

По данным 1896 г. на юго-западе Российской империи у 44 % больных появлялись психические заболевания из-за употребления алкоголя, а у 52 % была доказана алкогольная паталогическая наследственность. На северо-западе страны дела обстояли лучше, так как абсолютные цифры по данным 1896 г. были на 7 % меньше [3, с. 285].

Большой вклад в изучение действия алкоголя на нервную систему организма человека внес Эмиль Крепелин. В 1892 г. Э. Крепелиным было проведено масштабное исследование хронических алкоголиков Российской империи. Хроническим алкоголизмом он назвал глубокие психические изменения, происходящие с человеком, определяющими чертами которых являются упадок нравственных чувств, равнодушие, эгоизм и пр. [3, с. 31].

Равнодушие к высшим нравственным интересам проявлялось в форме частичной нравственной анестезии, что, согласно исследованию Э. Крепелина, было аналогично нравственному идиотизму, и отличалось от него только способом происхождения. Так, один из алкоголиков, находившийся на лечении в психиатрической лечебнице рассказал, что он был равнодушен ко всему и ничего не чувствовал тогда, когда долгое время употреблял алкоголь [3, с. 31]. Вторым признаком, демонстрирующим связь алкоголя с психическими заболеваниями, являлось резкое появление душевных волнений [3, с. 32]. По наблюдению Э. Крепелина они возникали изолированно, как и волнения душевнобольных [2, с. 121]. В результате, на фоне хронического алкоголизма и его воздействия на нервную систему появлялись такие психические расстройства, как: алкогольный галлюциноз, алкогольная эпилепсия, алкогольный амнестический синдром и т. д.

Таким образом, в конце XIX столетия русские психиатры установили, что одной из первопричин появления психических болезней являлся алкоголь, с другой стороны – он также являлся катализатором уже существующих психических расстройств. В результате, нововведением для конца века являлось обязательное упоминание в карточке пациента при госпитализации в психиатрическую лечебницу наличие хронического алкоголизма.

Тем не менее, сложность для врачей конца XIX столетия при оказании помощи вызывало дифференциация причин этих заболеваний,

так как «алкоголизм и психические заболевания настолько тесно взаимосвязаны, что зачастую невозможно определить первопричину заболевания» [3, с. 277].

Согласно исследованиям русских психиатров, у половины больных, поступающих в психиатрические отделения, можно было найти связь умственного расстройства с алкоголизмом. Так, на первом съезде русских психиатров в 1887 году академик И. П. Мержеевский выступил с речью, в которой заявил, что число алкоголиков в русских домах умалишенных составляет около 42 процентов [6, с. 2]. Пациенты, испытывающие алкогольный галлюциноз, алкогольный психоз и т. д. часто сами обращались за медицинской помощью в лечебницы. Об этом свидетельствуют записи врачей психиатров по делам пациентов, а также записки людей, который описывали свой алкогольный бред по просьбе врачей, если речь шла о грамотных людях [3, с. 279].

Для диагностики причин появления этих заболеваний пациента госпитализировали, чтобы изолировать его от алкоголя. Вторым мероприятием являлась беседа с родственниками больного, которая служила для определения генеза заболевания [2, с. 189]. Поскольку обострению психических заболеваний способствовал алкоголь, то очевидно, что после прекращения его употребления пациенты чувствовали себя лучше и покидали лечебницы, так как не оставалось причин для их дальнейшего пребывания там.

В результате, лечение таких больных заканчивалось только изоляцией их от алкоголя. Такая практика являлась крайне отрицательной, так как при повторном употреблении большой дозы алкоголя пациент снова возвращался на лечение, либо, когда спустя какое-то время психическое заболевание давало о себе знать, уже приходил в психиатрическую лечебницу. Несомненным является то, что подавляющее большинство пьяниц были из крестьянской среды, из чего следует, что в лечебницы они не обращались, в результате чего оказывались без квалифицированной медицинской помощи.

Таким образом, выявление и лечение психического расстройства, прятавшегося за маской алкоголизма, было затруднено. Однако, те пациенты, у которых удавалось установить наличие психических заболеваний проходили курс лечения уже в психиатрической лечебнице. Обычно оно заключалось в принятии теплых ванн и употреблении бромистого натрия и постельном режиме [7, с. 28]. Постельный режим являлся нововведением в организации психиатрической помощи душевнобольным, и к 1896 г. практика его использования насчитывала порядка 4 лет. Тем не менее, при лечении психических заболеваний, вызванных употреблением алкоголя, эти меры показали себя эффективными и успешными по мнению врачей психиатров [7, с. 29].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод что в конце XIX столетия Российской империи пьянство было массовым бедствием. Помимо негативного влияния на здоровье организма в целом, нарушения работы печени и почек, алкоголь оказывал воздействие на психику человека. Алкоголь мог быть как причиной возникновения психических заболеваний, так и способствовать развитию уже существующих душевных болезней

Основная сложность заключалась в том, что в конце XIX столетия врачам было довольно трудно определить, является ли алкогольный психоз, или любая другая болезнь психической, или появилась и развилась только в результате употребления горячительных напитков. Тем не менее, русские психиатры стали признавать важным разбор этиологических моментов психических заболеваний.

Таким образом, можно отметить, что русские психиатры к концу XIX в. открывали новые направления своей деятельности, что позволяло улучшать организацию психиатрической помощи в Российской империи.

Список литературы

1. Быкова А. Г. Алкогольный вопрос в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Омск, 2002. – 19 с.
2. Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. – СПб.: К. Риккер, 1890–1896 гг.
3. Вопросы нервно-психической медицины. – Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1896.
4. Журнал Русского общества охранения народного здравия. – 1895. – № 5. – С. 15.
5. Зайцев С. В. «Медицинские алкогольные напитки» во второй половине XIX века: мнение современников // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веремченко, [отв. ред. С. В. Степанов]. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. – С. 351–359.
6. Мержеевский И. П. Об условиях, благоприятствующих развитию душевных заболеваний в России, и о мерах, направленных к их уменьшению // Тр. первого съезда отечественных психиатров. – СПб.: Типография Стасюлевича, 1887. – С. 150–157.
7. Тимофеев А. В. К вопросу о пользовании душевных больных в кровати // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. – 1896. – № 1. – С. 28.

А. С. Волков

Изучение письменных источников по истории Водской пятины

Ижорское плато – уникальный природно-исторический памятник, исследование которого издавна привлекло исследователей-историков, археологов, этнографов и многих других. Одним из важнейших

направлений стало исследование письменных источников данного региона, позволившее составить картину исторического развития Водской пятины.

Одним из первых, наиболее полное исследование с использованием источников провел Петр Иванович Кеппен (1793–1864).

Первое упоминание о води он связывает с «Уставом о мостех», где среди Новгородских областей упоминается и «Вочкая сотня». Сам Кеппен приписывал этот устав Ярославу Мудрому (1016–1054) и появление води в летописях датировал первой половиной XI в. В настоящее время историки относят этот документ к XIII в., правлению Ярослава Всеволодовича – отца Александра Невского [13, с. 10].

П. И. Кеппен фиксирует упоминания о «язычниках вотландцах» и в зарубежных источниках. Исследуя западно-европейские источники П.И. Кеппен обнаруживает упоминания о води в папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. они названы среди народов языческих территорий: *pagani carelie, ingrie, lappie et watandie* [7, с. 81–82].

Составив свод летописных упоминаний и сделав к ним комментарии, П.И. Кеппен приводит и другие документы по истории Водской пятины: послания новгородских архиепископов Макария (1534) и Феодосия (1548) – об искоренении языческих традиций в Водской пятине, даточные книги, по свидетельству которых в «1550 г. в Водской пятине розданы были земли многим боярам, окольниковым и детям боярским» [6, с. 115]. В своем исследовании П.И. Кеппен отразил главные события, определившие историю Водской земли до создания в 1710 году Санкт-Петербургской губернии.

Богатейшая информация по изучению истории Водской пятины содержится в Новгородских Переписных оброчных книгах. История их создания связана с переходом бывших новгородских земель к Московскому княжеству. Для учета новых земель, крестьянских хозяйств и определения оброка с них московские дьяки несколько лет описывали погосты и деревни новгородских пятин, в т.ч. и Водской. Эти книги сохранились и стали одним из главных источников изучения социально-экономической жизни населения Водской пятины конца XV – нач. XVI в.

И.Д. Беляев впервые использовал данные Новгородских писцовой книги 1499–1500 гг. и составил описание Ладожского, Ореховецкого и Корельского уездов Вотской пятины в 1852 г. в статье «О географических сведениях в древней России» [3].

В 1853 г. в Записках Географического общества появляется статья Константина Алексеевича Неволина «О пятинах и погостах Новгородских», которая служит объяснением составленной им «Карты пятин Новгородских в XVI веке с показанием в них городов и пого-

стов». Задачей своей работы К.А. Неволин видел отображение положения пятин Новгородских в XVI в., отображение их границ, городов, селений и вообще местности, от которых получали свое наименование Новгородские погосты [10, с. 5, 6].

Сам автор говорит о том, что означил только границы пятин, так как «...для полного, по крайней мере, сколько нибудь удовлетворительного означения границ округа *каждого* погоста... не имел источников» [10, с. 6]. При создании работы К. А. Неволин пользовался подлинниками Переписных книг, которые были доставлены в Императорское Географическое общество из Главного московского архива Министерства Иностранных Дел и из Вотчинного Департамента.

В своей статье К.А. Неволин рассматривал следующие вопросы:

1) происхождение и географическое значение деления Новгородской области на пятины, подразделение пятин на половины и правительственное значение пятин и половин; определение границ пятин;

2) происхождение и географическое и правительственное значение деления Новгородской области на погосты;

3) позднейшая судьба деления Новгородской области на пятины и погосты.

Автор подробно останавливается на истории создания Переписных оброчных книг всех Новгородских пятин.

В статье К.А. Неволина впервые подробно рассматривается проблема возникновения новгородских пятин, а также специфическое деление пятин на погосты именно в административном отношении (в отличие от волостей в других областях Руси).

До этого времени в письменных источниках, указывает К.А. Неволин, встречаются либо упоминания о населении (водь, вожане), либо название территории – Вочская сотня, Водская земля. Особо К.А. Неволин останавливается о сообщении Новгородской первой летописи, где вожане названы в составе «Всей волости Новгородской», выступившей против князя Ярослава Ярославича:

«И совкупися в Новгород вся волость Новгородская: Пльсковичи, Ладожане, Корела, Ижера, Вожане и идоша в Голино от мала и до велика, и стояша неделю на Броде, а ярославль полк объ ону сторону».

Автор считает, что названия пятин «...заимствованы преимущественно от оконечных в отношении к Новгороду местностей, лежавших в каждой из них, следовательно, от направления, в котором, и от пути, по которому надобно было ехать в крайние оконечности той или другой пятины. В вотскую пятину вела из Новгорода именно вотская дорога. Разделение и наименование земель по путям, которые вели в них, было самым практическим из древнейших способов областного деления и наименования земель» [10, с. 52–54].

Неволин сообщает также, что все пятины, в виду их больших размеров, делились на половины. Так, Водская пятина была разделена на Корельскую и Полужскую. Автор предполагает, что разделение на половины, возможно, возникло с 1539 г., т. е. с введения губного устройства, так как каждая половина имела своего губного старосту. Точной границы половин, однако, он не сообщает. По его словам, «погосты Копорского уезда могли принадлежать частью к Корельской, частью к Полужской половине» [10, с. 59].

Серьезное внимание исследователь уделяет и погостам, отмечая в частности особую древность и сложность процесса формирования погостов: «Погосты, в отличие от пятин, появляются в древности дохристианской (Кн. Ольга) и непрерывно существуют в Новгородской истории» [10, с. 93]. «Тот вид, в каком погосты являются по Писцовым книгам, был последствием продолжительного исторического развития» [10, с. 93]. Автор отмечает, что своеобразное двойное наименование погостов (Церковное плюс гражданское) было характерно практически только для Вотской пятины.

В 1859 г. Археографической комиссией была опубликована шведская «Писцовая книга Ижорской земли 1618–1623 гг.», в которой зафиксировано запустение отошедшей к Швеции части Водской пятины: большинство деревень превратились в пустоши из-за массового бегства крестьян. В 1661 г. при заключении Кардисского мирного договора Россия была вынуждена заплатить Швеции 190 тыс. рублей в возмещение убытков от бегства крестьян. По этой же причине шведы начали активно переселять крестьянское население из южных областей Финляндии, что стало причиной появления во второй половине XVII в. на этой территории Ингерманландских финнов. Сама территория Ингерманландии была поделена на лёны, а внутри лёнов шведы сохранили прежнее деление на погосты. Изучение шведских архивных материалов этого периода началось еще в XVIII в., когда А. Шхонебек по поручения Петра I составил карту Ингерманландии и продолжается до сих пор. В 1827 г. Бергенгеймом была составлена карта Ингерманландии на основе шведской карты 1676 г. [12].

В 1953 г. в Мальмё был издан альбом «Карты р. Невы и окрестностей в шведских архивах», где представлены копии карт от 1640 до 1700 гг. [8].

В 1868 г. Археографической комиссией была полностью опубликована «Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 г.» [11]. В 1885 г. в «Трудах Вольного Экономического общества» был опубликован доклад графа И.А. Горчаков «Новгородские и шведские писцовые книги как материал для выяснения экономического положения Петербургского края в XV–XVII ст.», в котором он доказывает необходимость детального изучения и использования этих источников для

описания сельской истории Санкт-Петербургской губернии, а также дает краткий, но яркий обзор истории этого региона [5].

В 1905 г. был издан капитальный труд архимандрита Сергия (Тихомирова) «Черты церковно-приходского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (в связи с общими условиями жизни)» [1]. В нем, на основе сведений, полученных из Писцовой книги, рассматривались крестьянское население, промышленность, а также природа Водской пятины. К описанию погостов Водской пятины были приложены реконструированные автором карты, вышедшие отдельным тиражом.

Другими источниками сведений о Водской пятине стали описания путешественников-иностранцев, посетивших Россию в XVI–XVII вв. Это немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн, бывший в России в 1517 и 1526 гг. [3], голландский посланник Антонис Хутеерис, совершивший посольство в Россию в 1615–1616 гг. и оставивший несколько интересных рисунков, в том числе рисунок гати через болото на Водской дороге [9, с. 347]; Адам Олеарий, описавший свое путешествие в Москву в 1633 г. по Водской дороге [2].

Исследование письменных источников по истории Водской пятины оказало огромное влияние на развитие исторических исследований на территории Ижорского плато, создав прочную базу для будущих изысканий.

Список литературы

1. Архимандрит Сергий. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). – СПб., 1905.
2. Барсова П. П. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. – СПб., 1870.
3. Беляев И. Д. О географических сведениях в древней России. – СПб., 1852.
4. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. – СПб., 1908.
5. Горчаков И. А. Новгородские и шведские писцовые книги, как материал для выяснения экономического положения Петербургского края в XV–XVII столетиях. – СПб., 1895.
6. Кеппен П. И. Водь в Санкт-Петербургской губернии. – СПб., 1851.
7. Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории иностранцев Европейской России. – СПб., 1861.
8. Кёхлин Г. Карты р. Невы и окрестностей в шведских архивах. – Мальмо, 1953.
9. Малков Ю. Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса. – СПб., 1983.
10. Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. – СПб., 1853.
11. Новгородская писцовая книга. Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 1500 г. – СПб., 1884.
12. Писцовая книга Ижорской земли. 1618–1623 гг., 1859.
13. Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. – СПб., 2001.

**К 180-летию М. П. Мусоргского:
об интонационном единстве вокального цикла «Без солнца»**

М. П. Мусоргский – гениальный композитор, смелый новатор, оказавший значительное влияние на развитие русского и европейского искусства. Его творческое наследие имеет сложную судьбу, но оно бесценно, так же как бессмертна слава Мусоргского.

Эстетические взгляды композитора формировались во время общественного подъема середины XIX в., роста национального самосознания и утверждения в литературе и искусстве демократических идеалов. Будучи наиболее радикальным членом балакиревского кружка, «Могучей кучки», он предельно остро воспринимал жизнь и стремился глубже постичь законы бытия. Мусоргский хотел сделать музыку равной литературе по силе отражения действительности, глубине и точности анализа событий. Это нашло отражение в музыкальном методе, языке, драматургии его сочинений.

Главной областью творчества Мусоргского была сфера вокальной музыки. Здесь, в камерных сочинениях и операх, его новаторские идеи нашли наиболее широкое применение. В союзе музыки и слова обретается новый уровень образности музыкального языка – с подчеркиванием самых значимых подробностей текста, возбуждением ассоциаций, многократно усиливающих эмоциональную реакцию. Мусоргский укрупнял отдельные интонации, опираясь при этом на крестьянский фольклор, как бездонный кладезь музыкального тематизма – с обращением к народным ладам, соответствующей гармонической модальности, с использованием вариантно-вариационного метода развития.

При выборе тем композитор руководствовался не музыкальностью того или иного стихотворения, а брался за освоение новых горизонтов в искусстве, считая, что установление границ здесь равнозначно застою. Ему присуще и особое понимание стилевого единства; «он ломал каноны и каждый раз словно бы заново создавал свой язык, опираясь на различные стилевые пласты» [4, с. 409].

Вокальный цикл «Без солнца» (1874), вместе с последующими «Песнями и плясками смерти» (1875–1877), завершает труд Мусоргского в области камерной лирики. Как и в параллельно сочиняемой опере «Хованщина», здесь решается задача создания осмысленно-оправданной мелодии.

Потеря близких композитору людей, спад общественных настроений после подъема 60-х годов нашли отражение в трагической направленности этой музыки. В цикле «Без солнца», по словам

Б. В. Асафьева, «композитор уже изнутри, из опустошенной и тоскующей души своей, не нашедшей опоры в окружающей жизни, в сознании оторванности ото всех создал ценнейшую лирическую исповедь» [1, с. 71]. Но заметим, что Мусоргскому было близко и отношение к теме жизни и смерти русского крестьянства; вспомним духовные стихи «Табе тело» и «Как залезло красное солнце за тёмный лесочек», где о смерти говорится как об обыденном явлении, и где смерть не предстаёт, конечно, отдельным персонажем, как в «Песнях и плясках смерти», но подразумевается именно в таком образе.

Цикл «Без солнца» включает шесть песен на стихотворения А. Голенищева-Кутузова. Его поэзии свойственна естественная живость и непринужденность, спокойная, созерцательная манера повествования с выделением значимых слов, зрительностью образов. По направлению в русской поэзии он примыкал к А. Фету, А. Майкову, Я. Полонскому. Мелодичность его стиха – с некоторой речевой и ритмической раскованностью, интонационным разнообразием внутри одной и той же метрической сетки – оказалась близка композитору. Мусоргский расширил и углубил содержание стихотворений, объединил их в многочастную композицию. Частное явление становится выражением общей идеи произведения. Природа создаёт яркий фон к лирическому действию, получая при этом метафорическое значение. Музыкальный материал связан с текстом, но и выходит за его рамки. Как пишет Е. А. Ручьевская, этот высший, надтекстовый слой содержания у Мусоргского связан с авторским мирозерцанием, с этосом, «он находится над словом и вне его, то есть не подлежит точному словесному определению – здесь возможно лишь непосредственное интуитивное познание и более или менее близкое к истине толкование» [3, с. 252].

Повествование ведётся от лица лирического героя. Идея цикла, на наш взгляд, состоит в непреодолимом стремлении героя к некой сверхреальности, в неприятии окружающего мира. Не одиночество удручает, как раз на этом слове в песне «В четырех стенах» заключительный каданс звучит в одноименном мажоре, тогда как вся песня написана в ре миноре. Одиночество не только не тягостно главному герою, но, напротив, становится убежищем от мира людей с их обреченностью на вечную скуку «с рожденья до могилы», с их равнодушием и постоянной спешкой, в которой можно не заметить в толпе того, с кем связана была, возможно, значительная часть жизни. Во всем цикле только две короткие песни обозначают этот непонятный и абсурдный для главного героя мир, с законами которого он мириться явно не собирается. Единственный достойный выход для него – уйти в заветные природные уголья и вглубь себя, забыть все, что было в прошлом, создать свой собственный мир, который будет неизмеримо больше, выше, ярче и свободнее.

Композиция сочинения подчинена изменчивым душевным состояниям героя. Соглашаясь с мнением исследователя, цикл условно можно разделить на две части [2]. Для песен первой части («В четырёх стенах», «Меня ты в толпе не узнала», «Окончен праздный шумный день» и «Скучай») характерны прозрачность фактуры, внимание к отдельным звукам и микрооборотам, речитативность и кропотливое следование за тонкостями и изгибами интонаций речи. Более развернутые песни другой части («Элегия» и «Над рекой») отличаются уплотнением фактуры, иной трактовкой формы.

Первая и последняя песни образуют некое обрамление, в них есть общие интонации. Песня «В четырёх стенах», открывающая цикл, своим названием намекает на некую ограниченность, замкнутость, из которой хочется вырваться, – поэтому в словосочетании «комнатка скромная» Мусоргский меняет определение на «тесная». Цикл венчает песня «Над рекой», в стихотворном варианте названная «Над озером». Озеро – нечто завершенное, река же течет в неведомые дали; допустима и аналогия с Летой, рекой забвения в древнегреческой мифологии.

В цикле ощущается главенство тональности ре мажор-минор. В третьей песне («Окончен праздный шумный день»), названной изначально «Тень», тональность до мажор – отмена всех знаков и как будто уход в тень: «то призраки одни! Мне скучно с мертвой их толпою...». Си минор следующей, четвертой («Скучай!») – как знак «сердечной пустоты» и смерти. В атональной «Элегии», как и в третьей песне, нет знаков при ключе, что подобно освобождению от всех условностей, тесноты стен, общества. Заключительная песня, «Над рекой», целиком проходит на органном басу до-диез. Сменяются разные гармонические краски, но неизменными остаются триольный ритм басовой фигурации и до-диез большой октавы. До-диез мажор, тональность с максимальным количеством диезов, словно возвышает реальность. Сначала это волшебная картина природы. Затем герою слышится неведомый, завораживающий голос, и он устремляется... Куда именно, в реку ли, в водоворот ли безумия – этот вопрос остается открытым.

В цикле можно выявить несколько сквозных интонаций. Они не имеют точно повторяемой структуры, подобно лейтмотивам, а предстают в различных вариантах. Одна из них буквально пронизывает ткань всего сочинения; связь с образом водной стихии, имеющей мистический характер для героя, позволяет условно обозначить её как «фигура волны». Её признаки: трёхдольность, элемент опевания и повторяемость.

Другая интонация опирается на похожую структуру, но есть существенное отличие: она четырёхдольна и включает экспрессивный

ход (в прямом виде или в обращении) в конце фигуры, то есть поступенность «прорастает» в более широкие интервалы. Так, впервые появившись в песне «В четырёх стенах» на словах «в бьющемся сердце надежда заветная» (большая секунда вверх – большая секунда вниз – чистая кварта вверх), в этой же песне фигура предстаёт и в своём обращении с немного изменённой интерваликой (большая терция вниз – большая секунда вверх – чистая квинта вниз). Изменился только один начальный интервал, квинту же можно трактовать как обращение кварты, но это маленькое изменение придало фигуре характер неточной нисходящей секвенции, сделав финальный интервал логичным продолжением предыдущего материала вместо внезапного неподготовленного скачка. Своего апофеоза фигура достигает в песне «Элегия» на словах «унылый смерти звон», где она проводится сразу в трёх вариантах, в том числе и в увеличении, предварительно получив масштабное развитие. Можно считать ее символом смерти.

Третья сквозная интонация также связана со сферой неведомого, таинственного. Она представлена «необычными» звучаниями – трезвучиями уменьшенным и увеличенным, последованиями звуков по полутонам и по целым тонам. Ее непосредственное и самое полное выражение – в финале цикла, в песне «Над рекой» (начиная со слов «голос неведомый»).

В цикле существуют и другие сквозные мотивы – связанные с такими интервалами, как увеличенная секунда, тритон, а также нисходящий, «изломанный» тетрахорд (с чередованием полутона и полуторатона).

Новым для Мусоргского в этом цикле стало усиление колористического начала, его обобщающая и иносказательная роль, пространственные эффекты. Музыка поражает обилием оттенков, от тусклого, серого в начале цикла («В четырёх стенах») до глубокого звучания в конце («Над рекой»), контрастом между прозрачными тенями белой ночи («Окончен праздный шумный день») и непроницаемой тьмой августовской ночи («Элегия»).

В условиях смысловой многозначности музыкального текста мотивные связи, так же как выдержанные общие принципы формообразования, выработанные Мусоргским – ладогармоническая модальность, тематизация фактуры, вариантно-вариационные приемы развития – обеспечивают интонационное единство вокального цикла «Без солнца».

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX века. – 2-е изд. – Л.: Музыка, 1979. – 344 с.
2. Дурандина Е. Е. Вокальное творчество Мусоргского: Исследование. – М.: Музыка, 1985. – 200 с.

3. Ручьевская Е. А. Слово и внесловесное содержание в творчестве Мусоргского // Ручьевская Е. А. Работы разных лет: сб. ст.: в 2 т. Т. II. О вокальной музыке / отв. ред. В. В. Горячих. – СПб.: Композитор, 2011. – С. 249–259.

4. Трембовельский Е. Б. «К новым берегам»: четыре фрагмента исследования музыки Мусоргского // Трембовельский Е. Б. Горизонты музыки: прошлое в настоящем и будущем. – М.: Композитор, 2015. – С. 408–507.

И. Ф. Головеев

Социальное положение китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в начале XX в.

В конце XIX в. на приграничных территориях России были зафиксированы массовые потоки миграции в Приморский, Приамурский и Уссурийский регионы. Наряду с уже известными проблемами у региональных властей возникает беспокойство по поводу нежелания китайских переселенцев ассимилироваться к российскому быту [1].

Китайские мигранты состояли из работающих людей. Соответственно, доля в самодеятельном населении Дальнего Востока была гораздо более значительной, чем у остального населения.

Китайские рабочие составляли подавляющее большинство в сфере неквалифицированного физического труда. В 1910 г. на казенных и частных предприятиях трудилось более 105 тысяч человек, из них китайцев было порядка 41 % [2]. В 1900-х гг. китайский труд был достаточно дешевым, что, по мнению историков оказалось довольно выгодным для находившейся в кризисе золотодобывающей промышленности. Китайских мигрантов устраивала не только более низкая оплата, чем у русских рабочих, но и довольно примитивные бытовые условия. Среди положительных качеств у китайцев отмечались:

- Отсутствие склонности к пьянству;
- Трудолюбие;
- Дисциплинированность;
- Старательность.

В свою очередь, вследствие того, что с российской стороны нанимались в основном ссыльные, бывшие каторжники, люмпенизированные золотоискатели и т.п., образовывалась определенная тенденция к найму именно иностранных рабочих, в частности китайских [3].

Китайские рабочие жили в невероятной скученности, в ужасающих антисанитарных условиях. Нельзя сказать, что эти условия заметно отличались в худшую сторону от того, что было привычно в то время для самого Китая. Попытки администрации Благовещенска, Хабаровска и других городов в меру имеющихся средств навести чистоту встречали непонимание и стойкое неприятие у китайского насе-

ления, что вынуждало городские власти отводить на окраинах специальные участки для поселения там китайцев – китайские кварталы, запрещая китайцам проживание за их пределами [4].

Описывая санитарное состояние Владивостока в 1901–1902 гг. и рассказывая о китайском населении, автор отчета говорил:

«Легко представить себе, как должны изощряться несчастные рабочие в том, чтобы скрыть и тяжелые болезни среди них и самую смерть кого-либо» [5].

Отсюда возникали такие невероятные для цивилизованного мира явления как «утайка больных и выбрасывание умерших».

Ко всему прочему, добавлялись некоторые проявления расовой дискриминации, такие как высокомерное отношение и грубое обращение с китайскими мигрантами со стороны русских жителей Дальнего Востока. Единственными, кто относился к ним с сочувствием была российская интеллигенция, заметим, однако, что они не дифференцировали русских и китайских бедняков.

По мере освоения края китайцы оседали на пригодных для обработки землях. Процесс шел в стихийном порядке, постепенно нарастая за счет бесконтрольности как пресечения границы, так и перемещения по территории российского Дальнего Востока. Необходимо заметить, что в сельском хозяйстве, у китайцев было преимущество над русскими крестьянами-переселенцами, так как их система полеводства была совершеннее и более приспособленной к местным условиям [6].

Однако освоение китайской агротехники происходило очень медленно по ряду причин:

- Китайское сельское хозяйство было более трудоемким;
- Администрация Дальнего Востока субсидировала только российских переселенцев, а также завышала цены на зерно;
- Консерватизм переселенцев, который проистекал в основном из-за высокомерного отношения к китайским мигрантам [7].

В целом, разнообразная, имевшая весьма широкое распространение хозяйственная деятельность китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке приносила двоякие результаты. Китайский труд широко использовался в освоении края, почти во всех областях экономики. Тем не менее, их деятельность имела достаточно серьезные теневые стороны, такие как:

1. Конкурентная борьба. Достаточно хорошая организованность китайцев как общины приводила к изгнанию других иностранных рабочих. Хорошее знание местных условий, использование незаконных приемов и низкие жизненные стандарты позволяли закабалить даже русских земледельцев;

2. Хищническая добыча. Китайцы буквально грабили природные богатства края. Например, для сбора грибов валили вековые таежные деревья;

3. Отток денежных средств в Китай. Из-за слабого контроля со стороны администрации все, что добывалось промыслом или иным путем напрямую уходило в Поднебесную.

Осенью 1907 г. П.Ф. Уитерберг предложил военным губернаторам Приморской и Амурской областей обсудить вопросы о необходимости изменения существовавших правил и сборов с китайцев. По итогам совещаний был составлен проект Правил о пропуске в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область китайцев, состоящих в иностранном подданстве. По ним запрещалось прибытие в Россию хроническим больным, увечным, престарелым, дряхлым, малолетним (до 15 лет). Все мигранты должны были получать визированные русским консулом национальные билеты (с установленным сбором) сроком на один год, заниматься только «торговлей, промыслами и другими дозволенными законом» занятиями и т.д. [8].

Несмотря на либеральные выводы Комиссии по заселению Дальнего Востока, политика по ограничению притока мигрантов из Китая и Кореи продолжала действовать. 24 июня 1910 г. вышел закон об установлении в пределах Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств (включая Забайкальскую область) некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве. Согласно этому закону, иностранным подданным запрещалась сдача казённых земель для поселения лицам, состоящим в иностранном подданстве, а также сдача казённых земель и оброчных статей, казённых подрядов и поставок, запрещался наём на работы для нужд казённого управления.

Однако ситуация с рабочими руками на Дальнем Востоке диктовала свои условия. Уже через несколько месяцев, в ноябре 1910 г., министр путей сообщения представил в Совет министров вопрос о допуске к работам по постройке Амурской железной дороги корейцев, имеющих российское подданство, а также иностранцев. Данное представление в Совет было сделано не только из-за нехватки рабочих рук. Министр указывал, что русские рабочие, при единоличном участии которых было первоначально решено строить дорогу, использовали это решение как «средство экономической борьбы со своими работодателями», при этом требования их выросли до такой степени, что поставили под угрозу весь проект. Совет министров на особом совещании 2 декабря 1910 г. пошёл на уступки и разрешил привлекать корейцев с российским подданством на все работы, а также, в случае невозможности привлечения русских строителей, нанимать на срочные работы иностранных подданных, в частности китайцев и корейцев [9].

Список литературы

1. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. – М., 1985. – С. 132.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройлецкого. Т. 2. – СПб., 1905.
3. С.Ф. Хроленок, Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в. – М., 1995.
4. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России: история и современность. – М., 2009.
5. Кириллов Н.В. Владивосток // Сиб. вопр. – 1905. – № 5. – С. 361–370.
6. Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX – начало XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. – С. 98.
7. Гельбрас В.Г. Китайская реальность в России. – М., 2001. – С. 127.
8. Коробченко А.И. Паспортно-визовые правила и правовое положение иностранцев на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. // Восток. – 2009. – № 6. – С. 52–58.
9. Дин Ю.И. Китайские и корейские рабочие в политике российской империи в начале XX в. – Южно-Сахалинск, 2014. – С. 29–34.

Г. В. Григорьева

Тема ленинградской блокады и особенности ее воплощения в новой оратории В. Плешака

Тема подвига Ленинграда вряд ли будет исчерпана в нашем искусстве так же, как и другие события отечественной истории, особенно столь трагические. Она предстает в самом разном жанровом измерении, от песни до симфонии – в творчестве и ее участников, и людей последующих поколений. Потребность фиксации наблюдаемых явлений и их претворения в произведениях искусства сохраняется даже в самых невообразимых условиях – подтверждением чему может служить пример биографии академика Б. В. Асафьева, продолжавшего в блокадном Ленинграде не только научный (около 130 печатных листов!), но и композиторский труд. По его воспоминаниям, в дни полного истощения, когда «сердце уже стало уходить», он стал сочинять симфонию: «Важно, что эта отчаянная попытка сочинения в строгой и стройной форме спасла мою потухающую волю среди очень жестоких испытаний» [1, с. 5].

Среди памятных произведений – опера-дневник В. Богданова-Березовского «Ленинградцы» и Вторая симфония «Родина» Г. Н. Попова, написанные в годы войны. Из сочинений более позднего времени отметим симфонию «Хроника блокады» ор. 92 Б. И. Тищенко, Третью симфонию «Военную» ор. 13 и Поэму для чтеца и трио «Ленинградский апокалипсис» молодого композитора А. Курбатова. Но,

конечно, непревзойденным образцом мирового значения остается Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича, созданная в самом начале великого испытания и предвосхитившая его победный исход.

Свое прочтение темы ленинградской блокады представлено в новом произведении Виктора Плешака – оратории «Ленинградки» для чтеца, баритона, женского и детского хоров, русского оркестра. Это уже шестое сочинение из цикла «Русский мир», грандиозного проекта, осуществляемого совместно с Государственным академическим русским оркестром имени Василия Андреева. В крупных вокально-инструментальных формах композитор, создавший также множество популярных песен и произведений для музыкального театра, реализует большие замыслы общественного значения. Тема блокады сопровождает В. Плешака всю жизнь – с момента рождения в семье ленинградцев через год после окончания войны. Оратория посвящена матери, Александре Федоровне Москвитиной, проработавшей всю войну в городском ансамбле МПВО. Песни из хорового репертуара ансамбля были, по словам автора, его колыбельными. Впечатления того времени, буквально впитанные с молоком матери, нашли естественный выход в песенном творчестве композитора и, наконец, получили обобщение в оратории «Ленинградки». Важно также, что и оркестр им. В. Андреева (в прошлом Императорский Великорусский оркестр), конечно, в ином составе, продолжал работать в блокадном Ленинграде, был непосредственным участником тех событий.

Жанр оратории обладает возможностями как описания исторической реальности, так и ее переживания и осмысления. В сочинении В. Плешака закономерно обнаруживаются самые разные свойства ораториального жанра, обретенные в ходе его четырехвекового пути развития. И столь же естественно, в соответствии с новейшей эстетикой, происходит их взаимодействие и преобразование.

Либретто оратории «Ленинградки», созданное композитором, включает стихотворения великих, а также малоизвестных поэтов, документальные тексты. Композицию образуют 16 музыкальных номеров с прологом и речевыми интермедиями. Роль чтеца очень значительна, и такое расширение сферы «чистого» слова, необычное для музыкального жанра, объяснимо потребностью подчеркнуть «хроникальную» достоверность событий, создать их связующую нить. Ораториальная драматичность усилена ролевой игрой: чтец из рассказчика и комментатора перевоплощается в участника действия, исполнителя песни, стихотворений. На премьере 24 января 2019 года в петербургской Капелле эту роль великолепно исполнила Народная артистка РСФСР С. Крючкова.

Сюжет представлен не в виде хронологически последовательного ряда событий, а как их совокупность, смена картин из жизни осажденного города. Вектор лишь намечен и логически обусловлен – от «Начала блокады» (№ 3, сл. А. Городницкого, 2016) к «Дню Победы Ленинграда» (№ 16, сл. Е. Пальцева, 2014). Потенциальная сценичность присуща некоторым эпизодам, например, стихотворению М. Дахие «Отец» (1971) – о мальчишке, увидевшем отца в проходившей мимо его дома колонне солдат, или песне «Поселок Ромашки» (№ 12, сл. Е. Гвоздева, 1983) – о гибели юного командира. Они вносят элемент действия и конкретику в общее повествование, вызывают острое сопереживание слушателей.

Напомним, что само жанровое обозначение указывает на его источник – общественное действие (*oratorium* с лат. – молитвенный дом, молельня). Хоровое пение здесь обязательный атрибут. В оратории В. Плешака заняты сразу два хора – детский и женский, как воплощение ее главных образов. С одной стороны, они органично увязываются с советским песенным тематизмом, с другой – вызывают аналогию с дискантовыми голосами храмовых певчих. Последнее обусловлено и введением молитвенного слова, почти обязательным компонентом крупных хоровых сочинений В. Плешака. В оратории «Ленинградки» молитва обращена к Богородице и служит сюжетно-композиционной аркой. Канонический текст дан вставкой чтеца и детского хора *a cappella* в «Молитве» (№ 2, ст. М. Лермонтова, 1839). В заключительной части оратории звучит «Господеви поклонитесь» для детского и женского хоров *a cappella* (№ 13, «Причитание» А. Ахматовой, 1922). Образ матери получает свое высшее выражение.

Преобладание хорового пения отличает ораторию советского времени в целом, а в «Ленинградках» это оправдано самой темой – народного испытания и подвига. Даже частушки (№ 7) исполняются хором! Сольные эпизоды по масштабу не уступают, но, во-первых, по большей части это «объективная» речь чтеца, как бы от всего народа, а во-вторых, они опираются на массовые в своей основе музыкальные жанры. Таково «Начало блокады» для баритона и оркестра – монолог, но с проникновенной мелодией вальсового ритма. Еще сильнее воздействие сольного эпизода «А все-таки марши» (№ 9, сл. М. Дахие, 1977), в котором «слышится... суровая нежность, последняя нежность тревожных прощаний».

Заметим, что состав оркестра необычен для оратории. Именно в творчестве В. Плешака утверждается новый колорит монументальных сочинений, в которых хоровое пение, органичное и для фольклора и для академического искусства, обретает соответствующее сопровождение, объединяющее народные и классические инструменты. Душой оркестра, его нервом, выразителем мелодии, традиционно поручаемой струнным инструментам, становится вибрирующий

голос домр и балалаек. В данном сочинении присутствуют и контрастные «врезки» довольно далеких культур – среднеазиатской (остинато ударных – конги) и американской (тенор-саксофон).

В содержательном плане представлены разные начала: эпическое, связанное с «объективным» описанием исторических событий, лирическое – в виде образов-переживаний, драматическое – в симфонизации музыкального развития.

Столь же существенно жанровое обобщение, при котором происходит взаимодействие жанров разноуровневых, разновидовых. Так, оратория, концертный жанр с культовым первоисточником, наполняется массово-бытовой музыкой, многообразие которой объемлет самый демократичный и конкретно-содержательный, благодаря слову, жанр – песня. Ораторию В. Плешака можно уверенно назвать песенной, последование разных по характеру песен лежит в основе ее структуры. Самая главная из них, давшая название всему произведению, – «Ленинградки». Она сочинена гораздо раньше, на стихотворение М. Дахие 1980 г., получила известность в исполнении Н. Ургант и стала поистине народной. Эта песня открывает ораторию и задает ее «формат», ощутимо связанный с советской массовой культурой, причем ярко выраженной патриотической направленности – о молодости, отданной защите родного города; вместе с тем плавность мелодического рисунка и вальсового ритма (а можно ощутить и балладную повествовательность) придают ей задушевность личного высказывания.

Маршевость и танцевальность, как двигательная активность, проступает в большинстве музыкальных номеров. Это воплощение молодости и боевого духа, веры в собственную силу, радости победы. Музыканты вместе с другими работниками искусства служили фронту, нашей армии: «Орудия гремели, но музы не молчали, / Искусство поднималось в бой» (№ 11. «Цирк ленинградский, фронтовой», сл. В. Фотева, 1985).

О героической деятельности бойцов из отряда МПВО повествует и песня-марш «Незабываемое» (№ 4), и песня-вальс «Баллада о девушках 1942 года» (№ 5). Девушки тушили пожары, расчищали улицы от снега, разбирали завалы после бомбежек, спасали людей. Но они же были артистами Ансамбля МПВО, в который, кроме хора, входили танцевальная группа, кукольный театр, духовой оркестр, ансамбль гусляров и даже джаз-банд. Поэтому в музыкальное полотно оратории легко вплетается и зажигательная оркестровая пьеса «В джазе только девушки» (№ 6), и «ориентальная» песня с оstinatным танцевальным ритмом «Там на юге» для детского хора и оркестра (№ 10, сл. Е. Пальцева, 2015). А сатирические куплеты, кстати, обозначены как «Частушки с переплясом».

В песнях господствует куплетная форма с припевом или повтором развивающей части. Типизация охватывает и эпизоды, обозначенные автором как монолог (№ 3), баллада (№ 5). Единственный пример многочастной репризной формы – в частушках, с их разными «мотивами». Выдержанность структуры компенсируется и мелодическим разнообразием – со своим отношением к форме и ритму поэтического текста, и подвижностью музыкальной ткани: переменностью состава вокальной партии (солист – хор) и хорового склада («монодия» – многоголосие), фактурно-тембровым варьированием сопровождения. Песенная форма естественным образом обогащается оркестровыми проигрышами со своими «поющими» голосами. Например, сменяющие друг друга гобой, флейта, кларнет, фагот усиливают выразительность таких безыскусных по тексту, «детских» песен, как «Мама» (№ 8, сл. С. Тинт, 1996), «Поселок Ромашки». А в песне «На Пискаревском» (№ 14, сл. О. Чупрова, 2015) трагичность содержания подчеркнута секвентным развитием в оркестре мотива-плача.

Симфонизм, как проявление драматического начала, в оратории «Ленинградки» реализуется именно в инструментальном звучании. Так, во Вступлении образ войны постепенно отступает перед победным звучанием, а в джазовом эпизоде упоение танцем сменяется тревогой.

Образ войны получает выражение через символические мотивы со своей линией развития, способствующей композиционному единству оратории.

Один из них, сразу узнаваемый – цитата темы-монограммы Шостаковича – дается только во вступлении, как знак времени, памяти о его великом художнике. Другие утверждаются по мере развертывания сочинения. Два лейтмотива опираются на поступенное движение, грозное и неотвратимое – в виде тяжело восходящего минорного тетра хорда и в виде нисходящей гаммы с задержанием на экспрессивном аккорде. К ним примыкает мотив-тембр – оглушительные удары-взрывы большого барабана и тарелок.

Но наиболее широко представлен символ «тревожного времени» – метроном, который в своей музыкальной характеристике индивидуализирован и вместе с тем изменчив. Этот образ дан сразу в нескольких стихотворениях – то как «яростный пульс» (Пролог), то как «навязчивый стук» (№ 3). Он очень важен: «Слышишь, молится метрономом? / Значит, ты жив. / Значит, город живой» («Ода метроному» А. Демьяненко, 2016). С ним связана глубоко личная тема, невольное чувство вины ныне живущих перед погибшими: «На Пискаревском мемориальном / Поймешь внезапно – что значит жизнь! / В том море людском не будет вовеки отлива. / И в сердце моем стучит метроном

сиротливо. / Здесь люди лежат, нам город вручив как награду. / Прости, Ленинград, что не был с тобою в блокаду!» (№ 14). Раскачивание маятника сближает механический метроном с колоколом, и к концу сочинения, перед молитвой (№ 13), этот признак выступает на первый план, как знак вечной памяти – в диатонически бесстрастном «звоне» струн (в миноре: I – V – III – VII ступени), а потом в хоре («бомбом»). В тревожных ситуациях мотив, уже с «колючим» тритоном в рисунке, поручен «бездушному» ксилофону. Стук метронома вводится и самым непосредственным образом. Этот символ становится всеобъемлющим и может быть услышан везде – в равномерности басов, в повторности танцевальных ритмов.

Итак, композиторское мастерство по воссозданию в оратории «Ленинградки» не просто музыкального фона, но самой атмосферы военных лет проявилось в сближении жанров академического и массово-бытового искусства, в утверждении ценностей национальной культуры. Необычайное усиление роли слова, опора на песню служат этой цели. Первостепенной задачей становится не индивидуализация музыкального языка, а стилевое обобщение. Так выражается личная сопричастность композитора, приношение благодарного сына – матери и городу.

Обилие жизненных впечатлений и подлинность породивших их событий, а главное, теплота и человечность музыки, не оставляет слушателей равнодушными. К ним напрямую обращены все тексты оратории, артистизм ее исполнителей. Волнующая разнохарактерность музыкальных номеров вовлекает аудиторию в концертное действие, и этим объяснимо его завершение, случившееся на премьере, на волне аплодисментов – повторение самой главной песни, «Ленинградки», всеми собравшимися.

Подвиг и страдания ленинградцев сохраняются в памяти как незаживающая рана. Трагические события истории и духовный опыт народа не должны забываться со временем. Оратория Виктора Плешака демонстрирует связь поколений, вносит свой вклад в дело сохранения и развития культурной традиции.

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Моя творческая работа в Ленинграде в первые годы Великой Отечественной войны / Подготовлено З. М. Гусейновой // MUSICUS. – № 4. – 2015. – С. 3–8.
2. «Ленинградки». Мировая премьера оратории Виктора Плешака. Посвящается 75-летию снятия блокады в Ленинграде / Буклет. Гос. Академ. Капелла, Комитет по культуре Санкт-Петербурга. 24 января. Сезон 2018–2019. – 12 с.

**Образ русской прислуги второй половины XIX в.
в воспоминаниях иностранных дипломатов и их жён: «Karosh»***

Традиционно принято считать, что дипломаты – это своего рода политическая элита, которая имеет особую задачу – представлять свое государство и правительство на международной арене. Но, кроме того, в определенные исторические эпохи перед ними стояли и такие задачи, как получение информации о том или ином государстве, в котором дипломат оказывался на службе. Информация эта могла охватывать крайне разнообразные сферы, и, что интересно, не всегда напрямую была связана с международными отношениями.

Казалось бы, иностранным дипломатам, которые оказывались по долгу службы в Российской империи XIX в. и занимались серьезными политическими вопросами, не могла быть интересна жизнь простого народа, но, тем не менее, сами дипломатические сановники, а также их супруги, зачастую обращали внимание в своих воспоминаниях и на тех представителей русского населения, с которыми они взаимодействовали регулярно вне зависимости от служебной деятельности – а именно на слуг, без которых была невозможна организация их быта.

Воспоминания иностранцев, состоявших на дипломатической службе в Российской империи, а также их супруг, позволяют с новой точки зрения взглянуть на облик русской прислуги. Как строились взаимоотношения иностранцев с прислугой, какие впечатления складывались у дипломатов и их семей о работе слуг, каким представлялся их образ жизни - ответы на эти вопросы могут быть найдены в воспоминаниях самих служащих дипломатических ведомств, и, кроме того, у их жён, зачастую в большей степени затрагивающих подобные темы в своих мемуарах.

В первую очередь, невозможно сформировать образ прислуги, не имея представлений о том, как она выглядела, и, разумеется, иностранные дипломаты и их супруги обращали внимание на внешний вид русской прислуги. Даже в тех воспоминаниях, в которых имеются фрагментарные сведения, либо лишь краткие упоминания о прислуге, авторы не упускают возможность описать одежду слуг.

«Они носили красную рубашку, свободные хлопчатобумажные брюки, сапоги поверх брюк, куртку и фартук, и никогда не раздевались, кроме одного раза в неделю, когда они ходили в свою баню» [4, с. 157] – именно так начала описание «мужиков» баронесса Джорджана Блумфилд, автор «Воспоминаний о дворе и дипломатической

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

жизни» и супруга британского дипломата Дж. Блумфилда, который на момент их свадьбы являлся секретарем посольства в Петербурге, а с 1846 г. стал посланником. Его жена сопровождала его в частых переездах по долгу службы и прожила в России до 1851 г.

Мэри Кинг Уоддингтон, супруга У. Г. Уэддингтона, чрезвычайного посла Франции, присутствовавшего на коронации Александра III в 1883 г., упоминает сразу несколько категорий прислуги и описывает их внешний облик. «Русский кучер, идеальный типичный представитель, в своем длинном кафтане и кепке» [5, с. 24]; мужики, одетые в «красные фланелевые рубашки, заправленные в брюки, и высокие сапоги» [5, с. 34]; «маленькая русская служанка, в красном платье и синем платке, завязанном на голове», которая выполняла функции горничной [5, с. 34].

Относительно выполнения своих обязанностей в воспоминаниях дипломатов не встречается каких-либо нареканий, за исключением случаев, связанных с употреблением алкоголя.

Наиболее интересны свидетельства Эндрю Диксона Уайта (1832–1918), американского историка и дипломата, который в 1854–1855 гг. занимал пост атташе в Петербурге. В его «Автобиографии», изданной в 1906 г., имеется достаточно развернутая характеристика прислуги в данный период. «...слуги <...> были крепостными, и все без исключения послушные, вежливые и добрые. Был один враг – водка. Чувства русского крестьянина к крепкому кукурузному бренди его родины очень характерны. Русский язык полон уменьшительно-ласкательных выражений. Крестьянин обращается к хозяину «Батюшка», уменьшительно-ласкательным словом, обозначающим отца; он обращается к хозяйке дома «Матушка», уменьшительно-ласкательной формой русского слова «мать» [6, с. 461].

Э. Д. Уайт отметил, что и к своему любимому напитку - водке - русский народ обращается весьма ласково, а само слово «водка» обозначает уменьшительно-ласкательное наименование воды. «Водка на самом деле была нашим самым коварным врагом и предоставила множество доказательств своей силы; но одно из них вызвало неожиданный переполох среди нас. Однажды министр, возвращаясь в своем экипаже после различных официальных визитов, вызвал домоправительницу, женщину из балтийских провинций, которая получила великолепное воспитание в английской семье, и сказал ей: «Аннетт, я настаиваю на том, чтобы ты уволила Ивана, кучера, сейчас же; я не могу больше его терпеть. Сегодня днем он состязался в скорости вместе со мной в экипаже, туда и обратно по Невскому, от начала и до конца, с экипажами великих князей и министров, и, как ни старался, я не мог остановить его. Он просто оборачивался ко мне, улыбался как идиот и гнал дальше со всей силы. Это было уже в тре-

тий раз. Я прощал его дважды при его торжественном обещании исправиться; но сейчас он должен уйти». Аннетт согласилась, и вечером после ужина вошла, чтобы сказать министру, что Иван уходит, но хочет попросить прощения и проститься. Министр вышел крайне неохотно, мы следовали за ним; но едва он вошел в переднюю, Иван, большое дюжее создание с длинной бородой и в кафтане, бросился вперед, лег ниц, обхватил его лодыжки, положил голову на ноги, и, оставаясь там, бормотал и стонал. Министр был крайне смущен и нервно воскликнул: «Уберите его! Уберите его!» Но все бесполезно. Ивана было не заставить расслабить свои объятия». Сцена окончилась только когда министр смягчился и сказал Аннетт передать Ивану, что дает ему еще один шанс, но если он и в этот раз нарушит свое обещание, то будет уволен без малейшей возможности принести извинения и попрощаться с хозяевами [6, с. 461–462].

Баронесса Блумфилд также упоминает в своих воспоминаниях об опасностях употребления водки: «Очень любопытно, как мало русских беспокоит резкий переход от сильной жары к сильному холоду. Кучер выйдет из своей комнаты, в которой нестерпимо жарко, и часами без какого-либо вреда просидит на козлах. Почтальоны, молодые люди, часто спят на своих лошадях, а иногда и замерзают насмерть, но это обычно случается после употребления спирта» [4, с. 158].

Другим традиционно русским обычаем являлось посещение бани, о котором также написала в своих мемуарах Дж. Блумфилд, описывающая русскую баню как «большую плоскую печь, разогреваемую настолько, насколько это возможно, а затем поливаемую водой, создающей огромный пар. Над этой печью есть полки различной высоты, на которых сидят банщики. Жар очень сильный и вызывает сильное потоотделение, но люди остаются там в течение 20–25 минут, а затем выходят к колодцу во дворе, где обливают друг друга. Это уменьшает давление в голове, вызванное паром, который часто становится причиной прилива крови к голове. Даже маленькие дети проходят этот суровый обряд, хотя это часто их убивает» [4, с. 158].

Тем не менее, несмотря на наличие таких стереотипных представлений о русской прислуге и русском народе, при изучении воспоминаний дипломатов и их жён складывается мнение о достаточно положительном отношении их к слугам. Согласно воспоминаниям М. К. Уоддингтон, которая приезжала в Россию на относительно короткий период времени, ее «маленькая русская горничная» успела привязаться к ней и накануне ее отъезда была «очень грустная» [5, с. 110]. Склонность к подобного рода отношениям, когда семья хозяев воспринимается не только как работодатель, а как нечто большее, в целом была присуща русской прислуге, особенно в период до отмены

крепостного права [1; 2; 3], поэтому неудивительно, что девушки старались угодить своим иностранным хозяйкам и в конечном итоге привязывались к ним.

Именно благодаря этой «маленькой русской горничной» супруга дипломата смогла выучить два слова на русском языке. В одном из писем она отмечает: «...Что ж, спокойной ночи, дорогая; я бы сказала это на русском, если бы могла, но пока я выучила только «Tchai», что значит чай, и «Karosch», что, кажется, означает восклицание восторженного восхищения. Маленькая горничная говорит это каждый раз, когда я появляюсь в новой одежде» [5, с. 40–41].

«Karosch» – вероятно, именно так могли бы охарактеризовать русскую прислугу иностранные дипломаты и их супруги, которые, несмотря на всё величие своих миссий, в бытовом плане не могли бы провести ни дня в чужой стране без присутствия слуг в их повседневной жизни.

Список литературы

1. Веретенко В.А. «Ничтожные» и «благородные»: общественная дискуссия о домашней прислуге накануне отмены крепостного права в России // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т.4. – № 4. – С. 82–89.
2. Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). – СПб., 2009. – 684 с.
3. Веретенко В.А. Домашняя прислуга в дворянских семьях России во второй половине XIX - начале XX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 4. – № 1. – С. 181–191.
4. Bloomfield G. Reminiscences of court and diplomatic life. London, 1883. 341 p.
5. Waddington M.K. Letters of a diplomat's wife, 1883–1900. – New York, 1903. 417 p.
6. White A. D. Autobiography. New York, 1906. 636 p.

Д. В. Калинина

Гигиена и бытовые условия воспитанников детских домов в 1925–1930 гг.

Одной из наиболее важных проблем социальной сферы является беспризорность. Данная проблема вызывает большой интерес общественности и актуальна во все времена. Проводятся различные исследования, связанные с историей этого явления, рассматриваются причины и пути решения вопроса беспризорности. Особое внимание посвящают исследованиям ликвидации беспризорности в 1920–1930 гг. Статья ставит своей целью рассмотреть повседневные условия жизни воспитанников на примере Лужского и Ленинградского

округов и города Ленинграда, данные территории в период с 1925 г. по 1930 г. слабо изучены.

С начала 1920-х гг. основной мерой ликвидации беспризорности являлось помещение детей в детские учреждения интернатного типа. Существовавшая сеть детских домов делила детей на так называемых «нормальных», «переросточных», «трудных» и «дефективных» [3]. Для детей, не ходивших еще в школу, существовали дошкольные детдома [18. Л. 216]. Эти группы комплектовались на основе возраста, поведения, умственной отсталости и физической дефективности. Данная классификация не учитывала особенностей детей, их целеустремленность в согласовании психического и физического состояний, биологические и социальные факторы [3]. «Детские дома нормального типа» были только для девочек или только для мальчиков или же смешанные. Воспитанники детских домов посещали школы, обучались в мастерских при детских учреждениях, участвовали в пионерском движении и комсомольской организации [1, с. 788]. В детском доме действовало самоуправление, при котором формировались ответственные комиссии. Обычно самоуправление устанавливалось на один день в неделю [17. Лл. 56–60].

С середины 1920-х гг. начинается период плановой ликвидации беспризорности, берется курс на усиление педагогического воздействия на ребенка и введение повсеместной трудовой подготовки. В связи с этим детские дома становились не просто местом пребывания детей, а учреждением со строгим режимом, где широко использовались педагогические меры по перевоспитанию бывших беспризорников [20]. С 1925 г. педагогическая работа с беспризорными становилась длительной и систематичной. Учреждения для беспризорных приобретали специфический характер с установкой на трудовые процессы – мастерские, самоуправления и прочее. Меры воздействия стали направлять на заинтересованность детей, а от физических наказаний постепенно отходили [14]. За нарушение дисциплины в идеальном варианте функционирования детского дома применялось только педагогическое воздействие [10. Л. 145]. Примером служит детский дом им. Энгельса Ораниенбаумского района Ленинградского округа, где мерой наказания выступало обсуждение совершившего проступок на собрании пионеротряда [19. Л. 15]. В архивных документах есть упоминания о плохом обращении с детьми, случаи избиения воспитателями ребят детского дома. Стоит отметить, что постоянный воспитатель был один и зачастую многое не успевал отслеживать, бывали случаи суицида воспитанников [9. Л. 7].

Руководители детских домов старались обеспечить своим воспитанникам достойные условия жизни, заботились о здоровье детей и подростков. В количественном соотношении по сравнению с семей-

ными детьми детдомовских воспитанников отправляли на обследование чаще. Такая тенденция объяснялась тем, что по своему физическому развитию детдомовские дети отличаются от семейных своей слабой эндокринной системой, задержкой в росте и весе. Эти симптомы были вызваны неблагоприятными условиями, в которых находился беспризорный ребенок до попадания в учреждение. У детей из детских домов имелось преимущество перед семейными детьми в возможности быть направленными в Стационар Детского Обследовательского института, санатории, в учреждения для эпилептиков, в Ото-фонетический институт [15].

В Ленинграде были более благоприятные условия, позволяющие отправить детей в санатории и специальные учреждения, нежели в округах. В обоих округах наблюдалась проблема переполненности детских домов. В детские дома стали принимать только круглых сирот [7. Л. 2]. Детей пытались поместить в детское учреждение из-за бедственного положения в семье [8. Л. 35]. Но детские дома могли предоставить ненамного лучшие условия. Детские дома были настолько переполнены, что из-за большого количества скученность детей и недостаток ухода за ними становились причинами вспышек эпидемий и детской смертности [12. Л. 96]. Проблема Лужского округа еще в том, что детские дома имелись не в каждом районе, так еще было вдвойне сложно устроить детей в учреждения, находящиеся в других районах. В Лужском округе не было учреждений для трудно-воспитуемых и дефективных детей [4. Л. 9].

В период с 1925 г. по 1930 г. плановый характер ликвидации беспризорности еще только формировался, поэтому материальная база не была подстроена под нужды детских учреждений. По результатам обследования комиссией детского дома №5 в 1928/1929 г. Лужского округа был выявлен ряд проблем. Отмечено, что питание воспитанников не вполне удовлетворительное, в меню отсутствует разнообразие, не указана калорийность и пищевая ценность продуктов. Санитарное состояние помещений и воспитанников также не удовлетворительное, так как не хватает финансирования на хозяйственные расходы. Бюджета не хватало и на инвентарь, для работы в мастерских не было специальной одежды. Также по результатам обследования отмечалось, что воспитательный процесс не был налажен. Наблюдались случаи плохого поведения воспитанников: самовольные отлучки, матерщина, пьянки. Клубная работа почти не велась, отмечена слабость работы самоуправления. Эти обстоятельства были вызваны тем, что персонал не вел планирование работы, исключение годовой план, учет работы хотя и велся, но не было обобщающего опыта, необходимо было составлять квартальные планы и на их основании проводить итоги по кварталам на педагогических совещаниях [6. Л. 13].

Если говорить об общей обстановке, то в лужских детских домах инспектора фиксировали ужасные санитарные условия, когда туалет находился в кухне, а раковины для умывания в помещении для сна. Частым явлением были грязные спальные принадлежности, не заправленные кровати, на которых сидели воспитанники во время занятий. Отсутствие стульев. Конечно, нехватка инвентаря для уборки и мебели были следствием плохо финансирования. Но невымытые дети в испачканной, разорванной одежде были свидетельством антисанитарии и плохого ухода за ними [5. Л. 187–189].

В то время в Ленинграде не во всех детских домах хватало спальных мест, игрушек, постельного белья, тумбочек, шкафов и стульев [11. Л. 15]. В некоторых детских домах Ленинграда дети недоедали [9. Л. 7]. В 1927 г. по результатам опросов 60 дошкольников (26 мальчиков, 34 девочки) в возрасте от 4 до 8 лет из нормального детского дома города Ленинграда было выявлено, что 35 детей (15 мальчиков, 20 девочек) хотят продукты съестного характера и сладости. Также по результатам обследования оказалось, что детям не хватало игрушек, которые для них играли центральную роль. Так, из общего количества детей о заинтересованности в игрушках высказалось 36 детей (18 мальчиков и 18 девочек). В список желаний детей входили туалетные принадлежности, учебные пособия и канцелярия. О нехватке принадлежностей туалета заявило 15 детей (3 мальчика и 12 девочек). В необходимые туалетные принадлежности входили у мальчиков: сапоги с высокими голенищами, красная лента, часы. Девочки высказались о желании иметь платья, туфли, чулки и бусы [16].

Помимо физического здоровья особое значение придавали психическому состоянию ребенка, своевременному обнаружению различных отклонений. Но даже у детей с устойчивой психикой наблюдались отклонения в поведении, развивающиеся в связи с такими причинами, как частая смена места пребывания или постоянная смена персонала. В связи с этим педологи разрабатывали профилактические меры для предупреждения развития отклонений в поведении детей детских домов [15]. IV Съезд охраны здоровья детей 1925 года постановил необходимость создания определенного, твердого быта для сохранения душевного спокойствия ребенка, который испытывает негативные эмоции при переходе из одного учреждения в другое или при смене персонала. Педагогическому персоналу детских домов предстояло необходимо создать благоприятные условия для быстрого приспособления детей к быту. Пристальное внимание уделить детям, часто меняющим места пребывания, так как при переходе из одного в другое учреждение или при смене персонала у них в поведении проявлялось упрямство, граничащее с негативизмом. Чтобы разобраться, как проявляется упрямство, дадим определение этому

понятию. Упрямый ребенок – это ребенок, который не выполняет требования воспитателя, действует наперекор, не подчиняется правилам быта и систематически нарушает дисциплину [2]. Данное поведение ребенка отрицательно сказывается на других детях и мешает процессу перевоспитания беспризорных.

Воспитанников детских домов, имевших трудности в обучении и поведении, обследовались в Медико-Педагогическом Амбулаторном Детском Обследовательном Институте. Обследование проводится для отбора умственно-отсталых и определения таковых во вспомогательные классы или вспомогательные школы. Организация обследования представляет собой заполнение анкеты врачом-педологом на основании двухчасовой беседы, педагогических экспериментов и испытаний, а также физических исследований с педологическим уклоном. Оценка состояния и заключения выносятся по совокупности всех данных и консультативно [13]. Ненормальным явлением была задержка в определении трудновоспитуемых в ленинградские специальные дома, а пребывание их долгое время с нормальными детьми являлось отрицательным явлением [5. Л. 11].

Условия жизни воспитанников детских домов независимо от территориального расположения имели свои недостатки, везде имелись проблемы, которые требовали немедленного решения. Потребности не соответствовали финансированию, хотя в Ленинграде финансирование было выше, чем в округах. Стоит отметить, что в Ленинграде было больше возможностей для трудновоспитуемых детей и детей с физическими и психическими расстройствами, для Лужского округа места в таких учреждениях выделялись в малом количестве.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд. – Т. 5. – М.: «Советская энциклопедия», 1927. – 807 с.
2. Дернова-Ярмоленко А. А. Методическое введение детей в новый быт // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1926. – № 1. – С. 40–46.
3. Исаева, А.П. «Педология детского дома». Дипломная работа // Вопр. изучения и воспитания личности. – 1928. – № 3–4. – С. 24.
4. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 27.
5. ЛОГАВ. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 245.
6. ЛОГАВ. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 266.
7. ЛОГАВ. Ф. Р-2922. Оп. 1. Д. 270.
8. ЛОГАВ. Ф. Р-2932. Оп. 1. Д. 3.
9. ЛОГАВ. Ф. Р-2932. Оп. 1. Д. 5.
10. ЛОГАВ. Ф. Р-2932. Оп. 1. Д. 8.
11. ЛОГАВ. Ф. Р-2932. Оп. 1. Д. 37.
12. ЛОГАВ. Ф. Р-3164. Оп. 1. Д. 11.
13. Научные совещания врачей учреждений Потд. Социально-Правовой Защиты, с участием педагогов дефектологов тех же учреждений, созываются еже-

месячно при Детском Обследовательном Институте Губздравотделом. Председатель проф. А.С. Грибоедов, Секретарь д-р В. Скальская // Вопросы изучения и воспитания личности. – 1926. – № 1. – С. 89.

14. Отчет о деятельности научных совещаний врачей учреждений Потд. Социально-правовой защиты за 1926 год // Вопр. изучения и воспитания личности. – 1927. – № 1–2. – С. 138.

15. Поппе К. К. К вопросу о дефективности среди семейных и детскодомских детей // Вопр. изучения и воспитания личности. – 1928. – № 2. – С. 52–53.

16. Рубатева В. Л. Результаты обследования детских интересов нормальных и дефективных дошкольников // Вопр. изучения и воспитания личности. – 1927. – № 1–2. – С. 128–130.

17. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 115. Оп. 1. Д. 96. Лл. 59–60 об.

18. ЦГА СПб. Ф. 115. Оп. 1. Д. 156. Л. 216.

19. ЦГА СПб. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 10.

20. Шестой Всероссийский Съезд по охране здоровья детей 16-го-22-го ноября 1925 года // Вопросы изучения и воспитания личности. 1926. № 1. С. 92.

О. В. Капустина

О некоторых направлениях развития советского пенсионирования в контексте первого пятилетнего плана

История становления советской пенсионной системы весьма драматична. В 1918 г. на волне революционной эйфории советское правительство пообещало социальное, в том числе и пенсионное, обеспечение всем без исключения лицам, источником существования которых является только собственный труд, без эксплуатации чужого, в случае постоянной утраты ими (всех или части) средств к существованию, вследствие нетрудоспособности, вызванной увечьем, болезнью или старостью [7]. Однако реалии Гражданской войны и народно-хозяйственного кризиса внесли свои коррективы. В результате, в 1927–1928 гг. в РСФСР количество пенсионруемых составило 210000 человек, а включая автономные республики – 240000 [4]. К этому времени финансирование на пенсионные нужды поступало из двух источников: работавшие получали пенсии из средств восстановленного в 1921 г. *социального страхования* через страхкассы, а инвалиды войны, их семьи и некоторые другие категории – из государственного и местных бюджетов через структуры Народного комиссариата *социального обеспечения* (НКСО).

В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) были приняты директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, согласно которым: «правильное решение центральных проблем пятилетнего плана обуславливает такое возрастание народного дохода и его распределения, которое обеспечивает рост

благосостояния рабочего класса, беднейшего и среднего крестьянства при сохранении максимально-возможного темпа развития всего народного хозяйства» [6, с. 1300]. И пенсионное страхование, и пенсионное обеспечение были включены в пятилетнее планирование.

Социалистическая индустриализация потребовала омоложения кадрового состава в промышленности, так как многие рабочие места были заняты тружениками весьма почтенного возраста. Здесь нужно заметить, что в это время пенсии по старости в Советском Союзе отсутствовали: рабочий преклонных лет мог получить пенсию по инвалидности, если причиной его нетрудоспособности стала «старческая дряхлость». До революции в Российской империи существовало понятие «черного дня», т.е. того дня, когда пожилому рабочему представителем администрации предприятия объявлялось об увольнении в связи с тем, что он в силу возраста не может выполнять установленные нормы. Советское государство позволить себе подобные действия не могло. Выходом из создавшейся ситуации как раз и стал ввод пенсионного страхования по старости, за счет средств которого можно было обеспечить пенсиями покинувших рабочие места стариков.

Страхование по старости предполагалось провести следующим образом: рабочие промышленности, транспорта и строительства должны были вовлекаться в процесс страхования постепенно в зависимости от вредности работы отдельных производств. По годам проектировалось привлечь в 1928/29 гг. – 25 %, в 1929/30 гг. – 60 %, в 1930/31 гг. – 65 %, 1931/32 гг. – 70 % и 1932/33 гг. – 75 %. При этом возможность назначать рабочему пенсию по старости в размере 50 % от заработной платы планировалось при наличии у него 25-ти лет стажа. По оптимальному варианту плана размер пенсионных выплат предполагалось довести до 60–65 % средней зарплаты, а охват – до 85 %. Пенсионное страхование служащих должно было начаться на 3–4 году пятилетки в такой последовательности – служащие промышленности, транспорта и связи, социально-культурных групп, управленческого аппарата, торговых заведений [2. Л. 175]. Страхование служащих, по мнению разработчиков бюджета, представляло мероприятие большой политической важности, так как было тесным образом связано с *необходимостью омоложения и социального изменения управленческого аппарата*. Ориентировочно было подсчитано, что в 1932/33 гг. на пенсии по старости будет выведено из рабочих и служащих – около 100 тыс. человек [2. Л. 175].

Самой «старой» отраслью промышленности была текстильная, поэтому первыми советскими пенсионерами по старости в 1928 г. стали именно ткачи и прядильщики. В 1929–30 гг. возможность получения пенсий по старости была распространена на рабочих горной, металлической, химической, полиграфической, стекольно-фарфоровой, табачно-махорочной отраслей промышленности; а также на рабочих железнодорожного и водного транспорта. Служащим право на возрастные пенсии было предоставлено только в 1937 г.

Еще одним важнейшим направлением в области пенсионирования было увеличение числа обеспечиваемых через НКСО, прежде всего инвалидов Первой мировой (империалистической) и Гражданской войн. Финансирование этого контингента было явно недостаточным. Масштабы проблемы позволяют понять цифры, озвученные в ходе работы II Сессии ВЦИК XIII созыва (март-апрель 1928 г.): «в Костромской губернии насчитываются 7 тыс. инвалидов труда и войны, из них только 1545 получают пенсию» [9]; «в Воронежской губернии был проведен точный учет инвалидов, и, оказалось, что имеется 25 тыс. инвалидов, которые нуждаются в помощи. На деле же помощь получают только 7 тыс. инвалидов» [10]. В 1927–28 гг. количество военных пенсионеров на 1000 населения в среднем по РСФСР составляло 2,5. Для губерний, служивших в Гражданскую войну театром военных действий – от 2,5 до 4,92; с пониженным экономическим благосостоянием – от 2,5 до 2,25; обычного типа – около 2. Для губерний с повышенным экономическим состоянием, которые, имея развитую фабрично-заводскую промышленность, во время Гражданской войны снабжали армию и пополняли ее людским составом, на тысячу населения – 2,9 обеспечиваемых [З. Л. 6-6 об.]. Согласно установкам НКСО, ежегодный рост количества военных пенсионеров мог составлять от 8,5 % до 10 %, а в губерниях с повышенным экономическим состоянием – 12 % и достигнуть в 1932/33 гг. 3,9 обеспечиваемых на 1000 населения [З. Л. 6-6 об.].

В те годы существовал еще один интересный вид пенсионного обеспечения: «в крупных городах, в Москве и Ленинграде, имеется большой приток беспризорных или нищенствующих. Откуда этот приток? Большею частью это – крестьянские массы, пришедшие искать работу, случайные люди, попавшие в трясины города и не умеющие выбраться обратно» [8]. Впрочем, подобный контингент присутствовал в том или ином виде и количестве в каждом городе. Поэтому, в силу значительного наплыва ходатайств в территориальные органы НКСО, а также в целях предупреждения нищенства, в пятилетнем плане был предусмотрен расход на пенсионирование так называемых «прочих» (беспризорных и деклассированных), «к числу которых должны быть отнесены лица, по формальным причинам лишённые права на обеспечение по соцстраху, и вообще не подходящие под военный контингент, но в тоже время находящиеся в социальном бедствии» [З. Л. 6 об.]. Количество «прочих» пенсионеров по установке НКСО определялось по отношению к основному – военному – контингенту. Например, во Владимирской губернии по средним нормам оно должно было составить в 1928/29 гг. 2,6 % от военных пенсий; в 1929/30 гг. – 3,4 %; в 1930/31 гг. – 4 %; в 1931/32 гг. – 5 %; и в 1932/33 – 6 % [З. Л. 6 об.].

Также к числу военных пенсионеров было привязано количество лиц, имевших право на персональные пенсии местного значения, которое распределялось по губерниям в равной пропорции в размере:

0,4 % в 1928/29 г.; 0,4 в 1929/30 гг.; 0,5 в 1930/31 гг.; 0,6 в 1931/32 гг.; и 0,7 в 1932/33 гг. [3. Л. 6 об.].

Таким образом, включение пенсионного страхования в контекст пятилетнего планирования, свидетельствовало о признании советским государством его роли в социалистической индустриализации. Вводя социальное страхование по старости, государство приняло на себя ответственность за граждан преклонного возраста. При этом, развитие промышленности позволило значительно увеличить количество пенсионеров: в РСФСР на 1 января 1940 г. общее число получателей пенсий по соцстрахованию составило 1.463871 чел., а количество пенсионеров-инвалидов Гражданской и Первой мировой войн – 124.876 чел. [1. Л. 216]; в целом в СССР на начало следующего 1941 г. проживало 4 млн пенсионеров, из которых 200 тыс. являлись получателями пенсий по возрасту [5, с. 411].

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 1. Д. 39.
2. ГАРФ. Ф. Р-5528. Оп. 2. Д. 391.
3. ГБУВО Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-1166. Оп. 1. Д. 24.
4. Социальное обеспечение в РСФСР: Доклад наркомсобеса тов. Наговицына // Известия. – 1928. – 31 марта.
5. Народное хозяйство в СССР в 1980 году. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 583 с.
6. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства: Постановление XV съезда ВКП(б) // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии - (б): стеногр. отчет. – М., Л.: Государственное издательство, 1928. – 1416 с.
7. Положение о социальном обеспечении трудящихся: Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 89. – Ст. 906.
8. Речь тов. Алексеева // Известия. – 1928. – 1 апр.
9. Речь тов. Балакиревой // Известия. – 1928. – 1 апр.
10. Речь тов. Сидоренко // Известия. – 1928. – 1 апр.

В. В. Карпова

К вопросу о формах поощрения участников ученических сельскохозяйственных дружин в годы Первой мировой войны

В годы Первой мировой войны наблюдался небывалый подъем благотворительной деятельности, участие в которой активно принимала и учащаяся молодежь. Одним из направлений оказываемой помощи стало формирование ученических трудовых дружин для осуществления сельскохозяйственных работ на поля мобилизованных крестьян [3]. Движение зародилось в 1915 г. и, получив высочайшее одобрение, доказав полезность и рентабельность выполняемых работ, в дальнейшем охватило всю страну и стало массовым.

Ученики шли работать на поля крестьян не за награды, а по причине неравнодушия, осознавая свой гражданский долг. В большинстве правил, регламентирующих деятельность дружин (а они разрабатывались не только на правительственном уровне, но и непосредственно общественными организациями), до 1916 г. преобладал принцип бесплатности производимых работ. Лишь в 1917 г. в связи с резким ухудшением экономической и продовольственной ситуации в стране было признано возможным использовать труд дружинников не только в хозяйствах нуждающихся крестьян, но и крупных землевладельцев, что отвергало принцип бесплатности этого труда.

Вместе с тем сам факт, что в каникулярное время ученики добровольно отправлялись работать на поля, в абсолютно незнакомых и чуждых для себя условиях повседневной жизни готовы были выполнять трудовые функции наравне с крестьянами, осваивать необходимые для этого сельскохозяйственные навыки, заслуживал не только уважения, но и поощрения со стороны как власти, так и общества.

В данной статье будут рассмотрены формы такого поощрения, упоминания о которых были обнаружены нами в источниках. Преобладающими, безусловно, были формы морального поощрения. Одним из первых примеров стала монаршая благодарность. Речь идет об истории создания дружин в Минской губернии, которая стала первым регионом, где данная идея воплотилась на практике благодаря инициативе губернатора А.Ф. Гирса. Всего в 1915 г. на полях губернии работали 312 учащихся низших народных школ и средних учебных заведений, объединенные в 21 дружину [1, с. 15; 7. Л. 73 об.-74]. При личном докладе минского губернатора Николаю II 27 июня 1915 г. о действиях трудовых дружин в губернии монарх «повелел передать дружинникам и всем потрудившимся над созданием ученических дружин монаршую Его Величества благодарность» [11, с. 30–31]. После этого участие в работе дружин приобрело дополнительную популярность. Благодарности объявлялись также министрами, губернаторами, попечителями учебных округов, однако они адресовались не персонально отдельному ученику, а дружинам в целом.

Особое значение имели благодарности, выражаемые лицами, получившими трудовую помощь от дружинников. Иногда такие благодарственные письма были написаны в отношении руководителей и организаторов дружин, однако подразумевалось, что благодарят тем самым и самих учащихся. Примером может служить письмо жен запасных, написанное по результатам работ дружинников г. Екатеринослава в 1915 г. Женщины выражали «свою сердечную благодарность гг. руководителям и организаторам Екатеринославской трудовой дружины за оказанную нам помощь при уборке хлеба когда рабочих рук очень было трудно найти за отсутствием таковых, особенную же благодарность приносим за лошадей данных в помощь отряду когда в

горячее время в нашем селе ни за какие деньги лошадей достать нельзя было, так как каждый спешит (с) уборкой своего хлеба. И если бы не эта помощь, то наш хлеб мог бы изгнить на поле, мы всегда будем с благодарностью молить Бога о тех добрых людях, которые в это тяжелое время пришли к нам на помощь» [8. Л. 79].

Еще интереснее, когда благодарность выдавалась крестьянами персонально дружиннику. Об этом свидетельствует Ф. Турук: «Некоторые, более усердные и "умелые" дружинники за свою работу нередко получали от крестьян даже письменную похвалу, нечто в роде похвального аттестата с выражением благодарности». Далее он приводит дословно один из подобных аттестатов: «1916 года июня 26 дня даю сей аттестат учинику Минской Гимназии Лиониду Аликсандровичу в том что он Симашко работал у миня Сухачева то есть косил покос косил очин прилично вставал рано ложился поздно то есть работал нипокладая рук за что приношу ему Симашкину вилкою благодарность. Кристьянин Сирпуховского уезда Липитинской волости с. васильска Степан Сухачев» [11, с. 88].

В отдельных случаях благодарность крестьян выражалась в особых приговорах сельских сходов [7. Л. 109; 10, с. 94; 11, с. 89]. Мирской сход с. Татищева-Погоста Ростовского уезда Ярославской губернии внес в кассу дружины по своему почину 150 р. из общественных средств [12, с. 51].

Особой формой поощрения стало учреждение специального нагрудного знака за участие в деятельности ученических дружин. Положение об учреждении знака было утверждено императором 28 июня 1916 г. Знак имел вид медали и носился на левой стороне груди. С внешней его стороны на зеленом эмалевом фоне помещался вензель великой княгини Елизаветы Федоровны. Средняя часть окружена эмалевым белым ободком с золотой надписью «За участие в ученических дружинах». Верх знака венчался золотой великокняжеской короной. На оборотной стороне помещалась надпись: «Комитет ЕЯ Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию помощи семьям воинов». Знак выдавался дружинникам, организаторам и руководителям дружин бесплатно, при свидетельстве на право его ношения, распоряжением местных губернских отделений Елизаветинского комитета [4]. Отметим, что комитет принимал активное участие в изыскании средств для финансирования деятельности ученических дружин [2, с. 260]. Сведений о том, какое количество нагрудных знаков было вручено за 1916–17 гг., выяснить на данный момент не удалось.

На межведомственном совещании о школьных дружинах, проходившем 2–3 января 1917 г., было принято решение возбудить ходатайство «об установлении особой нагрудной медали для награждения учащейся молодежи, работавшей в составе дружин, а также лиц,

потрудившихся в деле образования школьных дружин и руководства ими» [9. Л. 1]. Из этого можно сделать вывод, что уже существовавший нагрудный знак был учрежден именно Елизаветинским комитетом и под награждение им попадали не все дружинники. Судьба указанного ходатайства пока остается невыясненной.

Существовали и формы материального поощрения. Правда, такие факты обнаружены только в отношении учащихся сельскохозяйственных учебных заведений ведомства Министерства земледелия. 17 сентября 1915 г. был разослан циркуляр попечителям и начальникам низших сельскохозяйственных учебных заведений № 64/2274 следующего содержания: «Признавая желательным поощрить воспитанников сельскохозяйственных учебных заведений, принимавших деятельное участие в агрономической помощи семьям запасных выдачею им в виде награды книг сельскохозяйственного содержания, Департамент Земледелия просит Вас сообщить сколько учеников вверенного Вам учебного заведения Совет признает особенно достойными такой награды и какие именно книги желательно им выдать» [6. Л. 26].

В фондах Российского государственного исторического архива сформировано отдельное дело «О выдаче наград ученикам сельскохозяйственных учебных заведений, участвовавших в организации агрономической помощи семьям призванных на войну (1915 г.)» [5]. Из его документов следует, что 31 декабря 1915 г. Департамент земледелия направил обращение в Министерство земледелия о выделении 3 тыс. р. для награждения учеников книгами сельскохозяйственного содержания с надписью на лицевой стороне переплета: «За участие в деле агрономической помощи семьям воинов в войну 1914 года» [5. Л. 112]. Необходимые деньги были выделены. По поступившим донесениям выяснилось, что в 1914 и 1915 гг. участие в оказании помощи принимали до 2 тыс. учащихся, все они были признаны достойными наград [5. Л. 123].

В конечном итоге 1079 учащихся из 65 сельскохозяйственных учебных заведений были награждены книгами [5. Л. 131–134]. Цифра награжденных оказалась существенно меньше, поскольку к тому моменту многие ученики уже завершили курс обучения и были призваны в армию. По нашим подсчетам было выслано 1546 книг, содержание которых соответствовало профилю обучения [5. Л. 137–138].

Таким образом, государство в лице его главы, профильных министерств, руководителей регионов, а также общественность, благотворительные организации сочли необходимым и возможным найти способы поощрения бескорыстной деятельности учащихся в крестьянских хозяйствах в годы Первой мировой войны.

Список литературы

1. Вельяминов-Зернов А.В. К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1916. – 35 с.
2. Карпова В.В. К вопросу о финансировании деятельности ученических трудовых дружин, сформированных при учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения в годы Первой мировой войны // XXII Царско-сельские чт.: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2018 г. – СПб.: ЛГУ им. Пушкина, 2018. – С. 258–262.
3. Карпова В.В., Семенова Л.Н. Молодежные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.В. Карпова. – Вып. 5. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – С. 148–157.
4. Об учреждении нагрудного знака за участие в ученических дружинах по оказанию трудовой помощи крестьянским хозяйствам // Ежемесячник Комитета ея императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц призванных на войну. – 1916. – № 13. – 15 окт. – С. 5.
5. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 398. Оп. 72. Д. 29616.
6. РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 502.
7. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 949.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 228. Д. 112.
10. Трудовые дружины общества «Народная помощь» // Сельскохозяйственное образование. – 1917. – № 2. – С. 93–94.
11. Турук Ф. Трудовые сельскохозяйственные дружины учащихся // Журнал министерства народного просвещения. – 1917. – № 3–4. – С. 73–95.
12. Чембулов Ф.З. Трудовые дружины учащихся // Доклады на Продовольственном совещании при Экономическом отделе Главного комитета Всероссийского земского союза 15–16 окт. 1916 г. в Москве. – М.: Тип. т-ва Рябушинских, [1916]. – С. 36–53.

Д. А. Макаров

Развитие Византийского государства в период правления династии Комнинов

Комнины были правящей династией в Византийской империи в 1057–1059, 1081–1185 гг. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. они утвердились как императоры Трапезундской империи под именем Великих Комнинов в 1204–1461 гг. Комнины являлись представителями феодальной военной провинциальной аристократии. Были родом из Фракии, но основные феодальные владения были расположены в феме Халкидика [1, с. 67]. По своему происхождению они в своём большинстве были армянами, но заключали

многочисленные династические браки с другими знатными феодальными фамилиями. Годы правления императоров из этой династии Исаак (1057–59), Алексей I (1081–1118), Иоанн II (1118–1143), Мануил I (1143–1180), Алексей II (1180–1183) и Андронник I (1183–1185). Власть в династии переходила главным образом от отца к сыну.

Правление династии Комнинов привлекало внимание учёных на протяжении длительного времени. Интерес вызывает то обстоятельство, то после поражения при Манцикерте в 1071 г. [2, с. 84] от сельджуков империя лишилась более половины своей территории и двух третей населения и в силу объективных причин должна была погибнуть как государство. Византия ослабла настолько, что должна была стать лёгкой добычей для тюрков, арабов и европейских католических народов. Но этого не случилось. Да, империя была обречена, но в период правления династии Комнинов она переживает возрождение. В период Комнинов происходит расцвет культуры, искусства и военного дела. Они вернули большинство занятых тюрками территорий, а также земли Сербии и Венгрии. Отказывались от унии с католической церковью [3, с. 84]. Проявили себя как искусные дипломаты и направили натиск крестоносцев против своих врагов, устранив на долгое время угрозу своим владениям в Малой Азии. Субъективный фактор правления именно данной династии был неоспорим. После их ухода с политической арены империя быстро приходит в упадок. Через 19 лет после конца их правления Константинополь оказывается в руках крестоносцев. Они почти на два века отсрочили падение империи.

Комнины провели значительные законодательные преобразования. Именно в период их правления окончательно складывается феодальная структура византийского общества. Комнины проводят политику по более рациональной организации системы государственного управления. В частности каждая социальная группа должна выполнять сугубо свои социально-экономические функции. В этой связи развивается парикия – закрепощение крестьянства. Армия приобретает профессиональные черты [4, с. 84]. Термин стартиот получает значение лица, принадлежащего к привилегированному социальному классу. Крестьяне и ремесленники больше не несут военную службу. Армия становится профессиональной. Стратиоты получают от государства населённые крестьянами земли и должны исполнять различные военные, административные и полицейские функции [5, с. 64].

Прония – попечение феодала над определённой территорией, за то он получает часть государственных налогов, взыскиваемых с местного населения. Прониар был обязан содействовать социально-экономическому развитию территории. Он держал эту землю от имени императора, так же как это имело место в бенефициарном владении

в Европе. Но в отличие от Европы прония была личным пожалованием императора конкретному лицу и по наследству не могла передаваться. Каждый новый император в своих хрисовулах, золотопечатных грамотах должен был подтверждать права прониара. Кроме этого прония была именно держанием [6, с. 52]. Частновладельческие права иных лиц в данной местности не нарушались. Феодалы стремились приобретать в собственность земельные владения и прикрепляли париков к данной местности и занятиям сельским хозяйством и ремёслами. Но императоры стремились не допускать роста латифундий феодалов. Равным образом с позиций законодательства человек прикреплялся к местности и роду деятельности, но не личности феодала [7, с. 110].

Комнины опирались на военно-феодальную знать и торговые города империи. Они проводили политику лавирования между олигархическими группировками, сосредоточенными в Константинополе и военной служилой знатью, чьи интересы часто были противоположны. Олигархия была заинтересована в снижении налогового бремени на торговлю и ремесло и расширении торговли, укреплению связей с католическими государствами и исламскими странами. Столичный нобилитет стремился расширять и свои землевладения. Имперская бюрократия обладала свои интересами в усилении налогообложения в первую очередь сельского населения.

В свою очередь провинциальная аристократия, на плечи которой были возложены функции по обороне страны не видела значительной выгоды от внешнеторговых связей. Материальные ресурсы должны были оставаться на уровне фем, чтобы содержать армию. Но Комнины были более сильны, чем их современники во Франции, Германии, Итальянских государствах и т.п. Константинополь был богат сам по себе, это был крупнейший ремесленный, торговый и финансовый центр как Европы, так и Ближнего Востока того времени. Василевсы содержали многотысячные дружины варангов, схолы катафратариев и наёмные конных лучников туркополов. Они могли проявлять независимость своего правления, как от провинциальной аристократии, так и столичного нобилитета [8, с. 89]. Существовавшая при них политическая система имела свою опору в феодальном, по сути, рыцарском ополчении провинциальных армий и профессиональном тяжеловооружённом наёмном войске, принципиально состоявшем во многом из иностранных наёмников. Земельные и торговые магнаты должны были считаться с их волей.

Но с течением времени положение императоров все больше сводится к лавированию интересов семей феодальных магнатов – Ласкарисов, Дук, Ангелов и др. Любая правящая династия должна была решать вопросы удержания своей власти от притязаний других фа-

милый, и формально любой ромей мог стать императором. Сократившаяся в своих размерах феодальная империя находилась во враждебном окружении католических государств и исламского мира. Вопросы обороны рубежей без искусной дипломатии во многом были неразрешимы, империя уступала по своей военной мощи потенциальным противникам [9, с. 89].

При Комнинах наблюдаются и негативные тенденции. Профессионализация войска была необходима. Но для содержания армии требовались значительные материальные ресурсы, что привело к увеличению налогового гнёта. Комнины брали финансовые займы и предоставляли налоговые льготы итальянским купцам, что разоряло отечественных торговцев. Нарастающее засилье иностранцев и усиление налогового гнёта привело к народным восстаниям. Империя стала нести военные поражения.

Важно отметить, что с одной стороны Комнины проводили массовые конфискации земель у магнатов. Они сокращали выдачу грамот, подтверждающих налоговые иммунитеты – экскуссии. Но с другой стороны происходит рост именно императорского домена. По негласной правовой традиции, обычаю, императоры в Византии не стремились увеличивать свои частные земельные владения. Их основным источником доходов были государственные налоги. В этой связи не важно, в чьей собственности находилось землевладение в императорской, церкви, монастыря, свободной крестьянской общины или светского феодала. Налоги получала казна и ей свободно распоряжался император [10, с. 102]. Василевс по сути был менеджером, правителем поддержанным народом, армией и нобилитетом империи. Если он правил вразрез с интересами общества, его свергали. Императору не было особого смысла покушаться на имущество своих подданных. Но теперь ситуация изменилась, значительные массивы земли стали частной собственностью именно предстателей правящей династии Комнинов и налогов со своих землевладений они не платили [11, с. 56]. В результате происходит рост нагрузки на остальную часть налогоплательщиков. К концу XII в. Комнины утрачивают поддержку феодальной военной знати, торгового и финансового нобилитета, недовольного засильем итальянцев, и непривилегированных слоёв общества, несущих неподъёмный налоговый гнёт. Последний император Андронник был свергнут Константинопольским плебсом, и казнён. Власть перешла к династии Ангелов.

Список литературы

1. Византия между Западом и Востоком / отв. ред. Г. Г Литаврин. – СПб., 1999. – 342 с.
2. Комнина Анна. Алексиада. – СПб., 1996. – 356 с.
3. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия проблемы перехода от античности к феодализму. – Л., 1981. – 96 с.

4. Каждан А. П. Формы условной собственности в Византии X–XIII вв. – М.: Изд-во Вост. лит., 1960. – 9 с.
5. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с франц. и предисл. доц. Б. Т. Горянова; под ред. проф. С. Д. Сказкина. – М., 1947. – 183 с.
6. Горянов Б. Т. Крупное феодальное землевладение в Византии XIII–XIV вв. // Византийский временник. – М., 1956. – Т. 10. – С. 118–132.
7. Горянов Б. Т. Поздневизантийский иммунитет // Византийский Временник. – М., 1957. – Т. 12. – С. 97–116.
8. Каждан А. П. Загадка Комнинов (Опыт историографии) // Византийский временник. – М., 1964. Т. 25. – С. 53–98.
9. Любарский Я. Н., Фрейнденберг М. М. Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом // Византийский временник. – М., 1981. – Т. 21. – С. 260–274.
10. Кэпштейн Х. Парики в поздней Византии. Проблемы статуса и терминологии // Византийский временник – М., 1989. – Т. 50. – С. 3–13.
11. Успенский. Ф. И. Экскуссия-иммунитет в Византии // Византийский временник. – М., 1917–1922. Т. 13. – С. 109–120.

Д. А. Макаров

Сохранение традиций византийской государственности в Трапезундской империи

Трапезундская империя как государственное образование была расположена главным образом на территории фемы Халкидия, а также частично на территориях фем Колония и Армениак. Фактически правители фемы и крупнейшие землевладельцы Халкидики и стали Трапезундскими императорами [1, с. 81–83]. Точная дата создания фем неизвестна, наиболее ранние из них известны с VII в. Фемы пришли на смену провинциальной системе управления императора Диоклетиана Фема в первую очередь, представляла собой военный округ во главе со стратигом. Она являлась в целом самодостаточной административно-территориальной единицей. В ней существовали свои органы гражданского и военного управления, суд и др. Стратигу подчинялись все официалы (чиновники) фемы. Перед органами власти фемы ставились задачи поддержания правопорядка, сбора налогов, посредством местного епископа осуществления религиозной власти и борьба с ересями. Но главным предназначение фемы являлась мобилизация человеческих и материальных ресурсов в случае военной угрозы. Стратиг отвечал за сбор ополчения стратиотов и был обязан максимально задерживать продвижение войск вражеской армии до прихода императорских войск. Византийской империи требовалось время для мобилизации вооруженных сил и их переброску на достояно большую территорию.

В результате правитель фем обладали обширными полномочиями в отношении исполнения функций государственного управления,

кроме полномочий в области нормотворчества. В фемах, как правило, отсутствовали представительные органы власти, кроме крестьянского самоуправления в сельских общинах и редких советах в торгово-промышленных центрах. Они распоряжались собственными вооруженными силами, как в армии постоянного времени, включая не менее 300 катафратариев, так и могли мобилизовать до 5000 воинов в случае военной угрозы. Они обладали материальными ресурсами для содержания своих маленьких армий. Данная ситуация часто приводила к возникновению мятежей с целью захвата власти в империи [1, с. 36]. Многие императоры, ставшие основателями династий были правителями фем или их потомками, например Лев Исавр правитель фемы Анатолики, Ираклий сын экзарха Африки и др. Провинциальная военная знать стремилась потеснить торгово-ремесленную и финансовую олигархию правящей константинопольской элиты. Но стратеги фем не стремились основывать именно собственные государства. Провинциальный сепаратизм не был характерен для Византии.

Но после падения Константинополя, население фем стало остро нуждаться в сохранении институтов государственности и права, своего языка, религии, культуры и т. д. от натиска многочисленных завоевателей. После захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. в Никее, Эпире, Халкидии и в других фемах правители не допустили захвата вверенных им областей крестоносцами или мусульманами.

Трапезундская империя находилась на периферии греческого мира. Её население было крайне разнородным и обладало тесными экономическими связями с народами и государствами Черноморского побережья, Малой Азии и Закавказья [2, р. 34]. Правителям Халкидики приходилось проводить политику лавирования между интересами Константинополя и Персией, Грузией, многочисленными тюркскими султанатами и др. Он не могли рассчитывать на получение оперативной помощи из столицы и в результате приобретали тесные связи с близлежащим народами. Многие христианские народы были заинтересованы в сохранении Византийской империи как защитницы христианства на Ближнем Востоке. [3, р. 56].

В течении 1204–1461 г. правителями Трапезундской империи были потомки Комнинов, именовавшиеся в Трапезунде Великими Комнинами. Данные императоры действительно смогли сохранить своё государство в течение более двух с половиной веков. Но Трапезундская империя ненадолго пережила падение Константинополя. Греческое Крымское княжество Феодоро связанное с Трапезундом пало в 1475 г. Но поражение сельджуков в 1244 г. от монголов способствовало сохранению осколков Византийской империи [4, с. 38]. Власть династии Комнинов была достаточно устойчива. Трапезундские владения были фамильными для Комнинов. Основа их легитим-

ности в корне отличалась от сохранения римской традиции государственной власти. Государство было патримониальным владением Комнинов. Смена узурпаторов полководцев и новых династий была невозможна в Трапезундской империи [5, с. 42]. Они были наследниками Комнинов, последней из великих византийских династий, правивших империей до падения Константинополя. В глазах населения они обладали властью по воле Бога. Факт рождения в семье царственной династии были свидетельством божественного провидения. Никто не мог занять их место, это противоречило бы божественной воле.

Внуки императора Андронника I бежали в 1203 г. в Трапезунд. Их родная тётка была грузинская царица Томара, которая способствовала закреплению их власти. Алексей Комнин был провозглашён солдатами «императором ромеев», правда войско в основном состояло из грузинских дружин, и 25 апреля 1204 г. он был коронован. Комины соперничали с Никейской империей и возродившейся Византией. Существовали противоречия в правящей элите между членами правящей династии и их приближенными с одной стороны и местными земельными магнатами с другой [8, с. 34].

В течении всего XIII в. двор императора не был калькой Константинопольского двора. В империи фактически правила не армянская, а грузинская элита. Советники и вельможи из Грузии принесли в Трапезунд новую политическую и правовую культуру. В результате происходит деградация системы управления, законодательства, системы должностей чиновников и др. Государство фактически делится между родственниками императора [6, с. 71]. Но в XIV в. ситуация меняется в лучшую сторону. Налаживаются политические контакты с возрожденной Византийской империей.

Население империи было пёстрым. Оно охватывалось понятиями римского гражданства. В Трапезундской империи проживали греки, армяне, турки, грузины, итальянцы и др. Но все они были ромеями – тот, кто признаёт власть императора, исповедует православие и соблюдает законы империи, является римским гражданином. Но постепенно социальная база карликовой империи сокращалась. Происходил медленный, но неуклонный процесс исламизации и к середине XV в. её территория сократилась фактически до стен Трапезунда. Трапезундская империя фактически была реликтом Византии и хранительницей остатков римского наследия [7, р. 120]. Окружающие народы с уважением относились к институтам римской государственной и Византии, чья история уже перевалила за тысячелетие. Дарование правителям кочевых народов византийских титулов патриция (патриция), магистра и др. высоко ими ценилось как приоб-

щение к древней государственности. Императоры Трапезунда заключали выгодные династические браки, являлись почётные арбитрами при разрешении межплеменных споров.

Но в целом за всё время существования Трапезундской империи она воспринималась окружающими народами именно как реликт уходящей в прошлое государственности. Именно поэтому ромеи в Трапезунде цеплялись на сохранения наследия династии Комнинов. Кроме того в период возрождения Византийской империи при Ласкарисах и Палеологах они отстаивали своё старшинство перед новыми династиями в Константинополе.

Иоанн II Комнин, женился на дочери Михаила VIII Палеолога, и в 1282 г. отказался от титула «императора ромеев», признав верховенство Константинополя. Правители Трапезунда стали «императорами Востока, Иверии и Ператии». У ромеев появляется надежда на возрождение империи. Но она была кратковременной. Трапезунд становится данником Тамерлана. В XV в. происходит деградация правящей элиты. Храмы и монастыри закрываются, растёт исламизация. Размываются культурные ценности, законность и правопорядок уходят в прошлое. В судах прекращают применять нормы Византийского права. На смену стройной системе процесса, оценке доказательств приходят ордалии.

Трапезундская империя включала три области собственно Трапезунд (крупный торговый центр, превосходивший своим экономическим значением Nikeю), Мацука и Гимора, которые являлись фемами в миниатюре. Во главе этих областей (банд) находились герцоги (дука). Кроме этого Трапезунду подчинялась фема Херсонес, Крымская Готия и др. Дуки обладали военной и гражданской властью и среди них также складываются династии. Дуки были вассалами императоров, в свою очередь они также имели вассалов из числа местной знати. Монастыри были многочисленны и владели крепостными крестьянами. Но в Трапезундской империи сохранялось и свободное крестьянское землевладение. Важным источником являются акты Вазелонского монастыря, описывающие судебную систему империи, налогообложение, сословный строй, земельные отношения и др. [9, с. 34]. В документах отражается существование свободного и крепостного (парикия) крестьянства, родовые клановые объединения как единица налогообложения

Список литературы

1. Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезунтской империи. – Л., 1929. – С. 81–83.
2. Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes, rec. E. Darko, v. I—II. Budapestini, 1922–1927.
3. Ducas Istoria turco-bizantina, ed. V. Grecu. Bucuresti, 1958. – 341 p.

4. Успенский Ф. И. Византийские землемеры // Тр. VI Археологического съезда в Одессе. – Т. II. – 1888. – 512 с.
5. Джанашвили М. Г. «Картлис-Цховреба» – Жизнь Грузии: сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 35. – Тифлис, 1905.
6. Михаил Панарет. Трапезундская хроника. – М., 1905. – 236 с.
7. Allen. A History of the Georgian People. London, 1932. – 108 p.
8. Острогорский Г. А. К истории иммунитета в Византии. – ВВ, XIII, 1958. – С. 75–82.
9. Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Ленинград, 1927. – 125 с.

Г. П. Мурашов

История медицины и повседневности населения Кавказа в раннем железном веке

За последние века сильно возрос уровень жизни, во многом это связано с развитием медицины. История медицины начинает свой путь на заре человечества, однако достоверно говорить об относительно развитой медицине можно начиная с III–II тыс. до н.э. До нас дошли крайне обрывистые сведения о медицине древности, во многом развитая медицина территориально синхронна с древними цивилизациями, такими как Египет, Шумер, Греция, Китай, Индия. Однако есть сведения о медицине на перифериях древних цивилизаций.

Следует отметить, что история медицины в древних обществах Кавказа и мира в целом изучена крайне слабо и представляет из себя перспективную тему для исследований.

Изучение медицины и врачевания в древних обществах поможет комплексно проследить развитие социальных отношений среди древних людей. Различные виды повседневной деятельности оказывали каждодневное влияние на организм и здоровье населения. Можно выделить боевой травматизм, например следы от ударов топора или тупых предметов, бытовой травматизм, естественные, случайные травмы и переломы в ходе повседневной деятельности, и маркеры стресса, например голодание или долгое пребывание на холоде.

В первую очередь следует понимать, что в древних обществах медицина и ритуал были неразрывно связаны друг с другом. Для обыденного сознания древнего человека не было разницы между амулетами, ритуальными танцами, верой в духов и лекарственным действием растений. Все это представляло из себя целостную картину и было неразрывно связано воедино.

В качестве источников по изучению медицины населения древнего Кавказа выделяется археология и антропология.

Археологический материал не богат на инвентарь, четко атрибутированный как медицинский. Здесь стоит выделить Эльхотовский могильник, относящийся к кобанской культуре, в котором были найдены пинцеты и скальпель [8, с. 45].

Развитие металлургии позволило производить специализированные инструменты. Вероятнее всего «скальпель» применялся в хирургических операциях на голове [7, с. 120].

Травмы черепа из Верхнего Кобана открывают другую часть повседневной жизни населения древнего Кавказа. Следы повреждений характерны для удара лезвием топора и молоточком на обухе.

На черепе сохранились следы заживления, что говорит о достаточно высоком уровне медицины. Вполне вероятно, что «скальпелем» производились надрезы, а пинцетом удалялись поврежденные ткани и осколки.

«Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, бронзовые пинцеты должны быть связаны с хирургической практикой (хотя не исключена и возможность их применения в бронзолитейном производстве)» [7, с. 122].

Находки глиняных курильниц со следами опиатов скорее всего указывают на их ритуальное применение, однако в это же время, опиаты использовались в качестве наркоза и обезболивающих средств. [1, с. 12; 3, с. 25].

В могильнике № 15 захоронен пожилой мужчина. Труположение отличается от остальных захоронений. Тело мужчины скрючено, ноги и руки прижаты к груди.

По материалам захоронений в Эльхотовском могильнике, можно судить о выделении врачей-знахарей из общей группы населения. Особый сопутствующий инвентарь, нехарактерный для других погребений выделяет могилы «знахарей». В них отсутствует характерные для воинских погребений оружие или бытовые инструменты [9, с. 206].

Помочь в изучении медицины населения Кавказа могут синхронные источники, например широко известные изображения скифов на Куль-Обской вазе.

В двух из четырех сцен, изображенных на вазе, обозначено «полевое» врачевание. Вероятнее всего это наиболее широко распространенные сюжеты, иначе они не были бы запечатлены.

Наиболее очевидным является сюжет с перевязыванием ран, один воин бинтует ногу другому. Антропология фиксирует на костях следы насильственного характера, что вполне характерно для воинских обществ раннего железного века.

Черепной и лицевой травматизм был достаточно высок, особенно среди мужчин, что указывает на высокий уровень агрессии и

насильственные способы решения вопросов. Поэтому неудивительно, что один из сюжетов на Куль-Обской вазе посвящен лечению зубов [6, с. 219–220].

Зубы также являются прекрасным источником для изучения, на большинстве мужских зубов замечены признаки холодового стресса. Это указывает на то, что человек долгое время находился на сыром, холодном, открытом ветренном пространстве.

Таким образом складывается следующий образ населения Кавказа в ранний железный век. Высокий уровень черепных травм традиционно является маркером воинской активности и повышенной агрессивности в обществе. Мужчины часто находились в тяжелых условиях военного похода, что отразилось на зубах, а повреждения черепов свидетельствуют о боевых столкновениях.

В условиях повышенной агрессии общества и постоянных военных конфликтах возникла потребность в специализированных врачах, в роли которых выступали «врачи-знахари», на примере погребения № 15. Выделение «врачей-знахарей» прослеживается на примере появления особого обряда погребения и сопутствующем инвентаре.

В качестве основных инструментов врачевания выступали «скальпели» и пинцеты. Можно предположить, что курильницы использовались не только в ритуальных целях, но и во врачевании. Как было сказано выше, в древних обществах не различалось врачевание и ритуальное действие, поэтому использование курильниц выглядит оправданно. В качестве анестезии и обезболивающих использовались опиаты.

Список литературы

1. Анфимов, Н.В. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа // Краткие сообщения института археологии. – М., 1955. – Вып. 58. – С. 31.
2. Гомер. Одиссея / пер. П. А. Шуйского. – Свердловск, 1948.
3. Дейвенпорт-Хайнс Р. В поисках забвения. Всемирная история наркотиков. 1500–2000. – М., 2004.
4. Домба М. Г. По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. – 92 с.
5. Лукин А. Л. Ешерская находка // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа. – Сухуми, 1956. – Вып. XXVII. – С. 98–145.
6. Пререва Е. В. Маркеры стресса у сарматов II–IV вв. н. э. из подкурганских захоронений нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. соц.-пед. ун-та, 2016. – № 8(112). – С. 218–230.
7. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977. – 238 с.
8. Чшиев В. Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы: материалы и исследования

по археологии России / отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. – М.: ИА РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 45–51.

9. Чшиев В.Т. Медицинские инструменты в кавказских древностях (по материалам кобанской археологической культуры) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – Вып. 3. – С. 205–209.

Е. В. Никуленкова

Комплекс ГТО – основной концепт массового сознания в годы предвоенных пятилеток

Здоровый образ жизни будущего поколения – это одна из самых актуальных проблем сегодняшнего дня. Каждая страна ждет будущего от своего нового поколения, которое будет здоровым, способным работать, защищать Родину, жить в соответствии с требованиями общества и своей индивидуальностью. Популярность физической культуры и спорта, его эмоциональная доходчивость делают ее удобным каналом для воздействия на массовое сознание, который нередко используется политическими силами в своих целях. Физкультурно-массовая работа играла большую роль в формировании патриотического сознания рабочего класса в годы предвоенных пятилеток, состояние которого имело особое значение, поскольку именно состояние духовных сил народа становилось одним из решающих факторов сохранения государством своей независимости в 30-е гг. XX в.

Работа по формированию патриотических компонентов массового сознания рабочего класса проводилась единой централизованной системой, включающей в себя государственно-партийные органы, общественно-политические и оборонные предприятия, средства массовой информации, образовательные, научные и культурные учреждения. Использовались всевозможные средства идеологического воздействия, результативность которого возрастала вследствие функционирования достаточно эффективного пропагандистского механизма [1, с. 56].

Проводимая идеологическая политика в предвоенное десятилетие претерпевала значительную трансформацию, которая проявлялась в возникновении синтеза революционно-интернациональной и традиционно-патриотической тенденции, в чем существенно отличалась от политики в предшествующее время. Изменение идеологических приоритетов в годы предвоенных пятилеток связано со многими факторами, одним из которых стало усиление фашизма. Требовалась максимальная мобилизация всех ресурсов нации, в том числе

морально-духовных сил и патриотических чувств всего народа. Значительную роль в формировании патриотического сознания рабочего класса в годы предвоенных пятилеток сыграла оборонно-массовая работа, которая включала в себя различные методы и формы.

Весомую роль в повышении обороноспособности страны играло спортивно-физкультурное движение. В апреле 1930 г. был учрежден Всесоюзный Совет физической культуры. В постановлении Президиума ЦИК СССР отмечалось, что «интересы обороны страны обязывают максимально использовать физическую культуру для укрепления боевой мощи Красной Армии, для военной подготовки трудящихся» [4].

Физкультурная работа ставилась на уровень общегосударственных задач, причем в подготовке физкультурных кадров приоритетное внимание уделялось военно-прикладным видам спорта. В постановлении бюро ЛГК ВКП(б) от 3 июля 1939 г. «О состоянии массовой физкультурной работы в Ленинграде» рекомендовалось развивать в первую очередь такие виды спорта, как стрелковый, лыжный, рукопашный бой, различные виды нападения и защиты, гимнастику, авто-, мото-, велоспорт и водный спорт [5.]

Оборонно-массовая работа осуществлялась общественными объединениями, среди которых особое значение предназначалось Союзу Обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР» (Осоавиахим), созданному в 1927 г. Силами Осоавиахима проводилась обширная пропагандистская деятельность, проводились занятия по противовоздушной и противохимической обороне на предприятиях, учреждениях и учебных заведениях.

Росту популярности физкультурного движения способствовало проведение большое количество массовых мероприятий: всесоюзных смотров, спартакиад, эстафет, пробегов, пешеходных кроссов с решением тактических задач, стрелковых соревнований, спортивных праздников, «месячников» боевой подготовки, парадов физкультурников [2, с. 124].

В марте 1931 г. был введен всесоюзный комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), который становится основой массового вовлечения граждан СССР в физкультурное движение. Очень быстро комплекс становится популярен: нормы ГТО сдавали в школах, колхозных бригадах, рабочими фабрик, заводов, проводились масштабные соревнования на звание Чемпионов комплекса ГТО по отдельным его видам.

Высокая идейная и политическая направленность комплекса ГТО, общедоступность физических упражнений, включенных в его нормативы, их очевидная польза для укрепления здоровья и развития навыков и умений, необходимых в повседневной жизни, делали

комплекс ГТО популярным среди населения и особенно среди молодежи. Носить значок ГТО было очень престижно [6].

В 1931 г. значкистами ГТО стали 24 тысячи физкультурников, в 1932-м -- 465 тыс. и в 1933 г. 835 тыс. физкультурников. К весне 1935 г. количество значкистов ГТО достигает 1,2 млн чел. [3; 4].

В зависимости от уровня достижений сдающие нормативы каждой ступени награждаются золотым или серебряным значком «ГТО», выполняющие нормативы в течение ряда лет – «Почётным значком ГТО». Для коллективов физкультуры предприятий, учреждений, организаций, добившихся особых успехов по внедрению комплекса ГТО, учреждается специальный знак отличия – «За успехи в работе по комплексу ГТО».

По мере того как комплекс ГТО все больше и больше становился общенародным делом, вносились коррективы и поправки в этот комплекс. Уже в 1932 г. появилась вторая, более сложная, ступень ГТО. В 1934 г. для подростков 13–14 и 15–16 лет были введены нормативы на значок «БГТО» – «Будь готов к труду и обороне». Сдача этих нормативов стала начальной ступенью всестороннего физического развития.

В целях дальнейшего улучшения системы физической подготовки трудящихся СССР 26 ноября 1939 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял постановление «О введении нового физкультурного комплекса „Готов к труду и обороне СССР"», в котором была усилена военно-прикладная направленность комплекса. Для сдачи нормативов нового комплекса вводились нормы обязательные и нормы по выбору. Всесоюзному комитету по физической культуре и спорту совместно с наркомпросами союзных республик и Комитетом по делам высшей школы предлагалось пересмотреть программы по физическому воспитанию во всех звеньях нашей системы образования: в начальных и средних школах, в техникумах и вузах на основе норм ГТО.

Только за 1938 и 1939 гг. нормы ГТО 1 и 2 ступени и БГТО («Будь готов к труду и обороне») сдают более 2,5 млн чел. Количество спортивных сооружений в стране увеличивается с 39 тысяч в 1936 г. до 83 тыс. к концу 1939 г. К этому же времени в стране действовало 62 тыс. физкультурных коллективов, объединявших 5 млн чел. В системе противовоздушной и противохимической обороны только за 1939 г. прошло обучение почти 8 млн чел. [6].

Комплекс «Готов к труду и обороне» стал не только основной советской системы физического воспитания ее программной и нормативной основой. ГТО являлся основным концептом массового сознания как в годы предвоенных пятилеток, так и на протяжении всего существования советского государства. Основная цель проводимых

мероприятий по формированию массового сознания заключалась в укреплении морального и духовного облика советских людей, гармонично и всесторонне развить их физические и нравственные качества, укрепить здоровье и повысить творческую и трудовую активность. Благодаря комплексу ГТО миллионы советских людей получили навыки маршевой, лыжной, стрелковой подготовки, плавания, метания гранат, преодоления водных преград и препятствий, что имело огромное значение в годы Великой Отечественной войны.

Деятельность централизованной системы по формированию патриотического сознания советского народа создали феномен патриотизма, сила и жизненность которого в полной мере были продемонстрированы в тяжелые годы Великой Отечественной войны и выразились в добровольно-массовом вступлении в ряды Красной Армии, в формировании народного ополчения, развертывании сопротивления на оккупированной территории.

Список литературы

1. Бойкова Т.Ю. Формирование патриотического сознания рабочего класса Ленинграда в годы предвоенных пятилеток // Гражданственность и патриотизм в процессе обучения и воспитания в учебных заведениях: всерос. науч.-практ. конф. 6 апр. 2007. – СПб., 2007. – С. 55–57.

2. Бойкова, Т.Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007 – 199 с.

3. Бюллетень ЦС Осоавиахима СССР. – 1935. – №3. – С. 4–5.

4. Правда. – 1938. – 11 нояб.

5. ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1891. Л. 6.

6. URL: <https://www.gto.ru/history>

И. А. Рябцев

Всеобщая перепись населения 1897 г. и этномиграционная структура Бессарабской губернии

Важным источником по истории здорового образа жизни в Российской империи является всероссийская перепись 1897 г.

Хотя проводившиеся различными институтами Российской империи исследования народонаселения носили преимущественно утилитарный характер, а их целью было накопление сведений для лучшего политического и экономического управления Бессарабией, данные, собранные таким образом, начали активно использоваться учеными, занимавшимися этнодемографией и смежными научными дисциплинами уже в XIX – начале XX в. [2; 8]. Ряд исследователей уде-

лял значительное внимание анализу процесса миграций в и из Бессарабии отдельных этнических групп, в том числе в XIX и XX вв. [3; 4]. Материалы статистических исследований приводились и в трудах, носивших, скорее, популяризационный характер, которые были написаны с целью познакомить читателей с Бессарабской губернией [6].

До середины 30-х гг. XIX в. население Бессарабии учитывалось двумя формами сбора сведений: единовременными переписями (переписи 1816–1817, 1820 гг. и др.), а также ежегодными административно-полицейскими исчислениями. Начиная с 1835 г., в Бессарабии появилась новая форма учета населения – народная ревизия. Ревизии проводились Центральным статистическим комитетом МВД (ЦСК) в 1835 (8-я), 1851 и 1854 (9-я) и 1858 (10-я) годах [5, с. 7–9, 97].

В 1897 г. в Российской империи была проведена первая в российской истории всеобщая перепись населения, прошедшая на научной основе. В ходе переписи опрашиваемые отвечали на вопросы, которые помогали выявить их национальность, место рождения, социальное положение, половозрастную структуру населения регионов. Опрос населения переписчиками был проведен и в Бессарабской губернии. Анализ полученных данных позволяет сделать некоторые интересные выводы.

Бессарабия в 1897 г. предстает перед нами территорией с весьма многонациональным населением. Значительной частью населения являлись молдаване – 920 тыс. чел. Но они составляли только 47,58 % процентов всего населения. За ними следовали представители славянских народов – более 653 тыс. чел., из которых выделяются малороссы (украинцы) – 380 тыс., русские – 136 тыс. и болгары – 103 тыс. Еще одной крупной этнической группой были евреи (269 тыс. чел.). Таким образом, они являлись третьими по численности среди национальных групп. Также выделяется значительная (свыше 60 тыс. чел.) группа немецких колонистов [7, с. 70–93]. Любопытно, что перепись не выделяет такую характерную для Бессарабии этническую группу, как гагаузы (вероятно, в опросе их не разделяли с болгарами и турками). Остальные этнические группы не превышают нескольких тысяч человек. Важно отметить, что большая часть населения Бессарабии (87,3 %) записала себя как родившихся в пределах ее территории. Это означает, что многонациональный характер Бессарабии существовал уже достаточно долгое время.

Интересно, что, несмотря на аграрный характер бессарабской экономики, процент людей, отнесенных к крестьянскому сословию, в Бессарабии составил «только» 72,3 %, что, как отмечали современники переписи, было значительно ниже, чем показатели, характерные для «великорусских губерний». Кишинев с его более чем 108 тыс. населения также считался в тогдашней России крупным городом. Тот

факт, что аграрная губерния с 84,8 % населения, проживавшего в сельской местности, считалась по стандартам тогдашней Российской империи успешно урбанизирующейся, много говорит о характере общества и экономики конца XIX в. [1, с. 73].

При этом хотя в губернии практически равное количество русских (или, как их обозначали в переписи, великороссов) проживало в городах (38089 – для мужского населения и 33532 для женского) и в сельской местности (45 095 – для мужского населения и 39058 – для женского), однако по уездам ситуация была значительно менее равномерной. В Кишиневском и Бендерском уездах городское русское население превышало сельское, причем в Кишиневском – весьма значительно (19 тыс. против менее чем 4 тыс.). Во всех остальных уездах в сельской местности проживало больше людей, причем зачастую значительно больше. Определенным исключением на этом фоне выглядит Измаильский уезд, где распределение между городским и сельским населением примерно соответствует общебессарабскому [7, с. 13]. В этой ситуации прослеживается определенная и достаточно любопытная тенденция: Кишинев и Бендеры – крупнейшие города Бессарабской губернии, а в Измаильском уезде было целых пять городов против одного в остальных. Это позволяет предположить, что значительная часть русского населения – это мигранты рабочих профессий или их потомки. Такие мигранты естественным образом стремились бы направиться в крупные города, где имеется больше возможностей для работы. Кстати, выявляющаяся в результате исследования переписи значительная гендерная диспропорция (преобладание мужчин над женщинами среди русскоязычных) служит подтверждением существования значительного миграционного притока русскоязычного населения, который был вызван в первую очередь именно потребностями в рабочей силе.

Конечно, существует и другое объяснение высокой концентрации русского населения в крупных городах. Оно касается высокой степени присутствия русского населения среди правящих классов [1, с. 131, 148]. Однако оно не исключает первого, а, скорее, является взаимодополняющим.

Одним из важных аспектов переписи 1897 г. была таблица с данными о приезжих – как из других губерний Российской империи, так и из-за границы. Самая большая концентрация переселенцев обнаруживается в Кишиневе, что достаточно естественно для крупного города. Интересным является факт наличия в Кишиневе большого количества выходцев из Варшавской и Самарской губерний. В обоих случаях в материалах переписи обнаруживается свыше тысячи мужчин, в то время как количество женщин только 103 из Варшавской и

64 из Саратовской губернии [7, с. 32–39]. В случае с Варшавской губернией можно предположить как перевод ссыльных, так и части городского пролетариата (которого должно было быть много в Варшаве – одном из крупнейших, промышленно развитых городов Российской империи). Причина же столь высокой концентрации в Кишиневе конца XIX в. выходцев из Самарской губернии остается загадкой, хотя, возможно миграция оттуда была вызвана неурожаями и голодом. Практически на всех территориях среди приезжих преобладали мужчины, что также вполне объяснимо, поскольку мужчины легче меняют место жительства в поисках работы.

Согласно данным переписи, наибольшее количество мигрантов прибыло из Херсонской, Волынской, Подольской и Киевской губерний, расположенных недалеко от Бессарабии. Можно достаточно обоснованно предположить, что большая часть из этих мигрантов была украинцами по национальности. Хотя довольно значительная часть из них могла быть евреями, поскольку данные области входили в «черту оседлости», а дело происходило задолго до печально знаменитого кишиневского погрома 1903 г.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что всеобщая перепись населения 1897 г. остается ценнейшим источником сведений по демографической ситуации в Бессарабской губернии конца XIX в. Даже этот краткий экскурс позволяет понять, что, несмотря на длительную историю исследования этнодемографической ситуации в Бессарабии, в этнической структуре губернии и особенностях миграционных процессов остается значительное количество интересных вопросов, ждущих дальнейшей разработки. А всеобщая перепись населения 1897 г. неизбежно будет служить в этом ценнейшим подспорьем.

Список литературы

1. Абакумова-Забунова Н. В. Русское население городов Бессарабии XIX в. – Кишинев: Bussines-Elita 2006. – 509 с.
2. Берг Л. С. Бессарабия. Страна – люди – хозяйство. – Кишинев: Universitas, 1993. – 196 с.
3. Брик Е. История евреев Молдовы. – Кишинёв: Valacron, 2017. – 192 с.
4. Грек И. Ф., Руссев Н. Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». – Кишинев: «Stratum plus», 2011. – 142 с.
5. Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Поднепровья в XIX в. – Кишинев: Штиинца, 1979. – 288 с.
6. Крушеван П. А. Бессарабия. – М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. – 520 с.
7. Первая всеобщая перепись населения в Российской империи 1897. – Т. 3. Бессарабская губерния. – СПб.: Изд-во центр. стат. комитета, 1905. – 277 с.
8. Сорока П. П. География Бессарабской губернии. – Кишинев: Тип. А. Попова, 1878. – 177 с.

Положение официантов в России в конце XIX – начале XX в.*

- Белорубашечники. – Половые. – Шестерки... Их прозвания.
- Почему шестерки?
- Потому что служат тузам, королям и дамам... И всякий валет даже червонный им приказывает... [3, с. 62].

По характеру деятельности прислуга делилась на две группы: специализированная и неспециализированная [2, с. 345]. Мужская специализированная прислуга была представлена поваром, швейцаром, кучером, лакеем, официантом, извозчиком, дворником, дворецким и т.д. [1, с. 265]. В данной статье речь пойдет об официантах.

Становление в профессии официанта начиналось с детского возраста. Из деревни в город мальчиков привозили родители, которые и заключали с трактирщиками контракт на выучку (условия были разные, в зависимости от ресторана или трактира и хозяина), лет на пять. Семья с молодых лет пыталась пристроить их, во-первых, с тем, чтобы освободиться от лишнего рта, а, во-вторых, найти себе поддержку в денежных расходах по хозяйству, т. к. земля денег не давала [5, с. 30; 8].

Сначала мальчика ставили на год в судомойки, потом «если найдут его понятливым», переводили в кухню. Там его знакомили с едой, меню и подачей на стол. Ещё через полгода на мальчика надевали белую рубаху. С этого момента и примерно в течение четырех лет он состоял в подручных – приносил с кухни блюда, убирал со стола посуду, учился принимать заказы. На пятом году уже полноценно служил в зале [3, с. 62–63].

В реальной жизни положение было таким: с 10 до 11 лет деревенского мальчика отдавали в «житейскую школу официантской профессии». С самого начала, под руководством старших, учился воровству и обману, чтобы разными способами «зашибать в свою пользу копейку». При таких условиях, от прежнего деревенского мальчика, «не испорченного и честного», разумеется, не оставалось и следа. К 16–17 годам – «полный отшибатель», который пьет, курит, ведет беспорядочную половую жизнь. С 17–18 лет, зачастую, юноши попадали в притоны. Их занятиями становились кражи с взломом и присвоение

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00297.

чужой собственности. Дальше их ждал суд и тюрьма, «и на всю жизнь они остаются барахтаться в пагубном омуте разврата». Снова в профессию возвращались только те, кому удавалось встать на путь исправления [5, с. 28, 100].

Основной причиной этого считался голод и борьба за выживание. Чтобы общественность заинтересовалась жизнью официантов, некоторые писали открытые письма в газеты. Именно из них мы и узнаем о бытовых условиях. Например, из письма запасного взводного унтер-офицера, официанта ресторана Матвей Тордесева: «один известный отель берет ежедневно 40 коп. с человека. В кофейных известного предпринимателя взыскивают с нас 5 коп. с торгового рубля. В трактире г. П. хозяин снимает квартиру для половых за 22 р. 50 к., а с половых взимает 25 р., да еще набивает туда поваров, мужиков и мальчиков.

При таких поборах, вы бы посмотрели, как нас кормят и где мы обедаем: редко где есть какая-либо столовая, а то просто в судомойной в грязи, кто стоя, а кто с грехом пополам присел. Мясо для нас варится такое, что ни одна порядочная собака не будет есть; щи отворотительного и черного вида. Только чаем да куском хлеба и дышим. А работа непрерывная, даже забыли что такое церковь Божия». В другом письме говорилось, что при буфете на вокзале Московско-Брестской железной дороги официанты работают без отдыха по 18 ч 30 мин в сутки, с 06.00 до 00.30; в течение этого времени получают только обед, состоящий из одних щей, ужина нет [5, с. 8–9, 36]. Из-за невыносимых условий труда и проживания профессиональной болезнью официантов считалась чахотка [5, с. 58].

В начале XX в. в России стали организовывать профессиональные артели [7] и Общества взаимопомощи официантов и других служащих во всех заведениях трактирного промысла. Официанты и служащие своим хозяевам предъявляли следующие требования, которые лучше всего доказывают, насколько тяжелы были условия их быта [6, с. 12–13]: 1) введение свободного дня в неделю и одного месяца в году для каждого служащего в трактирных заведениях; 2) освобождение от всяких работ, не касающихся специальности и прямых обязанностей служащих; 3) полное освобождение от ночных дежурств; 4) отмена всяких поборов за хозяйское имущество и отмена залогов; 5) отмена всяких штрафов; 6) в случае неуплаты посетителями ресторана за выпитое и съеденное, отвечает хозяин заведения; 7) обязательное жалованье для каждого служащего и установление минимума заработной платы; 8) обеспечение «приличной» комнатой; 9) выдача столового содержания деньгами или продуктами; 10) никто не может быть уволен без уважительной причины; 11) хозяин не имеет права вмешиваться в личную жизнь служащих и касаться поступков их, не касающихся их служебной деятельности; 12) в случае

увольнения без уважительной причины, хозяин заведения уплачивает жалованье вместе с кормовым за месяц вперед; 13) в случае заболевания каждый сохраняет за собой место и полное содержание в течение месяца или двух; 14) организация корпоративного суда чести; 15) третейский суд при недоразумениях между служащими и хозяином; 16) вежливое обращение со стороны хозяев, администрации трактирного заведения и посетителей; 17) рабочий день не должен превышать 12 часов в сутки, включая 2 часа на обед, ужин и чай, выходной и месячный отпуск в году определяется взаимным соглашением самих служащих, однако без ущерба торговле в трактирных заведениях; 18) не допускаются обыски и пропуски, запрещение носить очки или пенсне, или требования брить усы или бороду; 19) не допускается назначение хозяевами старост; 20) условия найма должны быть изложены в письменном договоре за подписью обеих сторон; 21) содержание распорядителя трактирных заведений, мальчиков, посудник производится за счет хозяина, а не за счет официантов; 22) не увольнять служащих за привлечение ими посетителей к ответственности за оскорбление и самоуправство; 23) отвести помещения, отвечающие санитарным условиям, для столовой служащих и особое помещение для хранения ими своего верхнего платья.

Эти требования были подписаны некоторыми хозяевами, но на деле не исполнялись, кроме подачи жалованья 3 рубля (в 3–4 ресторанах). Причём за эти 3 рубля у официантов прибавилось материальной ответственности: за пропажу разного рода хозяйских вещей, за бой посуды, порчу серебра, мельхиора и белья [6, с. 9].

Изучая доклад «О пользах хозяев и нуждах служащих» Л.Т. Ковалевского, можно сделать вывод, что ещё одной «бедой» прислуги, и официантов в частности, было, помимо произвола хозяев, «... не солидарности, вражды, невежества, пристрастия к вину и эгоизма самих служащих, преследующих, также, как любой хозяин, свою личную выгоду...» [6, с. 3]. Под «эгоизмом служащих» Ковалевский понимал конкуренцию, «чем больше безработных, тем лучше хозяевам и тем хуже служащим на местах, которым приходится согласиться на всякие хозяйские условия лишь бы их места не заняли конкуренты – безработные, как постоянные кандидаты на постоянную службу» [6, с. 3].

Подводя итог можно сказать, что положение официантов в конце XIX – начале XX в. почти не отличилось от крепостной зависимости: отсутствие гуманного обращения со стороны хозяина ресторана / трактира и посетителей заведений; 16–18 часовая рабочая неделя; низкая заработная плата; взимание содержания ресторанами крупных залогов; совершенная беспомощность во время безработицы и болезни, антисанитарные условия проживания и т.д.

Профессия официанта была удобна для родителей и трактирщиков, так как первые избавлялись от лишнего рта в семье и имели от

этого какую-то копеечку, а вторые получали дешевую рабочую силу, которая находилась в полной зависимости от своего хозяина. И только начинающему ребенку-официанту не было пользы от такого раннего туда. И со временем они пополняли маргинальные слои общества. Данное положение вещей было очевидным для общественности, но их деятельность почти не давала результатов.

Список литературы

1. Верременко В.А. Гендерная характеристика домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.: к постановке проблемы // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭР РАН, 4–7 окт. 2012 г. – Тверь. М.: ИЭР РАН, 2012. – Т. 1. – С. 264–267.

2. Верременко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Память о прошлом – 2017: материалы и доклады VI ист.-архив. форума, посвящ. 100-летию революции 1917 г. в России / сост. О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. – Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. – С. 344–349.

3. Гиляровский В.А. Москва и москвичи: воспоминания. М.: Всерос. союз поэтов, 1926. 126 с.

4. Годовой отчет Московского общества взаимопомощи официантов и другой гостиничной и трактирной прислуги. 1902–1903 г. – М.: Тип. М. Борисенко, 1904. – 52 с.

5. Гордеев М.Г. Сборник писем и статей о положении официантов и половых и на каких условиях они служат у своих хозяев. – М.: Тип. Филатова, 1905. – 160 с.

6. Ковалевский Л.Т. О пользах хозяев и нуждах служащих (доклад, заслушанный 24 ноября 1908 г. общим собранием Московского Общества Взаимопомощи официантов и других служащих во всех заведениях трактирного промысла). – М.: Тип. С.А. Кинеловского, 1908. – 55 с.

7. Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начала XX в. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // XIX Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 21–22 апр. 2015 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, Л.М. Кобриной. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 62–69.

8. Синова И.В. Городская среда и детские девиации во второй половине XIX – начале XX в. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Курган: ООО «Курганский дом печати», 2015. – С. 543–551.

Т. И. Сидненко

Культура здоровой личности как парадигма образования. История и современность

Особенности эволюции российского общества в начале XXI в. predeterminedили иное видение функционирования системы образования. Появились новые тенденции в организации структуры и в принципах построения системы образования. В этой исторической

фазе начался этап, когда культура здорового образа жизни стала неотъемлемой частью понимания культуры образования и одним из главных факторов развития общества. Фундаментальным становится понятие «культура здоровой личности». Предложенный отечественными исследователями интегративный подход к осмыслению здоровья человека позволяет рассмотреть не только соматический и психический аспекты его здоровья, готовность к адаптации в условиях воздействия социальной среды, особенности мировоззрения, но и «способность к делу» как результат единства двигательных, интеллектуальных и личностных качеств человека [1].

Результаты нашего многолетнего исследования специфики воздействия пропаганды «нового понимания здоровья» в обществе, опираясь на труды отечественных историков, педагогов XIX – начала XX в., позволили сделать вывод о неоднозначном отношении общества к интегральным технологиям формирования личности. Важно понимать, что несмотря на пропаганду здорового тела и здоровьесберегающей деятельности, вне рамок комплексного формирования личности, включающей патриотическое воспитание, уважение к истории и культуре страны, это не способствует воспитанию толерантного отношения к окружающим, нарушает право выбора человеком стиля своей жизни, ориентирует на внешнюю красоту, стройность и подтянутость тела при игнорировании не менее важных признаков «здоровья личности» – здоровья когнитивного, здоровья интеллектуального.

Хотелось бы обратить внимание на тенденцию усиления социокультурных исследований в сфере гуманитарных дисциплин в XXI в., что обусловлено антропоцентрической направленностью исторического процесса. Подробный анализ научных концепций и опыта их воплощения П. Г. Виноградовым, Н. И. Кареевым, М. М. Ковалевским, П. Н. Милюковым, А. С. Лаппо-Данилевским, Д. М. Петрушевским, позволил не только подтвердить положение об определяющей роли названных ученых в развитии исторической науки России в конце XIX – начале XX в., но и сделать вывод о ценности их научно-теоретического и практического опыта в сфере реформирования системы образования [2]. В рамках настоящей статьи наиболее интересными становятся представления ученых о роли личности в истории, науке, обществе, представления о правовой культуре, правосознании в обществе и национальном самосознании, методике преподавания гуманитарных дисциплин, понятия «здоровая личность». Опыт интенсивных методологических исканий отечественных историков конца XIX – начала XX вв. представляет значительный интерес и потому, что при всем своем теоретическом своеобразии они перекликаются с процессами в современной исторической науке [3]. Историки подчеркивали

творческую роль государства и личности как в историческом развитии, так и в системе образования. В заметке А. С. Лаппо-Данилевского от 18 февраля 1905 г.: «Сила государства прежде всего в возможно большей общности убеждений, достижение которой тесно связано со свободой слова; сила государства в той опоре, которую правительство должно искать и находить в обществе; сила государства в сознании граждан, что они вместе с правительством служат своей родине и что у них есть обязанности по отношению к своему народу» [4].

В современной программе гуманитарного образования, в свою очередь, обращается особое внимание на идейно-теоретическую значимость гуманитарных дисциплин, главным образом истории, философии, правоведения в плане формирования патриотических позиций у молодежи, формирования «исторически здорового человека», принявшего ценность человеческой жизни и культуру здоровья как лично значимый принцип и установку к действию. Возрастает актуальность подготовки педагогов к формированию в образовательных организациях здоровьесберегающего пространства, обеспечивающего приобщение молодежи к ценностям и практикам здорового образа жизни на примере жизнедеятельности известных исторических личностей, на примере интересных фактов истории о культуре здоровой личности. Без комплексного восприятия здоровьесберегающих технологий и вариативных подходов к их трансляции невозможно сформировать осознанный выбор соответствующего образа и стиля жизни для сохранения здоровья человека и его социализации.

Подводя итоги, отметим значимость актуализации в разработке категории «здоровый образ жизни» не только медико-биологического, но и психолого-педагогического, историко-культурного направления, что свидетельствует о сложности изучаемого феномена и невозможности однозначного определения понятия «здоровый образ жизни». Актуальной представляется историко-социальная и психолого-педагогическая интегративная парадигма здоровья в условиях формирования превентивной педагогической системы воспитания в образовательных учреждениях. Данный подход будет содействовать реализации потребностей общества в сохранении и развитии социально здоровой личности; потребностей личности в реализации стремлений к здоровому образу жизни; социальной необходимости создания условий реализации личных стремлений и защиты от склонности к проявлению деструктивного поведения.

Список литературы

1. Новикова И.М. Вариативные подходы к проблеме здорового образа жизни // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 5. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=21593> (дата обращения: 19.04.2019).

2. Сидненко Т.И. Либерально-историческая мысль в России на рубеже XIX–XX вв. – СПб.: Нестор, 2004. – 322 с.; Она же. Идеино-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX – начала XX вв. – СПб.: Нестор, 2006. – 248 с.; Она же. Либеральное направление отечественной историографии в конце XIX – начале XX веков. – СПб.: Элексис Принт, 2007. – 380 с.

3. Романов К. Заметки о культурно-антропологическом подходе в философии образования // ALMA MATER. Вестник высшей школы. – 2006. – № 1. – С. 12–13; Сидненко Т. И. Идеино-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX–XX вв. – СПб.: Нестор, 2006. – С. 5–32.

4. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 113. Оп. 1. Д. 323. Л. 2; Оп. 2. № 62. Л. 1 об. – 2.

5. Kerner R. J. Slavonic studies in America // The Slavonic review. 1924. Vol. III. № 8. P. 24.

6. Ульянова И.В. Гуманистическая педагогическая парадигма: история и современность (XVII – начало XX в.) // Междунар. журн. психологии и педагогики в служебной деятельности. – № 1. – 2016 – С. 109–118.

С. Н. Травкин

История монетной чеканки на Днестре в Средние века и Новое время (нумизматика, политика, образ жизни)

Земли в бассейне Днестра в Средние века были окраиной сразу нескольких цивилизаций. Данная ситуация сохранялась и в Новое время. Пограничное положение отразилось и на монетной чеканке. В результате политических переворотов, природных и военных катастроф монетная чеканка в бассейне Днестра была весьма нестабильной и кратковременной. Одновременно на выпуск монет в рассматриваемом регионе влиял образ жизни населения Восточной Европы.

Первый «всплеск» производства монет в бассейне Днестра пришелся на вторую половину XIV в. и был связан с джучидами.

В XIII и XIV столетиях нижнее течение Днестра находилось под контролем Золотой Орды. Данная территория была западной окраиной государств Чингисидов [3, с. 394–395: карта]. Однако в конце XIII в. на западе Орды собственная монетная чеканка возникла только на нижнем Дунае. Достоверная информация о выпуске денежных знаков на нижнем Днестре отсутствует.

В середине XIV в. на среднем Днестре наблюдался резкий взлет урбанизации. Согласно гипотезе, предложенной Н.Д. Руссовым, возникновение золотоордынских городов на Днестре было обусловлено эпидемией чумы на Волге [7].

В 1360-е гг. в городе Шехр ал Джедид была выпущена серия джучидских монет. Второе название города, известное на монетах, Янги Шехр. Среди них представлены серебряные дирхемы и медные

пулы. Существует несколько гипотез о месте расположения этого золотоордынского города [10, с. 195–200; 9, с. 151–152]

Одна из наиболее распространенных в современной нумизматической историографии теорий связывает географию чеканки монет Шехр ал Махруса (Шехр ал Джедида) с бассейном Днестра [4, с. 56–64].

Одновременно с чеканками Шехр ал Джедида на территории Бессарабии были выпущены медные пулы «типа Костешты Гырля 1–2». Время и точное место выпуска этих монет остается неясным [6, с. 146–148].

Рассматриваемые монеты Золотой Орды были оформлены согласно правилам мусульманской нумизматики. На них отсутствовали изображения живых существ, надписи были сделаны арабским шрифтом, даты указаны согласно Хиджре.

Чеканка дирхемов Шехр ал Джедида продолжалась до 770 г. Хиджры, т. е. до 1369 г. от Р.Х. [11, с. 197–200].

Прекращение выпуска монет в Шехр ал-Джедиде можно связать с отступлением Золотой Орды на восток.

После прекращения чеканки монет Золотой Орды в бассейне нижнего Днестра последовал короткий перерыв.

Возобновление выпуска монет там произошло в XV столетии под властью Молдавского средневекового княжества. В городе Четате Албе (Аккерман, Белгород на Днестре) были выпущены местные монеты. Надписи на них были сделаны на латинице, а изображения соответствовали традициям молдавской средневековой нумизматики [1, с. 180–185].

Данная группа нумизматических материалов относится к Христианской цивилизации Западной и Центральной Европы.

Хронология чеканки молдавских монет на нижнем Днестре остается спорной. Однако верхнюю дату их чеканки можно примерно определить по событиям политической истории края.

В 1484 г. турецкие войска взяли штурмом молдавскую крепость на нижнем Днестре, которая на несколько столетий превратилась в опору османского владычества на берегах Черного моря – Аккерман. [2, с. 104–105].

В XV столетии самостоятельная монетная чеканка в бассейне Днестра исчезает на длительный срок. Возобновление ее произошло только во второй половине XVIII в. при весьма неожиданных обстоятельствах.

В 1768–1774 гг. разгорелась очередная Русско-турецкая война. В 1769 г. русские войска взяли штурмом турецкую крепость Хотин на территории Северной Буковины. В результате этого бассейн верхнего течения Днестра стал тыловым районом наступающей на юг русской армии.

Война была победоносной, но потребовала мобилизации всех ресурсов Российской империи, в том числе финансовых. Русская армия была вынуждена частично снабжаться за счет местных ресурсов. Однако на территории Молдавского княжества в повседневном обращении преобладали монеты Османской империи, Священной Римской империи германской нации и других Европейских государств [5, с. 230].

Все эти монеты существенно отличались по своему оформлению от наиболее распространенных номиналов Российской империи. В результате этого на верхнем Днестре в местечке Садогура была выпущена серия бронзовых монет, получивших в нумизматической литературе «молдаво-валашских». Они имели двойное обозначение номинала: русский – в деньгах и копейках и местный (османский) – пара (2 пара – 3 копейки). Чеканка данной группы нумизматических материалов была прекращена после окончания Русско-турецкой войны [8, с. 430].

На основании рассмотренных материалов можно сделать вывод о том, что монетная чеканка в бассейне Днестра в Средние века и Новое время делилась на три четко ограниченных периода. Каждый из этих хронологических отрезков был обусловлен событиями, происходившими за пределами региона.

Список литературы

1. Беляков А.С. Медные монеты Белгородской чеканки середины XV в. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев: Штиинца, 1990. – С. 180–185.
2. Гонца Г.В. Общие и особенные черты в положении Молдавии и стран Балканского полуострова в системе господства Османской империи (до конца XVI в.) // Молдавский феодализм: общее и особенное (история и культура). – Кишинев: Штиинца, 1991. – С. 94–130.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1992. – 512 с.
4. Дружинин Е.Г., Петров Е.П. Данги Йанги шехра ал-Махруса 765–770 / 1363–1369 гг. // Нумизматика Золотой Орды. – № 6. – Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 56–65.
5. Нудельман А.А. Монетные клады XVIII – начала XIX вв. в Днестровско-Прутском регионе // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. – Кишинев: Штиинца, 1990. – С. 227–263.
6. Полевой Л.Л. Материалы из раскопок и сборов на поселении Костешты-Гырля (1946–1959) // Далекое прошлое Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1969. – С. 146–161.
7. Руссев Н.Д. На грани миров и эпох: города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. – Кишинев: Высшая Антропологическая школа, 1999. – 238 с.
8. Семенов В.Е. Монеты России 1700–1917 годов. Базовый каталог. – СПб.: КОНРОС-ИНФОРМ, 2015. – 704 с.
9. Сидоренко В.А. Ханы Мамаевой орды и город Янгишехр // Исторический опыт межнационального и межконфессионального соглашения в Крыму. – Симферополь, 1999. – С. 149–155.

10. Янина С.А. «Новый город» (Янги – Шехр = Шехр ал - Джедид) – монетный двор Золотой орды и его местоположение // Труды ГИМ: нумизмат. сб. – Ч. 5. – Вып. 1. – М.: Наука, 1977. – С. 193–218.

11. Nicolae E. Quelques considerations sur les monnaies tataras de “la Ville Neuve” (Yangi – sehr/Sehr al – cedid) / E. Nicolae // Studii și cercetari de Numismatica. – V. XI. (1995). – București: AR, 1997. – С. 197–200.

П. С. Чуракова

Спортивные общества в Стрельне в конце XIX – начале XX в.: общество велосипедистов-любителей и парусный кружок

На рубеже XIX–XX вв. в России началось активное развитие профессионального и любительского спорта. Значительное влияние на это оказали буржуазные реформы второй половины XIX в., одним из следствий которых стала демократизация спорта, превращение его из исключительно аристократического занятия в деятельность, доступную средней и мелкой буржуазии, представителям разночинной молодежи. Также привлечению внимания к спорту содействовала отечественная интеллигенция (А.П. Чехов, В.Л. Гитляровский, В.Ф. Краевский, И.Я. Герд, Е.А. Покровский, П.Ф. Лесгафт и др.), которая уже в 1870-х гг. начала борьбу за улучшение физического развития детей и молодежи, публикуя статьи на эту тему, разработки научно-методических основ физического воспитания и создавая площадки для занятий играми и спортом [4, с. 51–56]. К концу XIX в. во многих городах России уже сложилась довольно организованная система разнообразных спортивных обществ и клубов.

Одним из наиболее популярных центров спортивной жизни в окрестностях Петербурга в это время была Стрельна, главным образом, благодаря деятельности Стрельнинского общества велосипедистов-любителей и Стрельнинского парусного кружка.

Стрельнинское общество велосипедистов-любителей было создано 11 июля 1893 г. с целью «служить центром для сближения обитающих в Стрельне и ее окрестностях велосипедистов-любителей, в виду содействия распространению употребления велосипеда, как удобного и приятного средства передвижения» [7, с. 3]. В дополнение к этому общество стремилось распространять и другие виды спорта, в том числе гимнастику, лаун-теннис, футбол, крикет и фехтование. Для достижения этих целей общество устраивало в Стрельне разнообразные публичные упражнения и состязания в оборудованных и огражденных для того местах [7, с. 3–4]. В частности, на циклодроме, построенном в 1894 г. на территории стрельнинской немецкой Нижней колонии, а именно на пересечении Новонарвского и Волхонского шоссе [6, с. 34]. Циклодром представлял собой «асфальтовый трек

<...> в $\frac{1}{3}$ версты (около 350 метров – П.Ч.) с очень крутыми виражами, поднимавшимися к наружному краю под углом около 30° и двумя трибунами» [3, с. 31]. Стрельнинский циклодром привлекал к себе довольно много внимания, особенно в летнее время, когда некоторые спортивные клубы Петербурга переносили свою деятельность в Стрельну. К ним относился, например, Петербургский кружок любителей спорта, одна из наиболее сильных спортивных команд в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX в. Этот кружок устраивал в Стрельне как велогонки, так и атлетические соревнования [2, с. 308]. И хотя в Стрельне «не было такого спортивного духа, как в Царскосельском кружке, <...> гонки проходили всегда с большим интересом и собирали немало зрителей» [3, с. 31].

В самой Стрельне передвижение на велосипедах было ограничено правилами: строго воспрещалось езда по тротуарам, аллеям и другим путям, которые предназначались для пешеходов, а разрешение на движение велосипедистов по улицам поселения, садовым и парковым дорогам, площадям зависело от усмотрения местного губернатора [7, с. 4]. Существовали и другие правила, которые неукоснительно должны были исполняться членами общества. В том числе они касались вступления в общество. В состав общества не допускались лица моложе двадцати одного года; «профессиональные велосипедисты»; лица, «опороченные по суду», или «исключенные из какого-либо другого спортивного общества»; учащиеся; лица, «состоящие на действительной военной службе, нижние чины и юнкера»; «лица женского пола» [7, с. 8]. Кроме того, все члены общества при выездах на велосипеде всегда должны были иметь при себе значок общества, крепившийся либо на рукаве верхней одежды, либо на головном уборе [7, с. 24].

Стрельнинское общество велосипедистов-любителей к началу XX в. стало третьим по величине обществом велосипедистов в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Члены этого общества А.М. Фокин и Д.Д. Маршалов завоевали соответственно звания первого ездока России и «лучшего ездока окрестностей Петербурга» [3, с. 30–31].

Стрельнинский парусный кружок был основан в 1893 г. как Стрельнинское отделение Санкт-Петербургского парусного клуба. При нем в июле того же года была открыта спасательная станция местного Правления Императорского Российского общества спасения на водах [5, с. 38]. В 1907 г. Стрельнинский парусный кружок был преобразован в самостоятельный клуб [1, с. 14]. Как и Санкт-Петербургский парусный клуб, кружок в Стрельне ставил своей целью оказание содействия «развитию и усовершенствованию парусного спорта и сближению между собою любителей этого спорта» [8, с. 5]. Для реализации этой цели кружок организовывал различные гонки и

плавания, в том числе состязание рыбацких сойм-судов на Стрельнинском рейде в день Святой Троицы [1, с. 12]. Награды в этой гонке давались не только за время прибытия к финишу, но и за лучшее вооружение и содержание соймы [2, с. 471]. Это состязание стало своеобразной стрельнинской традицией, праздником для профессиональных рыбаков южного побережья Финского залива.

Для вступления в Стрельнинский парусный кружок существовали определенные ограничения: членами клуба не могли быть «несовершеннолетние, за исключением имеющих чины»; «воспитанники учебных заведений»; лица, «состоящие на действующей службе, нижние чины и юнкера»; лица, исключенные из числа членов данного клуба или других клубов, кружков и сообществ; лица, «отказавшиеся от звания члена Клуба и возвратившие свои билеты»; лица, «неправоспособные или подвергшиеся ограничению прав по суду» [8, с. 8]. Лица женского пола могли участвовать в гонках. Наряду с этим существовали и правила, связанные с дресс-кодом. Почетные, пожизненные и действительные члены общества при выездах на лодках должны были носить двубортный пиджак темно-синего (или белого) цвета с черными (или соответственно белыми) костяными пуговицами; жилет из той же материи; темно-синие брюки; темно-синюю фуражку с черной шелковой тесьмой и прямым кожаным козырьком; темно-синее двубортное пальто. Кроме того, были введены знаки отличия среди должностных лиц: им присваивались черные шелковые узкие нашивки вокруг обшлага рукавов, например, почетному командиру – четыре, командору – три, вице-командору – две [8, с. 28–29].

Деятельность Стрельнинского парусного кружка в определенной мере способствовала возрождению промыслового и любительского мореходства в Стрельне, пробуждая к ним интерес и поощряя их. Любительское хождение на веслах и под парусами в Стрельне также популяризировалось за счет устроенной на стрельнинской пристани лодочной станции [6, с. 36].

Оба общества в конце XIX – начале XX в. были не только основой спортивной жизни в Стрельне, но и оказывали достаточно существенное влияние на развитие социокультурной жизни и благосостояния Стрельны в целом. В том числе они содействовали появлению здесь новых форм проведения досуга: театральных мероприятий, собраний, музыкальных и танцевальных вечеров, модных балов на роликовых коньках и др. Все это вносило довольно большое разнообразие в дачную жизнь Стрельны и способствовало привлечению сюда многочисленной публики из Санкт-Петербурга и его окрестностей. Это, в свою очередь, приводило к увеличению дачного общества Стрельны и утверждению за ней статуса одного из самых популярных дачных мест в околостолличном регионе.

Список литературы

1. Вареник О. П. Пять веков мореплавательных традиций Стрельны и столетние беды Стрельнинского Парусного клуба. – СПб.: Музей «Морская Стрельна» Санкт-Петербургское общество ревнителей истории Стрельны, 2008. – 50 с.
2. Глезеров С.Е. Модные увлечения блистательного Петербурга: кумиры. Рекорды. Курьезы. – М.; СПб., 2009. – 622 с.
3. Панин-Коломенкин Н.А. Страницы из прошлого. Воспоминания спортсмена. – М.: Физкультура и спорт, 1951. – Т. 1. – 214 с.
4. Петракова В.Е. Основные тенденции развития спорта в России в конце XIX века: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04. – М., 1999. – 135 с.
5. Санкт-Петербургский парусный кружок. Отчет за 1893 год. – СПб., 1894. – 58 с.
6. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом, [1810–2010]: (200-летию основания посвящается): каталог образовательной выставки / сост. и науч. ред. И.В. Черказьянова. – СПб., 2010. – 79 с.
7. Устав общества стрельнинских велосипедистов-любителей: утв. 10 марта 1894. – СПб., 1894. – 24 с.
8. Устав С.-Петербургского парусного клуба: утв. 26 фев. 1898. – СПб., 1898. – 35 с.

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

О. С. Макарова

Патриотическая пропаганда в периодических изданиях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Любая власть обладает возможностями для повышения своей легитимности, если оказывает влияние на сознание и поведение социальных групп для формирования определенного общественного мнения. Классическим примером является СССР в годы Великой Отечественной войны, где литературные произведения являлись средством достижения легитимности правящей коммунистической партии. В июне 1941 г. Великая Отечественная война резко обострила интерес советских людей к военной литературе. Все произведения этого периода создавались с целью показать захватнический характер войны и освободительную миссию советского правительства. Духовная жизнь страны в экстремальных условиях продолжала развиваться. Деятели культуры издавались с пометкой «Молния». Литература военных лет являлась сильным оружием в борьбе против нашествия иноземцев.

Основными врагами считались – немцы, фашисты и их союзники. Эти образы порождали соответствующие стереотипы в массовом сознании народов России. В пропагандистской риторике 1941–1945 гг. гитлеровцам были присущи исключительно отрицательные характеристики: злые, аморальные, бесчеловечные. Произошло деление людей на два мира. Первый – мир хороших и добрых людей, второй – мир «нелюдей».

Крайне важную роль в литературной пропаганде играли образы «пленных». В произведениях искусства их представляли в качестве предателей или изменников. Также им присваивали характеристики трусливых, ничтожных людей, которые заслуживают жестокой расправы. Сдача в плен – это преступление и нет этому никаких оправданий. Клеймо «пленник» распространялось и на родственников. Советская власть, создавала и себе образ «наставника» – исключительно привлекательный. Руководство СССР думает о будущей судьбе страны и русского народа!

Освещением боевой жизни занимались советские писатели: К.М. Симонов, Н.А. Тихонов, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, К.А. Федин, М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург и многие другие. Неоспоримым вкладом в общую литературную копилку являлся труд А.Т. Твардовского «Василий Теркин». Произведение создавалось по частям, каждую новую

главу отдельным тиражом отправляли на фронт. Поэму печатали в виде отдельных брошюр. Главного героя полюбил советский народ, многие строфы из этого творчества стали поговорками.

Война заставляла задуматься об истории России, поэтому стали публиковаться тематические сборники и избранные труды В.И. Ленина. В СССР велась самая жестокая и агрессивная этническая пропаганда. И.Г. Эренбург написал ряд статей, например «Убей Немца». Советского автора читали и за рубежом, его статьи расходились по 1600 газетам в США. В это же время появились стихи К.М. Симонова «Убей его!».

Некоторые современники выставляют И.В. Сталина жестоким «цензором» над литературой 1941–1945 гг. Действительно вождь уделял немалое внимание литераторам, считая их проповедниками. Народ прислушивается к лозунгам в литературных произведениях, а значит, есть необходимость в тщательном отборе этих работ. Но это внимание, уделенное писательскому сообществу, сыграло и положительную роль, например, в виде огромных тиражей в СССР. Автор статьи «Великая и оболганная. Советская литература как жертва либеральной пропаганды» Александр Евдокимов пишет: «Что касается роковой роли, которую, дескать, сыграл в судьбе многих писателей И.В. Сталин, то и это не более чем миф. Если бы И.В. Сталин был таким надсмотрщиком над литературой, не смогли бы вернуться на Родину Алексей Толстой и Марина Цветаева» [1].

Среди населения страны обретали популярность исторические книги о городах-героях, полководцах, Красной Армии и т.д. Формат политического издания не был объемным, максимум 1–2 листа. Такие брошюры имели огромную популярность, поэтому выходили массовыми тиражами. Всего с 1941–1945 гг. издано 33,6 млн экземпляров [2].

Советская пропаганда в печати в 1941–1945 гг. претерпела ряд изменений: сокращение выпусков и объема отраслевых изданий и журналов, расширилась сеть военных и фронтовых газет и т. д. На этот период были разработаны рекомендации для областных и местных газет. В июле 1941 г. было издано 18 газет на иностранных языках. Авторами многих публикаций в новых военных журналах, а также «Агитатор и пропагандист», «Блокнот пропагандиста» являлись видные советские историки, философы, экономисты, писатели, публицисты. Выходили и новые газеты «Сталинский сокол» и «Красный флот», где служили и сотрудничали такие поэты и писатели, как Б.А. Лавренев, Л.С. Соболев, А.А. Жаров и другие. Творчество К.М. Симонова оказало огромное влияние на массы, например, его стихотворения «Сороковые», «Если дорог тебе твой дом», «У огня», «Смерть друга», «Мы не увидимся с тобой». В стихах «К оружью, пат-

риот!» П.С. Комарова, «Бей врага!» В.М. Инбер гремели призывы искоренить «проклятого зверя». Возникло понятие, как произведение, написанное «По горячим следам», буквально вчера вечером написанное стихотворение, очерк или рассказ, сегодня мог появиться в печати.

В газетах публиковались стихи, которые напоминали поэтические письма, присланные из тыла. В них можно было найти известные тексты песен, известных поэтов. К самому любимому в народе поэтическому произведению можно отнести песню М.В. Исаковского «Огонек». Многие темы, сюжеты, образы 1941–1945 гг. были подчинены основной задаче: показать презрение и поразить врага «пушечным смехом». Особенно успешно в сатирическом жанре – басня, работал Д. Бедный. Самые знаменитые его басни: «По гостю – встреча», «Волк-моралист», «Шулера», «Обиженный вор» и другие [7, с. 12].

Самая главная газета СССР в годы Великой войны – «Красная звезда», ее редактором был Д.И. Ортенберг. «Красная звезда» публиковала, то, что происходило на фронтах. Каждое издание контролировалось Генштабом. Ставка Верховного Главнокомандования присылала в издательства свои рекомендации и замечания. В ней работали любимцы И.В. Сталина. В тоже время «Красная звезда» была самой популярной «литературной» газетой [4, с. 5].

В Москве находился издательский центр, где например, в период с 1941–1945 гг., вышло 1300 номеров газеты «Правда». Помимо «Правды» издано более 100 других многотиражек. Газеты являлись трибуной для политической пропаганды и агитации [9, с. 188].

Необходимо отметить, что проводилась литературная пропаганда в оккупированных областях. Для населения этих территорий выходили специальные газеты. Главная цель этой прессы – глубочайшее воздействие на сознание отдельных людей и общественных групп, их поведение должно соответствовать требованиям советской власти.

Оккупации посвятила повесть «Радуга» В.Л. Василевская. Автор написала произведение о трех женских судьбах, проживающих в селе, которое было захвачено фашистами. Повесть была удостоена Сталинской премии 1-й степени. Любовь к Родине и желание помочь советскому руководству вели литераторов в действующую армию СССР. Они сражались вместе с народом в окопах, ходили в атаки. Литературные споры прекратились, что видно из стенограммы советских писателей: «Каждый советский писатель готов все свои силы, весь свой опыт и талант, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины». [5, с. 1]. А.А. Бек в 1942 г. прибыл военным корреспондентом в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию им. И.В. Панфилова. После чего

написал героическую повесть «Панфиловцы на первом рубеже» [3] Библиотеки, невзирая на все тяготы войны, продолжали работать. Например, Академии наук СССР обслуживала читателей, поставляла литературу в соединения и части действующей армии. Были организованы библиотеки-передвижки.

К концу войны наблюдался рост изданий иностранной литературы [8]. Преобразовательная деятельность СССР в 1941–1945 гг. нуждалась в понимании и поддержке со стороны общества. Литературная пропаганда осуществляла воспитательную, мобилизующую роль в формировании патриотических качеств советского народа. В дни Победы маршал Советского Союза А.М. Василевский сказал: «Воодушевляя Красную Армию на великие ратные подвиги, поднимая весь советский народ на священную борьбу за честь и независимость нашей Родины, советские писатели вложили свой неоценимый вклад в дело Победы» [6, с. 1].

Литературная политическая пропаганда среди населения СССР, создавала иллюзию причастности каждого отдельного гражданина к великим и грандиозным свершениям. Советская власть диктовала понятные цели для людей, тем самым обрела солидарность с народом.

Список литературы

1. Евдокимов А. Великая и оболганная. Советская литература как жертва либеральной пропаганды // KM.RU В России. (Справочно-энциклопедический ресурс). – URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2014/04/24/istoriya-khkh-veka/738234-velikaya-i-obolgannaya-sovetskaya-literatura-kak-zhert>
2. О कोरोков А.З. В мире советской политической книги. Книга. Исследования и материалы, 1964. – Вып. 9. С. 56-68
3. Никифоров Ю.А. Великая Отечественная война. 1941–1945: энцикл. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Олма Медиа Групп, 2015. 451 с.
4. Ортенберг Д. И. Год 1942. Рассказ-хроника. – М.: Политиздат, 1988. – 462 с.
5. Из стенограммы митинга советских писателей 22 июня 1941 г. // Правда. – 1941. – 24 июня.
6. Из выступления маршала Советского Союза А. М. Василевского // Литературная газета. – 1945. – 23 июня.
7. Вакурова О.А. Источниковедение литературной деятельности писателей в годы Великой Отечественной войны // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – С. 7–16.
8. Васильев В.И. Книгоиздание в годы Великой Отечественной Войны // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 45–52.
9. Печать и радио. История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965. – М., 1967. – С. 185–191.

**Вклад деятелей театрального искусства
в патриотическую агитацию и пропаганду в 1941–1945 гг.**

В годы Великой Отечественной войны театры помогали единению народа, а артисты поддерживали моральный дух населения страны. Вокруг рвались снаряды, свистели пули, но театральная деятельность продолжала разрастаться. Политическая пропаганда набирала обороты, выполняя все поставленные задачи советским правительством. Театр стал служить механизмом единения советского руководства и народа СССР. Основные задачи военных спектаклей и концертов 1941–1945 гг.: коммуникация власти и общества, сильное воздействие на сознание и психику зрителя, создание привлекательного образа советского вождя.

В начале июля 1941 г. Президиум Всероссийского театрального общества (ВТО) организовал работу во всех театрах страны по созданию оборонного и антифашистского театрального репертуара. Театральная пьеса военного времени должна была формировать правильную модель мира, которая необходима для поднятия высокого уровня легитимности советской власти. Советское правительство следило не только за тем, сколько и какие произведения ставятся в театрах, но и за их содержанием. Репертуар пополнялся новыми пьесами отечественных драматургов, которым предъявлялись большие требования - тщательный отбор всех произносимых слов и наглядной визуализации сценических образов. Видное место занимали пьесы «Нашествие» Л.М. Леонова, «Накануне» А.Н. Афиногенова, «Знаменитая фамилия» Б.С. Ромашова и др. [1, с. 238]. Актеры должны были обогащать сценические подмостки героическими образами и направлять граждан на великую борьбу против общего врага. Литературовед В.А. Ковалев написал: «Талантливый советский писатель и старейший русский театр соединили свое искусство, чтобы держать речь о беде народной, о горе, ползущем по родной земле. Они говорят о самом большом испытании сил и самой души народа – об испытании вражеским нашествием. Боль, гнев, страсть звучат в их речи, наполняя ее патриотическим пафосом. Следуя священным заветам русского искусства, литература и сцена становятся рупором народной совести и сознания, они поднимают свой голос, чтобы в трудный для отчизны час провозгласить свою гордую веру в победу советского человека» [2, с. 1].

В драматических театрах ставились пьесы А.Н. Островского «Воевода», Н.В. Гоголя «Ревизор», В.А. Соловьева «1812», «Фельдмаршал Кутузов», «Великий государь», К.М. Симонова «Русские люди»,

А.Н. Толстого «Русский характер», И.Л. Сельвинского «Генерал Брусилов» и инсценировка романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Малый театр – один из первых театров Москвы организовал штаб военно-шефской работы. Штаб непосредственно занимался формированием бригад, организацией выступлений актёров на призывных пунктах, вокзалах, а позднее в госпиталях. Актёры С.Б. Межинский и А.М. Коротков в составе 1-ой Московской бригады выступали перед бойцами легендарного генерала Л.М. Доватора. Малый театр показал пьесы А.Е. Корнейчука «Фронт», Л.М. Леонова «Нашествие». В 1943 г. по-новому, глубоко и актуально прозвучала комедия А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». В этой постановке носителями вековых традиций театра были А.А. Яблочкина, Е.М. Шатрова, М.И. Царёв, И.В. Ильинский [3].

Пьеса К.М. Симонова «Русские люди» – одна из самых популярных, например Московский областной драматический театр за 1941–1945 гг. сыграл ее 56 раз. Актерский коллектив побывал на 14 промышленных площадках, им аплодировало более 45 тыс. чел. [4, с. 180–181].

Различные спектакли ставились и в ГУЛАГе, сохранилось письмо заключенного К.А. Никанорова: «Меня прикрепили на работу в Магаданский театр. Играю Брусилова в пьесе И.Л. Сельвинского «Генерал Брусилов» и получаю глубокое удовлетворение от того, что Брусилов в моем исполнении пользуется огромной любовью зрителей и что зритель, просмотревший спектакль, через моего Брусилова ненавидит немцев еще больше, чем до того, как посмотрел спектакль» [5, с. 78].

Советским артистам организовывались лекции для общения со зрителями. Встречи проходили, как в аудиториях, так и в армейских частях. Например, Народный артист Советского Союза Н.К. Черкасов на одной из таких встреч в клубе, говорил: «В пьесе «Накануне» А.Н. Афиногенова я играю молодого ученого агронома Завьялова, который под влиянием мощного патриотического подъема, охватившего советских людей, записался в добровольцы и ушел на фронт защищать Родину. В этом образе я стремлюсь раскрыть природу героизма нашей молодежи. Играя небольшую роль украинского солдата-гвардейца Остапенко в пьесе А.Е. Корнейчука «Фронт», я ставлю себе цель показать глубокую веру простого советского человека в победу нашего народа, неиссякаемый оптимизм и крепкий народный юмор героя, его тесную дружбу с казаком Шаяметовым, грузином Гомелаури и другими боевыми товарищами» [6, с. 463].

В музыкальных театрах звучали спектакли-оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила», «Иван Сусанин», А.П. Бородина «Князь Игорь», П.И. Чайковского «Евгений Онегин» и др.

Несмотря на то, что немцы особенно ожесточенно обстреливали и бомбили Ленинград во многих театрах и концертных залах в честь XXIV годовщины Октябрьской революции были объявлены праздничные концерты. Артисты выступали в Филармонии, в здании Главного штаба, в Госцирке, в Театре музыкальной комедии и в Театре оперетты.

В октябре 1941 г., согласно приказу командования Московского военного округа, часть труппы Большого театра была эвакуирована в город Куйбышев (фашистский бомбардировщик на театр сбросил 500-килограммовую бомбу).

После прибытия декораций, были восстановлены спектакли из основного репертуара и состоялись премьеры сразу двух опер Д.Б. Кабалевского «В огне» и Д. Россини «Вильгельм Телль». За 1941–1945 гг.: 4 500 концертов; более 60 шефских спектаклей в госпиталях и воинских частях в тылу; 16 бригад артистов театра дали 1939 концертов непосредственно на фронте; 7 фронтовых бригад дали 11400 концертов; 364 литра крови сдали доноры Большого театра для спасения жизни воинов.

Деятели советской музыки своим творчеством воодушевляли народ на борьбу с фашизмом, помогали им переносить ранения, потерю боевых товарищей. В военный период создавались новые произведения: Н.Я. Мясковский сочинил 22-ю симфонию, Ю.А. Шапорин закончил патриотическую ораторию «Сказание о битве за Русскую землю». Седьмая «Ленинградская» симфония композитора Д.Д. Шостаковича стала самым волнующим произведением военных лет. Своеобразным музыкально-поэтическим символом стала песня «Священная война», стихи В.И. Лебедева-Кумача, музыка А.В. Александрова. Впервые она была исполнена 24 июня 1941 г., а уже буквально на другой день под ее аккомпанемент с вокзалов столицы уходили на фронт воинские эшелоны.

Кукольный театр блокадного Ленинграда оказался самым оперативным. Ленинградский филиал Центрального театра кукол, находился под управлением, Сергея Образцова. 4 августа 1941 г. состоялась премьера «Фронтальной программы» из пародийных скетчей на политические темы: «Сон Гитлера», «Над крышами Берлина», «Монолог смерти», «Урок истории», «Арийцы в зоосаде» и другие. Великий кукольник Сергей Образцов и его артисты выезжали в расположения действующей армии и показывали солдатам спектакли, учили офицеров делать антифашистские кукольные репризы, показывали концерты для детей войны. «Фронтальная программа» прошла 675 раз.

Московский областной государственный театр кукол во время Великой Отечественной войны работал в составе фронтовых бригад. Для защитников Москвы, участников битвы на Курской дуге – сыграно 275 спектаклей.

С 1942–1944 гг. Ленинградский театр марионеток и Первый московский театр кукол работали под руководством Деменни. Актерские составы объединились и были выпущены детские спектакли, такие как «Наш цирк», «Конек-Горбунок», «Сказка про козла», «Дудочка».

В годы Великой Отечественной войны театр был наиболее эффективной сферой воздействия на сознание советского народа. В театральное действие вовлекались все: дети, бойцы, женщины, старики и др. Если говорить о конкретно-исторических задачах театра, то здесь необходимо отметить – политическое воспитание нового советского человека и выражение авторитета власти СССР. Спектакли вызывали чувственно-эмоциональное начало, происходило слияние власти и общества в едином сценическом действии. Театр рассматривался как форма пропаганды, а в сценических постановках активно использовались различные средства агитации, например в виде плакатов, карикатурных кукол и т.д. Советское руководство с одной стороны активно содействовало театральному творчеству, с другой – стремилась управлять всеми процессами театрального искусства.

Список литературы

1. В.А.Ковалев и др. Очерк истории русской советской литературы. Ч. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 348 с.
2. Известия. – 1943. – 2 июня.
3. Бубнова О.В. Малый театр в годы Великой Отечественной войны. ГАМТ. Новости. – URL: <http://www.maly.ru/news/2645>
4. Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального (1931–1956 гг.). – М.: Полит. энцикл., 2017. – 407 с.
5. Из колымских писем заключенного К.А. Никанорова // Возвращение к правде (Из истории политических репрессий в Тверском крае в 20–40-е и начале 50-х г.): документы и материалы. – Тверь, 1995. – С. 78–79.
6. Кино: энцикл. слов. / гл. ред. С. И. Юткевич; редкол.: Ю. С. Афанасьев, В. Е. Баскаков, И. В. Вайсфельд и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 640 с.: 96 л. ил.

Ю. А. Осипов

Дисциплинарная практика как показатель морально-психологического состояния личного состава Охраны водного района Краснознамённого Балтийского флота в 1943 г.

Морально-психологическое состояние личного состава – один из важнейших факторов успешной боевой деятельности воинских формирований в условиях боевой деятельности. Именно моральный дух воинов позволяет переносить тяготы и лишения военного времени, сохранять самообладание и стойкость в бою, что является залогом успешного выполнения поставленных боевых задач.

В 1943 г. На Краснознаменном Балтийском Флоте (далее – КБФ) началась активная работа по предотвращению проступков и нарушений, в том числе и в частях такого подразделения, как Охрана Водного Района (далее – ОВР).

В 1943 г. в частях ОВРа было зафиксировано 3306 фактов нарушения дисциплины, среди которых можно отметить такие, как неисполнение приказаний, самовольные отлучки, нарушение караульной и гарнизонной службы, пьянство и т.д. [1. Л. 4–63]. При этом, средняя численность краснофлотцев и командиров составила 4501,25 чел., в среднем же за квартал 1943 г. происходило 826,5 нарушений, что в итоге составляет среднее количество нарушений дисциплины по личному составу 18 % [1. Л. 4–63]. Таким образом, в отчётные периоды, нарушителями дисциплины можно было признать менее чем каждого пятого краснофлотца и командира.

При исследовании же цифр, касающихся конкретных статей нарушений, ситуация становится более ясной: к наиболее строгим нарушениям дисциплины (таким как неисполнение приказаний, пьянство и хулиганство, небрежное отношение к хранению и сбережению боевых машин, корабельной и боевой техники) относится 419 фактов, что составляет лишь 12 % от общего числа проступков. Остальные же 88 % относятся к незначительным случаям нарушения воинской дисциплины, среди которых, к примеру, пререкания, оскорбления и грубость к начальству, нарушение уставов корабельной и гарнизонной службы и т.д. [3. Л. 61].

Важно отметить и тот факт, что по факту нарушений воинской дисциплины проводилась соответствующая работа: соизмеримо степени проступка назначались и соответствующие наказания.

Так, командиром ОВРа в ходе рейда были выявлены следующие нарушения: «Старший краснофлотец Комаров (ГС-1) не по форме одет, кубанка без завязок, не приветствовал старших. Старшина 1 ст. Макаров (ТЩ «Шуя») без знаков различия не приветствовал командный состав. Краснофлотец Лемехов 24.02.1943 г. явился на Базу в 2 ч 40 мин. В нетрезвом состоянии, неизвестно где был». Начальник штаба уже через несколько дней получил рапорт о вынесении соответствующих взысканий в отношении провинившихся бойцов: «На краснофлотца Комарова 5 нарядов вне очереди, за нарушение формы одежды. На краснофлотца Лемехова 5 суток простого ареста с содержанием на гарнизонной гауптвахте. За опоздание с города и появление в нетрезвом виде на Базе. На старшину 2 ст. Заичкина – Строгий выговор. За опоздания с города» [3. Л. 38].

Всего же за 1943 г. политотделом ОВРа было наложено 3303 взыскания [1. Л. 63], т. е. практически по всем случаям нарушения дисциплины были приняты объективные меры. Однако здесь также стоит отметить тот факт, что сами взыскания необходимо разделять

по степени тяжести: так, к наиболее строгим взысканиям стоит отнести строгий арест, снижение в должности, лишение надбавки за выслугу лет, Суд Военного Трибунала; тогда как простые аресты, выговоры и строгие выговоры и прочие взыскания относятся к более лёгким видам наказаний за нарушение дисциплины.

За 1943 г. политотделом ОВРа было назначено 57 взысканий строгого характера, что составляет лишь 1 % от общего числа нарушений [1. Л. 63]. Это в очередной раз лишь подтверждает мысль о том, что серьёзные дисциплинарные проступки не носили массового характера не только в частях и на кораблях ОВРа, но и в целом по КБФ.

Интересный факт заключается в том, что большая часть обозначенных нарушений приходится на членов и кандидатов ВКП (б) и ВЛКСМ (450 из 729 нарушителей) [2. Л. 7], т.е. тех людей, на кого возлагались особые функции в деле воспитательной и боевой работы. Однако в отношении коммунистов и комсомольцев действовала отдельная, более строгая система дисциплинарного контроля.

Согласно сведениям о реагировании партийно-комсомольских организаций на воинские проступки коммунистов и комсомольцев по частям и кораблям ОВРа КБФ, только за I квартал 1943 г. в истребительном отряде ОВРа было привлечено к партийной ответственности 13 из 20 провинившихся коммунистов, 5 из 11 провинившихся кандидатов, 10 из 12 провинившихся комсомольцев, причём зафиксирован один случай исключения из рядов ВЛКСМ [4. Л. 82]. На береговой базе ОВРа за проступки исключены из рядов ВЛКСМ двое, а из кандидатов ВКП (б) – один краснофлотец. На кораблях охраны рейдов и вообще зафиксирован случай исключения из партии [4. Л. 83].

Увеличившаяся интенсивность боевых действий в связи с началом летней кампании 1943 г. вскрыла ещё больше недостатков политработы, что отразилось в тех же цифрах: в частях и кораблях ОВРа КБФ за II квартал 1943 г. исключено из ВКП (б), списков кандидатов ВКП (б) и ВЛКСМ – 6, 6, и 21 человек соответственно. Всего к партийной ответственности привлечено 287 человек [1. Л. 19].

Из численных показателей видно, что политорганы решительно боролись с проступками среди коммунистов и комсомольцев, используя меры вплоть до исключения из партии, что было обусловлено боевой необходимостью того периода. И, стоит отметить, меры дали свой эффект: за III квартал к партийной ответственности привлечено уже 109 человек, а исключено из членов и кандидатов ВКП (б) и рядов ВЛКСМ – 2, 1, 2 человека соответственно [5. Л. 86]. В IV квартале ситуация несколько ухудшилась: 288 случаев привлечения к партийной ответственности, однако всего лишь два случая исключения из ВКП (б), четыре случая исключения из кандидатов ВКП (б), шесть случаев исключения из ВЛКСМ [5. Л. 87].

Однако, как же упоминалось выше, подобные случаи имели место единичный характер, не отражаясь на общем уровне морально-психологического состояния. Подтверждением данного тезиса может выступить и количество поощрений, осуществленное за 1943 г. в частях и на кораблях ОВРа.

Так, общее число поощренных краснофлотцев и командиров за 1943 г. составило 8802, что чуть менее чем в 3 раза превышает количество дисциплинарных проступков и составляет в среднем 2200, поощрений за квартал [1. Л. 4–63]. Таким образом, при средней численности личного состава в 4501,25 чел. мы получаем 48 % поощренных краснофлотцев и командиров в среднем за отчётный период. И это при том, что данный перечень не учитывает правительственных наград, врученных личному составу, коих за II–IV кварталы 1943 г. было вручено 1329 шт., относятся к таким наградам Орден Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны (I и II степени), Орден Красной Звезды и другие ордена и медали [1. Л. 4–63].

Рассмотрим более подробно и сами поощрения. К таковым в официальных отчётах политуправления КБФ относятся: благодарность, награждение денежными премиями, ценными подарками и нагрудными знаками, снятие дисциплинарного взыскания, присвоение ранее срока очередного воинского звания, назначение на высшую должность, прочие поощрения. Данный перечень позволяет сделать вывод о разностороннем характере поощрений на флоте, что позволяло оказывать положительное воздействие на личный состав посредством различных форм и подходов [5. Л. 101].

Таким образом можно сделать вывод о том, что морально-психологическое состояние личного состава ОВРа КБФ было высоким, о чём свидетельствуют как данные дисциплинарной практики соединения, а также результаты боевой деятельности, неоднократные случаи высочайшего мужества и героизма. Краснофлотцы и командиры смогли выполнить поставленные перед ними боевые задачи, а именно обеспечить охрану фарватеров, организовать противоминную борьбу, не допускать регулярного вторжения надводных сил противника на подконтрольный участок. При этом необходимо учитывать и довольно большое количество дисциплинарных проступков, отмеченных в разных отчётах, которые, в свою очередь, получали своевременную реакцию со стороны политорганов, что свидетельствует о наличии организованной воспитательной работы с личным составом.

Список литературы

1. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 0020568. Д. 2.
2. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 025342. Д. 3.
3. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 025342. Д. 71.
4. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 10893. Д. 3а.
5. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 52. Д. 42.
6. Центральный Военно-Морской архив. Ф. 92. Оп. 8574. Д. 4.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

В. В. Белов, Ю. А. Квицинская

Личностные особенности студентов, склонных к созидающему организационному лидерству

Необходимость исследования личностных особенностей студентов, склонных к созидающему организационному лидерству проистекает из необходимости проектирования системы воспроизводства лидеров, способных создавать долгосрочно преуспевающие организационные сообщества людей [3].

Теоретическим основанием разрабатываемой системы воспроизводства созидающих организационных лидеров являются:

1. Общепризнанные в зарубежной [7] и отечественной [4] психологии критерии определения лидерства, которые позволяют выявлять данный феномен и дифференцировать его от других социально-психологических явлений.

2. Концептуальные обоснования существования особой формы лидерства – организационного лидерства как организационного феномена, отличного от управления и представляющего собой тип руководства [1; 5; 6].

3. Акмеология созидающего организационного лидерства как новое научное направление, которое обосновывает конструктивность акмеологического подхода для разработки системы воспроизводства созидающих организационных лидеров на различных этапах их жизненного пути, включая обучение в вузе [2].

Опираясь на концептуальную основу исследования, можно предположить, что личность созидающего организационного лидера начинает активно формироваться в процессе саморазвития по следующим направлениям как инноватор, управленец, деловой и эмоциональный лидер.

В известных нам литературных источниках не были обнаружены данных о личностных особенностях студентов, которые интегрируют в структуре личности все четыре ролевые позиции, значимые для созидающего организационного лидера.

Цель исследования: выявить личностные особенности студентов, склонных к созидающему организационному лидерству.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ литературных источников по проблеме созидающего организационного лидерства.

2. Операционализовать понятие «созидающее организационное лидерство».

3. Разработать эмпирические критерии оценки склонности к созидающему организационному лидерству.

4. Выявить личностные особенности студентов, склонных к созидающему организационному лидерству.

В период с марта 2018 г. по апрель 2019 г. было проведено пилотажное психологическое исследование. В исследовании приняли участие студенты 1-го и 4-го курсов очного отделения факультета психологии. Количество испытуемых в выборке – 84 человека, из которых количество девушек составило 78 человек, а юношей – 6. Возраст испытуемых – от 17 до 24 лет.

Для выявления студентов, склонных к созидающему организационному лидеру была выбрана методика «Социометрия» с использованием социометрических критериев. Разработанные критерии позволили выделить в каждой обследованной учебной группе лидеров-новаторов, деловых лидеров, эмоциональных лидеров, управленцев. Интегральный показатель по четырём критериям позволил выделить студентов, являющихся созидающими организационными лидерами.

Таким образом, из 84 человек выборки было определено 11 студентов-лидеров, интегральный показатель «Созидающий организационный лидер» которых превысил среднее значение по группе.

Для изучения личностных особенностей студентов-лидеров и студентов-нелидеров) было подобрано 7 психодиагностических методик: 1. Интеллектуальная сфера личности – методика «Прогрессивные матрицы Равена»; 2. Мотивационная сфера личности – методика изучения мотивации профессиональной деятельности К. Замфир» (модификация А.А. Реана); 3. Эмоциональная сфера личности – методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман). Несмотря на то, что в названии методики заявлена диагностика *мотивационной* структуры личности, данный психодиагностический инструмент также позволяет построить эмоциональный профиль личности, а именно: стенический, астенический, смешанный стенический и смешанный астенический; 4. Волевая сфера личности студентов – методика «Опросник УСК»; 5. Коммуникативная сфера личности – методика «Коммуникативные и организаторские склонности (КОС)»; 6. Ценностно-смысловая сфера личности – методика «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО).

При сравнении 11 студентов, склонных к созидающему организационному лидерству со всеми остальными обследуемыми были выявлены достоверные различия по следующим показателям: стенический тип переживания и поведения в состоянии фрустрации ($t_{кр.} = 2.11, p < 0.05$), коэффициент интеллекта ($t_{кр.} = 2.55, p < 0.05$), показатели по шкалам методики «Прогрессивные матрицы Равена»:

шкала А – установление взаимосвязи в структуре ($t_{кр.} = 2.73, p < 0.01$); шкала С – принцип прогрессивных изменений в фигурах ($t_{кр.} = 1.98, p < 0.05$); шкала Е – принцип анализа и синтеза ($t_{кр.} = 3.07, p < 0.01$).

Был проведен корреляционный анализ между социометрическими показателями лидерства и показателями личностных методик. Было выявлено, что имеются следующие взаимосвязи:

1) между склонностью к лидерскому типу «Новатор» и шкалами методики СЖО: положительные связи по шкалам «Новатор» и «Цель в жизни» ($r = 0,322$ при $p < 0,05$); «Новатор» и «Процесс жизни» ($r = 0,290$ при $p < 0,05$); «Новатор» и «Общий показатель осмысленности жизни» ($r = 0,332$ при $p < 0,05$).

Следовательно, наличие цели в жизни, ощущение насыщенности и осмысленности жизни пропорционально развитию новаторских способностей.

2) между склонностью к лидерскому типу «Новатор» и шкалами методики УСК: положительные связи по шкалам «Новатор» и «Интернальность в достижениях» ($r = 0,332$ при $p < 0,05$); «Новатор» и «Интернальность в неудачах» ($r = 0,311$ при $p < 0,005$); «Новатор» и «Интернальность в производственных отношениях» ($r = 0,488$ при $p < 0,001$); «Новатор» и «Интернальность в межличностных отношениях» ($r = 0,345$ при $p < 0,05$); «Новатор» и «Интернальность в здоровье и болезнях» ($r = 0,430$ при $p < 0,001$); «Новатор» и «Общая интернальность» ($r = 0,300$ при $p < 0,05$).

Следовательно, высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, более позитивная система отношений к миру и большая осознанность смысла и целей жизни пропорциональна развитию новаторских способностей.

3) между склонностью к лидерскому типу «Новатор» и показателем внутренней мотивации: положительная связь по шкалам «Новатор» и «Внутренняя мотивация» ($r = 0,476$ при $p < 0,001$).

Следовательно, высокоразвитая внутренняя мотивация, при которой движущей силой являются не внешние воздействия (стимулы, подкрепления), а нечто изнутри самого человека, пропорциональна развитию новаторских способностей.

4) между склонностью к созидающему организационному лидерству и показателем IQ: положительная связь по шкалам «Созидающий организационный лидер» и «IQ» ($r = 0,288$ при $p < 0,05$).

Следовательно, показатель IQ пропорционален склонности к созидающему организационному лидерству.

Таким образом, проведенное пилотажное исследование позволило:

1. Эмпирически обосновать возможность выделения среди студенческой молодежи потенциальных созидающих организационных лидеров.

2. Разработать и апробировать социометрические критерии оценки склонности студентов к создающему организационному лидерству на основе выявления у них четырех ролевых позиций.

3. С помощью корреляционного анализа были выявлены личностные особенности студентов, склонных к создающему организационному лидерству.

Список литературы

1. Белов В.В. Феномен «организационное лидерство» // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы. – № 4 (26). – 2005. – С. 83–90.

2. Белов В.В. Проблема организационного лидерства: акмеологический подход // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – № 1. – Т. 5 Психология. – 2014. – С. 40–50.

3. Белов В.В. Психологические основы проектирования системы воспитания управленческих лидеров в высшей школе // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – № 3. – Т. 5 Психология. – 2015. – С. 5–16.

4. Евтихов О.В. Лидерский потенциал руководителя: специфика, содержание и возможности развития: моногр. – Красноярск: СибЮИ МВД России 2011. – 288 с.

5. Занковский А.Н. Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2012. – 48 с.

6. Кричевский Р.Л. Психология лидерства. – М.: Статут, 2007. – 542 с.

7. Stogdill R. Handbook of leadership. A survey of theory and research. – N.Y., 1974.

В. В. Белов, И. Б. Гайворонская, И. А. Сидорова

Перспективные направления исследований психологии безопасности труда в области строительства

Одной из важнейших задач психологии труда является выявление причин и снижение количества несчастных случаев в профессиональной трудовой деятельности, особенно связанных с потерей трудоспособности или даже смертью работника. К сферам труда, связанным с высоким риском для работника, относится и строительство. Нельзя не упомянуть тот факт, что психологические исследования в области безопасности труда в нашей стране последние 30 практически не проводились, поэтому может быть весьма интересным опыт подобных исследований наших зарубежных коллег, которые интенсивно разрабатывают эту проблему.

Стоит отметить, что мало кто из современных руководителей строительных организаций видит необходимость в проведении психологических исследований в области безопасности труда. Тем временем, по официальным данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации за 2018 г. (11 месяцев) произошло

4479 несчастных случаев с тяжелыми последствиями (групповые, с тяжелым и смертельным исходом), из них 1158 чел. погибли. Как отмечают в Министерстве, «количество погибших традиционно остается наиболее высоким по сравнению с другими видами экономической деятельности в строительстве, обрабатывающих производствах, сельском и лесном хозяйстве, в сфере транспорта, добыче полезных ископаемых» [8].

Можно было бы сказать, что поскольку психологические исследования в области безопасности труда (и в строительстве в том числе) интенсивно ведутся за рубежом, то особой проблемы с развитием данного направления нет. Но тут важно сказать о том, что абсолютно все эти исследования ведутся с позиций бихевиористского/необихевиористского подхода. С точки зрения отечественной психологии, данный подход является весьма ограниченным и не дает возможности рассматривать изучаемые явления комплексно.

Так, в проблеме безопасности труда в строительной сфере традиционно разрабатываются следующие направления:

- эффективные программы управления безопасностью;
- разработка модели климата безопасности и культуры безопасности;
- прогнозирование и улучшение показателей безопасности [7].

Зарубежные исследователи признают, что ключевую роль в безопасности труда по-прежнему играет человеческий фактор, поэтому свое внимание психологи прежде всего обращают на климат и культуру безопасности, от которых, как они полагают, напрямую зависят показатели безопасности. Стоит пояснить эти термины.

Культура безопасности – это не просто знание правил, норм, стандартов безопасности, но и осознание важности их соблюдения. Это комплекс групповых и индивидуальных ценностей, отношений, представлений, компетенций и моделей поведения, которые определяют то, насколько ответственно и внимательно относятся работники к безопасности и здоровью себя и окружающих [9].

Климат безопасности – понятие более узкое и условно можно было бы этим термином назвать действия в области безопасности формальных и неформальных лидеров, связанные с их личным уровнем культуры безопасности. Лидеры, обладающие определенными взглядами и установками в вопросах безопасности, вольно или невольно своими действиями показывают, какого отношения к безопасности они ожидают от своих подчиненных [10].

Поэтому наиболее эффективным способом повышения безопасности на производстве (и в строительстве в частности) зарубежные психологи называют групповые тренинги, где формируется необходимое отношение к безопасности и навыки реагирования в ситуации

опасности; особенно важно с их точки зрения формирование культуры безопасности у управляющего персонала. Другим способом повышения уровня безопасности на производстве является система вознаграждений и штрафов, в которой поощряется безопасное поведение и наказывается небезопасное [7].

Безусловно, все эти вышеперечисленные эффекты имеют место быть, но, с точки зрения отечественной психологии нельзя координально решить проблему безопасности, если относиться к работнику просто как к объекту воздействия, у которого можно сформировать все необходимые навыки путем научения, не учитывая при этом его индивидуально-психологические характеристики.

В подавляющем большинстве исследований испытуемые делились на группы по занимаемой должности, возрасту и опыту работы и изучались либо особенности их реагирования на определенные типы опасных ситуаций, либо их уровень культуры и климат безопасности в группах. Исследования о связи этих характеристик с индивидуально-психологическими и личностными особенностями испытуемых не проводились вообще.

Управление по безопасности и гигиене труда (Министерство труда США (OSHA), 2011) определило 4 основные опасности, которые включали падения, поражение электрическим током, удары и попадание под или между частями механизмов. Работа на высоте (например, работа с лесами) была одной из основных причин несчастных случаев на производстве, связанных с травмами или смертельным исходом. Решая задачу по предотвращению несчастных случаев, ученые сошлись на мнении, что для того, чтобы свести риски к минимуму, нужно чтобы обучение и тренинги по безопасности, или официальные программы по безопасности проходили все сотрудники строительной площадки, включая управленческий персонал и простых работников [4].

Другие исследования показали, что именно от руководства зависит, насколько безопасной будет рабочая среда: руководитель определяет приоритеты организации и отношение к безопасности в ней. В то же время исследователи пришли к выводу, что климат безопасности может существенно различаться в разных группах рабочих, работающих в одной организации. Причину этого они видят в том, что менеджеры более низкого уровня, управляющие этими группами, обладают разным уровнем культуры безопасности. Таким образом, рабочие и их руководители формируют различные уровни климата безопасности в организации [6]. Строители, занимающие разные должности, исходя из климата безопасности в собственной рабочей группе, могут иметь разные представления о безопасности, как показано в исследовании Chen and Jin [3].

С точки зрения отечественной психологии, причина подобных различий может быть в том, что в некоторых случаях лидер не обладает необходимыми личностными качествами, чтобы эффективно контролировать процесс работы своей группы и соблюдение ее членами требований безопасности, в понятной форме доносить свои требования до работников. В других же случаях сами работники не обладают качествами, соответствующими требованиям выполняемой ими деятельности, и даже если их представления о возможных рисках и степени опасности адекватны, это не гарантирует их безопасность.

Интересные данные в этом смысле приводит в М.А. Котик в своей книге «Психология и безопасность»: еще в 1919 г. М. Гринвуд и Х. Вудс, сотрудники Комиссии по изучению промышленного утомления, опубликовали данные о том, что травмы чаще всего возникали у тех рабочих, у которых ранее уже бывали несчастные случаи, что наталкивает на мысль о том, что индивидуально-психологические и личностные качества работника влияют на его предрасположенность попадать в несчастные случаи [2].

Естественно, нельзя рассматривать проблему безопасности труда в строительстве только как проблему отбора кадров с учетом профессионально-важных качеств. Проблема должна решаться комплексно, с учетом всех аспектов, и здесь отечественная психология имеет весомые преимущества, поскольку может рассматривать проблему безопасности труда с точки зрения системного подхода [1].

Другой важный момент, который необходимо упомянуть, это вопрос методов. В зарубежных исследованиях все данные собирались с помощью анкетирования. Здесь можно привести пример одного достаточно интересного исследования, проведенного недавно китайскими учеными, в котором они оценивали степень адекватности оценки испытуемыми различных типов опасностей [5]. Исследователи разделили все возможные опасности в строительстве на 8 групп. Основанием для выделения этих групп были характеристики самих возможных опасностей, такие как вероятность возникновения (высокая или низкая), степень тяжести наносимого урона, обнаруживаемость (легко обнаруживаемые и неочевидные опасности). Для каждой группы опасностей были сделаны наглядные изображения, представляющие опасную ситуацию. Все испытуемые, в свою очередь, были разделены на группы по занимаемой должности, возрасту и опыту работы. Каждой группе испытуемых демонстрировались карточки с опасными ситуациями и их просили оценить степень опасности каждой ситуации. Далее происходил статистический подсчет ответов испытуемых. Для иллюстрации уровня анализа можно, например, привести такой вывод, сделанный исследователями: они обнаружили различия в субъективной оценке степени опасности разных

ситуаций между управляющим персоналом и простыми рабочими, а также что более взрослые и опытные работники оценивают риски адекватнее, чем неопытные. С точки зрения отечественной психологии анкетирование целесообразно дополнять другими методами, такими как тест и эксперимент. Однако в настоящее время разработано не так много методик, которые можно было бы использовать в психологических исследованиях в области безопасности труда. В то же время, отечественная психологическая наука имеет достаточно большой опыт разработки психологических методов и методик, что открывает большие перспективы в данном направлении.

Список литературы

1. Белов В.В., Гайворонская И.Б., Сидорова И.А. Психологические подходы к проблеме безопасности труда: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием; 22–23 нояб. 2018. – С.-Петерб. гос. архитектурно-строительный ун-т, 2018. – С. 23–26.
2. Котик М.А. Психология и безопасность. – 3-е изд., испр. и доп. – Таллинн: Валгус, 1989.
3. Chen Q., and Jin R. A comparison of subgroup construction workers' perceptions of a safety program /Safety Science, 2015.
4. Hallowell M.R., and Gambatese, J.A. Construction safety risk mitigation / J. Constr. Eng. Manage, 2010.
5. Han Y., Feng Z., Zhang J., Jin R., and Aboagye-Nimo E. An Empirical Study of Employees' Safety Perceptions of Site Hazard/Accident Scenes/ Journal of Construction Engineering and Management, 2018.
6. Meliá, J. L., Mearns, K., Silva, S. A., and Lima, M. L. (2008). Safety climate responses and the perceived risk of accidents in the construction industry/ Safety Sci., 2008.
7. The Psychology of Workplace Safety, edited by J. Barling and M. R. Frone, American Psychological Association, 2004.
8. <https://rosmintrud.ru/labour/safety/294>
9. <https://www.srgroup.ru/mass-media/srg-smi/kultura-bezopasnosti-na-predpriyatii/>
10. <https://www.ngpedia.ru/id86976p1.html>

Т. Ю. Бойкова, Н. Ю. Черанёва, В. Л. Власова

Некоторые особенности психологической характеристики несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков

Здоровым образом жизни признается «одна из ключевых категорий общего понятия «образ жизни», включающая в себя индивидуальную систему поведения современного человека, обеспечивающую его физическое совершенство, духовное и социальное благополучие, активное долголетие и благоприятные условия для успешной

учебы, эффективного труда и жизнедеятельности» [1]. Одной из наиболее острых проблем, способствующих разрушению общества, его психического, нравственного, физического здоровья, росту числа правонарушений, является наркотизация населения, которой в наибольшей степени подвержены лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Формирование наркозависимости у несовершеннолетнего (наркотизация) представляет собой «процесс взаимодействия внешних факторов, как социальных, так и естественных, с личностными характеристиками индивидуума, включающими психологические и биологические особенности» [2], в результате которого происходит приобщение несовершеннолетнего к потреблению наркотиков.

Данная зависимость обусловлена, прежде всего, психологическими особенностями личности подростков, в том числе формированием в этот период интересов, выбором социальной группы, где несовершеннолетние совместно проводят значительную часть времени, отношением к употреблению наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях.

При выявлении психологических особенностей несовершеннолетних преступников определяющую роль играет возрастной период, с которым связаны существенные психофизиологические изменения, происходящие в организме, присущие подростковому периоду взросления. Подросткам, в силу их возраста, в большей мере, чем взрослым лицам, свойственна склонность к «рисковому поведению», которая «в дальнейшем изменяется в зависимости от социального окружения и обстоятельств социализации личности» [3].

Психологи отмечают, что «ряд особенностей темперамента, настроение, активность и поиск новизны задают первичную мотивацию к употреблению наркотиков» [2]. Это позволяет представителям криминальной среды, руководствуясь особыми чертами и признаками несовершеннолетних, вовлечь их в оборот наркотиков, способствуя формированию зависимости.

Психологические особенности таких несовершеннолетних находят непосредственное отражение в их манере поведения, служат своего рода индикатором, отличающим их от сверстников, и выражаются в демонстрации окружающим различных «атрибутов взрослости» – курения, употребления спиртных напитков, нецензурных выражений, проявления агрессии, демонстрации физической силы и прочего. То есть несовершеннолетним характерно подражание взрослым лицам.

Также характерной чертой несовершеннолетнего, склонного к употреблению наркотиков, может являться любопытство, присущее ему в силу возрастных особенностей личности.

Наряду с вышеперечисленным достаточно часто встречается высокое стремление к риску, характеризующее несовершеннолетнего как лицо, неспособное адекватно оценить угрожающую ему опасность и предпринять соответствующие действия в целях ее устранения.

По данным Ежегодного доклада за 2018 г. Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге наиболее распространенным видом совершаемых несовершеннолетними лицами преступлений является кража (64 %), наиболее редко несовершеннолетние несут ответственность за мошенничество (1 %). При этом преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, предусмотренные ст. 228, ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, составляют 9 % от общего количества совершаемых несовершеннолетними преступлений [4].

Образовательная среда является средством социализации подростка, формирования его целей и жизненных принципов, которыми он будет руководствоваться в других сферах жизни. В целях профилактики наркомании и совершения правонарушений в подростковой среде подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел совместно с руководством образовательных учреждений проводится ряд мероприятий, в числе которых обеспечение образовательных организаций необходимыми методическими материалами, применяемыми в процессе реализации антинаркотической политики, создание и дальнейшая поддержка антинаркотических волонтерских движений, проведение различных мероприятий, направленных на привлечение обучающихся к здоровому образу жизни, а также осуществление индивидуальной профилактической работы, постановка на профилактический учет подростков-правонарушителей и прочее.

Поскольку воспитательная работа, проводимая преподавательским составом образовательных учреждений, оказывает значительное влияние на несовершеннолетнего, дальнейшее формирование его личности, включающее в себя антинаркотическое мировоззрение, особое значение в рамках изучения некоторых особенностей психологической характеристики несовершеннолетних, вовлеченных в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и реализации государственной антинаркотической политики имеют профилактические мероприятия, проводимые образовательными учреждениями, способствующие не только недопущению вовлечения обучающихся в незаконный оборот наркотиков, но и формированию и поддержанию здорового образа жизни.

Применение к несовершеннолетним необходимых профилактических мер воздействия, наиболее эффективной из которых является

приобщение к ведению здорового образа жизни, способствует возникновению спортивного азарта, стремлению к улучшению полученного в процессе тренировок результата, ориентированию на достижения спортсменов, внедрению в остальные сферы жизни личностных качеств, заложенных в результате регулярных занятий спортом в подростковый период.

Так, для обучающихся Промышленно-экономического отделения СПб ГБПОУ «Петровский колледж» в рамках исследуемой темы проводятся различные спортивные, просветительские и диагностические мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни, укрепление и сохранение здоровья в его различных аспектах, в числе которых участие в фестивале Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», встреча со специалистом автономной некоммерческой организации «Центр профилактики «Здоровый образ жизни»», соревнования по настольному теннису, участие в XXXI Спартакиаде среди студентов учреждений среднего профессионального образования Санкт-Петербурга, организованной Комитетом по физической культуре и спорту Санкт-Петербурга, участие в ежегодном кроссе в рамках Всероссийского дня бега «Кросс Нации», первенство по баскетболу на базе Промышленно-экономического отделения СПб ГБПОУ «Петровский колледж» и иные мероприятия.

Также в рамках рассматриваемой темы нами был проведен анализ состояния физической подготовленности обучающихся первого курса Промышленно-экономического отделения СПб ГБПОУ «Петровский колледж». В исследовании приняли участие 55 юношей, средний возраст которых составляет 17-18 лет. В качестве видов испытаний использовались тесты, разработанные и представленные в программе физического воспитания обучающихся средних специальных учебных заведений. Для юношей – бег 100 м., 2000 м., подтягивание на высокой перекладине, прыжок в длину с места. В результате проведенного исследования нами сделан вывод о низком уровне физического потенциала молодежи, поступившей в общеобразовательное профессиональное учебное заведение.

В целях повышения уровня физической подготовленности обучающихся, формирования здорового образа жизни помимо проводимых просветительских и диагностических мероприятий, следует отметить особый подход к преподаванию дисциплины «Физическая культура» в Промышленно-экономическом отделении СПб ГБПОУ «Петровский колледж» с использованием здоровьесберегающих образовательных технологий, позволяющих посредством применения специфических методов воздействовать не только на физическую, но и на эмоциональную, интеллектуальную и иные сферы жизни обучающихся. При этом у обучающихся отсутствует необходимость сравнивать свои результаты с показателями наиболее подготовленных одно-

группников, в результате чего происходит переосмысление отношения к своему здоровью и взглядов на здоровый образ жизни в целом, понимание его ценности, изменение места здорового образа жизни в иерархии интересов и потребностей.

В случае отсутствия заинтересованности несовершеннолетних в ведении здорового образа жизни, занятиях физической культурой и спортом возрастает вероятность вовлечения в криминальную среду, в том числе в потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в немедицинских целях.

В связи с проведением руководством и преподавательским коллективом Промышленно-экономического отделения СПб ГБПОУ «Петровский колледж» эффективной воспитательной работы, обучающиеся не только заинтересованы в участии во внеучебной деятельности Промышленно-экономического отделения, мероприятиях городского уровня, поддержании волонтерского движения, но и отдельно следует отметить отсутствие среди обучающихся наркозависимых лиц.

Список литературы

1. Постановление Правительства Москвы от 05.10.2010 № 895-ПП (ред. от 06.09.2011) «О проведении в городе Москве в 2011 году Года спорта и здорового образа жизни» (вместе с «Концепцией городской модели здорового образа жизни», «Планом мероприятий по проведению в городе Москве в 2011 году года спорта и здорового образа жизни») // Вестн. Мэра и Правительства Москвы. – № 58. – 19.10.2010.

2. Воронин М.Ю. Факторы, детерминирующие наркотизацию несовершеннолетних и молодежи // Тр. Академии управления МВД России. – 2015. – №4 (36). – С. 41–44.

3. Гончарова К.Н. Психологические особенности отношения к риску наркозависимых правонарушителей различных возрастных групп [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-otnosheniya-k-risku-narkozavisimyh-pravonarushiteley-razlichnyh-vozzrastnyh-grupp> (дата обращения: 13.04.2019).

4. Ежегодный доклад за 2018 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. – URL: <http://www.spbdeti.org/id7616> (дата обращения: 16.04.2019).

С. С. Вьюшкова, В. И. Карпова

Особенности эмоционально-волевой сферы у лиц с диагнозом невроз

Современная эпоха с ее невротическими чертами, высокий уровень цивилизации в большей мере способствуют обострению стрессовых факторов, что в результате приводит к появлению или обострению органических неврозов и психосоматических болезней [3].

Проблема неврозов, а позже невротических расстройств, уже на протяжении долгого времени привлекает пристальное внимание ученых и практиков. Несмотря на длительную историю изучения, до сих пор отсутствуют общепринятые способы описания основных невротических форм и синдромов, критериев их дифференциальной диагностики, единого, а не общего понимания лечения. Невроз называли «болезнью XX века», но и в XXI в. эта проблема становится еще более актуальной.

Широкая распространенность невротических расстройств постоянно требует от медицины продолжения исследований в данной сфере.

Накопленный опыт исследования неврозов (К. Хорни, Ж. Бабинский, Е. Кречмер, И. П. Павлов, Б. Д. Карвасарский В. Н. Мясищев и др.) демонстрирует необходимость объединения усилий ученых, формирования единого понимания сути нервно-психических расстройств и интеграции представлений различных школ и подходов [1].

В данной работе мы акцентировали внимание на исследовании проблемы особенностей эмоционально-волевой сферы больных неврозов. Нарушения эмоционально-волевой сферы описаны в симптоматике неврозов, однако исследования в данной области малочисленны, особенно в отношении волевой сферы.

Объект исследования явились лица с невротическим расстройством.

Предмет исследования стали особенности показателей эмоционально-волевой сферы у лиц с невротическим расстройством.

В задачи данного исследования вошли следующие:

1. Изучить и сравнить такие показатели эмоциональной сферы как самочувствие, активность и настроение у лиц с невротическим расстройством и лиц без диагноза.

2. Исследовать индивидуальные особенности эмоциональной сферы у лиц с диагнозом Невроз и лиц без диагноза.

3. Выявить и сравнить показатели таких волевых качеств, как самоконтроль и сила воли у лиц с невротическим расстройством и лиц без диагноза.

4. Выявить и описать взаимосвязи между показателями эмоционально-волевой сферы в группе лиц с диагнозом Невроз.

Выборку составили 20 испытуемых (10 мужчин и 10 женщин) с диагнозом невроз (в возрасте 25–35 лет), проходящих лечение в стационарной клинике и 20 испытуемых, у которых не наблюдается невроз.

Для решения поставленных задач использовались следующие методики исследования:

1. Методика САН (В. А. Доскин, Н. А. Лаврентьева, В. Б. Шарай, М. П. Мирошников).

2. Методика «Личностная шкала проявления тревоги» (Дж. Тейлор, адаптация Т. А. Немчинова).

3. Методика «Эмоциональная возбудимость – уравновешенность» (Б. Н. Смирнов).

4. Методика «Изучение произвольного самоконтроля» (Г. С. Никифоров, В. К. Васильев и С. В. Фирсова).

5. Методика «Самооценка силы воли» (Н. Н. Обозова).

Анализ результатов исследования самочувствия показал, что у 80 % лиц без диагноза, наблюдается хорошее самочувствие, им свойственны внутренний комфорт, благополучие. Среди испытуемых с диагнозом невроз нет тех, у кого хорошее самочувствие.

У 20 % испытуемых с диагнозом и у 30 % испытуемых без невроза, нейтральное самочувствие.

Плохое самочувствие отмечено у 70 % испытуемых с диагнозом. Для них характерно чувство вялости, усталости, обессиленной внутренней дискомфорта.

Результаты исследования активности говорят о том, что у 60% испытуемых у которых не наблюдается невроз, высокая активность, это говорит об их активном включении в деятельность, стремление к быстрым действиям и инициативности в делах. Среди испытуемых с неврозами нет тех, у кого высокая активность. Таким образом, в ходе исследования мы установили, что у больных с неврозами хуже самочувствие и настроение, чем у людей, не страдающих невротическими расстройствами, они менее активны.

По результатам диагностики настроения, было установлено, что у 80 % испытуемых не склонных к неврозу позитивное настроение, они чувствуют себя полными сил, радостными. У 20 % испытуемых не склонных к неврозу и 50 % испытуемых с неврозами неопределенное настроение, они не могут сказать, что плохое, так же как и, что оно хорошее. У 40 % испытуемых с диагнозом невроз имеют плохое настроение, они чувствуют себя слабыми, несчастными. Для них характерно уныние и печаль, а также озабоченность.

У 50 % испытуемых без диагноза неврозом высокая сила воли, они способны к волевым усилиям в деятельности. У 20 % лиц с неврозом и 50 % лиц без диагноза средняя сила воли. Средние показатели силы воли говорят о том, что сила воли выше у испытуемых без диагноза невроз. Самоконтроль во взаимоотношениях низкий у 40 % испытуемых с неврозом и средний у оставшихся 60 %. Они в меньшей степени способны проявлять волевые усилия и контроль во взаимоотношениях с окружающими. Испытуемые не склонные к неврозу чаще проявляют волевые усилия в социальных отношениях, среди них у 50 % лиц средний уровень самоконтроля действий и у 50% лиц высокий уровень самоконтроля действий.

Настроение и эмоциональная возбудимость имеют положительную корреляционную связь, что говорит о том, что чем выше настроение, тем выше эмоциональная возбудимость. Так же как тревога и самоконтроль имеют положительную корреляционную связь, что свидетельствует о том, чем выше уровень тревоги, тем выше самоконтроль. Тревога и сила воли имеет так же положительную корреляционную связь, чем выше уровень тревоги, тем выше сила воли.

Эмоционально-волевою сферу составляют эмоциональные процессы и состояния и волевые качества и процессы, которые основной функцией имеют регуляцию деятельности.

Эмоции выступают в качестве оценки в ситуациях, в которых возникает необходимость волевой регуляции, «санкционируют» результат проявления волевых действий своим качественным содержанием и интенсивностью [2]. Воля нужна при выборе цели, принятии решения, при осуществлении действия, при преодолении препятствий [5]. На личностном уровне воля проявляется в таких свойствах, как сила воли, энергичность, настойчивость, выдержка и др. Их можно рассматривать как первичные, или базовые, волевые качества личности. Такие качества определяют поведение, которое характеризуется всеми или большинством описанных выше свойств.

Невроз – это обратимые пограничные психические нарушения, осознаваемые больными, обусловленные воздействием психотравмирующих факторов и протекающие с эмоциональными и соматовегетативными расстройствами [6].

Помимо этого отмечается, что при неврозах происходит нарушение и произвольной регуляции, больные безынициативны, у них ослаблен самоконтроль.

Эти положения подтвердились в ходе данного эмпирического исследования.

Также было установлено, что испытуемые с неврозом:

- характеризуются низкими показателями самочувствия, активности и настроения, высокая тревога, высокая эмоциональная возбудимость;

- имеют низкий самоконтроль им не свойственно стремление к волевым усилиям и настойчивость в достижении цели.

Полученные результаты могут быть использованы в практике психологического сопровождения лечения неврозов и диагностики невротических расстройств.

Список литературы

1. Анохин П.К. Эмоции / Психология эмоций. Хрестоматия / под ред. Вилюнаса В. – СПб.: Питер, 2007. – С. 268–276.
2. Карвасарский Б.Д. Неврозы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1990. – 576 с.

3. Петрушин В. И. Неврозы большого города. – М.: Академический проект, 2004. – 367 с.
4. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М.: АСТ, 2007. – 480 с.
5. Свядоц А.М. Неврозы и их лечение. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1971. – 451 с.
6. Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 880 с.

С. С. Вьюшкова, Е. К. Колесникова

Психосоматические проявления профессионального выгорания педагогов с различным стажем профессиональной деятельности

Профессия педагога относится к сфере профессий типа «человек – человек», т. е. тех, которые отличаются интенсивностью и напряженностью психоэмоционального состояния и которые наиболее подвержены влиянию профессионального выгорания. Данной проблематикой в свое время занимались многие ученые (В.В. Бойко [3], С.П. Безносков [2], М.В. Борисова [4], К. Маслач и др.).

Современная школа предъявляет значительные требования ко всем сферам деятельности педагога: знаниям, педагогическим умениям и способам деятельности и, конечно, к личностным особенностям. Синдром эмоционального выгорания, характеризующийся эмоциональной сухостью педагога, расширением сферы экономии эмоций, личностной отстраненностью, игнорированием индивидуальных особенностей учащихся оказывает достаточно сильное влияние на характер профессионального общения педагога. Данная профессиональная деформация мешает полноценному управлению учебным процессом, оказанию необходимой психологической помощи, становлению профессионального коллектива [1]. Реальная педагогическая практика показывает, что сегодня довольно четко прослеживается факт потери интереса к ученику как к личности, неприятие его таким, какой он есть, упрощение эмоциональной стороны профессионального общения. Многие педагоги отмечают у себя наличие психических состояний, дестабилизирующих профессиональную деятельность (тревожность, уныние, подавленность, апатия, разочарование, хроническая усталость).

Целью исследования явилось изучение особенностей психосоматического проявления профессионального выгорания педагогов в зависимости от стажа работы.

Были поставлены следующие задачи:

1. Выявить различия в личностных особенностях у учителей с разным стажем работы.

2. Определить уровень профессионального выгорания у педагогов с разным стажем работы.

3. Установить взаимосвязь профессионального выгорания с личностными особенностями и соматическими жалобами.

Объектом выступили 30 педагогов, работающих в ГАБОУ СОШ со стажем работы от 1 года до 40 лет. Возраст варьировался от 21 до 70 лет.

Для данного исследования использовались следующие методики: «Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К.К. Яхин, Д.М. Менделевич», «Методика диагностики эмоционального выгорания В.В. Бойко», «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса и А.Дарки» (в адаптации А.К. Осницкого), «16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла» (форма С), «Гиссенский опросник соматических жалоб».

В ходе сравнительного анализа по клиническому опроснику Яхина-Менделевич обнаружены значимые различия на уровне значимости $p \leq 0,05$ по шкалам Астении и Вегетативным нарушениям. Это может свидетельствовать о том, что молодые педагоги испытывают сильные психические нагрузки, которые, вероятно, могут проявляться в психосоматических заболеваниях внутренних органов, а также в хронической усталости и расстройствах сна, так как на данном этапе профессиональной деятельности происходит разочарование в выборе профессии, а также психологически напряженная деятельность без получения отдачи со стороны учеников, их родителей и коллег.

Было установлено, что у молодых педагогов, в отличие от их более старших коллег, есть тенденция к формированию синдрома профессионального выгорания. Психосоматические заболевания у учителей со стажем менее 20 лет проявляются в виде заболеваний отдельных внутренних органов и астенических реакций. У педагогов со стажем более 20 лет синдром профессионального выгорания не выявлен. Это может быть следствием того, что «выгоревшие» педагоги уволились ранее, отработав менее 20 лет, либо у опытных учителей со временем «выработался иммунитет» к своего рода профессиональным заболеваниям.

Выявлено, что у педагогов со стажем работы более 20 лет сильнее проявляются жалобы на усталость, на желудочные недомогания и работу сердечно-сосудистой системы, а также на субъективные страдания, носящие алгический и спастический характер. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что из-за длительного однообразного труда и возраста у педагогов с большим стажем

работы соматические жалобы проявляются сильнее, чем у более младших коллег. Вероятным также может быть, что эти жалобы значимо выше из-за возраста педагога, так как учителя со стажем работы более 20 лет находятся в возрастной категории от 49 до 69 лет.

Ни у одного из испытуемых не выявлено агрессивных реакций. Это может свидетельствовать о том, что у педагогов отсутствуют стимулы, провоцирующие агрессивные реакции на то или иное действие учеников или коллег.

Обнаружена обратная зависимость стажа профессиональной деятельности и профессионального выгорания в стадии Истощения, астении и шкалы «независимости»). Это может свидетельствовать о том, что, чем выше стаж работы, тем менее выражены стадия Истощения профессионального выгорания, астенические проявления и тем более мягкими, податливыми, уступчивыми и зависимыми становятся учителя.

Кроме этого, обнаруженные положительные корреляционные связи указывают на то, что с увеличением стажа профессиональной деятельности растет количество жалоб, связанных с желудочными недомоганиями.

Сопоставляя корреляционный сравнительный анализ, можно сделать вывод о том, что в данной выборке преподавательского состава профессиональное выгорание формируется у педагогов со стажем профессиональной деятельности менее 20 лет.

Учителя, вне зависимости от стажа, обладают такими личностными особенностями, как эмоциональная стабильность, уверенность в себе и высокий уровень самоконтроля. Фазы синдрома эмоционального выгорания в большей степени отрицательно коррелируют с обязательностью, ответственностью и упорностью в достижении цели. Педагог, не обладающий перечисленными качествами, более склонен к формированию синдрома эмоционального выгорания. С учетом специфики педагогической деятельности, данные качества можно отнести к профессионально важным, позволяющим педагогу успешно реализовываться в профессии и социально адаптироваться.

Профессия учителя как идея социального служения почти столь же древняя, как и понятие "социум". В обществе всегда необходимы люди, которые будут учить последующие поколения и передавать весь накопленный исторический и жизненный опыт. Научение было и остается способом самореализации, самосовершенствования, связи и общения с другими людьми. Однако многие не обращают внимания на сложность данной профессии, которая заключается в общении как с самими учениками, так и их родителями, предопределяется многообразием трудовых задач, значительной физической и психологической нагрузкой, что предполагает высокие требования к личности педагога.

Показано, что «профессиональное выгорание» у работников профессий типа человек-человек является одним из основных факторов деформации личности и во многом определяет особенности профессионального выгорания [5].

Таким образом, профессиональное выгорание представляет собой результат деструктивного влияния профессиональной деятельности на развитие личности и не зависит от стажа профессиональной деятельности. Чем больше личных затрат требует профессиональная деятельность, тем более вероятно проявление симптомов выгорания. В том случае, когда ресурсы человека оказываются несоответствующими требованиям профессии (в случае субъективной не успешности специалиста), данный синдром получает большее развитие.

Список литературы

1. Акиндинова И.А. Методы психологической помощи работе с последствиями синдрома эмоционального выгорания специалистов помогающих профессий: Психологический журнал. – 2010. – Т. 17. – № 4. – С. 56–72.
2. Безносов С.П. Профессиональная деформация личности. – СПб.: Речь, 2004. – С. 272.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб.: Питер, 1999. – С. 99–105.
4. Борисова М. В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопр. психологии. – 2005. – № 2.
5. Мальцева Н.В. Проявление синдрома психического выгорания в процессе профессионализации учителя: дис. ... канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 190.

О. М. Гуменская

Феномен психологического здоровья в свете системно-генетического подхода к рассмотрению явлений психики

В современном мире вопрос о формировании отношения к собственному здоровью каждого конкретного человека как к непреходящей ценности становится важной общественной задачей, разрешение которой потенциально способствует оздоровлению общества в целом. Задача эта многогранна, так как включает медицинский, психологический, социологический, экономический, экологический, юридический и другие аспекты.

В связи с вышесказанным, одной из основных задач настоящего этапа развития психологии здоровья является построение гипотетической (эвристической) модели психологически здоровой личности (МПЗЛ) как системы координат и ориентиров в рамках современного

социокультурного контекста. Использование МПЗЛ представителями научных и профессиональных сообществ в области валеологии, медицинской реабилитации, педагогической практики, безопасности труда, спорта, исправительной системы и других областей жизнедеятельности человека обеспечит разработку методов диагностики, развития и коррекции развития психологического здоровья личности; обучающих, консультативных, психотерапевтических и тренинговых практик.

Перспективным в плане смысложизненной ориентации является изучение здоровья с точки зрения человеческой экзистенции, так как полноценное здоровье является результатом бытия целостной человеческой личности. Обозначенные приоритеты согласуются с гуманистической традицией [1].

Методологическими основаниями нашего исследования являются: экзистенциальный подход к рассмотрению феномена психологического здоровья на основе принципа системно-генетической иерархии психологических явлений.

Принцип системно-генетической иерархии структур психики (СГП – системно-генетический принцип) в 1976 г. взят в качестве основания Евгением Ильичом Гарбером, профессором кафедры психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, для создания авторской схемы «Структура развитой человеческой психики», – является частным проявлением философского и общенаучного принципа развития. СГП подчёркивает генетическую (по происхождению) связь явлений психики и их развитие в процессе становления личности (явление как процесс – как состояние – как интегральное образование личности).

Авторская схема – структура развитой человеческой психики Е.И. Гарбера представляет человеческую психику, состоящей из четырех структур-компонентов. В основании – протопсихика (первичное интегративное нервно-психическое основание развития психики человека) – Pps. Эволюционно-социальное развитие Pps пошло по двум направлениям: познание мира, то есть реальной среды жизнедеятельности – Mrs (манипулятивный компонент) и познание «другого и других», то есть социума – Ips (интерактивный компонент), на основе которых у человека формируется познание самого себя – Rps (рефлексивный компонент) [2].

Итак, предмет нашего исследования – психологическое здоровье личности: как результат бытия целостной человеческой личности; как основополагающая ценность личности, формирующаяся и реализующаяся на психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом уровнях через систему базовых отношений личности: к миру, к людям, к самому себе.

Немаловажным нам представляется на уровне дефиниций подчеркнуть отличительные особенности феномена психологического здоровья от психического здоровья. Понятие «психическое здоровье» принято Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) в 1957 г. Психическому здоровью (ПЗ) как элементу здоровья в широком смысле этого слова, по определению президента Ассоциации по улучшению программ в сфере психического здоровья, д.м.н., профессора Нормана Сарториуса, можно дать три определения. ПЗ это, во-первых, отсутствие у человека выраженных психических расстройств; во-вторых, определённый резерв сил человека, благодаря которому он может преодолеть неожиданные стрессы или затруднения, возникающие в исключительных обстоятельствах; в-третьих, состояние равновесия между человеком и окружающим миром, гармонии между ним и обществом, сосуществование представлений отдельного человека с представлениями других людей об объективной реальности [3].

Если психическое здоровье имеет отношение к отдельным психическим явлениям и механизмам, то психологическое здоровье имеет отношение к личности в целом и представляет собой состояние полного физического, психического, духовного и социального благополучия личности. Оно формируется при взаимодействии внутренних (индивидуально-личностных) и внешних (средовых, в том числе, социальных) факторов и выполняет векторно-ориентационную, регулирующую и координирующую функции в отношении целостного здоровья целостной личности человека.

Формулируя гипотезу исследования, мы исходили из того, что на основе познания мира во всем его многообразии, включая самого себя, у человека формируются отношения к этому миру. В зависимости от того, насколько адекватны эти отношения действительности и продуктивны в плане личностного развития, можно судить о состоянии психологического личностного здоровья конкретного человека.

По нашему мнению, психологическое здоровье личности связано с гармоничным сочетанием проявлений трех основных отношений личности (по Е.И. Гарберу): к себе; к другим; к жизни. Эти отношения можно рассматривать соответственно на трех уровнях: потребностно-процессуальном (ПП); личностно-регуляторном (ЛР); рефлексивно-экзистенциальном (РЭ) [4; 5]. Таким образом, в сфере «Отношение к себе» выделены три основных показателя:

- на уровне ПП – перцептивный – *позитивное самовосприятие*;
- на уровне ЛР – регулятивный – *способность к самоуправлению*;
- на уровне РЭ – рефлексивный – *понимание себя (самопонимание)*.

В сфере «Отношение к другим» наиболее важными являются следующие показатели:

- на уровне ПП – потребностно-мотивационный – *желание и стремление к общению, к самореализации во взаимодействии с людьми;*

- на уровне ЛР – поведенческий – умение включаться в эмоционально-доверительное общение с людьми;

- на уровне РЭ – эмпатийный – *способность к сопереживанию и принятию других.*

В сфере «Отношение к жизни» нами были выявлены следующие наиболее обобщенные показатели, специфичные для психологически здоровой личности:

- на уровне ПП – инструментальный – *пути и средства достижения различных жизненных целей;*

- на уровне ЛР – терминальный – *сформированность жизненных целей и планов в соответствии с гуманистическими ценностями;*

- на уровне РЭ – рефлексивный – понимание и переживание самоценности своего существования.

Предложенное нами содержательное наполнение базовых отношений, определяющих развитие психики человека и его личности в целом, позволяет, с одной стороны, подобрать диагностическое обеспечение, соответствующее каждому уровню проявления отношений, с целью выявления индивидуально характерных особенностей психологического здоровья конкретной личности на каждом из конкретных уровней базовых отношений; а, с другой, разработать систему воспитательных развивающих, корректирующих мероприятий (в зависимости от возраста, рода занятий, социальной или асоциальной направленности конкретного человека).

Список литературы

1. Франкл В. Десять тезисов о личности / пер. Е. Патяевой, под ред. Д. Леонтьева // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. – № 2. – С. 4–13. – URL: <http://psylib.org.ua/books/index.htm>

2. Школа и психическое здоровье учащихся / под ред. проф. С.М. Громбаха. – М.: Медицина, 1988. – С. 27.

3. Гарбер Е.И. Системно-генетическая психология. – Саратов: Изд-во СГУ, 1998. – С. 17–25.

4. Кудряшова В.В. Обеспечение психологического здоровья студентов средствами психологической службы педагогического колледжа: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д., 1999.

5. Гуменская О.М., Гуменский А.В. Психологическое здоровье студента и психологическая безопасность образовательной среды вуза (интеграция социологического и социально-психологического подходов // Организационная психология: люди и риски: сб. материалов II российско-американской научн. конф. / под ред. проф. Л.Н. Аксеновской. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – С. 57–62.

Подходы к толкованию сновидений у представителей психоаналитического направления

Анализ сновидений является очень важным с точки зрения психоаналитического подхода. Многие исследователи утверждают, что наше бессознательное открывается нам во сне, который не является лишь пассивным отдыхом мозга. Во время сна осуществляются различные процессы переработки информации, причем не поступающей в данный момент от анализаторов как во время бодрствования, а накопившейся за день. В этот процесс вовлекается память о прошлом, строятся планы на будущее. Различные данные о состоянии нашего тела и психики, о нереализованных потребностях, о способах решения проблемных ситуаций проявляются в сновидениях. При этом данная информация является актуальной, в ней зашифровано то, на что стоит обратить внимание в текущий промежуток времени. Мы можем расшифровать послания и понять, что действительно важно, что нас беспокоит. Затем, зная проблему, ее можно начать решать.

В данной статье рассмотрены основные подходы к толкованию сновидений с точки зрения психоаналитического направления в психологической науке в рамках концепций таких исследователей, как Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер, Карл Густав Юнг и Эрих Фромм, так как в их работах можно найти довольно разработанные предположения о природе сновидений. Стоит отметить, что, несмотря на то, что ученые считаются представителями одного течения в психологии, их взгляды на природу и толкование сновидений различаются.

В психологии можно взглянуть на проблему сновидений с разных точек зрения, так как существует множество различных подходов. Большое значение в развитии психологии имел психоаналитический подход, в котором значимое место занимают бессознательные процессы. В рамках психоанализа ставились вопросы о том, как бессознательные психические процессы влияют на жизнь и здоровье человека, когда возникает конфликт сознания с бессознательным, в чем причина образования нервных расстройств. Психоаналитическое направление фокусируется не только на устранении психических и соматических симптомов, но и на выявлении причин, которые их вызвали.

С точки зрения психоаналитического подхода, психические расстройства обуславливаются в первую очередь травмирующими событиями, которые могли произойти в детстве. Также возникает противостояние между бессознательными влечениями и моральными,

нравственными нормами общества, приводящее к конфликту, который не решается, а подавляется. Именно накапливание таких конфликтов может стать причиной неврозов.

Кроме травмирующих ситуаций, в бессознательном психическом содержатся влечения и инстинктивные желания, которые подавляются с помощью работы защитных механизмов, но тем не менее могут оказывать негативное влияние.

Психоаналитическое направление обращает свое внимание на раскрытие информации, вытесненной защитными механизмами психики из сознания человека, которая, в частности, обнаруживается в сновидениях. Кроме этого данный подход пытается обнаружить причины расстройств с помощью собственных способов, таких как метод свободных ассоциаций, метод толкования сновидений и метод анализа ошибочных действий.

Одним из исследователей, занимавшихся проблемой толкования сновидений, был австрийский психолог, психиатр и невролог Зигмунд Фрейд, который был первооткрывателем в эмпирическом исследовании подсознательного фона сознания. Он утверждал, что сны нельзя рассматривать в качестве случайных процессов, так как они ассоциативно связываются с мыслями и проблемами, присутствующими в сознании. Данные взгляды базировались на теориях неврологов (в том числе Пьера Жане) о связи невротических симптомов с конкретными сознательными переживаниями.

Фрейд понимал сновидения как образное представление бессознательных желаний и стремлений, считал, что сновидения вызываются актуальными переживаниями, затронувшими переживания из детства, объяснял неясность и расплывчатость снов действием цензуры и механизмов «работы сновидения» (сгущение, смещение, вторичная обработка и другие). Сгущение описывается Фрейдом как процесс сжатия скрытых мыслей, что приводит к тому, что только часть их попадает в явное содержание сновидения (то, что развертывается перед мысленным взором человека во сне). Смещение – это механизм, при действии которого значимый элемент скрытого содержания сна выражается в явном содержании при помощи далеких символов, которые воспринимаются как малозначимые, что приводит к маскировке истинного смысла сна. Вторичная обработка завешает маскировку, в результате чего исправляются не состыковки и заполняются пробелы в явном содержании сна, что превращает явное содержание сновидения в логически связанную историю [8].

По Альфреду Адлеру, сновидение обладает функцией предсказания, это как бы попытка предвосхитить ситуацию, построить планы на будущее. В результате обрисовывается жизненная линия человека, мы начинаем видеть его бессознательный жизненный план,

чтобы в дальнейшем помочь справиться с затруднительной ситуацией, с адаптацией к жизни и своей неуверенностью [1].

Карл Густав Юнг считал, что толкование символов сновидений требует вдумчивого подхода, т. е. когда мы пытаемся понять символ, мы сталкиваемся не только с ним самим, но и с неповторимостью личности человека, видевшего сон. В общем, не существует универсального толкования знаков и символов сновидения, нужно отталкиваться от уникального виденья мира конкретного человека. Основную роль сновидений Юнг видел в восстановлении психического равновесия между сознанием и бессознательным, между состоянием сна и бодрствования [10].

По Эриху Фромму, сон – иная форма существования, противоположная бодрствованию, он связан с восприятием себя, а бодрствование – с действием. Состояние сна обладает двойственной природой, так как в нем в нас может проявляться как самое плохое, так и самое хорошее. Следовательно, сложность при толковании сновидений заключается в понимании, какая сторона проступает в конкретном сновидении. Данный момент можно определить только с помощью рассмотрения личности сновидца, учтя настроение человека и его жизненную ситуацию. Также Фромм утверждал, что умственная деятельность во сне может быть даже активнее, чем в состоянии бодрствования. Еще в состоянии сна человек способен полнее разбираться во взаимоотношениях с окружающими, выдавать более здравые суждения, предвидеть будущее [9].

В целом теории сновидений у авторов связаны с их направлениями в науке. Классический психоанализ Зигмунда Фрейда опирается на сексуально-биологический контекст. Индивидуальная психология Альфреда Адлера видит в основе личности социальные потребности и мотивы. Аналитическая психология Карла Юнга обращает внимание на внутрилличностный аспект и коллективное бессознательное. Эрих Фромм – один из основателей неопрейдизма – считал, что стоит перенести акцент с биологических мотивов человеческого поведения в психоанализе на социальные факторы.

В общем и целом изучение сновидений является весьма интересной и полезной областью. Данная тема поднимается не только в психоанализе, но и в других областях научного знания. В настоящее время существует наука онейрология, изучающая сон и сновидения. Также активно развивается сомнология – раздел медицины и нейробиологии, который посвящён исследованиям сна, расстройств сна, их лечению и влиянию на здоровье человека.

В наши дни тема сна как состояния сознания до конца еще не изучена. Предстоит провести еще много исследования и вывести немало теорий, чтобы приблизиться к разгадке тайны сновидений.

Список литературы

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. – М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – С. 180–192.
2. Алейникова Т.В. Психоанализ: учеб. пособие. – Ростов н/Д.: Феникс, 2008.
3. Бар Н. С. Развитие психологической мысли в XX веке: учеб. пособие. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – 136 с.
4. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / пер. с англ. – М.: Попурри, 2006.
5. Бескова И. А. Природа сновидений (эпистемологический анализ) / РАН, Ин-т философии. – М., 2005. – 239 с.
6. Змановская Е.В. Современный психоанализ. Теория и практика. – СПб.: Питер, 2011.
7. Лейбин В.М. Психоанализ: учеб. пособие. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008.
8. Фрейд З. Толкование сновидений / пер. с нем. – М.: Эксмо, 2013.
9. Фромм Э. Забытый язык: Введение в понимание снов, волшебных сказок и мифов. – М.: АСТ, 2010. – 161 с.
10. Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. Мать. Дух. Фрикстер. Пере рождение. – СПб.: Timothy, 1997.

Ю. В. Еремеева, Н. В. Головешкина

Психологическое сопровождение тренерского процесса на примере конного спорта

Конный спорт – олимпийский вид спорта, в связи с чем он заслуживает внимания исследователей. Спортсмены в целом изучаются довольно долго, но у конного спорта есть особенность: команду составляет пара «всадник – лошадь», поэтому стоит изучать человека верхом на лошади, особенности взаимодействия в тандеме.

В настоящее время происходит формирование психологии конного спорта. Проводятся различные исследования (В.В. Нероденко, С. Макбрайд, Д.С. Миллс, Г. Гервек), но они не могут достаточно полно ответить на актуальные вопросы касательно психологических особенностей спортсменов-конников, лошадей, их взаимодействия.

Любой вид спорта требует определенной совокупности психических и физических качеств. Сейчас тренеры занимаются физической подготовкой всадника, придавая мало значения психологическим особенностям спортсмена.

Предметом нашего исследования являются психологические особенности тренерской и спортивной деятельности в конном спорте.

Объект: спортсмены и тренеры в конном спорте.

Цель: исследовать психологические характеристики спортсменов-конников, выступающих в конкуре и выездке.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

- представлен исторический обзор изучения проблемы взаимодействия всадника и лошади, показана история становления психологии лошади и всадника;

- определены психологические особенности спортсменов-конников, выступающих в разных дисциплинах – конкуре и выездке, что позволяет расширить современные представления о психологии спортсменов в конном спорте.

На данный момент в конном спорте ощущается дефицит психологических знаний. В подготовке тренеров не уделяется внимание спортивной психологии, в результате зачастую не получается качественно решить возникающие проблемы во взаимоотношениях всадника и лошади. Отчасти поэтому в соревнованиях на международном уровне так мало спортсменов-конников из России.

Спортивная психология зародилась недавно, и пока мало внимания уделяется исследованию конного спорта.

Изучается психология всадника как спортсмена. Поднимаются проблемы предстартовых состояний всадника, стартового волнения, изучается важность рассмотрения свойств внимания и памяти, разрабатываются техники визуализации и саморегуляции, повышения уверенности в себе [5].

Изучается психология лошади: мотивы ее работы, влияние темперамента, характера на особенности взаимодействия с человеком. Существуют теоретические и практические исследования, в результате которых выделены некоторые типы лошадей, а также наборы качеств, которые в индивидуальных сочетаниях могут быть представлены в лошади.

Но сейчас активно внедряется принцип взаимности обучения всадника и лошади: не только человек учит лошадь, но и лошадь способна учить человека. Лошадь уже не является спортивным снаряжением, она – часть команды, партнер, и успешность спортивной пары зависит от способностей и всадника, и лошади. Специалисты считают, что необходимо также соответствие всадника и лошади по темпераменту и характеру. Практика подтверждает, что какими бы талантливыми ни были и человек, и лошадь, они могут быть успешными, если не подходят друг другу.

В настоящий момент очевидно, что всадник и лошадь представляют собой отдельную систему. И неизученной областью является как сама система, так и процессы, протекающие внутри звеньев системы – всадника и лошади, учитывая, что они оказывают бесспорное влияние друг на друга.

На данный момент завершено эмпирическое исследование, направленное на изучение спортсменов в выездке и конкуре, где под-

черкнута важность учета индивидуальных особенностей спортсменов в процессе тренировочной деятельности. Исследование проводилось на базе ГБОУ ДОД «СДЮСШОР по конному спорту и современному пятиборью», СПбГАВМ, КСК «Комарово». В исследовании приняли участие стартующие спортсмены в возрасте от 15 до 30 лет. Уровень подготовки соответствовал программе для юношей и юниоров. Общий объем выборки – 32 чел. В группу выездки вошли спортсмены, выступающие по программе юношеских и юниорских езд. В группу конкурра – спортсмены, выступающие по высоте препятствий 100–130 см. Данные программы идентичны по уровню подготовки.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в психологическом сопровождении тренерского процесса.

Исходя из результатов исследования можно составить рекомендации к проведению тренировок. Выявленные различия между группами конкурра и выездки не только характеризуют спортсменов и позволяют составить общий психологический портрет всадников, но дают представление о направлениях работы с ними для достижения наиболее высоких результатов.

Среди конкурристов выявлен высокий процент личностей «гипертимного» типа. Такие всадники будут стремиться к самостоятельности, риску, проявлению инициативности. Трудности с ними в процессе тренировки могут проявиться в отсутствии реакции на замечания, низкой самокритичности и высокой энергичности, легкомысленности. С такими спортсменами тренеру не рекомендуется работать в условиях жесткой дисциплины, монотонности, постоянной критики, а следует грамотно направлять активность всадника, предлагать разнообразные упражнения, менять задания.

Также выражен «эмотивный» тип, отличающийся чувствительностью, глубоким переживанием неудачи, излишней восприимчивостью к критике, но исполнительностью и ответственностью. С ними рекомендуется работать без форсирования и давления, отмечать то, что у них получается хорошо, и конструктивно говорить, что получается хуже, а также как это исправить. Важен ровный тон тренера, когда он делает замечания. У таких спортсменов необходимо поддерживать мотивацию при неудачах.

Среди всадников в выездке наблюдается наибольший процент всадников с «циклотимным» и «застревающим» типами. Первые ответственные, рассудительны, подвержены сменам настроения. Тренеру стоит сдержанно реагировать на возможные вспышки гнева, следить, чтобы гнев не выплеснулся на лошадь. Таким спортсменам тяжело длительно сохранять работоспособность, поэтому следует наблюдать за состоянием всадника, отмечать признаки утомления и снижать нагрузку, чтобы не снизилась продуктивность.

Всадники «застревающего» типа отличаются упорством, высокой работоспособностью, требовательностью к себе и лошади, стремлением добиться высокого результата. Стоит контролировать степень настойчивости всадника к лошади, чтобы она не проявилась в жесткости и грубой работе. Ситуации неопределенности могут быть стрессовыми, поэтому им важно четко формулировать задачи. Такой всадник будет успешен, если помочь ему развить гибкость.

В целом спортсмены по направлениям «выездка» и «конкур» различаются по степени выраженности психологических признаков. Также всадники отличаются по набору психологических и личностных характеристик, поэтому каждая спортивная пара индивидуальна в своих отношениях, и тренер должен учитывать данные различия и организовывать по-разному тренировочный процесс.

Дальнейшее исследование проблемы психологического сопровождения тренерского процесса спортсменов-конников может быть связано с разработкой программы индивидуальных тренировок, учитывающей особенности как всадника, так и лошади.

Список литературы

1. Вуд П. Искусство верховой езды: в гармонии с лошадью. – М.: Аквариум Принт, 2012.
2. Гервек Г. Психология лошади. Нрав, чувства, поведение. – М.: Аквариум, 2004.
3. Нероденко В.В. Всадник – тренер: особенности психологического взаимодействия // Первый украинский конный журнал Horses. – № 34 – 2016.
4. Нероденко В. В. Психология конного спорта. – К.: Имидж Принт, 2009.
5. URL: <http://www.seanaadamson.com>.

В. А. Исаева, В. Е. Капитанаки

Особенности отношения к болезни у юношей с вегето-сосудистой дистонией по гипертоническому типу

Современная медицина не считает синдром вегето-сосудистой дистонии (ВСД) самостоятельным заболеванием. Это определенный набор симптомов, которые являются составляющей различных соматических заболеваний. Основой ВСД считается дисбаланс между парасимпатической и симпатической вегетативной нервной системой. ВСД по гипертоническому типу сопровождается скачками артериального давления, повышенной утомляемостью, общей слабостью. Возникают сильные головные боли, частые перепады настроения. Эта разновидность ВСД по МКБ 10 соответствует кодам I10, I15 – первая либо вторая стадия артериальной гипертензии.

Связь ВСД и артериальной гипертензии, в частности, с различными психоэмоциональными перенапряжениями, типологическими свойствами личности и индивидуальной чувствительности к стрессу была показана в ряде работ различных ученых (Ценципер М.Б., 2000; Алмазов В.А., 2001). Психологическому стрессу отводят важную роль в формировании артериальной гипертензии (Березин Ф.Б., 1996; Гогин Е.Е., 1993, 2001). В качестве основных патопсихологических проявлений сосудистой дистонии, протекающей в виде психогенно обусловленной транзиторной артериальной гипертензии отмечается страх смерти от инфаркта миокарда или кровоизлияния в мозг. У пациентов молодого возраста ведущими патопсихологическими проявлениями являются неврастеноподобные, астено-ипохондрические состояния [2].

Однако до сих пор не уточнены индивидуально-типологические свойства лиц юношеского возраста склонных к формированию ВСД гипертонического типа.

Цель исследования – изучить особенности внутренней картины болезни у юношей с ВСД гипертонического типа.

В данном исследовании основную группу составили 30 юношей с ВСД, имеющих диагноз артериальная гипертензия (I.10.). Контрольную группу составили лица, которые не имеют патологии со стороны сердечно-сосудистой системы (30 человек).

В исследовании использованы следующие методики: Опросник диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ), опросник Минимульт, методика «Индекс жизненного стиля».

При анализе средних значений, полученных по методике ТОБОЛ, было выявлено, что у юношей с ВСД гипертонического типа ведущими типами отношения к болезни являются анозогнозический и эргопатический. Следовательно, данные респонденты склонны игнорировать симптомы заболевания и отказываться от лечения. Также они склонны к уходу от болезни в работу, манифестируют ответственное и одержимое отношение к своей работе, стремление сохранения возможности продолжения активной трудовой (или учебной) деятельности носит компенсаторный характер и является способом игнорирования заболевания.

В ходе сравнительного анализа были выявлены достоверные различия между выборками по анозогнозическому ($p \leq 0,001$) эргопатическому ($p \leq 0,01$) типам отношения к болезни. Это свидетельствует о том, что юношам с ВСД гипертонического типа достоверно более свойственно активное отбрасывание мыслей о болезни и отказ от лечения. А также – сверхответственное, подчас одержимое, стеничное отношение к работе.

Анализируя средние показатели, полученные по методике Минимульт, установлено, что и у юношей с ВСД и у здоровых юношей

T-баллы, полученные по всем шкалам, не превышают нормативных значений, что свидетельствует о достаточной личностной гармоничности. При этом ведущей личностной характеристикой юношей с ВСД по гипертоническому типу является выраженность шизоидных черт.

В ходе сравнительного анализа было выявлено, что существуют достоверные различия между юношами с основной и контрольной групп именно по шкале психастении ($p \leq 0,05$). Это означает, что юношей с ВСД по гипертоническому типу характеризует склонность к сомнениям и отсутствие уверенности, низкая толерантность к стрессам, робость и застенчивость.

Так же были получены достоверные различия по шкале гипомании. Баллы по данным шкалам достоверно выше ($p \leq 0,01$) у респондентов контрольной группы. Это свидетельствует о том, что юношам с ВСД по гипертоническому типу достоверно менее свойственна высокая активность.

Анализируя средние показатели, по методике ИЖС можно сказать, что у юношей с ВСД гипертонического типа ведущими механизмами психологической защиты являются отрицание и вытеснение. Следовательно для них характерно отрицание информации, которая тревожит и может привести к конфликту и некоторым аспектам внешней реальности. Также юноши с ВСД часто неосознают неприемлемые для них мысли и чувства, таким образом вытесненные переживания не находят своего разрешения, сохраняя при этом свои эмоциональные и вегето-сосудистые компоненты, что, в свою очередь, может оказывать влияние на формирование ВСД.

У контрольной группы ведущими механизмами психологической защиты являются интеллектуализация и замещение.

При анализе полученных результатов были выявлены достоверные различия, таким механизмам психологической защиты, как отрицание ($p \leq 0,01$), вытеснение ($p \leq 0,01$). Это говорит о том, что для юношей с ВСД гипертонического типа достоверно в большей степени характерно вытеснение и отрицание каких-либо фрустрирующих, вызывающих тревогу обстоятельств. Достоверно менее для основной группы характерно использование такого защитного механизма, как интеллектуализация ($p \leq 0,01$), который заключается в пресечении переживаний, вызванных неприятной или субъективно неприемлемой ситуацией, при помощи логических установок и манипуляций.

Анализируя репертуар психологических защит юношей с ВСД гипертонического типа, целесообразно отметить, что они в процессе своей жизнедеятельности используют более примитивные и менее зрелые защитные механизмы, нежели здоровые юноши.

В ходе корреляционного анализа в основной группе выявлена прямые взаимосвязи эргопатического ($p < 0,01$) и анозогнозического ($p < 0,05$) типов отношения к болезни с механизмами психологической

защиты вытеснение и отрицание. Следовательно, при большей склонности к продуцированию защитных реакций указанных типов, повышается вероятность формирования эргопатического или анозогнозического типа реагирования на болезнь, что будет проявляться в частичном или полном игнорировании симптомов заболевания и крайней избирательностью в лечении.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В ходе исследования было выявлено, что у юношей с ВСД по гипертоническому типу ведущими типами отношения к болезни являются анозогнозический и эргопатический.

2. Юноши с ВСД по гипертоническому типу достаточно осторожны и боязливы, робки и застенчивы, стараются избегать непредвиденных ситуаций. Они тревожны, добросовестны и ответственны. Вероятно, предрасположенность к эргопатическому и анозогнозическому реагированию на заболевание обусловлена указанными личностными особенностями респондентов и отражает стремление юношей с ВСД совладать со своей тревожностью за счет попыток сохранить установившийся образ жизни, и, проявляя особое усердие в работе, удерживать все под контролем избегая тем самым критики и неудачи.

3. Для юношей с ВСД по гипертоническому типу достоверно более характерно, по сравнению со здоровыми, использование в процессе своей жизнедеятельности механизмов психологической защиты по типу отрицания и вытеснения. Данные защиты достаточно примитивны, не допускают осознания и переработки фрустрирующей информации, сохраняя и усиливая при этом нервно-психическое напряжение. Подобное стресспротекторное реагирование, сохраняющееся на протяжении всей жизни, может выступать в качестве одного из предикторов формирования ВСД.

Список литературы

1. Алмазов В.А., Шляхто Е.В. Гипертоническая болезнь // Кардиология для врача общей практики. – 2001. – № 1. – С. 128.

2. Березин Ф.Б., Безносюк Е.В., Соколова Е.Д. Психологические механизмы психосоматических заболеваний // Российский медицинский журн. – М., 1998. – № 2. – С. 43–49.

3. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. – Л.: ЛГУ, 1983. – 167 с.

4. Ценципер М.Б. Артериальная гипертония у северян трудоспособного возраста, распространенность, факторы риска, психологический статус и суточный профиль артериального давления: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – Архангельск, 2000. – С. 21–25.

Роль эмоционального дискомфорта личности в структуре расстройств адаптации у военнослужащих по призыву

Расстройства адаптации – состояния субъективного дистресса и эмоционального расстройства, обычно препятствующие социальному функционированию и продуктивности, возникающие в период адаптации к значительному изменению в жизни или стрессовому жизненному событию [1].

В армии, в первую очередь, встаёт вопрос о предупреждении адаптационных расстройств на начальном этапе службы, когда не все молодые люди способны перенести отрыв от родительского дома, требования воинской среды и специфическую атмосферу межличностных отношений. При этом причинная структура нарушений адаптации нуждается в уточнении, поскольку обычно в качестве патогенных факторов выступает сразу множество воздействий и обстоятельств. Подобными факторами являются стрессоры, обуславливающие формирование нервно-психического напряжения и провоцирующие слом адаптационного барьера [2].

Настоящее исследование имело своей целью изучение источников нервно-психического напряжения военнослужащих по призыву с диагнозом «Расстройства адаптации».

В исследовании приняли участие 62 военнослужащих по призыву в возрасте от 18 до 24 лет, 31 из которых, проходили лечение в клинике психиатрии с диагнозом F43.2 «Расстройство адаптации» (основная группа). И 31 человек (контрольная группа) – это военнослужащие, успешно проходящие военную службу по призыву в строевых частях.

В исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: МЛО «Адаптивность»; опросник «Анализ семейной тревоги»; методика оценки эмоционального дискомфорта личности (ЭДЛ).

В ходе математико-статистической обработки полученных данных был использован *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляционный анализ (критерий Пирсона).

Профиль личности военнослужащих с диагнозом «Расстройства адаптации» отличается дисгармоничностью и свидетельствует о наличии акцентуаций личности с преобладанием депрессивных (75 Т-баллов шкала «D»), психастенических (71 Т-баллов шкала «Pt»), психопатических (70 Т-баллов шкала «Pd»), и шизоидных (73 Т-баллов шкала «Sc») черт. Они характеризуются шизоидным типом поведения, проявляющимся сочетанием повышенной чувствительности с

эмоциональной холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях; склонностью к повышенной агрессивности, межперсональной конфликтности, частой перемене настроения, интересов и привязанностей, обидчивость. Респонденты основной группы имеют тенденции к снижению фону настроения, неуверенности в своих силах, тревоге. Манифестируют ослабление волевого контроля, боязливость в принятии решений.

В ходе сравнительного анализа выявлены значимые различия по всем личностным шкалам (при $p < 0,001$). Все личностные характеристики достоверно более выражены у обследованных основной группы.

В ходе анализа эмоционального восприятия семейных взаимоотношений военнослужащих по призыву с диагнозом «Расстройства адаптации» установлено, что они не ощущали себя значимыми действующими лицами в семье, независимо от того, какую позицию они занимали в ней. Сравнительный анализ показал значимые различия в значениях показателей «Тревожность», «Напряженность», «Общий уровень семейной напряженности» (при $p < 0,001$). Следовательно, для военнослужащих с расстройством адаптации достоверно более свойственно воспринимать семейные взаимоотношения как источник тревоги и эмоционального напряжения.

В ходе анализа результатов, полученных по методике ЭДЛ, установлено, что военнослужащие с расстройством адаптации испытывают эмоциональный дискомфорт, связанный с трудностями в межличностных взаимоотношениях и внутриличностными конфликтами. Социально-бытовые проблемы не являются для военнослужащих с диагнозом «Расстройства адаптации» актуальными и не вызывают у данных респондентов психоэмоционального напряжения.

В ходе корреляционного анализа в основной выборке были выявлены прямые взаимосвязи показателя «Общий уровень семейной напряженности» с показателями, характеризующими личностно-типологические особенности респондентов: шкалы «D» ($r=0,383$; $p \leq 0,05$), «Pt» ($r=0,557$; $p \leq 0,01$), «Pd» ($r=0,496$; $p \leq 0,01$), «Sc» ($r=0,473$; $p \leq 0,01$). Подобные взаимосвязи свидетельствуют о том, что при акцентуировании соответствующих личностных черт актуализируются внутрисемейные проблемы и трудности взаимодействия с членами семьи. Наличие же корреляционных взаимосвязей семейной напряженности и источников эмоционального дискомфорта указывают на усиление этой напряженности при актуализации внутри- и межличностных причин эмоционального дискомфорта. На основании полученных взаимосвязей можно предположить, что источником семейной напряженности для военнослужащих с диагнозом «Расстройства адаптации» служат не столько реальные трудности, сколько невозможность выстраивать взаимоотношения с членами семьи и наличие

собственных проблем (не связанных с семьей, но определяющих высокий уровень напряженности и тревожности у респондентов).

Также обнаружены отрицательные корреляционные взаимосвязи показателя «Общий уровень семейной напряженности» со шкалами «внутриличностные причины эмоционального дискомфорта» ($r=0,362$; $p\leq 0,05$) и «межличностные причины эмоционального дискомфорта» ($r=0,358$; $p\leq 0,05$). Следовательно, при повышении уровня семейной напряженности более выраженным оказывается эмоциональный дискомфорт личности, связанный с внутри- и межличностными проблемами. Подобные взаимосвязи указывают на то, что для военнослужащих с диагнозом «Расстройства адаптации» причиной напряженности при реализации семейных ролей являются не столько реальные проблемы, сколько трудности взаимодействия с членами семьи и внутриличностные конфликты.

В ходе изучения взаимосвязей ведущих личностных характеристик с источниками эмоционального дискомфорта у респондентов основной группы, выявлена значимая обратная корреляция межличностных источников дискомфорта со шкалами «D» ($r=0,463$; $p\leq 0,01$), «Pt» ($r=0,367$; $p\leq 0,05$), «Pd» ($r=0,471$; $p\leq 0,01$), «Sc» ($r=0,355$; $p\leq 0,05$); и внутриличностных источников дискомфорта со шкалами «D» ($r=0,524$; $p\leq 0,01$), «Pt» ($r=0,378$; $p\leq 0,05$). Следовательно, заострение депрессивных, психастенических, психопатических и шизоидных черт личности у военнослужащих с расстройством адаптации провоцирует возникновение коммуникативных проблем, в свою очередь, становятся источниками нервно-психического напряжения. Помимо этого, акцентуирование депрессивных и психастенических черт способствует формированию внутриличностных конфликтов, которые также становятся источниками эмоционального дискомфорта.

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. В ходе проведенного исследования установлено, что личностный профиль военнослужащих по призыву с диагнозом «Расстройства адаптации» отличается наличием таких черт характера, как депрессивные, психастенические, психопатические и шизоидные. Учитывая константность личностно-типологических характеристик, можно утверждать, что данные патопсихологические характеристики были сформированы на этапе предшествующем службе в армии.

2. Основными источниками нервно-психического напряжения у военнослужащих по призыву с диагнозом «Расстройства адаптации» трудности межличностного и внутриличностного взаимодействия.

3. Учитывая выявленные в ходе исследования взаимосвязи внутри- и межличностных причин эмоционального дискомфорта с ведущими личностными характеристиками, можно предположить нали-

чие личностной предрасположенности к продуцированию противоречивых и взаимоисключающих мотивов, ценностей и установок, и невозможностью выработки приоритетов поведения (внутриличностный диссонанс); и к конфронтации, возникающей в процессе коммуникативного взаимодействия с социальным окружением (межличностный конфликт).

Список литературы

1. URL: <http://mkb-10.com/> Международная классификация болезней 10-го пересмотра.
2. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. Руководство для врачей. – М.: Медицина, 2000. – 300 с.

В. Н. Кузьменкова, В. Н. Наумова

Психологические проблемы взаимоотношений участников образовательного процесса

Общепринятая классификация конфликтов включает в себя межличностные конфликты, конфликты между личностью и группой, внутриличностные конфликты, межгрупповые конфликты. Конфликтные ситуации в образовательной среде чаще всего являются межличностными. Межличностные конфликты и, как следствие, противостояние личностей в процессе социального взаимодействия возникают на основе противоположно направленных мотивов, суждений или личностных антипатий. «Их отличительные особенности сводятся к следующему:

- 1) противостояние участников конфликтов происходит лицом к лицу, основанием становятся личные мотивы;
- 2) проявляется широкий спектр причин для конфликта: общих и частных, субъективных и объективных;
- 3) каждое столкновение выявляет индивидуальные особенности конфликтующей личности, её характер, темперамент, проявление способностей, интеллекта, воли;
- 4) высокая эмоциональность и полный охват сторон взаимоотношений между конфликтующими сторонами;
- 5) затрагиваются интересы не только конфликтующих субъектов, но и тех, с кем они так или иначе связаны трудовыми, социальными и другими отношениями.

Сложность педагогических конфликтов обусловлена большим количеством второстепенных участников конфликта, помимо основных, непосредственно совершающих активные (наступательные или защитные) действия друг против друга. Они являются ключевым звеном любого конфликта» [1].

Среди потенциально конфликтогенных педагогических ситуаций можно выделить следующие:

- ситуации (или конфликты) деятельности, возникающие по поводу выполнения учеником учебных заданий, успеваемости, внеучебной деятельности;

- ситуации (конфликты) поведения, поступков, возникающие по поводу нарушения учеником правил поведения в школе, чаще на уроках, вне школы;

- ситуации (конфликты) отношений, возникающие в сфере эмоциональных личностных отношений учащихся и учителей, в сфере их общения в процессе педагогической деятельности [3].

Моделирование ситуаций – универсальный способ выстраивания определённого рода отношений между субъектами конфликтной ситуации. Моделируемая ситуация является управляемой, поэтому при должном наблюдении возможна коррекция действий на каждом этапе взаимодействия конфликтантов.

Социологическое моделирование ситуации способствует определению общей цели (возможно, второстепенной, но принципиальной или важной) у основных участников конфликтной ситуации. С помощью пошаговой разработки дальнейших действий, создаётся цепь развития событий, ведущая к достижению цели субъектами конфликта. Однако цель не может быть достигнута без некоторого дружественного взаимодействия [1].

Во время подобного взаимодействия наблюдаются механизмы и закономерности психологического восприятия ситуации, что позволяет вносить поправки как в общую модель ситуации, так и в рекомендации по профилактике и урегулированию конфликтной ситуации.

Замена оригинального объекта исследования моделью предполагает существование между ними некоторой идентичности, основывающейся на диалектико-материалистическом принципе единства и взаимосвязи предметов и явлений действительности [2].

Множество особенностей социальных явлений и процессов обуславливают существенное отличие социальных моделей как инструмента познания от моделей, использующихся в естественных и технических науках. Одновременно своеобразие моделей, применяемых в социологии, во многом обусловлено спецификой целей, задач и способов социологического исследования.

Модели являются средством изучения социальных систем, также они успешно используются и для решения управленческих задач. т. е. служат основой для преобразования системы в интересах человека. Самыми успешными будут считаться модели, язык которых непосредственно сочетается с естественным языком описания моделируемого объекта, либо модели, в которых человек является основным и важнейшим элементом системы.

Многообразие социальных систем, разная степень их изученности, а также широкий спектр задач, разрешаемых благодаря моделированию, обуславливают существование множества социальных моделей и сподвигают к созданию новых и новых. В соответствии со способом воспроизведения реальности и применяемыми средствами для построения, модели можно разделить на три класса:

- материальные модели, основанные на специфичности социальных объектов, они должны основываться на участии в них людей: как правило, это игровые модели;

- идеальные модели: неформализованные и формализованные;

- смешанные модели, в которых сочетаются элементы первых двух.

Сфера применения моделей первого и третьего классов весьма ограничена. Идеальные модели в отличие от первых в настоящее время используются в социологии практически на всех направлениях научного поиска.

Накоплен значительный опыт применения различных моделей в социологии. Наибольшее распространение получили модели, предназначенные для описания, анализа и обобщения массивов эмпирических данных, и модели, основанные на идеях главным образом различных теоретико-вероятностных и статистических методов.

В последнее время всё более широко начинают использоваться модели, ориентированные на изучение и объяснение механизмов социальных явлений и процессов, таких, например, как конфликты.

Основным звеном при регулировании сложной педагогической ситуации является проведение ее психологического анализа. Это позволяет педагогу понять причины возникновения ситуации, урегулировать ее до момента перехода в продолжительный конфликт, т. е. в какой-то мере владеть ситуацией, управляя ею и используя ее конструктивно: в целях познавательных и образовательных [1].

В то же время психологический анализ ситуации не разрешит всей проблемы – только создаст возможность контроля над развитием событий. Его проведение может снизить число ошибок, допускаемых педагогами, сразу же воздействуя на ученика в ходе возрастания напряженности. Любой психологический анализ представляет собой лишь основание для принятия решений.

Главной целью психологического анализа напряженной ситуации является создание достаточной информативной базы для принятия психологически обоснованного решения по возникшим вопросам касательно данной ситуации. Поспешная реакция учителя зачастую вызывает эмоциональный и импульсивный ответ ученика, что приводит к обмену «словесными ударами», и ситуация становится конфликтной [4].

Образовательный процесс динамичен и ориентирован на развитие всех субъектов образования. Конфликты в процессе образования неизбежны и являются закономерными феноменами воспитательного взаимодействия.

Психологический анализ помогает найти не только варианты разрешения, но и возможные пути предупреждения или погашения конфликта. Предупреждение конфликта, его разрешение на уровне педагогической ситуации – лучший вариант выхода из напряжённой ситуации.

Список литературы

1. Кузьменкова В.Н., Наумова В.Н. Педагогический конфликт как звено в механизме взаимоотношений участников образовательного процесса. Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: сб. материалов II междунар. науч.-практ. конф. ФГБОУ ВО СПбГИК. – СПб.: НИЦ АРТ, 2017. – С. 190–195.
2. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. – СПб.: Питер, 2009.
3. Кузьменкова В.Н., Иванов В.Г. Непрерывное образование профессорско-преподавательского состава как стратегия модернизации системы высшего образования. Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития: тр. междунар. сотрудничества. – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011.
4. Леонов Н.И. Конфликтология: учеб. пособие. – М.: Издательство Моск. психол.-социал. ин-та. – Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2010.

Е. И. Лебедева

Индивидуально-психологические особенности младших школьников как фактор социального здоровья

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это поведение и мышление человека, обеспечивающие ему охрану и укрепление здоровья. Здоровье человека в понимании ВОЗ – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Следовательно, здоровье человека определяется совокупностью таких факторов, как физическое, душевное и социальное здоровье и благополучие. *Социальное здоровье* определяется тем, насколько человек умеет контактировать с другими людьми, в частности, особенностям межличностного общения [6].

Отдельные исследования, посвященные психологии младших школьников, в основном, сосредоточены на их возрастном развитии, а также на изучение их психологических способностей, которые связаны с учебной деятельностью, т. е. – познавательных способностей, рефлексии, так как это новообразование младшего школьного

возраста. Следует отметить, что межличностное общение младших школьников исследовалось, главным образом, в рамках учебной деятельности, как эффективное средство её организации.

Младший школьник – это личность, которая вступает в систему межличностных взаимоотношений. Когда ребёнок идёт в школу, он начинает активно приобретать навыки общения. И от того как сложатся взаимоотношения со сверстниками, какое положение займёт школьник в коллективе, какой социометрический статус ему будет присвоен, зависит становление его личности в системе личных взаимоотношений.

Межличностными отношениями называют субъективно переживаемое, лично значимое, эмоционально-когнитивное отражение индивидами друг друга в процессе межличностного взаимодействия [1; 4].

Ребёнок в младшем школьном возрасте активно овладевает навыками общения. В этот период происходит интенсивное установление дружеских контактов [2]. Младший школьник находится большую часть времени в группе сверстников, а также учителей и родителей. И в этом возрасте он требует признания и нуждается в уважении с их стороны. Младший школьник желает, чтобы к нему относились, как к взрослой и самостоятельной личности, и если эта потребность удовлетворяется, то тогда ребёнок выстраивает отношения с этим человеком на доверии и понимании [3]. На этом возрастном этапе реализуются одни их важных задач развития ребёнка, например, приобретение навыков социального взаимодействия с группой сверстников, умение заводить друзей. Также в первый год обучения у младших школьников, в ответ на новую социальную ситуацию и новые правила, повышается уровень конформности, то есть податливость давлению группы. Общение с одноклассниками играет важную роль. Оно не только делает самооценку более адекватной и способствует социализации детей в коллективе, но и стимулирует их учебу [2].

Понятие «*социометрический статус*» было введено психологом и социологом Якобом Леви Морено. Он понимал под данным понятием положение человека в социальной группе, которое складывается на основе оценок его места и роли в данной группе.

Школьники, имеющие неблагоприятное положение в системе личных отношений в коллективе, обладают некоторыми характеристиками: трудностью в общении, которая проявляется как в грубом отношении к одноклассникам, в вспыльчивости, капризности, так и в замкнутости; отличаются ябедничеством, зазнайством, жадностью; они неаккуратны и неряшливы [3].

Младшие школьники, имеющие наибольшее количество выборов от одноклассников, характеризуются такими общими чертами как: общительность, инициативность, обладают ровным характером

и богатой фантазией; успешны в учебе, большинство из них хорошо учится [3].

Таким образом, социометрический статус младшего школьника считается одним из значимых механизмов развития здоровой личности, и соответственно, является показателем здорового образа жизни.

Исходя из актуальности данной темы, нами (Лебедева Е.И., Кагукина К.В.) было проведено исследование, целью которого было изучение личностных особенностей младших школьников с разным социометрическим статусом. Исследование проводилось в Муниципальном общеобразовательном учреждении «Киришская средняя школа №1 имени Героя Советского Союза С.Н. Ульянова», которая находится в г. Кириши, Ленинградской области.

В обследовании участвовал 2 класс, количеством 27 человек (8 мальчиков и 19 девочек) в возрасте 8–9 лет, и 4 класс, количеством 30 человек (11 мальчиков и 19 девочек) в возрасте 10–11 лет. Количество обследуемых – 57 человек. Данные классы были выбраны исходя из того, что на протяжении младшего школьного возраста ребенок развивается, в частности, и психологически. Поэтому одной из задач нашего исследования являлось изучить различия в изучаемых характеристиках в начале и в конце возрастного периода, обозначаемого как «младший школьный возраст». Для исследования нами были использованы следующие диагностические методики: тест «Социометрия» по Р.В. Овчаровой («Дворец-шалаш»), «Методика многофакторного исследования личности Кетелла» (детский вариант, адаптирован Э.М. Александровской); методика для изучения самооценки в младшем школьном возрасте «Лесенка» В.Г. Щур. При математико-статистической обработке полученных данных исследования применялись методы как первичная описательная статистика и U – критерий Манна-Уитни, используемый для сравнительного анализа полученных данных.

В ходе исследования и анализа данных были полученные следующие результаты.

Большая часть младших школьников, 2-х и 4-х классов имеет высокий социометрический статус, причем во 2 классе девочки имеют более высокий социометрический статус, чем мальчики (разница составляет 29 %). В 4 классе также прослеживается подобная тенденция, однако она не так явно выражена, как во 2 классе (разница составляет 13 %). Рассматривая показатели социометрического статуса только мальчиков, можно увидеть, что во 2 классе показатели низкого и высокого социометрического статуса одинаковы, т. е. равное количество второклассников (мальчиков) имеют благополучный (высокий) и неблагополучный (низкий) социометрический статус. В 4

классе мальчиков на 10 % больше с высоким социометрическим статусом. Девочки же имеют более значимые различия по показателям. Так во 2 классе девочек на 58 % больше с высоким социометрическим статусом, чем с низким. А в 4 классе эта разница составляет 34 %.

При рассмотрении средних значений индивидуально-психологических особенностей личности можно обратить внимание на то, что обучающиеся 2-го класса с высоким социометрическим статусом несколько превосходят учеников с низким социометрическим статусом по показателям «общительность» (U-критерий Манна-Уитни 0,003 на $p=0,05$) и «вербальный интеллект» (U-критерий Манна-Уитни 0,022 на $p=0,05$). Это говорит о том, что обучающиеся с высоким социометрическим статусом более общительны и их словесно-логическое мышление более развито, чем у учеников с низким социометрическим статусом. Между остальными показателями среднее значение значимо не отличается.

В ходе обработки данных индивидуально-психологических особенностей у учеников 4 класса с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни значимые различия были выявлены только у показателя «общительность» (U-критерий Манна-Уитни 0,002 на $p=0,05$). Из этого следует, что обучающиеся 4-го класса с высоким социометрическим статусом более общительны, чем ученики с низким социометрическим статусом.

Следует отметить, что показатель «вербальный интеллект» у младших школьников 4-го класса с низким и высоким социометрическим статусом значимых различий не имеет, как у учеников 2-го класса.

При изучении самооценки и уровня притязаний было обнаружено, что обучающиеся 2-го класса с высоким социометрическим статусом несколько превосходят учеников с низким социометрическим статусом по показателю «самооценка» (U-критерий Манна-Уитни 0,005 на $p=0,05$), а вот у обучающихся 4-х классов по показателю «самооценка» значимых различий между испытуемыми с высоким и низким социальным статусом обнаружить не удалось.

Таким образом, наше исследование показывает, что такая важная составляющая здорового образа жизни, как социальное здоровье, в младших классах зависит, в том числе, от индивидуально-психологических особенностей обучающихся. Так, у обучающихся второго класса различия в таких индивидуально-психологических показателях, как «общительность» и «социальный интеллект» являются значимо выше у обладателей высокого социального статуса, чем у учеников с низким социальным статусом, что обеспечивает второклассникам с высоким социальным статусом более высокую само-

оценку. У учеников четвертого класса различия по показателю «вербального интеллект» теряют свою значимость, однако показатель «общительность» по-прежнему значимо выше у обладателей высокого социального статуса. Соответственно, развитие таких индивидуально-психологических характеристик у младших школьников, как общительность и вербальный интеллект может повлиять на их социальное здоровье и, соответственно, на здоровый образ жизни в целом.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
2. Бережкова Е.И. Взаимосвязь самооценки успеваемости и школьной тревожности младших школьников // Перспективы развития психологической науки и образования третьего тысячелетия: материалы IV Междунар. науч.-практ. конференции – НИЦ АРТ, 2016. – С. 14–19.
3. Давыдов В.В. Младший школьный возраст как особый период в жизни ребенка // Психическое развитие младшего / под ред. В. В. Давыдова. – М., 1990. – С. 12–27.
4. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. – СПб.: Питер, 2009. – 876 с.
5. Лебедева Е.И. Эмоциональные и личностные особенности младших подростков с различным социометрическим статусом // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 4. – С. 89–101.
6. URL: www.ippk.arkh-edu.ru.

С. И. Лустин, А. В. Аракелян, А. Г. Колосова

Взаимосвязь гендерной идентичности и механизмов психологической защиты у женщин с миомой матки

Психическое здоровье женщин с гинекологическими заболеваниями вызывает повышенный интерес как отечественных, так и зарубежных психологов [2; 4; 5; 6]. Проблемы, связанные с психологической помощью гинекологическим больным, являются недостаточно изученной темой в клинической психологии. Разработки по внутренней картине болезни до сих пор мало применяются в медицине, хотя учет психологических особенностей женщин с гинекологическими заболеваниями является необходимой составляющей процесса лечения.

Необходимость подобных исследований обуславливается потребностью в совершенствовании системы охраны репродуктивного здоровья населения, важностью формирования комплексного подхода к лечению женщин с репродуктивными проблемами со стороны медицины и медицинской психологии в связи с ухудшением медико-демографической ситуации в стране. Неуклонный рост диагностиро-

вания, а также «омоложение» гинекологических заболеваний у женщин репродуктивного возраста происходит в последние годы практически по всем нозологическим формам [4]. Одним из наиболее часто встречаемых гинекологических заболеваний, ассоциированных с нарушением реализации репродуктивной функции, является миома матки [4].

Миома матки – доброкачественная опухоль, развивающаяся из мышечной стенки матки – миометрия. Этиология миомы матки в настоящее время до конца не ясна [5].

В возрасте старше 35 лет миому матки обнаруживают у каждой 4–5-й женщины, а на долю этого заболевания в возрасте 36–55 лет приходится до 90 % всех опухолевых гинекологических заболеваний. В гинекологических стационарах оперативное вмешательство по поводу миомы матки проводят более чем у 50 % пациенток [5].

Согласно биопсихосоциальной модели, психосоциальные факторы влияют на течение, процесс лечения, а также реабилитацию любых расстройств, в том числе и гинекологических.

Функционирование репродуктивной системы обеспечивается строго генетически запрограммированным взаимодействием пяти основных уровней, каждый из которых регулируется вышележащими структурами по принципу прямой – обратной, положительной – отрицательной связей.

1 уровень (высший) – кора головного мозга и экстрагипоталамические церебральные структуры (лимбическая система, гиппокамп, миндалевидное тело). Адекватное состояние ЦНС обеспечивает нормальное функционирование всех нижележащих звеньев репродуктивной системы. Различные органические и функциональные изменения в коре и подкорковых структурах могут приводить к нарушениям, например менструального цикла и другим расстройствам.

На данный момент доказано, что дистресс влияет на темп роста миоматозных узлов. У женщин с быстрым темпом роста опухоли, являющимся показанием к оперативному лечению, отмечаются высокий уровень тревожности и депрессивные состояния. Также ряд современных авторов указывают на наличие устойчивых социально-психологических особенностей пациентов с диагнозом «миома матки» [2; 4; 6].

Исследование психологических особенностей женщин с разными гинекологическими патологиями необходимо для выделения мишеней психокоррекции и разработки наиболее эффективных программ психологической помощи этим пациентам.

В нашем исследовании приняли участие 15 женщин с диагнозом миома матки в возрасте от 20 до 45 лет (средний возраст 31,5 года), находящиеся в стационаре гинекологического профиля после опера-

тивного вмешательства. Из них не состоявшие на момент исследования в браке (n=11), замужем (n=4); женщины, имеющие детей (n=5), не имеющие детей (n=10); женщины с высшим образованием (n=7), со средним профессиональным образованием (n=8).

В контрольную группу вошли 15 женщин, не имеющих в анамнезе гинекологических заболеваний, в возрасте от 20 до 45 лет (средний возраст = 32 года). Среди них не состоявшие на момент исследования в браке (n=12), замужем (n=3); женщины, имеющие детей (n=3), не имеющие детей (n=12); женщины с высшим образованием (n=5), со средним профессиональным образованием (n=10).

Обследование по методике «Индекс жизненного стиля» (ИЖС) обнаружило статистически достоверное отличие в использовании защиты по типу «отрицание».

Статистически достоверных отличий по остальным механизмам психологической защиты выявлено не было.

Согласно психодиагностической системе Келлермана-Плутчика, «отрицание» – механизм психологической защиты, посредством которого личность либо отрицает некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства, либо какой-либо внутренний импульс, или сторона отрицает самое себя.

Действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, тем не менее не принимаются, не признаются самой личностью.

Отрицание, как механизм психологической защиты, проявляется при конфликтах любого рода и характеризуется внешне отчетливым искажением восприятия действительности.

Стоит отметить высокую общую напряженность всех измеряемых защит в основной и контрольной группах.

Обследование по методике «Маскулинность-фемининность» позволило установить особенности полоролевой сферы женщин с диагнозом «миома матки». Данная сфера женщин с миомой матки характеризуется блокированием выстраивания женской идентичности, превалированием маскулинных характеристик.

Пациенткам с диагнозом «миома матки» характерна диффузность гендерной идентичности. Диффузность идентичности свойственна людям, не имеющим прочных целей, ценностей и убеждений, не пытающимся активно сформировывать их.

Данные особенности гендерной идентичности женщин с миомой матки достоверно тесно взаимосвязаны с использованием механизма защиты «отрицание».

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлен характерный конфликт в полоролевой сфере женщин с миомой матки, блокировка выстраивания идентичности по фемининному типу

и превалированием маскулиных характеристик. Гендерная идентичность женщин с миомой матки является диффузной.

Превалирование маскулиных характеристик, а также диффузность гендерной идентичности у женщин с миомой матки тесно взаимосвязано с использованием психологической защиты «отрицание».

Было сделано предположение, что использование механизма «отрицание» усугубляет диффузность гендерной идентичности, так как человек активно отрицает наличие внутреннего конфликта, а также проблем, связанных с отсутствием прочных целей, ценностей и убеждений и соответственно не предпринимает попыток сформировать их.

Подавляющее количество испытуемых в основной и контрольной группе характеризуется высоким уровнем общей напряженности всех измеряемых защит. Видимо, это связано с прохождением курса лечения пациентами в основной и контрольной группе в момент психодиагностического обследования.

Список литературы

1. Бендас Т.В. Гендерная психология: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2017. – 432 с.
2. Блох М.Е. Личностные и социально-психологические характеристики женщин репродуктивного возраста с гинекологической патологией на этапе планирования беременности: автореф. – СПб.: Тип. СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2012 – 30 с.
3. Вассерман Л.И. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. – СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. – 54 с.
4. Добрынина М.Л., Смирнова С.В., Новикова Л.С., Хребтова А.С. Темпы роста миомы матки и психологические особенности женщин // Вестн. Иванов. мед. академии. – 2013. – № 4. – С. 31–34.
5. Корова Л.В. Цивьян Б.Л. Эффективность применения отдельных методов реабилитации у пациенток с миомой матки // Урал. мед. журн. – 2015. – № 9. – С. 138–141.
6. Кочарян А.С., Макаренко А.А., Дин Шао Дзе. Психологические особенности женщин с гинекологической патологией // Перспективы науки и образования: междунар. электрон. науч. журн. – 2015. – № 5. – С. 88–92.

И. В. Неверова

Особенности эмпирического исследования инновационных характеристик профессионализма руководителя организации

Интерес к изучению управленческого труда мотивирован его высокой значимостью для организации, высоким социальным статусом специалистов управления в обществе, значительным вкладом представителей данной профессии в экономику и общественное развитие.

Однако, психологическое изучение профессиональной деятельности руководителя затруднено рядом обстоятельств.

Во-первых, отделить успешность собственно управленческой деятельности от общеорганизационных результатов чрезвычайно сложно. В восприятии работников организации и ее контрагентов хорошие результаты организации – это результаты работы всей организации. Плохие результаты организации оцениваются, как правило, иначе – как результат плохого руководства или неблагоприятных внешних обстоятельств. Объективно оценить вклад системы управления и тем более, отдельных руководителей, в общеорганизационные результаты чрезвычайно сложно. Очевидна проблема определения эффективности управленческой деятельности [1, с. 188].

Во-вторых, изучать психологическое содержание управленческой деятельности невозможно без погружения в общеорганизационные проблемы, вопросы теории управления и отдельные проблемы менеджмента.

В-третьих, «субъект-субъектный» характер профессиональной деятельности руководителя неизбежно направляет изучение профессии в русло социологической проблематики, терминологии, методов исследования.

В-четвертых, принадлежность руководимой организации к сложным социотехническим системам выдвигает необходимость рассмотрения вопросов руководства и организации с учетом положений теории систем.

С позиции системного подхода профессиональная деятельность руководителя - сложное, многоуровневое, динамически развивающееся явление, одним из этапов изучения которого является выделение структуры взаимосвязи его основных элементов.

Формирование структуры профессионализма руководителя организации происходит под влиянием не только целевых параметров организационной системы, но и в большой степени – под влиянием метасистемных факторов, факторов внешней среды. В данных условиях возрастает роль инновационных процессов в деятельности организации не только с точки зрения создания инновационного продукта или технологии, но и организационных форм управления. Многие исследователи выделяют среди требований к управленческой деятельности инновационность, творческий подход, восприимчивость к новому [2, с. 139–140].

Подтверждением необходимости и возможности выделения инновационных характеристик в структуре профессиональной деятельности руководителя является, например, тот факт, что в разработанном Российской Ассоциацией менеджеров интегральном рейтинге профессионализма российских менеджеров среди семи групп критериев оценки выделены: личностная, финансовая, корпоративная,

коммерческая, **инновационная**, социальная и коммуникативная группы эффективности.

Рейтинг «Топ-1000 российских менеджеров» проводится с 2001 г. и является инструментом объективной оценки профессиональной репутации ведущих российских менеджеров высшего эшелона. Рейтинг подводит итоги работы за год и выявляет наиболее профессиональных управленцев России, лидеров в своих отраслях и функциональных направлениях [3].

Логику эмпирического исследования инновационных характеристик профессионализма руководителя организации целесообразно представить в виде краткой блок-схемы.

Блок-схема исследования инновационных характеристик профессиональной деятельности руководителя

1. Определение эффективности управленческой деятельности респондентов

Диагностический инструментарий: метод экспертных оценок с использованием опросника «Успешность деятельности руководителя»

2. Формирование групп респондентов на основании результатов оценки успешности деятельности руководителей

Высокий уровень
успешности

Низкий уровень
успешности

Диагностический инструментарий: сравнительный анализ, расслоение выборки методом «полярных групп»

3. Определение функциональной готовности к инновациям у респондентов полярных групп

Диагностический инструментарий: метод экспертных оценок с использованием опросника «Оценка функциональной готовности к инновациям»

4. Определение психологической готовности к инновациям у респондентов полярных групп

Диагностический инструментарий: метод экспертных оценок с использованием опросника «Оценка психологической готовности к инновациям»

5. Диагностика личностных свойств респондентов, способных влиять на функциональную и психологическую готовность к инновациям

Диагностический инструментарий: стандартизированные методики («Определение стиля руководства трудовым коллективом» (Захаров В.П., Журавлев А.Л.), «Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2)» (Федоришин В.А.), «Гибкость мышления» (Лачинс А.С.), «Боязнь неудач и мотивация успехов» (Реан А.А.), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (Эндлер Н., Паркер Д. «Coping Inventory for Stressful Situations», адаптация Крюковой Т. Л.), «Диагностика стратегии достижения цели» (Фетискин Н.П.),

«Диагностика личностной креативности» (Туник Е.Е.), «Диагностика волевого потенциала личности» (Фетискин Н.П.), «Каков Ваш креативный потенциал?» (Макшанов С.И.), «Шкала оптимизма и активности» (AOS)

(Шуллер И., Комуниан А.; адаптация Н. Водопьяновой, М. Штейн).

6. Выявление различий в показателях функциональной и психологической готовности к инновациям, личностных свойств между группами успешных и «неуспешных» руководителей.

Диагностический инструментарий: сравнительный анализ.

7. Выявление взаимосвязей между показателями функциональной и психологической готовности к инновациям, а также личностных свойств респондентов.

Диагностический инструментарий: корреляционный анализ – отдельно в группе успешных и в группе неуспешных.

8. Выявление скрытой структуры взаимосвязей показателей функциональной, психологической готовности к инновациям и личностных свойств.

Диагностический инструментарий: факторный анализ исследуемых показателей.

9. Выявление типологии руководителей успешной и «неуспешной» групп с целью разработки рекомендаций для отбора, обучения, коррекции, создания слаженных групп и коллективов.

Диагностический инструментарий: кластерный анализ.

10. Проектирование основ диагностической процедуры для отбора руководителей к инновационной деятельности или усиления ее компонента в общей управленческой деятельности, а также для отслеживания результатов обучения.

Инструментарий: регрессионный анализ (в качестве зависимых переменных – функциональная и психологическая готовность к инновациям, в качестве независимых – показатели личностных свойств, определяемых по стандартизированным методикам).

Таким образом, эмпирическое исследование управленческой деятельности должно отражать междисциплинарный характер изучаемого объекта, специфику предмета управленческого труда, соотношение инвариантного и вариативного набора профессионально важных качеств, меру их зависимости от конкретных условий труда, его системные характеристики.

Список литературы

1. Неверова И. В. Разработка методики оценки эффективности руководителя: подходы, критерии, основные показатели // Совершенствование системы подготовки специалистов для социальной сферы в условиях инновационного развития региона. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2008. – С. 188–191.

2. Неверова И. В. Функциональная и психологическая готовность к инновациям – интегративные характеристики в структуре профессионально важных качеств руководителя // Духовный потенциал образования как института социализации; Совместная деятельность педагогического ВУЗа с образовательными учреждениями региона по совершенствованию качества подготовки кадров. – СПб.: Изд. ЛЕМА, 2016. – С. 139–142.

3. URL: <http://www.kommersant.ru/apps/102663>. Топ-1000 российских менеджеров.

***Б. В. Овчинников, Р. Х. Кузина, Л. В. Вайгачева,
И. В. Подольская, А. И. Румянцева***

Психологическая устойчивость как фактор здоровья и социального благополучия (обзор зарубежной литературы)

В практической психологии последних десятилетий (как в нашей стране, так и особенно за рубежом) уделяется все большее внимание позитивным психологическим факторам, качествам и свойствам, обеспечивающим невосприимчивость, неуязвимость психики человека по отношению к разнообразным негативным воздействиям. При этом имеется в виду не только выявление и оценка таких факторов, но и их активное развитие, формирование. Примерами плодотворных усилий в указанном новом направлении могут служить «новая позитивная психология» М. Селигмана и «позитивная психотерапия», Н. Пезешкиана, получившие международное признание в конце прошлого века [1; 2].

Нет необходимости доказывать, что «позитивные» представления и соответствующие диагностические и коррекционные психотехники имеют большое значение для психологов, обеспечивающих профессиональную деятельность высокого риска (например, «силовых» государственных структур, спортсменов высшей квалификации и др.). Настоящий обзор посвящен рассмотрению некоторых результатов, полученных военными психологами развитых зарубежных стран.

В «позитивной» психологии постепенно вырисовывается круг новых понятий и определений. К основным из них можно отнести “mental toughness” (англ.: психическая прочность) и “psychological resilience” (англ.: психологическая упругость) [3; 4; 5]. Между собой они кажутся весьма близкими, но есть и отличие. Первое понятие делает акцент на отсутствии реакции на всевозможные “adversities” (англ.: невзгоды, несчастья, напасти). Второе понятие отображает способность человека быстро восстанавливаться, возвращаться к оптимальному состоянию после негативных воздействий – стрессов, несчастий, травм и трагедий. Существует целый ряд психологических опросников для практической диагностики указанных способностей,

содержащих от 10 до 100 пунктов и более. Некоторые из них обладают диагностической ценностью [3; 6].

М. Селигман создал тренинг «психологической упругости» [7]. Эта психотехнология в течение последних лет проходит практическую проверку в вооруженных силах США в рамках «Комплексной программы пригодности военнослужащих» (CSF) [8]. Программа включает четыре направления:

1) оценка эмоционального, социального, семейного и духовного компонентов пригодности. В частности, на сегодняшний день общий тест для оценки психологической пригодности прошли более 900 тысяч военнослужащих;

2) индивидуальные учебные модули для повышения пригодности в перечисленных выше компонентах;

3) обучение навыкам психической устойчивости по общей программе;

4) подготовка для армии специалистов по выработке навыков устойчивости способных привить лучшие навыки мышления и стойкости у своих подчиненных (MRT).

Указанный мастер-класс (MRT) предназначен для сержантов и направлен на повышение психической устойчивости, выявления и «оттачивания» (тренировки) сильных сторон личности, укрепления конструктивных отношений с сослуживцами. Эти навыки являются ключевыми компонентами компетенции для любого успешного менеджера.

Программа CSF является не лечебной, а профилактической и предназначена для того, чтобы улучшить психическую устойчивость всех членов армейского сообщества, включая военнослужащих, членов их семей и гражданских лиц, служащих в вооруженных силах. Она особенно помогает тем членам этого сообщества, которые претерпевают негативные психологические воздействия (боевой стресс, длительное отсутствие в семье и др.), предоставляя методику обучения, основанную на объективных, проверенных научных данных. Программа CSF преследует цель - добиться формирования полного набора адекватных реакций на травмы и невзгоды, что, в конечном счете, приводит к личностному росту. Эта программа может служить моделью для осуществления системы аналогичных мероприятий в других крупных организациях.

Наряду с понятиями психической прочности и психологической упругости, в зарубежной военной психологии используется понятие «боевой (или военной) твердости» (англ.: military hardiness) [9]. При исследовании этого свойства у 629 военнослужащих армии США, принимавших участие в миротворческой операции, с использованием регрессионного анализа было показано существенное позитивное

влияние «боевой твердости», снижавшей выраженность психологических и физиологических реакций на стрессоры боевой обстановки.

В последующих работах было экспериментально доказано, что «боевая твердость» (мы можем назвать ее и боевой устойчивостью) должна рассматриваться как самостоятельный личностный конструкт, не совпадающий с общепринятой пятифакторной моделью («Большой пятеркой») [10; 11]. Было проведено исследование курсантов высших военных школ Канады, проходящих базовое обучение. В этих исследованиях изучалась роль, как общей психической устойчивости, так и специфической «боевой твердости» в удовлетворенности жизнью, физическом здоровье, удовлетворенности обучением и выраженности стрессовых реакций, связанных с обучением. Было достоверно доказано, специфическая боевая устойчивость является лучшим предиктором психологического благополучия, чем общая устойчивость, диагностируемая «гражданским» личностным опросником.

Из рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы.

1. Существуют специфические личностные особенности, существенно влияющие на профессиональную пригодность, здоровье и социальное благополучие военнослужащих. Эти факторы, называемые «психологической упругостью», «боевой твердостью» и др., не диагностируются обычными психологическими тестами. Они оказывают свое положительное влияние, как в мирных условиях, так и в условиях боевых действий.

2. Специфические личностные особенности, поддерживающие профессиональную пригодность и социальную адаптивность военнослужащих, могут успешно совершенствоваться в ходе комплексных обучающих и тренинговых программ.

3. Данные программы могут быть «конвертированы» для использования в «силовых» государственных структурах и гражданских организациях.

Список литературы

1. Селигман М.Э. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. – М.: Изд-во «София», 2006. – 368 с.

2. Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия / пер. с нем. – М.: Медицина, 1996. – 464 с.

3. Clough P.J., Earle K., Sewell D. Mental toughness: the concept and its measurement / ed.by I. Cocerill // *Solution in Sport Rpsychology*. – London: Thomson, 2002. – P. 32–43.

4. Richardson, Glenn E. The metatheory of resilience and resiliency / *Journal of Clinical Psychology*. – 2002. – Vol. 58, № 3. – P. 307–321.

5. de Terte Ian, Stephens Christine. Psychological Resilience of Workers in High-Risk Occupations // *Stress and Health*. – 2014. – Vol. 30, № 5. – P. 353-355.

6. Windle G., Bennet K. M., Noyes J. A methodological review of resilience measurement scales // Health Qual Life Outcomes. – 2011. – P. 8–9.
7. Seligman M.E. Building resilience // Harv Bus Rev. – 2011. – Vol. 89, № 4. – P. 100–138.
8. Casey G.W. Jr. Comprehensive soldier fitness: a vision for psychological resilience in the U.S. Army // Am Psychol. – 2011. – Vol. 66, N 1. – P. 1–3.
9. Dolan C.A., Adler A.B. Military hardiness as a buffer of psychological health on return from deployment // Mil Med. – 2006. – Vol. 171. – № 2. – P. 93–98.
10. Skomorovsky A., Sudom K.A. Psychological well-being of Canadian Forces officer candidates: the unique roles of hardiness and personality // Mil Med. – 2011. – Vol. 176, № 4. – P. 389–396.
11. Skomorovsky A., Sudom K.A. Role of hardiness in the psychological well-being of Canadian Forces officer candidates // Mil Med. – 2011. – Vol. 176, № 1. – P. 7–12.

С. С. Пестова

Роль внешней и внутренней мотивации в определении эффективности служебной деятельности сотрудников ОВД

Детерминация профессионализма сотрудников ОВД определена психологическими и социально-психологическими факторами, придающими социальную значимость деятельности правоохранительных органов в современных условиях. Укрепление правопорядка, общественной безопасности и усиление борьбы с преступностью зависят от компетентности сотрудников, успешности выполнения поставленных задач, профессиональной мотивации и профессионализма личности в целом.

Сама профессиональная мотивация в данном случае выступает фактором интегральной характеристики успешности профессиональной деятельности. Достижение профессионализма – досконального знания своего дела и наиболее эффективного осуществления своей служебной деятельности возможно при условии сформированности некой «универсальной» системы важнейших свойств и умений, названных акмеологическими инвариантами [1].

Эффективность служебной деятельности сотрудников ОВД является сложным динамическим процессом в совокупности организационной культуры, готовности к успешному исполнению обязанностей, самосовершенствования, саморазвития и оценки её результатов. Любая организация не может работать и не может достичь своих целей и задач без мотивации их подчиненных. Для повышения производительности она является величайшим инструментом и одним из ключевых элементов, влияющих на человека в любой профессиональной деятельности.

Мотивация, определяется как стремление к достижению поставленной цели или определенного уровня производительности, что приводит к целенаправленному поведению. Каждый компонент поведения в конкретной активности играет или первичную, или второстепенную роль. Так Ж. Нюттеном представлено три фундаментальных компонента поведения: ситуация, в которой находится индивид; цель, которую ожидает достичь индивид; поведенческие операции, необходимые, чтобы достичь [3]. При этом мотив и цель имеют ведущее значение в удовлетворении потребностей.

Очевидно, что поведение описывается как мотивированное либо «изнутри» (интринсивно), либо «извне» (экстринсивно). Большинство психологов считают действие двух диспозиционных регуляторов личностного фактора (потребности, мотивы, установки, ценности), и ситуационного, внешнего (поведение других людей, отношения, оценки, реакции окружающих, физические условия и т.д.) результатом мотивированного поведения.

Особенностью мотивированного действия, обуславливающего поведение, является наличие внутренней направленности, предпринимающей его выполнение по своей воле. Внутренне мотивированное поведение совершающегося ради себя самого или ради тесно связанных с ним целевых состояний, а не просто как средства достижения инородной по отношению к такому поведению цели [5]. Внутренняя мотивация здесь будет выступать не ради достижения каких-то внешних наград, она будет являться самоцелью.

Стремясь совершенствовать свою деятельность и повышать результаты труда до полной эффективности также присутствует необходимость обращения к внешним факторам и другим людям. Согласно когнитивным теориям, человек поступает в соответствии с тем, как он оценивает и интерпретирует окружающую действительность, выстраивая когнитивные оценочные схемы. Внешняя мотивация, прежде всего, основана на наградах, поощрениях, наказаниях или других видах внешней стимуляции, которые инициируют и направляют желательное или тормозят нежелательное поведение.

Сама направленность личности проявляется в ведущих жизненных целях, мотивах деятельности. Профессиональная направленность и интерес к работе являются одной из составляющей социального вида деятельности сотрудника ОВД. Динамические отношения субъекта деятельности с миром (его потребностей) преобразуются в объекты, цели, представляются в виде структуры «средство – цель», таким образом, происходит формирование планов поведения [3].

Деятельность правоохранительных органов направлена на решение стоящих перед сотрудниками сложных, и нелёгких задач, требующих принятия эффективных решений. Связывая повседневную

работу сотрудников с долгосрочными целями, они остаются мотивированными. Мотивацию во взаимосвязи со способностями (знаниями, умениями) можно считать основными и определяющими факторами эффективности деятельности.

По В.Л. Васильеву целями данного вида деятельности можно считать изучение и анализ фактических обстоятельств, происшествий, получение информации и установление истины. В воображении человека возникают сложные миры идей, играющие важное значение в процессе мотивации и поведении, в итоге удовлетворяется экзистенциальная потребность в познании [3]. Поэтому, познавательная сторона деятельности будет направлена на эффективность результатов работы.

Мотивация является важнейшей силой саморазвития будущего специалиста. Сам процесс профессионального саморазвития имеет определённую мотивацию. Движущей силой, решающим ведущим внутренним фактором развития является личностный фактор, но так же определённая доля в этом принадлежит и окружающей среде, различным ситуациям. Результатом профессионального саморазвития являются новые знания, высокий уровень сознания и мышления, владение профессиональными умениями, которые должны соответствовать требованиям выполняемой деятельности, т.е. сознательно отношение человека к труду [1]. Мотивирующим элементом в профессиональном саморазвитии будет выступать привлекательность для субъекта деятельности ожидаемых результатов (получение звания, перспектива роста, денежные вознаграждения), запуская при этом действие к достижению цели. Здесь роль мотива достижения приобретает тенденцию к росту и достижению. В состав целей, мотивов профессиональной деятельности и профессиональных достижений входят побудительные причины нацеленности на самореализацию и самосовершенствование. Так сотрудники с высокой потребностью к достижению будут выбирать непростые задачи в своей работе. Чувствуя свою эффективность человек, ощущает себя источником изменений в окружающем мире.

Все работодатели зависят от своих сотрудников для того, чтобы достичь высокого эффективности в деятельности необходимо выполнять мотивирование на всех уровнях развития профессионализма, которые положительно бы влияли на итог. Здесь мотивирующим звеном будет выступать адекватный стиль руководства, заключающийся в признании хорошо выполненной работы и её полной оценке.

Таким образом, мотивация в правоохранительных органах имеет решающее значение для обеспечения общественной безопасности и тем самым является связующим звеном с эффективностью служебной деятельности. Люди выступают ресурсом к организационному успеху. За счет мотивации повышается уровень индивидуального и

организационного потенциала. Эффективность служебной деятельности сотрудников и удовлетворенность службой в ОВД будут достигнуты, когда сам человек заинтересован в полезности своих усилий. Как правило, сотрудники правоохранительных органов имеют сильное чувство гордости, связанное с их статусным положением, поэтому эффективные результаты служебной деятельности будут только способствовать этому.

Список литературы

1. Деркач А., Зазыкин В. Акмеология: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.
2. Кашапов М. М. Акмеология: учеб. пособие; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 112 с.
3. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2015. – 718 с.
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».
6. Х. Хекхаузен Мотивация и деятельность – 2-е изд. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.

А. Е. Пилипенко

Волевые особенности студентов с различными адаптационными способностями

В отношении личностного адаптационного потенциала, как количественного выражения уровня различных личностных ресурсов (потенциалов), определяющих адекватность, надежность и эффективность реагирования индивида на различные воздействия внешней среды, развитые волевые качества будут являться: во-первых – «сглаживающими» факторами в отношении стрессогенных влияний; во-вторых – факторами, повышающими адаптационный потенциал личности. Взаимосвязь личностного адаптационного потенциала и особенностей волевой регуляции, объясняется: во-первых – интеграционным характером личностного адаптационного потенциала; во-вторых – созданием психической устойчивости, обеспечивающей успешность адаптации волевой регуляцией и ее составными компонентами [4].

Важность рассмотрения проблемы взаимосвязи данных феноменов в студенческом возрасте, объясняется сензитивностью данного периода к развитию личностных черт, и социогенных потенциалов человека, что проанализировано в работах таких ученых, как Б.Г. Ананьев, А.В. Дмитриев, И.О. Кон, В.Т. Лисовский, З.Ф. Есарева и др. [3].

Проявление волевых качеств определяется мотивами и нравственными установками, но наибольшее влияние оказывают врожденные особенности проявления свойств нервной системы: силы – слабости, подвижности – инертности, уравновешенности – неуравновешенности, устойчивости нервных процессов [1].

Подобные особенности нервной системы также определяют такую интеграционную характеристику психического развития как адаптационный потенциал, представлявший особую значимость в успешности приспособления индивида, его обучения и последующей профессиональной деятельности. Он, определяется не только наследственностью, но и различными влияниями внешней среды. Факторами, неблагоприятно воздействующими на устойчивость психической деятельности, являются стрессогенные факторы, связанные с процессом обучения (экзамены и др.) [3]. В качестве факторов, воздействующих на уровень адаптированности субъекта, выступают также такие индивидуальные особенности его личности, такие как личностная тревожность, а также склонность к переживанию состояния депрессии, или наличие различного рода депрессивных состояний [2].

Актуальность исследования связана с возрастающими в современном мире требованиями к будущим специалистам, усложнением профессиональной деятельности [1]. В условиях сильной конкуренции на рынке труда необходимо обладать развитыми качествами личности, такими как: целеустремленность, ответственность, инициативность, решительность, настойчивость, энергичность, самообладание и др.

Практическая значимость исследования определена спецификой учебной деятельности, которая находит отражение в наличии разноплановых стрессогенных воздействий, связанных с адаптацией студентов в ВУЗе, определением своей роли и места в коллективе, преодолению трудностей на пути получения профессионального образования. Сбор научных данных по этой проблеме послужит в разработке программы повышения волевых качеств и, как следствие, адаптационных способностей, в результате чего повысит эффективность и успешность обучения. В зависимости от степени развитости волевой регуляции и уровня личностно-адаптационного потенциала студентов будет определяться не только качество их обучения, но и успешность их будущей профессиональной деятельности, успешность установления взаимоотношений, освоения социальных ролей [1].

Целью исследования явилось выявление различий особенностей волевой регуляции у студентов с различным уровнем адаптационных способностей.

Объект: в исследовании приняло участие 60 студентов (13 юношей и 47 девушек) от 20 до 23 лет. Студенты 4 и 3 курса факультета психологии ЛГУ им. А. С. Пушкина, студенты 3 курса института СПбГУПТД, студенты 4 курса факультета юриспруденции СпБЮА.

Предмет: особенности волевой регуляции и адаптационные способности.

Гипотеза: между особенностями волевой регуляции у студентов с различными адаптационными способностями существуют значимые различия.

Для проведения сравнительного анализа общая выборка была поделена по степени выраженности признаков дезадаптации: группа студентов без выраженных признаков (3-й уровень адаптации, средний уровень личностной тревожности, состояние без депрессии) и группа студентов с выраженными признаками дезадаптации (4-й уровень адаптации, высокий/средний уровень личностной тревожности, состояние без депрессии/легкая депрессия/субдепрессия). Данные группы определены как: адаптированная (выборка 1) и дезадаптированная (выборка 2).

Были использованы следующие психодиагностические методики: Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность»; Опросник «Волевые качества личности» М.В. Чумакова; Тест-опросник А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции»; Шкала тревоги Ч.Д. Спилбергера; Определение уровня депрессии (Т.И. Балашова).

Для сравнительного анализа данных был выбран параметрический t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Так как по результатам статистических расчетов (программы MS Office, SPSS Statistics Base), данные по выборке соответствуют закону нормального распределения (критерий Колмогорова-Смирнова).

По данным методики МЛО «Адаптивность» были выявлены значимые различия по всем шкалам. По шкале «ПР» значение t-критерия Стьюдента: -8,689356602; «КП»: -8,175987388; «МН»: -2,912643337; «ЛАП»: -10,19448631 ($p < 0,001$). У выборки 2 соответственно уровень личностно-адаптационного потенциала является значительно ниже, чем у студентов без выраженных признаков дезадаптации. Подобные значимые различия могут объясняться изначальной предрасположенностью второй выборки к дезадаптации, в результате которой низкие показатели были выявлены в период экзаменов, производственной практики, то есть в особо стрессовый период.

По данным методики «Шкала тревоги Спилбергера» между двумя адаптационными группами были выявлены существенные различия (-8,904673793 при $p < 0,001$). Студенты группы дезадаптации ярко демонстрируют наличие высокого уровня личностной тревожности, что определено тем, что личностная тревожность является фак-

тором развития дезадаптации у данной выборки, так же, как и в случае депрессивных состояний (у группы адаптированных студентов состояний депрессий не выявлено).

По данным методики «Опросник уровня депрессии» между группами были выявлены значимые различия (-5,467738687 при $p < 0,001$). Студенты группы дезадаптации в значительной степени расположены к депрессивным состояниям, состояниям легкой депрессии невротического или ситуационного генеза, что также объясняется фактом предрасположенности и нахождения в стрессогенных условиях.

По данным опросника «ВКЛ» Н.М. Чумакова были обнаружены существенные различия между выборками по третичным волевым качествам (по шкале «О»: 4,163558857; «И»: 5,862409043; «С»: 4,697700783; «Ц»: 7,283269451 ($p < 0,001$)) и общему интегральному показателю (8,804405192 при $p < 0,001$). У дезадаптированных студентов выявлен преимущественно низкий уровень по общему интегральному показателю волевых качеств личности (22 человека). Также выявлен средний с тенденцией к низкому уровню и средний с тенденцией к высокому (у 11 и 8 респондентов), всего у двух респондентов выявлен высокий уровень волевых качеств. У адаптированных студентов выявлены средний с тенденцией к высокому и высокий уровень волевых качеств личности (7 и 10). Факт различия между выборками по уровню «ВКЛ» и волевой регуляции связан с различиями выборок в адаптационных способностях. Во-первых, студенты с неразвитыми волевыми качествами более подвержены риску дезадаптации. Во-вторых, у большей части выборки 2 выявлены различные уровни депрессивных состояний, которые оказывают пагубное воздействие на волевою сферу личности в целом. Различия по уровню развитости отдельных волевых качеств ответственности, инициативности, самостоятельности и целеустремленности также объясняется наличием у большей части дезадаптированной выборки различного рода депрессивных состояний (для состояний депрессии характерно снижение активности, повышенная утомляемость, отсутствие интереса к учебной и трудовой деятельности и т.д. Также наличие у большей части выборки 2 высокого уровня личностной тревожности может определять недостаточную сформированность волевых качеств и волевой саморегуляции в целом.

По результатам тест-опросника «Исследование волевой саморегуляции», А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана также между двумя адаптационными группами были выявлены существенные различия в уровне волевой саморегуляции (7,889773389 при $p < 0,001$).

Таким образом, ходе была подтверждена гипотеза и была достигнута поставленная цель, то есть были выявлены различия особенностей волевой регуляции у студентов с различным уровнем адаптационных способностей.

Список литературы

1. Пилипенко А.Е., Бар Н.С. Роль волевой регуляции в процессе адаптации студентов к учебной деятельности // перспективы развития психологической науки и образования тысячелетия третьего. – СПб.: Изд-во НИЦ АРТ, 2017.
2. Психогигиена и психопрофилактика: сб. науч. тр. / под общ. ред. М. М. Кабанова. – Л.: Изд. Ленингр. науч.-исслед. ин-та им. В. М. Бехтерева, 1983. – Т. 103. – С. 148.
3. Реан А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.
4. Селиванов В.И. Терминологический минимум основных понятий воли [Текст]. – Рязань, 1992. – 286 с.

А. Е. Пилипенко

Копинг-стратегии у студентов с различными характеристиками ценностно-смысловой сферы

При изучении копинг поведения в контексте различных стрессогенных ситуаций становится необходимой постановка вопроса о детерминации копинг-стратегий определенными личностными основаниями. Подобным основанием является ценностно-смысловая сфера, которая выступает интеграционным фактором развития личности [2; 5].

Особое внимание ценностно-смысловой сфере при изучении копинг поведения также уделяли такие авторы как К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, М.Ю. Денисов, В.С. Николаева, А.В. Полетаева, А.О. Прохоров, И.А. Сапарова, В. Франкл и др. [3].

Ценностно-смысловая сфера представляет собой ядерный пласт личности и является центральным регулятором жизнедеятельности. Данное личностное образование определяет направленность, интересы, поведение человека, а также восприятие действительности, в частности – отношение к стрессовым событиям. Подобная регулятивная функция может выступать в качестве ресурса совладания, а также определять копинг-стратегии.

Также, особому вниманию, при изучении копинг поведения, подлежит вопрос о влиянии копинг-стратегий на развитие личности. Подобное развитие достигается посредством преодоления трудных ситуаций, их реального разрешения. Как указывает Х. Сек, стрессовые ситуации имеют определенное влияние на личность, и в зависимости от силы и длительности стрессогенного воздействия могут быть рассмотрены как моменты личностного роста [6].

Таким образом, копинг-стратегии определяются не только как способы, способствующие адаптации, но и как механизмы, способствующие развитию личности.

В рамках данной концепции необходимо различить копинг-стратегии, которые действенны и не действенны в отношении развития личности. Т.Л. Крюковой был выделен ряд копинг-стратегий (стилей) [4]: копинг ориентированный на избегание, отвлечение, социальное отвлечение, эмоционально-ориентированные копинги (которые можно характеризовать как не способствующие развитию); проблемно-ориентированные копинги (способствующие развитию).

Актуальность исследования связана со значимостью изучения личностных ресурсов, позволяющих ей осознанно и целенаправленно разрешать жизненные трудности. В настоящий момент одним из фундаментальных вопросов психологии остается вопрос о соотношении и взаимосвязи разноуровневых структур (ядерных и инструментальных пластов личности) [5]. Также актуальность исследования обоснована необходимостью, определения механизмов, способствующих развитию личности. Важность рассмотрения проблемы взаимосвязи данных феноменов в студенческом возрасте, объясняется сензитивностью данного периода к общему развитию личностных потенциалов [5].

Практическая значимость исследования определена следующими аспектами. Во-первых, необходимостью прогнозирования поведения человека. Согласно концепции Ш. Шварца и У. Билски определение значимых ценностей, отношений между ценностями позволяет прогнозировать поведение личности [1]. Во-вторых, полученные результаты могут быть использованы для разработки тренинговых программ, направленных на развитие личности (например, повышение осмысленности жизни, целеполагания, за счет которых личность имеет более функциональный репертуар стратегий совладания).

Целью данного исследования явилось выявление взаимосвязи копинг-стратегий и характеристик ценностно-смысловой сферы личности.

Объект: в исследовании приняло участие 73 студента филологического факультета и факультета психологии в возрасте от 18 до 22 лет (11 юношей и 52 девушки). Исследование проводилось на базе ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина».

Предмет: копинг-стратегии и характеристики ценностно-смысловой сферы личности.

Гипотеза: между копинг-стратегиями и характеристиками ценностно-смысловой сферы существуют значимые взаимосвязи.

Были использованы следующие психодиагностические методики: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т.Л. Крюковой; опросник «способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; Тест

«смысло-жизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева; «ценностные ориентации» М. Рокича; «морфологический тест жизненных ценностей» В.Ф. Сопов.

Для проведения корреляционного анализа был выбран непараметрический коэффициент корреляции Спирмена. Так как по результатам статистических расчетов (программы MS Office, SPSS Statistics Base), данные по выборке не соответствуют закону нормального распределения (критерий Колмогорова-Смирнова).

Были выявлены следующие значимые корреляции.

1. Корреляции между шкалами методики «СЖО» и шкалой «ЭОК» методики «Копинг-стратегии поведения в стрессовых ситуациях»:

- отрицательная взаимосвязь эмоционально-ориентированного копинга и шкалы «локус-контроль жизнь» $r = -0,522$ ($p > 0,01$);

- отрицательная взаимосвязь эмоционально-ориентированного копинга и шкалы «осмысленности жизни» $r = -0,506$ ($p > 0,01$).

Взаимосвязь данных показателей свидетельствует о том, что при выраженном фатализме, уверенности в неуправляемости жизненными событиями, также низком уровне осмысленности жизни, предпочитаемыми способами совладания являются эмоционально-ориентированные копинги. Таким образом, лица, обладающие высоким локусом-контроля жизнь и осмысленностью жизни, не склонны к выбору стратегий не направленных на разрешение проблемных ситуаций, так как обладают уверенностью в собственном влиянии на жизненные события.

2. Положительная взаимосвязь терминальной ценности «интересная работа» методики «Ценностные ориентации» и эмоционально-ориентированного копинга: $r = 0,505$ ($p > 0,01$).

Подобная взаимосвязь говорит о предпочтении эмоционально-ориентированных копингов лицами, для которых является значимой ценностью интересной работы. Подобная терминальная ценность играет большое значение для профессионального развития. По данным некоторых исследований [3], лица, проявляющие интерес к работе, обладающие исследовательским интересом, обладают достаточной эмоциональной устойчивостью, что, вероятно, может определять предпочитаемый выбор копинг-стратегий (например, самоконтроль).

3. Корреляционная взаимосвязь шкал методики «СЖО» и шкал «ПРП» методики «Стратегии совладающего поведения»:

- положительная взаимосвязь копинг-стратегии планирование решения проблемы и шкалы «цели в жизни» $r = 0,501$ ($p > 0,01$);

- положительная взаимосвязь копинг-стратегии планирование решения проблемы и шкалы «осмысленность жизни» $r = 0,495$ ($p > 0,01$).

Также выявлена тенденция к значимой положительной корреляции шкалы «ПРП» и «ЛК-Я» $r = 0,47$ ($p > 0,01$).

Подобные корреляционные взаимосвязи сообщают о том, что лица, обладающие высоким уровнем целеустремленности, направленности, осмысленности жизни, предпочитают стратегию планирование решения проблемы, которая заключается в преодолении проблемных ситуаций за счет целенаправленного планирования действий для конструктивного разрешения ситуации.

Тенденция к взаимосвязи высокого уровня локуса-контроля «Я» и выраженности данной стратегии, дает возможность предполагать, что респонденты, обладающие свободой выбора в планировании жизни, в соответствии со значимыми смыслами, обладающие силой личностного потенциала, также склонны к выбору копинг-стратегии, способствующей развитию личности за счет преодоления трудностей.

4. Выявлена тенденция к значимой положительной корреляции шкалы «профессия» методики «МТЖЦ» и шкалы «поиск социальной поддержки» методики «ССП» $r = 0,47$ ($p > 0,01$).

Тенденция к значимой взаимосвязи жизненной сферы профессия и копинг-стратегии поиск социальной поддержки, вероятно, обусловлена характеристиками выборки – профессиональная направленность студентов психологов и филологов связана с деятельностью в системе человек-человек.

Таким образом, была достигнута цель и подтверждена гипотеза о взаимосвязи копинг-стратегий и характеристик ценностно-смысловой сферы личности.

Полученные данные также сообщают о том, что от уровня осмысленности жизни (как общего интегрального показателя смысло-жизненных ориентаций, а также ряда его показателей), зависит выраженность стратегий способствующих, или не способствующих развитию личности за счет преодоления трудных жизненных ситуаций.

Список литературы

1. Schwartz S. Identifying culture specifics in the content and structure of values / S. Schwartz, L. Sagiv // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 1995 – V. 26. – P. 92–116.
2. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, Академия, 2007. – 528 с.
3. Камынина И.В. Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. – Петропавловск-Камчатский, 2008. – 212 с.
4. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три Копинг - шкалы. – Кострома: Авантитул, 2007. – 60 с.

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2. – М.: Смысл, 2003. – 438 с.
6. Нартова-Бочавер С. К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психол. журн. – Т. 18. – № 5. – 1997.

О. С. Смирнова, У. М. Усманов, И. А. Куницына

Динамика коммуникативных характеристик студентов различных направлений педагогического вуза

Изучение коммуникативных характеристик личности играет важную роль в современной психологической науке, что, вероятно, определяется тем, что значительная часть актуальных в настоящее время профессий так или иначе связано с общением с людьми. В особенности это касается представителей так называемых помогающих профессий (психолог, педагог, социальный работник и т.д.). Представители этих видов деятельности не просто устанавливают и поддерживают контакт с партнерами по общению (клиенты, ученики, члены коллектива), но и в определенном смысле влияют на развитие личности последних.

Понятие коммуникативных характеристик в современной психологии достаточно размытое и собирательное. Различные исследователи говорят о таких психологических феноменах как коммуникативные способности, коммуникативные навыки и умения, коммуникативные свойства. Однако, при эмпирических исследованиях зачастую используются одни и те же психодиагностические инструменты, в связи с чем перечисленные психологические феномены в данной статье объединены термином «коммуникативные характеристики».

Е.С. Романова в числе основных профессионально важных качеств как психологов, так и педагогов выделила следующие: коммуникативные способности (навыки общения с людьми), ораторские способности, организаторские качества, способность к сопереживанию. Среди выделенных ей качеств, препятствующих успешному выполнению профессиональной деятельности для представителей данных профессий – неумение понять позицию, состояние другого человека, неорганизованность, отсутствие склонности к работе с людьми, психическая и эмоциональная неуравновешенность [6].

Подобные ПВК для психологов и педагогов выделяют и другие исследователи. Так, Н.Н. Обозов говорит о контактности и общительности как профессионально значимых качествах психолога, Р.В. Овчарова выделяла социабельность, коммуникабельность, эмпатию как необходимые качества для практикующих психологов [1].

Р.А. Мижериков, М.Н. Ермоленко говорили о таких основных качествах в профессиональной деятельности педагога как активность и коммуникабельность [4].

Таким образом, коммуникативные характеристики в многообразии их проявлений являются профессионально важными качествами для представителей профессий социономического типа, в особенности для педагогов и психологов.

Актуальность данного эмпирического исследования определяется тем, что, несмотря на большое количество локальных (в рамках одного вуза) исследований коммуникативных характеристик студентов-психологов и студентов-педагогов, практически отсутствуют лонгитюдные исследования, способные показать развитие изучаемых качеств в процессе обучения в вузе.

Данное эмпирическое исследование было проведено на базе ГАОУ ВО ЛО «ЛГУ им. А.С. Пушкина» в 2018–2019 гг. Объектом исследования выступили студенты 1, 2, 3 курсов, обучающиеся по направлениям подготовки 37.03.01 – «Психология», профиль – общий (60 человек) и 44.03.05 – «Педагогическое образование», профиль – информатика и математика (63 человека). На втором этапе исследования данные студенты обучались соответственно на 2, 3, 4 курсах.

Предмет исследования – коммуникативные характеристики студентов различных направлений в их динамике на этапе обучения в вузе.

Гипотезы исследования: 1) существуют различия в уровне коммуникативных характеристик у студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Психология» и «Педагогическое образование»; 2) динамика отдельных коммуникативных характеристик у студентов 1–3 курсов по направлениям подготовки «Психология» и «Педагогическое образование» различна.

Стоит отметить, что у студентов-психологов в процессе обучения в вузе предусмотрены некоторые мероприятия, способствующие развитию коммуникативных характеристик. Так, на базе факультета психологии действует психологическая служба, с помощью которой со студентами проводятся различные тренинги, ролевые игры, направленные, в том числе, на развитие различных коммуникативных характеристик. Также в программе обучения студентов-психологов присутствуют тренинговые дисциплины (тренинг партнерского общения, тренинг делового общения, методология тренинговой работы), также способствующие повышению уровня коммуникации студентов. Предполагается, что данные мероприятия могут повысить уровень коммуникативных характеристик студентов-психологов в процессе обучения в университете.

В проведенном исследовании были использованы следующие методики, направленные на измерение выбранных коммуникативных характеристик, профессионально значимых для представителей данных профессий (собственно коммуникативные характеристики, характеристики эмпатии и характеристики нервно-психической устойчивости):

- 1) опросник «КОС-2»;
- 2) «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин);
- 3) «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» (В.В. Бойко).

В качестве методов математико-статистической обработки данных были использованы: t-критерий Стьюдента для независимых выборок (для сравнения групп студентов различных направлений подготовки) и t-критерий Стьюдента для зависимых выборок (для сравнения одних и тех же групп студентов на разных курсах обучения).

В ходе сравнения коммуникативных характеристик студентов-психологов и студентов-педагогов 1, 2, 3 курсов (2018 г.) были получены следующие результаты:

1) студенты-педагоги 1 курса по сравнению со студентами-психологами обладают более высоким уровнем развития коммуникативных и организаторских склонностей ($t_{эмп} = 3,06$ и $t_{эмп} = 3,11$ при $p \leq 0,01$ соответственно);

2) студенты-педагоги 2 курса по сравнению со студентами-психологами обладают более высоким уровнем развития организаторских склонностей ($t_{эмп} = 3,11$ при $p \leq 0,01$);

3) студенты-педагоги 3 курса по сравнению со студентами-психологами обладают более высоким уровнем развития коммуникативных склонностей, поведенческой регуляции и личностного адаптационного потенциала ($t_{эмп} = 3,96$, $t_{эмп} = 4,72$ и $t_{эмп} = 4,64$ при $p \leq 0,001$ соответственно).

Таким образом, у студентов-педагогов выбранные для изучения коммуникативные характеристики находятся на более высоком уровне развития по сравнению со студентами-психологами. В целом, студенты-педагоги более общительны, легче заводят новые знакомства и ориентируются в незнакомой ситуации, обладают более высоким уровнем нервно-психической устойчивости, в большей степени склонны к проявлениям лидерства, общественной работе, обладают более выраженными эмпатическими способностями.

В ходе изучения динамики коммуникативных характеристик у студентов разных курсов обучения за один год (2018–19 гг.) были получены следующие результаты:

1) у студентов-психологов в период с 1 по 2 курсы обучения существенно повысился уровень развития коммуникативных склонностей, коммуникативного потенциала и личностного адаптационного

потенциала ($t_{\text{эмп}} = 3,58$, $t_{\text{эмп}} = 2,95$ и $t_{\text{эмп}} = 3,27$ при $p \leq 0,01$ соответственно);

2) у студентов-психологов в период с 3 по 4 курсы обучения существенно повысился уровень развития коммуникативных склонностей, рационального канала эмпатии и идентификации в эмпатии ($t_{\text{эмп}} = 3,38$, $t_{\text{эмп}} = 3,1$ и $t_{\text{эмп}} = 3,11$ при $p \leq 0,01$);

3) у студентов-педагогов в период с 1 по 2 курсы обучения существенно повысился уровень развития коммуникативных и организаторских склонностей, поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и личностного адаптационного потенциала ($t_{\text{эмп}} = 3,87$, $t_{\text{эмп}} = 3,8$, $t_{\text{эмп}} = 4,22$ при $p \leq 0,001$, $t_{\text{эмп}} = 3,32$ при $p \leq 0,01$ и $t_{\text{эмп}} = 5,01$ при $p \leq 0,001$ соответственно);

4) у студентов-педагогов в период с 2 по 3 курсы обучения существенно повысился уровень развития организаторских склонностей и личностного адаптационного потенциала ($t_{\text{эмп}} = 3,99$ при $p \leq 0,001$ и $t_{\text{эмп}} = 2,87$ при $p \leq 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что развитие коммуникативных характеристик в процессе обучения в вузе происходит как у студентов-психологов, так и у студентов-педагогов. И у студентов-психологов, и у студентов-педагогов характер динамики коммуникативных характеристик в процессе обучения на 1 и 2 курсах схож (развиваются собственно коммуникативные способности). Данную особенность, вероятно, следует отнести к возрастным изменениям, учитывая наличие сходных условий обучения, так как на 1 курсе и в начале 2 курса в учебных планах по разным направлениям подготовки в вузе стоят базовые дисциплины, такие как русский и иностранный языки, философия, история и др.

При переходе со 2 на 3 курс у студентов-психологов отмечается наименьшая выраженность динамики коммуникативных характеристик. Данная особенность может быть связана с так называемым «кризисом третьего курса», который характеризуется процессом переоценки выбранной профессии, некоторым разочарованием в ней и т.д. [5; 7]. Однако, у студентов-педагогов в это же время продолжают развиваться организаторские склонности и личностный адаптационный потенциал.

В период с 3 по 4 курс у студентов-психологов отмечается активное развитие коммуникативных склонностей и характеристик эмпатии (возможно, связано с прохождением производственной практики), а у студентов-педагогов, напротив, существенная динамика коммуникативных характеристик отсутствует.

Итак, начиная со второго курса у студентов-психологов статистически значимо повышаются собственно коммуникативные склонности и характеристики эмпатии, а у студентов-педагогов развиваются

организаторские склонности, поведенческая регуляция и адаптационные характеристики. Возможно, данная особенность связана с проявляющейся в процессе обучения специализацией учебных дисциплин.

В ходе повторного сравнения коммуникативных характеристик студентов-психологов и студентов-педагогов уже на 2, 3, 4 курсах (2019 г.) были получены следующие результаты:

1) студенты-педагоги 2 курса по сравнению со студентами-психологами обладают более высоким уровнем развития коммуникативных и организаторских склонностей, поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и личностного адаптационного потенциала ($t_{\text{эмп}}= 3,01$ при $p \leq 0,01$, $t_{\text{эмп}}= 3,7$ при $p \leq 0,001$, $t_{\text{эмп}}= 3,26$ при $p \leq 0,01$, $t_{\text{эмп}}= 2,83$ при $p \leq 0,01$ и $t_{\text{эмп}}= 3,39$ при $p \leq 0,01$ соответственно);

2) студенты-педагоги 4 курса по сравнению со студентами-психологами обладают более высоким уровнем развития коммуникативных склонностей, поведенческой регуляции, коммуникативного потенциала и личностного адаптационного потенциала, а также более высокой выраженностью идентификации в эмпатии ($t_{\text{эмп}}=3,22$ при $p \leq 0,01$, $t_{\text{эмп}}=4,29$ при $p \leq 0,001$, $t_{\text{эмп}}=2,96$ при $p \leq 0,01$, $t_{\text{эмп}}=4,57$ при $p \leq 0,001$ соответственно и $t_{\text{эмп}}=3,23$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего периода обучения в вузе наблюдается следующая тенденция: студенты-педагоги по сравнению со студентами-психологами, в целом, обладают более высоким уровнем развития коммуникативных характеристик.

Наличие подобных различий может свидетельствовать о том, что студенты-психологи изначально обладали более низким уровнем коммуникативных характеристик, т.к. они активно формировались в более ранние этапы онтогенеза. Однако, возникает вопрос о привлекательности профессии психолога, непосредственно связанной с постоянным общением с людьми, для абитуриентов с низким уровнем развития коммуникативных характеристик.

Возможно, данная особенность объясняется образом профессии психолога, которая является привлекательной для юношей и девушек, имеющих низкий уровень коммуникативных характеристик. Так, в исследовании О.Г. Ксенды было показано, что у большинства опрошенных студентов образ психолога идеализирован, наполнен бытовыми стереотипами и обыденными представлениями, в соответствии с которыми каждый представитель данной профессии обладает высокими коммуникативными навыками, умением быстро находить общий язык с окружающими людьми и поддерживать дружеские контакты [3].

В исследовании К.А. Володиной было показано, что значительная часть опрошенных студентов – психологов обладает выраженными ложными профессиональными мотивами, то есть стремится получить профессию, чтобы иметь возможность управлять людьми, грамотно выстраивать с ними общение. Таким образом, можно предположить, что популярный, в некотором роде мистифицированный образ профессии психолога, сформированный, в том числе, благодаря СМИ, становится привлекательным для молодых людей, имеющих низкий уровень развития коммуникативных характеристик [2]. В таком случае, формирование образа профессии психолога, проведение просветительской работы являются важными задачами на этапе профориентационной работы с будущими абитуриентами.

Таким образом, гипотезы исследования подтвердились: 1) существуют различия в уровне коммуникативных характеристик у студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Психология» и «Педагогическое образование»; 2) динамика отдельных коммуникативных характеристик у студентов 1–3 курсов по направлениям подготовки «Психология» и «Педагогическое образование» различна.

В качестве практических рекомендаций можно предложить проведение дополнительных мероприятий по изучению коммуникативных характеристик будущих абитуриентов, а также мероприятий, способствующих повышению уровня развития коммуникативных характеристик у студентов (в особенности, у студентов – психологов): тренинги, направленные на развитие коммуникативных характеристик, использование проблемного подхода в обучении, командной формы организации обучения.

Список литературы

1. Быкова Е.А. Особенности профессионально важных качеств психолога // Вестник ШГПУ. – 2015. – № 3 (27). – С. 23–29.
2. Володина К. А. Изучение образа профессии у студентов-психологов // Концепт. – 2013. – № 7. – С. 1–6.
3. Ксенда О.Г. Образ психолога в представлении студентов – психологов // Психологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 55–59.
4. Мижериков В.А., Ермоленко М.Н. М58 Введение в педагогическую деятельность: учеб. пособие для студентов педагогических учебных заведений. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 268 с.
5. Миненкова А. А. Исследование кризисных проявлений в профессиональном самоопределении студентов третьего года обучения // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Екатеринбург, 19–20 нояб. 2013 г.: в 2 т. / отв. ред. Л. К. Тропина, Т. Н. Карфидова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – Т. 2. – С. 46–48.
6. Романова Е.С. 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 464 с.
7. Чернобровкина С.В. Кризис юности у студентов как кризис взросления // Вестн. Омского ун-та. – 2014. – № 1. – С. 24–31.

Особенности личности детей младшего школьного возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата

Патология опорно-двигательного аппарата, включающая в себя как врожденные, так и приобретенные нарушения, наблюдается у 5–7 % детей, а отклонения в развитии у детей с подобной патологией отличаются значительной полиморфностью и диссоциацией в степени выраженности различных нарушений.

В число наиболее распространенных заболеваний позвоночника входит сколиотическое искривление. Более 80 % детей дошкольного и младшего школьного возраста сегодня имеют различные нарушения осанки [1; 3; 5].

Сколиоз – это генетически обусловленное заболевание опорно-двигательного аппарата, характеризующееся боковым искривлением позвоночника (во фронтальной плоскости), со скручиванием позвонком в процессе их роста (является патологическим состоянием) [6].

Компрессионные переломы позвоночника (КПП) у детей являются серьезным и прогностически опасным повреждением опорно-двигательного аппарата [2]. За последние десятилетия частота встречаемости у детей стабильных (неосложненных) компрессионных переломов позвоночника растет и составляет от 5,1 до 7,3 % среди всех травм скелета [4].

Под компрессионным переломом позвоночника (КПП) понимают повреждение тел позвонков в результате их сдавления по продольной оси позвоночника. Такая травма может быть получена при падении с высоты на ноги, ягодицы, голову или при падении тяжелых грузов на голову или плечи.

С целью изучения особенностей личности и эмоционально-волевой сферы детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата, было проведено обследование детей младшего школьного возраста, находящихся на реабилитации в восстановительном центре с диагнозами: «Сколиоз» (n=15) и «Компрессионный перелом позвоночника» (n=15).

В ходе исследования использовались методики: методика «Домики» авторства О. А. Ореховой (диагностическое средство дифференциации эмоциональной сферы ребенка 4–12 лет), многофакторный личностный опросник Р. Кеттела (модифицированный для детей 8–12 лет опросник личности, содержащий 120 вопросов, касающихся самых различных сторон жизни ребенка), цветовой тест отношений А.М. Эткинда (предназначенный для изучения эмоциональных компонентов отношений человека к значимым для него людям и к себе), тест «20-ти высказываний» М. Куна в модификации Т.В. Румянцевой

(позволяющий исследовать дифференцированность самосознания и особенности самоотношения).

В ходе изучения личностных черт, свойств, отражающих относительно устойчивые способы взаимодействия человека с окружающим миром и самим собой, детей с патологией опорно-двигательного аппарата (многофакторный личностный опросник Р. Кеттела – детский вариант) были получены следующие результаты.

Полученные данные позволяют характеризовать детей со сколиозом как достаточно общительных (фактор А), с нормальной степенью сформированности интеллектуальных функций (фактор В), достаточной уверенностью в себе (фактор С) и рассудительностью (фактор F), аккуратностью (фактор G) и решительностью (фактор H), гармонично сочетающих в себе практицизм и эмоциональную сензитивность (фактор I). Эта группа детей отличается сдержанностью и флегматичностью (фактор D), так же группа демонстрирует зависимость от взрослых и других детей, легкую им подчиняемость (фактор E).

Полученные данные позволяют характеризовать детей с компрессионными переломами как достаточно общительных (фактор А), с нормальной степенью сформированности интеллектуальных функций (фактор В), достаточной уверенностью в себе (фактор С) аккуратностью (фактор G) и решительностью (фактор H), гармонично сочетающих в себе практицизм и эмоциональную сензитивность (фактор I). Эта группа детей отличается сдержанностью и флегматичностью (фактор D), так же демонстрирует зависимость от взрослых и других детей, легкую им подчиняемость (фактор E). Отмечаются более высокие показатели осторожности и рассудительности (фактор F). Тем не менее, дети этой группы проявляют оптимистичность и редко серьезно расстраиваются (фактор O).

В ходе сравнительного анализа личностных особенностей детей младшего школьного возраста со сколиозом и с компрессионным переломом позвоночника отличия между выборками были получены по шкалам, измеряющим неуверенность в себе/уверенность в себе (фактор С) (при $p \leq 0,05$) и оптимизм/пессимизм (фактор O) (при $p \leq 0,05$) методики многофакторного личностного опросника Р. Кеттела – детский вариант. Следовательно, дети младшего школьного возраста с компрессионным переломом позвоночника обладают большей уверенностью в себе, чем дети со сколиозом, что, в случае со сколиозом, может быть свидетельством выраженных дефектов позвоночника, заметных окружающим, и сохраняющихся на протяжении длительного времени. Так же, отмечается, что у детей с компрессионным переломом позвоночника более ярко выражены такие качества как спокойствие и оптимистичность, чем у детей со сколиозом, что может быть так же связано с ранее названным фактором.

Полученные в ходе проведения методики «Домики» данные позволяют характеризовать детей со сколиозом как бодрых и активных, обладающих нормальным эмоциональным состоянием. В большинстве своем, нормально дифференцирующих эмоции и адекватных при личностных взаимоотношениях, но, так же, в большинстве, придерживающихся негативного отношения к школе. Дети с компрессионными переломами позвоночника характеризуются бодростью и активностью, нормальным эмоциональным состоянием. В большинстве своем, эти дети недостаточно дифференцируют эмоции, что указывает на деформацию личностных отношений. В данной группе в равной степени распространено как положительное, так и негативное отношение к школьной деятельности.

В ходе сравнительного анализа степени дифференциации эмоций детей со сколиозом и детей с компрессионными переломами позвоночника были получены отличия между выборками (при $p \leq 0,05$) в методике «Домики» при выполнении 2 задания. Исходя из полученных данных, можно заключить, что дети младшего школьного возраста со сколиозом лучше дифференцируют эмоции, и, как следствие, более успешны в личностных отношениях, чем дети с компрессионными переломами позвоночника. Вторая же группа, в более чем половине случаев, недостаточно дифференцирует эмоции, что указывает на деформацию личностных отношений.

При проведении методики «ЦТО» были получены данные, свидетельствующие, что для детей со сколиозом более значимыми являются дружеские отношения, что может являться следствием вхождения в новую школьную среду, изменению социальной ситуации развития ребенка, началу складывания нового типа отношений с окружающими людьми. Для детей с компрессионным переломом позвоночника более значимыми являются собственное понятие и понятие успеха, что может быть свидетельством ориентации детей данной группы на достижения, на положительную оценку и похвалу со стороны окружения.

Исходя из данных, полученных при проведении методики «20 высказываний», можно говорить о том, что дети со сколиозом, как и дети с компрессионными переломами позвоночника, в среднем, обладают адекватной самооценкой. В большинстве своем, описывают себя исходя из личностных качеств и особенностей характера, эмоционального отношения к себе, что может быть свидетельством нахождения в возрастной категории младшего школьного возраста.

При сравнении эмоциональных компонентов отношений к значимым людям и к себе (по методике «ЦТО») и самооценки (по методике «20-ти высказываний») детей младшего школьного возраста со ско-

лиозом и детей с компрессионным переломом позвоночника эмпирическое значение критерия существенно превосходило критическое (при $p \leq 0,05$), что соответствует отсутствию значимых отличий между выборками. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии существенных отличий в уровне изучаемых признаков между выборками детей со сколиозом и с КПП.

Таким образом, анализ полученных в ходе исследования результатов позволяет сделать следующие выводы:

1. Дети со сколиозом и КПП демонстрируют сдержанность и флегматичность, зависимость от взрослых и других детей, легкую им подчиняемость. При этом, дети младшего школьного возраста с КПП обладают большей уверенностью в себе, чем дети со сколиозом, что может быть свидетельством выраженных дефектов позвоночника, заметных окружающим, и сохраняющихся на протяжении длительного времени. Так же, отмечается, что у детей с КПП более ярко выражены такие качества как спокойствие и оптимистичность, чем у детей со сколиозом, что может быть так же связано с ранее названным фактором.

2. Для детей со сколиозом самыми важными являются дружеские отношения, что может являться следствием вхождения в новую школьную среду, изменению социальной ситуации развития ребенка, началу складывания нового типа отношений с окружающими людьми. Для детей с КПП более значимыми являются собственное понятие и понятие успеха, что может быть свидетельством ориентации детей данной группы на достижения, на положительную оценку и похвалу со стороны окружения.

3. Дети младшего школьного возраста со сколиозом лучше дифференцируют эмоции, и, как следствие, более успешны в личностных отношениях, чем дети с компрессионными переломами позвоночника.

Список литературы

1. Алиев В. А., Андреева В. П. Зависимость состояния здоровья от соматического типа школьника // Гигиена и санитария. – 2009. – № 9. – С. 13–16.
2. Андрушко Н. С., Распопина А. В. Компрессионные переломы тел позвонков у детей. – М.: Медицина, 2007. – 150 с.
3. Арсян А. Б. К вопросу о физическом состоянии детей дошкольного и младшего школьного возраста. – Ереван, 2010.
4. Баиров Г. А. Детская травматология. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2010. – 375 с.: ил.
5. Белов В. Г., Дмитриев М. Г., Апалькова И. Ю. Здоровье как основа социально-психологической адаптации человека // Учен. зап. С.-Петерб. гос. ин-та психологии и социальной работы. – 2007. – Вып. 1. – Т. 7. – С. 44–47.
6. Популярная медицинская энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. В 1-м томе. Аборт – Ящур. – М.: Сов. энцикл., 1987. – 704 с.

Особенности профессионального самоопределения обучающихся бакалавриата Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

В настоящее время социально-экономические перемены в разных сферах жизнедеятельности оказали заметное изменение в выборе профессионального пути. К сожалению, далеко не все студенты имеют четкое представление о своей будущей специальности. Поэтому на данный момент сложилась такая ситуация, что настоящих профессионалов, специалистов, работающих с энтузиазмом и со знанием своего дела все меньше. Почему это происходит? Несмотря на то, что в России много высших и средних учебных заведений с высоким уровнем и качеством образования, которые каждый год выпускают «специалистов», компетентность выпускников и их профессионализм оставляют желать лучшего.

Говоря о подготовке будущих выпускников, стоит упомянуть, что обучение в высшем учебном заведении является неотъемлемой частью всестороннего развития личности. Профессиональное самоопределение необходимо рассматривать в единстве с системой учебно-воспитательного процесса, с моральным, трудовым и рациональным самосовершенствованием обучающегося [2].

Методологическими основами данного исследования являются следующие принципы психологии:

1. Принцип объективности, которым обусловлено использование объективных психодиагностических методов – валидных и надежных методик;
2. Принцип комплексности, т. е. использование всего многообразия методов и методик;
3. Принцип единства личности, сознания и деятельности;
4. Принцип диалектико-материалистического детерминизма психики и мира психических функций. Исследование направлено на поиск причин, условий, обуславливающих функционирование психических явлений.

Цель проведенного нами исследования заключалась в выявлении особенностей профессионального самоопределения обучающихся на разных курсах обучения бакалавриата.

Практическая значимость работы заключается в том, что данное исследование может быть полезным психолого-педагогическому составу факультета и университета при организации профессионального самоопределения обучающихся в ходе образовательного процесса.

Предположение, выдвинутое нами, свидетельствует о существовании различий в процессе профессионального самоопределения у обучающихся бакалавриата на разных курсах обучения, определившихся и неопределившихся в выборе будущего профессионального пути.

Исследование проводилось в период с 2018–2019 гг. Были обследованы обучающиеся бакалавриата разных курсов обучения в количестве 108 человек, а именно: 1-го курса в количестве 29 человек, 2-го курса в количестве 27 человек, 3-го курса в количестве 25 человек и 4-го курса в количестве 27 человек. База исследования: Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина».

Для изучения особенностей профессионального самоопределения студентов-психологов нами были использованы следующий инструментарий:

- для выявления склонностей, обучающихся к определенным типам профессии, был задействован дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Климова Е.А. [3];
- для диагностики реальной структуры ценностных ориентаций личности была задействована методика С.С. Бубновой;
- для определения личностных свойств личности, обучающимся был предложен опросник 16 ФЛО Кеттелла [4];
- для определения у обучающихся психологического портрета и выявления типа темперамента, был использован опросник Кейрси;
- так же была задействована методика для выявления профессиональной направленности Дж. Голланда [3].

Использованные методы математико-статистической обработки данных:

- первичные статистики (параметры распределения значений показателей среднее значение, стандартное отклонение);
- сравнительный анализ (U - критерий Манна-Уитни);
- корреляционный анализ (r_s - Спирмена).

1) Был проведен сравнительный анализ «тип профессии человек-человек» (30,03) и «тип профессии человек-техника» (20,37) (ДДО Е.А. Климов) по шкале социальная активность и достижение позитивных изменений в обществе (ДРСЦОЛ С.С. Бубнова). Так же, существуют статически значимые различия представленных результатов обследования обучающихся бакалавриата «социальный тип» (23,25) и «реалистический тип» (14,63) по шкалам прямолинейность-дипломатичность. Существуют статически значимые различия представленных результатов обследования обучающихся бакалавриата

«социальный тип» (22,41) и «конвенциональный тип» (11,35) по шкале помощь и милосердие к другим людям.

2) Были выявлены значимые взаимосвязи между исследуемыми признаками между показателями по шкалам «низкий самоконтроль-высокий самоконтроль» и «высокий социальный статус и управление людьми» ($r=0,396$ при $p=0,001$). Чем выше показатель по шкале «высокий социальный статус и управление людьми», тем выше показатель по шкале «высокий самоконтроль».

3) Ценностная ориентация в высоком материальном благосостоянии ярче выражена у обучающихся 3 и 4 курса бакалавриата. Вероятнее всего, это связано с тем, что обучающиеся хотят быть независимыми от материального обеспечения родителей и ближайших родственников. В это время происходят первые профессиональные пробы личности. Так же в нашей работе указываются данные на ценностную ориентацию в высоком социальном статусе и управлению людьми и больше всего она выражена у обучающихся 4 курса. Можно сделать вывод о том, что обучающиеся хотят получать достойную заработную плату и высокий социальный статус.

Список литературы

1. Вировец Ю. А. Справочник популярных профессий. Библиотека группы компаний HeadHunter. – СПб.: Санкт-Петербург, 2010.

2. Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Садовникова Н. О. Профориентология: Теория и практика: учеб. пособие. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006.

3. Прокофьева В.А. Основы профориентации: учеб. пособие. – СПб.: ЛГУ А.С. Пушкина, 2006. – 303 с.

4. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 496 с.

Г. Р. Чернова, М. В. Сергеева

Взаимосвязь стиля поведения в конфликтных ситуациях и типа личности педагогов дошкольного образовательного учреждения

Проблема взаимодействия участников педагогического процесса приобретает все большую остроту для современного детского сада. Новое качество работы детского сада невозможно без её решения, а гуманная идея педагогического сотрудничества может превратиться в очередную лозунг, если не будут найдены конкретные пути её реализации.

Многие руководители детского сада считают, что через правильное решение типичных конфликтных ситуаций можно помочь воспитателям не доводить отношения с родителями, сотрудниками и детьми до конфронтации, не «загонять» их в длительный конфликт. Реальный механизм установления нормальных отношений с родителями, сотрудниками и воспитанниками мы видим в снижении количества и накала конфликтов путем перевода их в педагогическую ситуацию, когда не нарушается взаимодействие в педагогическом процессе, хотя мы осознаем трудность такой работы для воспитателя.

Нынешнее состояние системы образования в стране, будь то среднее или высшее, у многих вызывает большую тревогу, хотя и наметились позитивные сдвиги, ведь это касается практически каждой семьи. Волнует общее снижение уровня подготовки, непрочность получаемых знаний, значительное уменьшение роли воспитательной работы, отток высококвалифицированных учителей и преподавателей и многое, многое другое. Система образования должна являться стратегическим объектом государственной политики, потому что она определяет образ его будущего, но в настоящее время реально таковой не является. Отношение к ней по пресловутому «остаточному принципу» актуализировало множество проблем. Наиболее острыми из них стали небывалая коррупция в образовательных учреждениях, снижение профессионализма педагогических кадров, их низкая заинтересованность в достижении высокой эффективности учебно-педагогической деятельности образовательных учреждений. В результате совокупного действия этих факторов, а также влияния многообразных причин резко возросло количество конфликтов в образовательных учреждениях, они стали иметь негативные последствия, отрицательно влияя на всю систему образования и государство.

Многие руководители детского сада считают, что через правильное решение типичных конфликтных ситуаций можно помочь воспитателям не доводить отношения с родителями, сотрудниками и детьми до конфронтации, не «загонять» их в длительный конфликт. Реальный механизм установления нормальных отношений с родителями, сотрудниками и воспитанниками проявляется в снижении количества и накала конфликтов путем перевода их в педагогическую ситуацию, когда не нарушается взаимодействие в педагогическом процессе.

Сегодня как никогда стала очевидной решающая роль личностного фактора в учебно-воспитательном процессе в детских садах. Личность воспитателя, руководителя педагогического коллектива – вот что определяет благоприятный климат в садике [1]. Это психические свойства и состояния педагогического коллектива, его настроение, творческий и нравственный микроклимат, совместимость, авторитетность и др.

Современная теория конфликта часто рассматривается как теоретический протест против доминирования структурного функционализма, принципами которого являются стабильность, устойчивость, согласие.

Основные изменения в сфере исследования конфликтов, оказавшие влияние на отношение к конфликтам и практику работы с ними, могут быть сформулированы в нескольких простых тезисах [3].

1. Конфликт – это распространенная черта социальных систем, он неизбежен и неотвратим, а потому должен рассматриваться как естественный фрагмент человеческой жизни.

2. Конфликт должен быть принят как одна из форм нормального человеческого взаимодействия.

3. Конфликт не всегда и не обязательно приводит к разрушениям. Напротив, это один из главных процессов, служащих сохранению целого. При определенных условиях даже открытые конфликты могут способствовать сохранению жизнеспособности и устойчивости социального целого. Современное понимание конфликтов предполагает, что конфликт необязательно имеет негативное взаимодействие.

4. Конфликт представляет собой явление, с которым можно и нужно работать.

Во многих случаях конфликт понимается как одна из форм взаимодействия людей, в основе которой лежат реальные или иллюзорные противоречия между людьми с попытками их разрешения на фоне проявления эмоций. По нашему определению, конфликт – это противоречие между противоположно направленными тенденциями в сознании одной личности, в межличностных взаимодействиях или в отношениях групп людей, характеризующееся значимостью, активностью и взаимосвязанностью одновременно [2].

Типологизация конфликта играет важную методологическую роль. Она служит не только средством охвата и упорядочения накопленных знаний, что уже само по себе весьма существенно, но и часто играет заметную эвристическую роль в процессе получения новых знаний. Попытки проанализировать имеющиеся конкретные примеры конфликтных ситуаций с точки зрения выбранного основания классификации нередко обнаруживают совершенно новые аспекты конфликтов, ускользавшие ранее от внимания конфликтующих сторон.

Эмпирическое исследование связи стиля поведения в конфликтных ситуациях и типа личности педагогов проводилось на базе муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад комбинированного вида № 47» Санкт-Петербурга Калининского района (20 чел.) и Муниципального дошкольного образовательного

учреждения детский сад № 13 п. Мичуринское (20 чел.) с помощью следующих методик:

- 1) методика Г. Айзенка;
- 2) методика диагностики межличностных отношений Лири;
- 3) методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса;
- 4) методика «Личностная агрессивность и конфликтность»;
- 5) методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация С. Шмишека).

В ходе корреляционного анализа результатов обследования педагогов дошкольных учреждений по методике С. Шмишека и методике «Личностная агрессивность и конфликтность» было выявлено, что педагоги с преобладанием демонстративного типа личности менее авторитарны; с преобладанием застревающего типа личности более эгоистичны и в конфликтных ситуациях выбирают такую стратегию поведения, как избегание, выражают позитивную агрессию; с преобладанием эмотивного типа личности педагоги менее эгоистичны; с преобладанием дистимического типа личности педагоги менее подозрительны; с преобладанием гипертимного типа личности педагоги зависимы и в конфликтной ситуации реже выбирают такую стратегию, как соперничество; с преобладанием циклотимного типа личности в конфликтных ситуациях чаще проявляют негативную агрессию.

Сравнительный анализ эмпирических данных позволил сделать следующие выводы.

Педагоги комбинированного детского сада с преобладанием демонстративного типа личности менее авторитарны; с преобладанием застревающего типа личности более эгоистичны и в конфликтных ситуациях выбирают такую стратегию поведения как избегание, выражают позитивную агрессию; с преобладанием эмотивного типа личности педагоги менее эгоистичны; с преобладанием дистимического типа личности педагоги менее подозрительны; с преобладанием гипертимного типа личности педагоги зависимы и в конфликтной ситуации реже выбирают такую стратегию, как соперничество; с преобладанием циклотимного типа личности в конфликтных ситуациях чаще проявляют негативную агрессию.

Педагоги детского сада № 13 п. Мичуринское с преобладанием демонстративного типа личности в конфликтных ситуациях реже выбирают такую стратегию поведения, как компромисс; с преобладанием дистимического типа личности более эгоистичны, менее зависимы, более мстительны и в конфликтных ситуациях выбирают такую стратегию поведения, как соперничество; с преобладанием застревающего типа личности в конфликтных ситуациях чаще выбирают такую стратегию поведения, как компромисс, и реже приспособление; с

преобладанием педантичного типа личности проявляют доминирование; с преобладанием возбудимого типа личности более вспыльчивы; с преобладанием тревожного типа личности в конфликтных ситуациях чаще выбирают такую стратегию поведения, как сотрудничество; с преобладанием циклотимного типа личности менее подчиняемы и более доминантны.

В заключение можно отметить, что образование как социокультурная технология является не только источником интеллектуального богатства, но и мощным фактором регулирования и гуманизации общественной практики и межличностных отношений. Педагогическая действительность, однако, порождает множество противоречий и конфликтных ситуаций, выход из которых требует специальной подготовки социальных педагогов. Установлено, что поскольку в основе конфликта часто лежит противоречие, подчиненное определенным закономерностям, педагоги не должны «бояться» конфликтов, а, понимая природу их возникновения, использовать конкретные механизмы воздействия для успешного их разрешения в разнообразных педагогических ситуациях.

Список литературы

1. Комилова Г.К. Профилактика конфликтов в педагогическом коллективе // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – Т. 2. – С. 176–177.
2. Чернова Г.Р. Педагогический конфликт: специфика и способы разрешения // XV Царскосельские чтения: Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция: материалы междунар. науч. конф. 19–21 апр. 2011 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – Т. III. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. – С. 343–347.
3. Чернова Г.Р., Сергеева М.В., Беляева А.А. Конфликтология: учеб. пособие для бакалавриата и специалитета. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 203 с.

Н. С. Щукин

Сущность и содержание понятия «морально-психологическое состояние»

Боеспособность вооруженных сил определяют множество факторов. Однако при наличии большей необходимости знания военного дела, основной упор необходимо отдавать морально-психологическому состоянию. Конкретного определения «морально-психологическое состояние» на сегодняшний день нет. Существуют несколько трактовок данного понятия. Причиной этого может послужить отсутствие каких-либо единых направлений и взглядов по этому вопросу. Сейчас известно порядка тридцати определений. К примеру: мо-

рально-психологическое состояние – это целостное проявление совокупности морально-политических идей, взглядов, чувств, которые доминируют в сознании в этот момент и придают определенную конкретную качественную характеристику духовным возможностям людей [10, с. 6]; морально-психологическое состояние – это обобщенная характеристика боеспособности человеческого компонента подразделения, части, включающая в себя совокупность элементов коллективного сознания военнослужащих, сформированных под воздействием социальных факторов, системы ценностей и нравственных норм, принятых в обществе и проявляющихся в боевой (служебной) активности военнослужащих [1, с. 35]. Наиболее приемлемым представляется определение, данное В.П. Кашириным: «Морально-психологическое состояние личного состава – это обусловленное влиянием социальных, материально-технических и природных факторов относительно устойчивое и ограниченное по времени состояние мобилизованности и настроенности психики военнослужащих и психологии воинских коллективов на решение поставленных боевых задач, степень психологической готовности и способности выполнить эти задачи» [5, с. 44–58].

Однако, необходимо признать и наличие других терминов, связанных с «морально-психологическим состоянием»: боевой энтузиазм, морально-политическое состояние, моральное состояние, настроение, дух, боевой дух, воинский дух, духовный фактор, психологический климат, моральный фактор, моральный дух, моральное настроение и т.д. Данные понятия являются лишь отдельными моментами, которые объединяет под собой морально-психологическое состояние.

Наиболее объёмным из перечисленных понятий является понятие «духовный фактор» [4, с. 70], которое обозначает специфическое проявление общественного сознания, готовности коллектива решать конкретные социальные, экономические, политические и военные задачи. Духовную способность народа и армии решать различные социальные задачи, в том числе и вести войну, обычно называют моральным фактором, который является основным элементом духовного фактора наряду с другими элементами, такими, как военно-технические и естественнонаучные знания. Моральный фактор – это политические и нравственные идеи, взгляды, качества и чувства, в которых проявляется отношение народных масс к войне, их готовность и решимость добиться победы в ней. Моральный фактор имеет постоянно меняющееся состояние. Поэтому для более объективной характеристики важно видеть его реальное состояние.

В XIX – начале XX в. при оценке боеспособности армий в числе важнейших показателей называлось наряду с другими их моральное

состояние. Анализ научно-теоретических источников, воинских уставов, приказов, а также практические действия боевой подготовки и боевых действий позволяет утверждать, что «морально-психологическое состояние» исторически устойчивый термин. Отсюда следует, что исторический опыт является одной из методико-теоретических основ изучения морально-психологического состояния.

Заметим, что термин «морально-психологическое состояние» до начала 90-х гг. прошлого века в научных разработках не применялся. В советский период употреблялся термин «морально-политическое состояние» как показатель решимости личного состава выполнить поставленные задачи, как целостное проявление, одна из форм и способов существования политического и нравственного сознания военнослужащих. Во многих исторических работах встречаются несколько определений этого понятия. В ряде работ, посвященных данному направлению, определения «моральный фактор» и «морально-политическое состояние» отождествляются. М.П. Субботин утверждал, что «определяющим элементом морального фактора является идеологический или морально-политический. Моральный фактор есть по преимуществу морально-политический» [8, с. 147].

Понятие «морально-психологическое состояние» было введено с началом строительства новых Вооруженных сил Российской Федерации [2, с. 2]. Это было связано с тем, что новые направления военно-политической обстановки, специфика возможных военных конфликтов требуют максимальной мобилизации всех компонентов человеческого фактора. Если морально-политическое состояние больше представляло военнослужащего и воинский коллектив со стороны идейного содержания их сознания, то морально-психологическое состояние больше характеризует нравственную сторону сознания, степень психологической готовности военнослужащих к несению повседневной службы и боевым действиям. В связи с этим осознание важности и поддержание морально-психологического состояния является первостепенной задачей командного состава, а также офицеров воспитательных структур.

Высокое морально-психологическое состояние характеризуется моральным подъемом, духовным подъемом, полная готовность и решимость в выполнении боевых задач, высокий уровень подготовки личного состава, готовность вести боевые действия в разных обстоятельствах и ситуациях.

Большое значение и воздействие на устойчивое морально-психологическое состояние, оказывают профессиональная подготовка военнослужащих, сработанность действий, слаженность и сплоченность боевых расчетов и подразделений, частей, материальная обеспеченность, опыт действий в боевых действиях, а также и в других сложных обстоятельствах.

Низкое морально-психологическое состояние отличается недостаточным уровнем мобилизации сил, падением духовных сил, недостаточным пониманием основной массой военнослужащих политической обстановки страны в области обороны, неудовлетворенностью различными направлениями своей жизнедеятельности, негативным отношением к службе в Вооруженных Силах, к военной операции, в которой они участвуют. Такое положение в рядах военнослужащих может вызвать сомнение в возможностях выполнения задач, поставленных перед ними и перед сослуживцами. Примером может послужить эпизод, который произошел в частях Ладужской военной флотилии в июне 1941 г.: Старшина 2-ой статьи Хилинков заявил: «Когда смотришь кино, то видишь, что у нас имеется много танков, самолетов, артиллерии. Это не только в кино, но и на самом деле мы оснащены передовой техникой. Почему же у нас нет даже автоматического оружия, гранат? С таким вооружением и организацией обороны Валаама мы не отразим атаки и небольшого отряда диверсантов» [11]. Краснофлотцы, призванные из запаса, выражали сомнение в правдивости сообщений Советского Информбюро. После беседы агитаторов они заявили: «Не может быть, чтобы наша техника могла быть лучше германской, наша техника развивается на основе западной» [12].

Составные части содержания морально-психологического состояния выступают в единстве. Моральные элементы, проникая в общественно-психологические, придают им нравственную направленность. Общественно-психологические элементы воздействуют на мировоззрение, придавая ему эмоциональную окраску. Обе группы, влияя на элементы профессионального плана, создают базу для реализации военно-профессиональных и морально-боевых качеств военнослужащих.

Таким образом, можно сделать вывод, что морально-психологическое состояние – это уровень боевой активности военнослужащих, подразделений и воинских частей, оцениваемый с точки зрения нравственных и психологических критериев. Морально-психологическое состояние воина зависит от бытовых и материальных условий, настроения в тылу. Таковы в кратком изложении сущность и содержание понятия «морально-психологическое состояние».

Список литературы

1. Броневицкий Г.А., Томилин А.Н. Психолого-педагогический словарь офицера воспитателя корабельного подразделения. – Новороссийск, 2005. – 230 с.
2. Бублик Л.А., Черных И.И. Морально-психологическое обеспечение деятельности частей и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации. – М., 1994.
3. Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / Рос. акад. наук. – М.: Ин-т рос. истории, 2004. – 450 с.

4. Каверин Б.И. Духовная безопасность российского общества и личности воина Вооруженных Сил. – М., 2000. – 124 с.
5. Каширин В. П. Морально-психологическое состояние личного состава подразделения, части (корабля) / Военная психология: методология, теория, практика. – М., 1998. – 236 с.
6. Леонов М.А. Война и моральный фактор. – М., 1945. – 340 с.
7. Подкопаев П.С. Идеологическая работа КПСС в советском Военно-Морском Флоте в годы Великой Отечественной войны. – Л.: ЛГУ, 1983. –136 с.
8. Субботин М.П. Моральный фактор в условиях современной войны. – Ростов, 1972. – 278 с.
9. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. ист. опыт России. – М.: Тип. РОССПЭН, 1999. – 382 с.
10. Утлик Э.П. Политико-моральное состояние воинского коллектива (Психологические аспекты). – М.: ВПА, 1982. – 41 с.
11. ЦВМА. Ф. 505. Оп. 0874401. Д. 8. Л. 43.
12. ЦВМА. Ф. 505. Оп. 0198501. Д. 17. Л. 44.

Ю. А. Буков, И. М. Белоусова

Инновационный подход в организации оздоровительно-профилактической работы с лицами пожилого возраста

Старение можно определить как неизбежно и закономерно нарастающий во времени процесс, ведущий к уменьшению приспособительной активности организма. В ходе старения на возрастные изменения в органах и тканях накладываются внешние патогенные воздействия, которым человек подвергается в течение всей жизни. Ведущими причинами, способствующими активации процессов дезинтеграции, следует считать снижение стимулирующих влияний различных средовых факторов на адаптационные резервы организма. В этой связи физическая активность должна рассматриваться как важнейший компонент и условие направленного восстановления жизнеспособности организма, ослабленного гиподинамией [4; 5; 7].

Из достаточно небольшого арсенала немедикаментозных средств, оказывающих стимулирующее влияние на организм, заслуживают внимания гипоксические воздействия. Основной профилактический эффект гипоксии проявляется в повышении общей неспецифической резистентности организма. Обладая выраженным эргогенным эффектом, гипоксическая газовая среда, через стимулирование функциональных резервов основных систем организма, оказывает влияние на механизмы адаптации. При этом перекрестный положительный эффект адаптации к гипоксии является основой для использования гипокситерапии при лечении многих заболеваний [1]. Однако что касается сочетанного применения аэробных физических тренировок и гипоксических воздействий с профилактической и оздоровительной целью для лиц пожилого возраста, то в настоящее время это направление разработано недостаточно.

В связи с актуальностью рассматриваемой проблемы нами была предпринята попытка создания оздоровительно-профилактической программы для лиц пожилого возраста, основанной на сочетанном использовании дозированных физических нагрузок и гипоксических воздействий. Как известно, старение – это многогранный процесс, охватывающий все жизненно важные функции организма и механизмы их регуляции. Вместе с тем это еще и индивидуальный процесс, характеризующийся преимущественными изменениями в отдельных органах и системах. В этой связи выделяют несколько типов старения. Наиболее распространённым типом является гемодинами-

ческий тип, при котором в большей степени старению подвержена система кровообращения и который наиболее широко представлен в популяции [2]. Очевидно, в содержание оздоровительно-профилактической программы для лиц пожилого возраста следует включать средства, обладающие выраженным кардиопротекторным и антисклеротическим действием. Этим требованиям в наибольшей степени отвечают аэробные физические нагрузки и гипоксические воздействия. Сочетанное их применение будет способствовать взаимному усилению корректирующих воздействий, свойственных каждому из этих факторов.

Представленная оздоровительно-профилактическая программа, разработанная на основе использования дозированной двигательной активности и гипоксических тренировок (ДАГТ), предполагает реализацию алгоритмического принципа построения коррекционных мероприятий. В структуре ДАГТ выделены 4 этапа, соответствующих числу недель пребывания в гериатрическом диспансере с определением конкретных задач и дозированного использования тренирующих факторов.

Гипоксические тренировки проводили с использованием метода возвратного дыхания в ёмкость объёмом 30 л. Ёмкость была соединена шлангом с дыхательной маской. Длина шланга составляла 30 см. Наличие дополнительного резистивного сопротивления дыханию обеспечивало дополнительную нагрузку на респираторную мускулатуру. Продолжительность гипоксической тренировки составляла от 5 до 15 минут, в зависимости от этапа и индивидуальной переносимости. Программа физических тренировок включала в себя дозированную ходьбу на дистанции от 500 до 2000 м. Нагрузка дозировалась индивидуально с учетом исходного уровня физической работоспособности и функционального состояния. При реализации тренировочной программы использовали принцип постепенного повышения нагрузки. Нагрузка увеличивалась за счет роста объёма при стабильной интенсивности. Тренировочная работа проводилась на пульсе 130–140 уд/мин.

Гипоксические воздействия и дозированная ходьба применялись ежедневно 6 раз в неделю. В первой половине дня использовали гипоксическую тренировку, а во второй – дозированную ходьбу. Всего программой ДАГТ предусмотрено 24x24 стимулирующих воздействий соответственно.

С целью оценки эффективности программы ДАГТ были проведены исследования с участием 20 женщин в возрасте 60–65 лет проходивших курс реабилитации в гериатрическом диспансере с использованием ряда диагностических методов. Оценивали уровень здоровья по субъективным показателям. Для этого применяли методику

СОЗ (самооценка здоровья), разработанную В.П. Войтенко [3]. Уровень физической работоспособности определяли по результатам финского пешеходного теста. Функциональное состояние системы кровообращения диагностировали по данным артериального давления, частоты сердечных сокращений, индексу кровообращения, индексу двойного произведения, индексу физического состояния по Е.А. Пироговой [6].

Первичные обследования женщин пожилого возраста позволили выявить ряд существенных изменений как в функциональном состоянии, так и в показателях соматического здоровья и работоспособности. Субъективная оценка здоровья в большинстве случаев показывала удовлетворительный результат. На общее самочувствие женщин оказывало негативное влияние повышенное артериальное давление, психоэмоциональное напряжение, снижение качества жизни в связи с наличием соматических заболеваний. Низкие значения индекса кровообращения, не превышавшие величины 42,0 мл/кг/мин, свидетельствовали о превышении темпов старения системы кровообращения относительно возрастной нормы. Высокие величины индекса двойного произведения, как интегральной характеристики функционального состояния сердечной деятельности, определялись повышенными энергетическими тратами миокарда, что способствовало неэффективному растрачиванию функционального ресурса. Уровень общего физического состояния и работоспособности находился в пределах ниже среднего и удовлетворительного. Большинство женщин жаловалось на плохой сон, недомогания, сниженный жизненный тонус.

Реализация программы ДАГТ способствовала существенному улучшению общего состояния на фоне формирования более высокого уровня адаптационных реакций, базирующихся на расширении функциональных резервов системы кровообращения. Показатели артериального давления снизились до верхней границы физиологической нормы. Нормализация артериального давления являлась следствием активного вовлечения в процесс коррекции механизмов, участвующих в регуляции гемодинамических процессов. В данном случае гипоксическая стимуляция, сочетавшаяся с активизацией миогенного фактора, являлись важнейшей предпосылкой, обеспечивающей позитивные сдвиги в состоянии системы кровообращения женщин пожилого возраста. Важным показателем, определяющим общий жизненный тонус, является индекс кровообращения, величина которого может быть использована также для оценки биологического возраста или темпов старения [2]. Исходные величины этого показателя свидетельствовали о падении интенсивности кровотока в организме женщин как проявления ускорения темпов старения. Предложенная программа ДАГТ обеспечила улучшение гемодинамических

характеристик, повлекших за собой рост индекса кровообращения до 52,0 мл/мин/кг, ($p < 0,01$), что превысило возрастные характеристики и послужило основанием сделать заключение о снижении темпов преждевременно старения у женщин, участвовавших в реализации программы ДАГТ. На фоне улучшения кровоснабжения органов и систем значительно повысился коронарный резерв, о чём свидетельствовало снижение индекса двойного произведения в среднем на 10,0 %, ($p < 0,05$). Кардиопротекторный эффект способствовал росту толерантности организма к физическим нагрузкам. Результаты выполнения финского пешеходного теста значительно улучшились, примерно на 19,0 %, ($p < 0,05$).

Субъективная оценка состояния здоровья также претерпела изменения. Сумма баллов, набранная по методике СОЗ, составила по завершению программы ДАГТ от 16 до 19 баллов, что позволило сделать заключение о позитивных изменениях в состоянии здоровья женщин.

В заключение следует отметить, что разработанная программа обладает комплексным оздоровительно-профилактическим эффектом, способствует улучшению общего самочувствия женщин пожилого возраста, профилактике заболеваний сердечно-сосудистой системы, превенции преждевременного старения, а также может использоваться как здоровьесберегающая технология для различных категорий населения.

Список литературы

1. Агаджанян Н.А., Стрелков Р.Б., Чижов А.Я. Прерывистая нормобарическая гипокситерапия (исторические предпосылки, теоретическое обоснование и результаты применения) // Доклады Академии проблем гипоксии РФ. – М., 1997. – С. 18–37.
2. Анисимов В.Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. – СПб.: Наука, 2008. – 460 с.
3. Войтенко В.П. Здоровье здоровых. Введение в санологию. – Киев: Здоровья, 1991. – 245 с.
4. Евсеева О.Э., Ладыгина Е.Б., Антонова А.В. Адаптивная физическая культура в геронтологии: учеб. пособие. – М.: Советский спорт, 2010. – 83 с. – ISBN 978-5-9718-0461-1; [Электронный ресурс]. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57713>
5. Медведева Е. Н. Организация занятий фитнесом с женщинами пожилого возраста // Теория и практика физической культуры. – 2009. – № 2. – С. 64.
6. Пирогова Е.А. Совершенствование физического состояния человека / Е.А. Пирогова. – Киев: Здоровья, 1989. – 168 с.
7. Савенко М.А., Гаврилов Д.Н., Малинин А.В. Двигательная активность людей пожилого возраста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Современные проблемы физической культуры и спорта». Т. 1. – СПб.: СПбНИИ физической культуры, 2008. – С. 105–108.

Методика расчета продолжительности жизни индивидуума как фактор мотивации к здоровому образу жизни

*С понедельника – начну!..
Сколько дней я зря потратил!
Хватит!
...Буду часом дорожить,
забывая про усталость...
... Ну а сколько мне осталось
понедельников
прожить?
Роберт Рождественский [1, с. 105]*

Вопрос существования жизни после смерти обсуждается всеми поколениями людей на протяжении всей истории человечества. Пока нам с научной точки зрения не удалось это не подтвердить и не опровергнуть. Однако сам факт окончания «земной» жизни для всех людей неизбежен. Можем ли мы рассчитать или спрогнозировать количество лет, которое осталось прожить конкретному человеку? Конечно, учитывая влияние многих случайностей, можно говорить лишь о вероятностной оценке. Однако, наблюдая за **развитием** конкретного человека, по нашему мнению, возможно дать прогноз продолжительности его жизни. В слове «развитие» приставка «раз» – обозначает процесс, корень «вит» – обозначает жизнь. Необходимо лишь знать закономерности этого процесса.

В определенный момент большинство людей начинают понимать, что продолжительность их жизни зависит от того образа жизни, который они ведут. Нами сделана попытка предложить математическую модель этой зависимости.

В науке есть много примеров, когда исследования в одном направлении давали возможность открыть закономерности в другом. Так произошло и в нашем случае. Решая проблему, как исключить форсирование в подготовке юных легкоатлетов, мы проанализировали рекорды мира и высшие достижения по возрастным группам (до 18 лет, до 20 лет, до 23 лет и абсолютные) в 47 видах лёгкой атлетики. С большой достоверностью была выявлена квадратичная зависимость результата от возраста [2]. Проверяя по статистическим данным лучших результатов за всю историю лёгкой атлетике (учитывая лучший результат в каждом возрасте), получено подтверждение данной зависимости. Анализ математической модели зависимости результата от возраста в спортивной ходьбе на 20 км у мужчин дал в результате расчета возраст, когда человек начинает ходить – 1,5 года. Нами был рассчитан с помощью математической модели

прогноз о новом рекорде в 10-борье (9136 очков в 31 год), и он состоялся (9126 очков в 26 лет) через два месяца после публикации результатов исследования. Анализ всех рекордов по всем возрастам показал, что один и тот же человек может достичь графика математической модели лишь один раз за свою карьеру. Нами была предложена методика контроля скорости роста результата конкретного спортсмена для того, чтобы исключить форсирование, которое может привести к травме или перетренированности. Исследуя рост результатов спортсмена, мы задумались, а работает ли данная модель в более зрелом возрасте. И здесь нам «помогли» рекорды мира среди ветеранов, которые фиксируются от 35 лет с интервалом 5 лет до 90–100 лет. Оказалось, что с увеличением возраста квадратичная зависимость также существует. Мы получили математическую модель двух процессов. Первый – адаптации к физическим нагрузкам, второй – «спортивное старение».

Природа процесса снижения результата – «спортивного старения» – обусловлена так же, как и обычное старение генетическими изменениями в организме. Ленинградский микробиолог И.П. Ашмарин в 1977 г. писал, что «генетическая информация, хранящаяся в молекулах ДНК, может реализовываться только посредством синтеза специфических белковых структур» [3]. В докладе об исследовании ЦНС 1952 г. Г.А. Мещерского и Т.П. Фонагорской отмечено: «Процесс синтеза нервными клетками нейропептидов происходит постоянно пока организм не начнет постепенное блокирование их выработки. Следствием чего является прекращение извлечения генетической информации из молекул ДНК» [4].

Обобщая вышесказанное, нами была выдвинута гипотеза о том, что зная результаты в ходьбе на время на одной и той же дистанции одного и того же индивидуума, показанные в разное время, можно рассчитать по математической модели его возраст, когда он не сможет больше ходить.

Анализ литературы по этой тематике показал, что исследования скорости ходьбы людей разного возраста в области медицины проводятся более 30 лет.

Американский ученый Ричард В. Боханон в 1997 г. в журнале «Возраст и старение» в статье «Комфортная и максимальная скорость ходьбы взрослых в возрасте 20–79 лет: исходные значения и детерминанты» в экспериментах с 230 здоровыми испытуемыми обнаружил, что средняя максимальная и средняя комфортная скорость ходьбы значительно коррелировали с возрастом, ростом и силой нижних конечностей. И делает вывод, что **«можно ожидать, что скорость походки будет снижена у лиц более старшего возраста, меньшего роста и мышечной силы нижних конечностей»** [5].

В 2007 г. С.Е. Харди, С. Перера, Ю.Ф. Румани, Ю.М. Чандлер, С.А. Студенский в статье «Улучшение обычной скорости походки предсказывает лучшую выживаемость у пожилых людей», анализируя результаты исследования за 15 лет, делают вывод о том, что «физическая функция, оцениваемая в один момент времени, является надежным предиктором¹ долгосрочной смертности от всех причин у пожилых мужчин, живущих в сообществе. Тем не менее, повторные оценки физической функции могут предоставить прогностическую информацию сверх той, которая доступна из однократной первоначальной оценки. Однако, при повторных оценках наиболее прогностическая информация может быть найдена в окончательной оценке физической функции» [6].

В журнале «Питание, здоровье и старение» за 2009 г. участники целевой группы Международной академии питания и старения в статье «Скорость походки в обычном темпе как предиктор неблагоприятных результатов у пожилых людей, проживающих в сообществах» отмечают, что «использование простого, безопасного и простого в использовании инструмента оценки, такого как скорость походки, для оценки уязвимости к неблагоприятным последствиям у пожилых людей, живущих в сообществе, является привлекательным, но его способность к прогнозированию все еще подвергается сомнению» [7]. Целевая группа обобщила выводы группы экспертов и установила, что «скорость походки, оцениваемая в обычном темпе, может использоваться в качестве инструмента из одного элемента вместо более комплексных, но более трудоемких инструментов оценки» [7].

С. Студенский, С. Перера, К. Патель, С. Розано, К. Фолкнер, М. Инцитари и др. в 2011 г. в статье «Скорость походки и выживание у пожилых людей» в «Журнале Американской медицинской ассоциации» (JAMA) (в то время самом читаемом медицинском журнале в мире) пишут: «Оценки выживаемости помогают индивидуализировать цели ухода за гериатрическими пациентами, но в таблицах продолжительности жизни не учитываются большие различия в выживаемости. Показатели физической работоспособности, такие как скорость походки, могут помочь объяснить изменчивость, позволяя врачам делать более индивидуальные оценки. Оценить связь между скоростью походки и выживанием. Объединенный анализ 9 когортных² исследований (собранных в период между 1986 и 2000 годами) с использованием индивидуальных данных 34 485 пожилых людей, проживающих в сообществах, в возрасте 65 лет и старше с исходными

¹ Предиктор (от англ. *predictor* «предсказатель») – прогностический параметр; средство прогнозирования.

² Когортные исследования – это такой тип медицинских исследований, который используется для выявления причин заболевания, установления связей между факторами риска и их последствий для здоровья.

данными о скорости походки, продолжался в течение 6–21 года. Было 17 528 смертей. Скорость походки была связана с выживанием во всех исследованиях. Прогнозируемая выживаемость, основанная на возрасте, поле и скорости походки, была такой же точной, как и прогнозируемая на основании возраста, пола, использования средств передвижения и самоотчетных функций, или возраста, пола, хронических состояний, истории курения, артериального давления, индекса массы тела и госпитализации. В этом объединенном анализе отдельных данных из 9 отобранных групп скорость походки была связана с выживанием у пожилых людей» [8].

Р.В. Боханнон, и А.А. Уильямс в журнале «Физиотерапия» за 2011 г. в статье «Нормальная скорость ходьбы: описательный мета-анализ» анализируют данные, опубликованные в 41 статье по 23 111 субъектам. «Консолидация данных из нескольких исследований, представленных в этом мета-анализе, предоставляет нормативные данные, которые могут служить стандартом, с которым можно сравнивать отдельных лиц», однако «данные, представленные в этом документе, могут быть бесполезны в качестве стандарта нормы, если походка измеряется на коротких расстояниях от команды «идти» или если включен поворот» [9].

В журнале «Исследования в гериатрической реабилитации» за 2012 г. М.М. Лусарди в статье «Является ли скорость ходьбы жизненно важным признаком? Абсолютно» отмечает, что скорость ходьбы человека может рассматриваться как пятый жизненно важный показатель наряду с «классическими показателями жизнедеятельности (частотой сердечных сокращений, частотой дыхания, кровяным давлением и температурой тела), используемые для руководства клинической практикой, и предполагает, что скорость ходьбы соответствует критериям эффективного показателя жизнедеятельности в дальнейшей жизни» [10]. М.М. Лусарди считает, что «скорость ходьбы является не только надежным показателем результата, но и мощным предиктором функционального снижения, риска развития слабости и риска смертности. Опираясь на лучшие современные данные из эпидемиологической и клинической исследовательской литературы, ставит целью статьи побудить читателей принять измерение скорости ходьбы в качестве жизненно важного признака для всех пожилых людей, находящихся на лечении в любых условиях физиотерапии» [10].

В том же журнале Чуй К Хекд в статье «Значимые изменения в скорости ходьбы» отмечает, что «во всех цитируемых исследованиях скорость ходьбы чувствительна к изменениям во времени, и, если посмотреть на результаты исследований, существует значительное согласие с тем, что значимое изменение скорости ходьбы составляет приблизительно 0,1 м/с» [11].

Ученые-медики экспериментально выявили **корреляцию** между скоростью ходьбы человека и тем, сколько лет в среднем осталось ему прожить. Мы предложили **математическую модель этой зависимости для конкретного человека**. Она согласуется с эмпирически полученными результатами исследователей.

Используя построенную нами математическую модель и её экспериментальное подтверждение другими исследователями, предлагаем следующую методику расчета продолжительности жизни индивидуума:

1) человек в возрасте более 35 лет проходит в определённое время суток на определенной трассе пешком с максимально возможной скоростью некоторое расстояние и фиксирует результат с точностью до секунд;

2) по прошествии отрезка времени один месяц (и более) данный человек повторяет прохождение той же дистанции в то же время суток, на той же трассе и фиксирует результат;

3) подставляем результаты в формулу и получаем максимальный возраст для данного индивидуума (данная формула получена построением параболы по трем точкам):

$$X_{\max} = (\Delta Y \cdot X_1^2 - 2 \cdot Y_1 \cdot X_1 \cdot \Delta X - Y_1 \cdot \Delta X^2) / (Y_1 \cdot \Delta X - X_1 \cdot \Delta Y),$$

где X_1 – возраст в первой стадии эксперимента в месяцах,
 X_2 – возраст во второй стадии эксперимента в месяцах,
 Y_1 – результат в первой стадии эксперимента,
 Y_2 – результат во второй стадии эксперимента,
 $\Delta Y = Y_2 - Y_1$,
 $\Delta X = X_2 - X_1$.

Результаты Y_1 и Y_2 представляются в виде скорости ходьбы, т. е. дистанцию в метрах необходимо разделить на время в секундах.

Если $\Delta X = 1$ (месяц), то формула упрощается:

$$X_{\max} = (\Delta Y \cdot X_1^2 - 2 \cdot Y_1 \cdot X_1 - Y_1) / (Y_1 - X_1 \cdot \Delta Y)$$

Данная модель в отличие от множества проведенных экспериментальных исследований, учитывая данные полученные из различных видов лёгкой атлетики, позволяет провести расчет продолжительности жизни индивидуума по результатам не только ходьбы, но и любого вида деятельности, выполняемого с постоянной скоростью. Это может быть плавание, педалирование на велоэргометре, работа на гребном тренажере, т. е. доступный для данного человека вид де-

тельности. При выполнении работы можно не только измерять дистанцию, но и количество выполненных движений, например, поднятие и опускание рук с небольшими гантелями. Это позволит провести расчет и сделать прогноз даже для тех людей, которые не могут ходить по каким-то причинам.

Для корректного использования данной методики необходимо совершать движения, не превышая индивидуальный аэробный порог. Его можно определить по ЧСС в работе, которую индивидуум выполняет непрерывно более 20 минут с нормальным дыханием. Если между экспериментами испытуемый будет проводить тренировки, то, естественно, результат второго испытания может оказаться лучше первого и в соответствии с предлагаемой математической моделью продолжительность жизни устремится в бесконечность. В теории и методике физической культуры считается, что временной отрезок в две недели позволяет сохранить адаптацию к выполненному упражнению. Поэтому, чтобы первое испытание не оказывало влияние на второе, необходимо сделать паузу не меньше месяца. Тогда, даже если выбудете тренироваться, то необходимо провести месяц тренировок, выполнить первое испытание. Провести ещё один месяц тренировок и выполнить второе испытание. Так можно получить корректный результат. Что же изменилось в этом случае? Конечно, образ жизни индивидуума. Если образ жизни будет далёк от здорового (малая подвижность, недосыпание, стрессы, переедание, курение, злоупотребление алкоголем и т. д.), то возраст по математической модели окажется небольшим или не тем, который вы ожидаете. Тогда испытуемый человек задумается над тем, как он живет, какого образа жизни придерживается. Так можно определить максимальный биологический возраст для **конкретного** человека, ведущего **конкретный** образ жизни. После такого эксперимента этот человек сам поймёт, насколько его образ жизни можно назвать здоровым. Таким образом, участие в эксперименте над собой станет фактором мотивации к здоровому образ жизни. Необходимо лишь провести эксперимент, рассчитать, подумать и сделать выводы.

Использование предлагаемой нами математической модели позволит рассчитать влияние на конкретного человека различных факторов. Представляет интерес влияние на продолжительность жизни конкретных людей таких факторов, как отказ от курения курильщиков с большим стажем, включение в свой режим дня ежедневных 15-минутных прогулок, выполнение утренней оздоровительной гимнастики, строгое соблюдение постоянного времени отхода ко сну и времени подъёма утром и т.д. и т.п.

Список литературы

1. Рождественский Р. И. Это время. – М.: Советский писатель, 1983. – 128 с.
2. Волков А.В. Подготовка спортивного резерва. Как исключить форсирование? // Алексей Волков, Елена Волкова. Лёгкая атлетика. – 2019. – № 1–2. – С. 20–31.

3. Ашмарин И.П. Молекулярная биология. – Л.: ЛГУ, 1977. – 245 с.
4. Мещерский Г.А., Фонагорская Т.П. Исследование деятельности ЦНС // Труды ЛНИИФК. – 1952. – № 6. – С. 65–67.
5. Bohannon RW. Comfortable and maximum walking speed of adults aged 20–79 years: reference values and determinants. *Age Ageing* 1997 Jan;26(1):15-9.
6. Hardy SE, Perera S, Roumani YF, Chandler JM, Studenski SA. Improvement in usual gait speed predicts better survival in older adults. *J Am Geriatr Soc* 2007 Nov;55(11):1727-34.
7. Abellan van KG, Rolland Y, Andrieu S, Bauer J, Beauchet O, Bonnefoy M, et al. Gait speed at usual pace as a predictor of adverse outcomes in community-dwelling older people an International Academy on Nutrition and Aging (IANA) Task Force. *J Nutr Health Aging* 2009 Dec;13(10):881-9.
8. Studenski S, Perera S, Patel K, Rosano C, Faulkner K, Inzitari M, et al. Gait speed and survival in older adults. *JAMA* 2011 Jan 5;305(1):50-8.
9. Bohannon RW, Williams AA. Normal walking speed: a descriptive meta-analysis. *Physiotherapy* 2011 Sep;97(3):182-9.
10. Lusardi MM. Is walking speed a vital sign? Absolutely. *Topics In Geriatric Rehabilitation* 2012;28(2):67-76.
11. Chui K hEKD. Meaningful changes in walking speed. *Topics In Geriatric Rehabilitation* 2012;28(2):97-103.

Т. Ю. Давыдова, Е. Н. Медведева

Положение тела гимнастки как фактор сложности перебросок предметов в художественной гимнастике

Цель исследования: выявить особенности влияния различных положений тела гимнастки на способность сохранения равновесия при выполнении перебросок предметов в художественной гимнастике.

Методы и организация исследования. В процессе исследования применялись: комплекс синхронизированных аппаратных методик (бесконтактное исследование видеоряда движений, диагностическая платформа «Стабилан-01», поверхностная электромиография с помощью современного 16-канального электромиографа «MegaWin ME 6000»), позволяющий получить объективные биомеханические характеристики сложности перебросок предметов художественной гимнастики. Все полученные данные были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью программы «STATGRAPHICS plus».

Результаты и их обсуждение. Анализ выступлений команд-финалисток Олимпийских игр 2000–2016 гг. позволил выявить наличие тенденции на повышение требований к сложности и качеству исполнения перебросок предметов [2], а именно точному и надежному выполнению, умению выполнять их из неудобных исходных положений (стоя на коленях, сидя, лежа на спине и лежа на животе), в различных плоскостях и направлениях (вперед, в сторону, назад).

В связи с этим в процессе исследования были определены различия в кинематических характеристиках при выполнении различных перебросок мяча и их зависимость от исходных и конечных положений гимнастки. Достоверные различия в угловых показателях звеньев тела при броске мяча из различных исходных положений были зафиксированы в плечевом (100 %), тазобедренном (71,4 %) и голеностопном (100 %) суставах. Также было установлено, что наибольшее количество межзвенных углов задействовано при броске предмета из положений стоя (50 %), стоя на коленях (50 %) и сидя (50 %). Это связано с тем, что точность работы рук обеспечивают вспомогательные движения в тазобедренном и голеностопном суставах, которые помогают увеличить траекторию и высоту полета предмета, зависящие от амплитуды замаха перед броском, а также степени устойчивости предбросковой позы.

При ловле мяча были зафиксированы достоверные различия в угловых показателях звеньев тела в плечевом (100 %), локтевом (50 %) и голеностопном (100 %) суставах. Наибольшее количество задействованных межзвенных углов было установлено в таких положениях, как стойка (80 %) и стойка на коленях (80 %). В исходных положениях сидя, лежа на спине и на животе ловля производилась лишь за счет плечевого и локтевого суставов, так как суставы нижних конечностей были зафиксированы, а движения гимнастки ограничены, что повышало риск потери предмета.

Кроме показателей кинематики при выполнении перебросок изучались стабิโลграфические характеристики. Объективная информация об особенностях сохранения равновесия позволила оценить степень влияния различных исходных положений на сложность выполняемых перебросок группой гимнасток. Было выявлено, что изменение положения звеньев тела в соответствии с техникой работы предметом при броске и ловле приводило к различной степени колебаний и, следовательно, снижению устойчивости равновесия.

Наибольшие показатели площади эллипса фиксировались в положении стоя спиной (1559,6 кв. мм), а наименьшие – в стойке на коленях (247,1 кв. мм). Это связано с тем, что бросок выполнялся назад, движение назад требовало большей устойчивости и большей площади опоры [3]. Соответственно, сохранять равновесие в таком положении, особенно в стойке на носках, было сложнее.

Учитывалось, что для сохранения гимнасткой устойчивого положения необходима постоянная оценка положения тела и своевременная его коррекция. Установлено, что наименьшие показатели оценки движения наблюдаются в стойке спиной. Как следствие, показатели качества функции равновесия также были наиболее низкие в этом положении. Таким образом, данные показатели свидетельствовали,

что наиболее сложным являлось сохранение равновесия при броске назад независимо от положения тела.

При ловле мяча было зафиксировано общее повышение площади эллипса по сравнению с показателями устойчивости в броске. Это было обусловлено тем, что при ловле мяча происходили непосредственная «подстройка» к движению предмета, а также требовалась амортизация в приеме предмета.

Наиболее сложным исходным положением в переброске предмета являлась стойка боком, так как плоскость движения мяча была перпендикулярна основному положению броска и ловли. Соответственно, гимнастке было сложнее сохранять равновесие, она не могла наклоняться вперед и была вынуждена передвигаться вправо-влево. Качество функции равновесия из-за этого имело наиболее низкие показатели именно в этом упражнении. Это подтверждалось тем, что в положении стоя боком к основному направлению броска сложность управления равновесием заключалась в снижении устойчивости и увеличении площади опоры (4053,8 кв. мм).

Учитывая, что реализацию двигательной программы обеспечивают конкретные мышцы, наиболее значимым этапом исследования являлся анализ электрической активности мышц. Математический анализ показателей средней амплитуды турнов электрической активности мышц позволил выявить различия при выполнении перебросок предметов и их зависимость от исходных и конечных положений гимнастки.

Наибольшая интегрированная биоэлектроактивность мышц была зафиксирована при выполнении броска мяча из положения лежа на животе (3344,33 мкВ), а наименьшая – в положении стоя на коленях (1341,1 мкВ).

Сравнив интегрированную биоэлектроактивность мышц при выполнении ловли мяча из различных направлений и в различных исходных положениях, была установлена наибольшая активность в положениях лежа на животе (2936 мкВ). Так, более всего отличались силой своей электрической активности мышцы, отвечающие за основное движение рукой в плечевом суставе и прямой мышце живота. Установлено, что чем больше биоэлектрическая активность мышц, тем сложнее было выполняемое упражнение.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование позволило выявить, что особенности положения, занимаемого гимнасткой в переброске, определяют степень устойчивости предбросковой позы и, как следствие, успешность исполнения перебросок предметов в групповых упражнениях художественной гимнастики. Сложность переброски обусловлена исходным положением при броске или ловле предмета (стоя, сидя, лежа и т.п.) и направлением броска-

ловли предметов, что предопределяет трудность переброски, возможные отклонения от техники, приводящие к потере предмета. Это является основанием для учета данных факторов сложности как при определении технической ценности, так и при проектировании освоения техники переброек.

Список литературы

1. Терехина Р.Н., Медведева Е.Н., Супрун А.А. и др. Обоснование подхода к определению сложности элементов художественной гимнастики и их технической ценности [Текст] // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 3 (121). – 2015. – С. 146–149.

2. Терехина Р.Н., Крючек Е.С., Медведева Е.Н., Винер-Усманова И.А. Соотношение сил в мировой художественной гимнастике в начале нового олимпийского цикла // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 3 (145). – С. 220–223.

3. Медведева Е.Н. Объективизация технической ценности элементов структурных групп художественной гимнастики: дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2017. – 321 с.

И. В. Кивихарью

Технология организации физкультурно-оздоровительной работы в вузе художественно-творческой направленности

За последнее время появилось много работ, в которых доказано, что гипокинезия и гиподинамия заметно проявляется среди студенческой молодежи [1].

Физкультурно-оздоровительная работа в вузе является жизненной потребностью студенческой молодежи. Систематические занятия физической культурой повышают работоспособность, снижают уровень заболеваемости, способствуют формированию здорового образа жизни [2; 3].

Современные технологии и условия жизни оказывают негативное влияние на уровень здоровья студентов, так как преобладают пассивные формы жизнедеятельности. Гиподинамия одним из главных факторов возникновения и течения ряда хронических заболеваний [1].

Комплексная программа «Здоровье и образование в Высшей школе народных искусств (Академия) на 2016–2020 гг.» разработана на основе целевой Федеральной программы «Здоровье» с учётом особенностей профессиональной деятельности и направленности подготовки. Содержание программы основано, в первую очередь, на укреплении здоровья студентов, преподавателей и сотрудников. Созданная модель мотиваций к здоровому образу жизни позволит совершенствовать проведение спортивно-массовой работы в ВШНИ.

Основная цель программы направлена на поддержание и повышение уровня здоровья всех участников образовательного процесса ВШНИ (студентов, сотрудников, профессорско-преподавательского состава) и повышение качества их жизни через формирование установки на здоровый образ жизни.

Основными задачами программы являются:

Разработка и внедрение рационального режима работы структурных подразделений.

Создание системы информирования о формах и способах сохранения и укрепления здоровья.

Создание доступных условий, способствующих поддержанию и укреплению здоровья.

Организация здорового питания для студентов и сотрудников.

Планирование и проведение воспитательной работы, направленной на формирование мотивации к здоровому образу жизни.

Организация и проведение физкультурно-оздоровительных занятий со студентами, профессорско-преподавательским составом и сотрудниками ВШНИ.

Совершенствование и рациональное использование спортивных объектов.

Интеграция в учебно-воспитательный процесс оздоровительных мероприятий.

Для реализации комплексной программы необходимо сочетание многих факторов, а именно: финансирование программы по повышению уровня здоровья учащейся молодежи, совершенствованию материально-технической составляющей, информационно-методическое обеспечение, медицинское сопровождение учебного процесса, формирование здорового образа жизни, повышение мотивации к занятиям физической культурой и спортом, применение инновационных технологий в организации физического воспитания в вузе.

В организации физкультурно-оздоровительной работы со студентами и сотрудниками вуза имеются недочеты. Не всегда учитывается анализ конкретных интересов и склонностей, а выбор видов занятий подчас еще и ограничен.

Поэтому необходимо детальное исследование и изучение форм физкультурно-оздоровительной работы для удовлетворения интересов и потребностей у студентов и сотрудников.

Целью физкультурно-оздоровительной работы в вузе художественно-творческой направленности является, в первую очередь, поддержание и укрепление здоровья всех участников образовательного процесса ВШНИ, повышение уровня и качества жизни через формирование установки на здоровый образ жизни.

На протяжении всего процесса обучения по дисциплине «Физическая культура» решаются следующие задачи:

- повышение уровня развития и физической подготовленности студентов, сотрудников и профессорско-преподавательского состава;

- организация внеурочных и вечерних занятий;

- формирование сборных команд вуза по видам спорта для участия в спортивных мероприятиях среди филиалов ВШНИ, межвузовских соревнований;

- создание студентам комфортных условий для занятий избранным видом спорта или оздоровительными видами физической культуры.

Соревнования и физкультурно-оздоровительные мероприятия проводятся в соответствии с планом спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы вуза, правилами соревнований по соревновательным видам, положением о соревновании (мероприятии), сметы спортивного соревнования (мероприятия).

Целью нашего исследования была разработка и внедрение мероприятий, позволяющих улучшить организацию физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в вузе художественно-творческой направленности.

В эксперименте участвовало 83 студента, которым было предложено проанализировать и проранжировать (методом предпочтения), по их мнению, наиболее значимые критерии, необходимые для здоровья и жизнедеятельности (физического, психического и социального характера).

Наиболее интересны студентам плавание, спортивные игры и атлетическая гимнастика (юноши), нетрадиционные виды гимнастики (аэробика, фитнес и т.д.) (у девушек) более всего привлекают студентов [5].

Одной из задач физического воспитания в вузе художественно-творческой направленности является создание доступных условий, способствующих поддержанию и укреплению здоровья и как результат повышение физической подготовленности [4]. Результаты анкетирования показали, что по мнению респондентов, в наибольшей степени физкультурно-оздоровительные занятия способствуют улучшению общего физического развития, повышают выносливость, развивают координацию [4]. Но не способствуют повышению работоспособности, эмоционального состояния и не влияют на такие социально-значимые качества как коммуникабельность и уверенность в себе.

На основании анкетирования установлено, что важной составляющей для студентов является укрепление здоровья, в двигательной деятельности конечным результатом остается только улучшение фи-

зических и двигательных показателей. Выявлена заинтересованность в оздоровительных видах гимнастики, спортивных играх, плавании. Всего было опрошено 83 респондента.

Определен перечень физкультурно-спортивных мероприятий для повышения массовости и оздоровления студентов, сотрудников и преподавателей:

1) включение в учебный процесс ВШНИ физкультурной минутки два раза в день (12.00 и 15.00). Продолжительность проведения малой формы двигательных действий составляет 5–10 мин. Физкультурминутка транслируется по радио;

2) спортивные соревнования между студентами должны носить комплексный характер в течении всего учебного года;

3) использование во время учебных занятий по физической культуре и внеурочное время средств оздоровительной гимнастики.

Первый этап исследования показал: во-первых, что тренировочные занятия нужно проводить после окончания занятий (с 17 до 19 часов); во-вторых, самыми востребованными видами спорта среди девушек являются оздоровительные виды гимнастики, для юношей спортивные игры.

Основываясь на полученных результатах, необходимо научное обоснование проблемы физкультурно-оздоровительной работы со студентами и сотрудниками вуза и путей ее решения. Наиболее эффективно это возможно решить только при периодическом проведении исследований потребностей и интересов студентов и сотрудников вуза в области физической культуры и спорта.

Таким образом, для улучшения организации физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы в вузе художественно-творческой направленности необходимо: повышение уровня физической подготовленности студентов в процессе занятий в учебное время с помощью расширения спектра преподаваемых разделов физической подготовки; ведение постоянного врачебного контроля за здоровьем студентов, сотрудников и ППС вуза; увеличение форм внеурочной деятельности по проведению физкультурно-оздоровительных мероприятий для студентов и сотрудников; проведение «малых» форм физической активности в течение учебного дня; организация работы спортивного клуба и спортивных секций; дальнейшее проведение организация исследований по выявлению физкультурно-оздоровительных и спортивных предпочтений студентов, сотрудников и профессорско-преподавательского состава; участие в общегородских спортивных мероприятиях.

Список литературы

1. Беликова О.Ю., Ломоносова Г.Г., Калько А.А. Гиподинамия и ее влияние на состояние здоровья студентов // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-4. – С. 619–620.

2. Быховская И.М., Лубышева Л.И., Столяров В.И. Концепция физической культуры и физкультурного воспитания (инновационный подход) // Теория и практика физической культуры. – 2005. – № 5. – С. 11–15.

3. Жулина Г.В. К проблеме здоровья и здорового образа жизни человека / Г.В. Жулина // Проблемы здоровья человека. Развитие физической культуры и спорта в современных условиях: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию ФФК СГУ, 2006. – Ставрополь: Изд-во СГУ. – С. 179–193.

4. Кивихарью И.В. Повышение физической подготовленности студенток вуза художественно-творческой направленности на основе избирательного применения фитнес-технологий // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 9 (163). – С. 140–144.

5. Кивихарью И.В. Использование средств аэробики в личносно ориентированной технологии физического воспитания в вузе художественно-творческой направленности // XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 25–26 апр. 2017 г. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – Т. II. – 384 с.

А. С. Лебедев, З. Ю. Ансимова

Игровой метод в физической подготовке хоккеистов 7–8 лет

Хоккей в системе физического воспитания и спорта занимает значимое место, способствует гармоничному развитию личности спортсмена, формированию умных, успешных и физически крепких людей.

Высокие спортивные результаты в современном хоккее определяются высоким уровнем всесторонней подготовленности хоккеистов – это органическое единство и оптимальное соотношение физической, технической, тактической волевой и теоретической подготовленности [1].

На этапе начальной подготовки основными задачами являются: развитие основных физических качеств, овладение приемами техники хоккея и их совершенствование в усложненных условиях, изучение индивидуальных и групповых тактических взаимодействий в атаке и обороне и их совершенствование в игровых условиях, освоение соревновательной деятельности [2].

Физическая подготовка является фундаментом, основной базой, на которой оттачивается мастерство хоккеиста. Но для тренера юных хоккеистов 7–8 лет так же необходимо постоянно поддерживать интерес к тренировочным занятиям, воспитывать командный дух и чувство ответственности за свои действия перед товарищами.

В связи с этим мы предположили, что целенаправленное применение игрового метода в учебно-тренировочном процессе в группе начальной подготовки хоккеистов 7–8 лет будет способствовать развитию основных физических качеств: силы, выносливости, гибкости,

быстроты, а также координационных способностей хоккеистов в органичном единстве, отвечающем специфике хоккея.

Цель нашего исследования – составить комплекс подвижных игр и обосновать эффективность его применения в физической подготовке хоккеистов 7–8 лет.

Для достижения данной цели были определены задачи исследования:

1. Проанализировать направленность и содержание учебно-тренировочных занятий хоккеистов 7–8 лет.

2. Подобрать средства игрового метода для физической подготовки хоккеистов 7–8 лет.

3. Экспериментально доказать эффективность применения игрового метода в физической подготовке хоккеистов 7–8 лет.

В ходе работы нами использовались следующие методы исследования: анализ литературных источников, педагогический эксперимент, педагогическое наблюдение, тестирование, методы математической статистики (критерий Вилкоксона и критерий Уайта).

Педагогическое исследование проводилось в три этапа:

- 1 – изучение и анализ учебно-методической литературы по данной теме;

- 2 – сбор и обобщение полученных сведений, планирование содержания и форм проведения занятий по физической подготовке хоккеистов на начальном этапе тренировочного процесса; организация педагогического эксперимента;

- 3 – обработка полученных результатов.

В результате анализа специальной литературы и педагогических наблюдений была выявлена направленность и основное содержание учебно-тренировочных занятий хоккеистов 7–8 лет. Структура сезона подразумевает интенсивные командные тренировки на льду и вне льда. Занятия направлены на всестороннюю двигательную подготовку; развитие физических качеств; обучение основам техники владения коньками, техники владения клюшкой и шайбой.

На основе вышеизложенного нами был составлен комплекс из подвижных игр, направленный преимущественно на развитие основных физических качеств (быстрота, ловкость, гибкость, сила, выносливость), на первоначальную тактико-техническую подготовку юных хоккеистов (индивидуальные действия и групповые взаимодействия), а также способствующий развитию у них игрового мышления. Большинство игр для составления комплекса были взяты из Национальной программы подготовки хоккеистов «Красная машина», рекомендованные Федерацией хоккея России [3].

Объединяя игры и игровые задания в комплекс, мы учитывали их преимущественную направленность на ОФП, СФП, технику владения

клюшкой, шайбой, индивидуальные действия или групповые взаимодействия. И включали их в основную часть учебно-тренировочного занятия экспериментальной группы (n=15) на протяжении года. Так, например, «Бег с препятствием» - развитие быстроты и ловкости, техника катания; «Игра 1x1, 2x2 на ограниченном пространстве» – развитие быстроты, выносливости и координации движений; «Не буди великана» - развитие быстроты, отработка быстрого старта и торможения, командные взаимодействия. Постепенно игры, входящие в комплекс, заменялись на более сложные в соответствии с задачами тренировки.

Контрольная группа (n=15) тренировались по общепринятой программе по хоккею с шайбой, разработанной федерацией хоккея [4]. В эксперименте приняли участие юные спортсмены секции детского хоккея Кингисеппского муниципального автономного учреждения «ОЛИМП», хоккейный клуб «Ямбург».

На начало педагогического эксперимента уровень развития физических качеств в контрольной и экспериментальной группах не имели достоверных различий и были ниже нормативов, рекомендованных Федеральным стандартом спортивной подготовки для юных хоккеистов.

Повторное тестирование ОФП (отжимание в упоре лежа; бег на 60 м; прыжки в длину с места) и СФП (бег на коньках на 36 м; бег на коньках спиной вперед на 36 м; челночный бег 9 м x 6) по окончании педагогического эксперимента показало достоверный прирост показателей как в контрольной, так и в экспериментальной группах (по критерию Вилкоксона, при уровне достоверности $p < 0,05$).

Но динамика показателей физической подготовленности в ЭГ по всем исследуемым тестам значительно лучше, чем в КГ: в тесте отжимание в упоре лежа – 11 % в экспериментальной и 4,3 % в контрольной; в беге на 60 м – 1,8 % в экспериментальной и 1,1 % в контрольной; в тесте прыжки в длину – 2,7 % в экспериментальной и 1,7 % в контрольной; в беге на коньках на 36 м – 2,4 % в экспериментальной и 1 % в контрольной; в беге на коньках на 36 м спиной вперед – 2,4 % в экспериментальной и 0,7 % в контрольной; в тесте челночный бег – 1,8 % в экспериментальной и 0,8 % в контрольной.

Сравнение результатов тестирования после эксперимента с контрольно-переводными нормативами показало, что у занимающихся ЭГ качество выполнения контрольных испытаний значительно выше, чем у занимающихся КГ. В ЭГ по трем тестам оценки только «4» и «5» и по всем шести тестам около 30 % – «5», а в КГ по двум тестам нет ни одной оценки «5» и по всем тестам в среднем 45 % занимающихся получили оценку «3».

Для определения достоверности различий между контрольной и экспериментальной группами после эксперимента нами использовался T – критерий Уайта и он показал, что в каждом тесте различия между результатами контрольной и экспериментальной групп являются достоверными при 95 % доверительном уровне.

Также по окончании педагогического эксперимента была организована и проведена товарищеская игра между юными хоккеистами контрольной и экспериментальной групп, исход которой закончился победой хоккеистов экспериментальной группы.

Таким образом, мы экспериментально доказали эффективность целенаправленного применения игрового метода в учебно-тренировочных занятиях хоккеистов 7–8 лет для развития физических качеств и повышения уровня общей и специальной физической подготовленности, а также повышения их двигательной активности и мотивации к занятиям хоккеем.

Список литературы

1. Ишматов Р.Г., Кузьмин В.А. Теория, методика, практика хоккея: учеб. – М.: ИД «МедиаЛайн», 2016. – 388 с.
2. Михно Л.В., Курамшин Ю.Ф., Филатов В.В., Ишматов Р.Г., Волков В.С. Теория и методика подготовки юных хоккеистов: учеб. для тренеров. – СПб., 2016. – 616 с.
3. Практическое руководство для тренеров возрастных групп 8 лет и младше: учеб. пособие / Федерация Хоккея России. – М., 2018. – 30 с.
3. Савин В.П. Хоккей: программа спортивной подготовки для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. – М.: Сов. спорт, 2012. – 101 с.

М. В. Олифир

Обоснование необходимости включения адаптивного спорта в услугу ИПР (ИПСУ)

В настоящее время реабилитационный, социализирующий воспитательный потенциал адаптивной физической культуры и адаптивного спорта признаётся не только специалистами в сфере физической культуры и спорта, но и образования, социальной защиты и здравоохранения [2].

Важнейшим поставщиком социальных услуг инвалидам являются центры социальной реабилитации инвалидов, где получателями услуг являются граждане трудоспособного возраста. Инвалиды детства обращаются в центры социальной реабилитации по достижению совершеннолетия, а остальные группы населения после установления факта инвалидности. Граждане трудоспособного возраста,

не редко молодые (по данным Всемирной организации здравоохранения 18–44 года), получившие инвалидность вследствие травмирующего воздействия или острого заболевания, попадают в центры социальной реабилитации по направлению, после медицинских учреждений, где им была оказана первичная медицинская реабилитация.

Наиболее актуальными для инвалида, в этот период, становятся проблемы углублённой физической реабилитации, расширении круга двигательных умений, развития физических качеств и функциональных возможностей, формировании устойчивого интереса к занятиям спортом, социальной адаптации и интеграции. Именно на этом этапе реабилитации существует наиболее острая необходимость сформировать потребность в здоровом образе жизни.

Следует заметить, что индивидуальный план реабилитации или абилитации инвалида – это основной механизм реабилитации человека с инвалидностью, он призван обеспечить учёт индивидуальных потребностей и адресность государственной поддержки.

Актуальная на сегодняшний день форма индивидуального плана реабилитации или абилитации инвалида, действующая с 1 января 2016 года (Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31.07.2015 № 528н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм»), имеет раздел: «физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом». Однако, 12 августа 2017 г. вступил в силу Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 13.06.2017 № 486н, утвердивший новый Порядок разработки и реализации индивидуальных программ реабилитации или абилитации, в котором сокращен раздел, посвященный физкультурно-оздоровительным мероприятиям, мероприятиям по занятию спортом. Если раньше в индивидуальной программе реабилитации или абилитации, указывалась нуждаемость в таких мероприятиях, то теперь указывается нуждаемость только в информировании и консультировании по вопросам адаптивной физкультуры и спорта. Также, односторонняя трактовка требований приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15.10.2015 года № 723н «Об утверждении формы и Порядка предоставления органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями независимо от их организационно-правовых форм информации об исполнении возложенных на них индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида и индивидуальной программой реабилитации или абилита-

ции ребенка-инвалида мероприятий в федеральные государственные учреждения медико-социальной экспертизы», привела к тому, что многие субъекты Российской Федерации возложили задачу исполнения индивидуального плана реабилитации и абилитации по разделу физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом, только на организации, подчиненные органам исполнительной власти в области физической культуры и спорта, что не верно. В этот процесс должны быть включены организации образования, здравоохранения, культуры и социальной защиты.

Анализируя законодательство Российской Федерации в области физической культуры и спорта, социальной политики, реализации индивидуального плана реабилитации или абилитации инвалида; нормативно-правовые акты Санкт-Петербурга, работу поставщиков социальных услуг Санкт-Петербурга можно констатировать, что исполнение раздела индивидуального плана реабилитации и абилитации инвалидов, детей-инвалидов «физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом», в центрах социальной реабилитации представляется затруднительным, также и в силу обозначенных далее обстоятельств. Согласно Перечням соотнесений мероприятий индивидуального плана реабилитации или абилитации инвалида с социальными услугами, установленными Законом Санкт-Петербурга от 24 декабря 2014 г. № 717-135 «О социальном обслуживании в Санкт-Петербурге» и Распоряжением Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 29 декабря 2016 г. №466-р «Об утверждении рекомендуемых индивидуальных программ социального обслуживания получателей социальных услуг в разрезе форм социального обслуживания, видов социальных услуг и категорий получателей социальных услуг в Санкт-Петербурге», физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом должны быть предоставлены поставщиками социальных услуг в рамках следующих услуг и в количестве услуг на одного получателя социальных услуг в год: проведение мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни, 1 услуга; проведение занятий по адаптивной физической культуре, 16 услуг; проведение лечебно-оздоровительных мероприятий (в том числе с использованием реабилитационного оборудования), 16 услуг. Необходимо заметить, что все эти услуги находятся в разделе социально-медицинских услуг индивидуальных программ получателей социальных услуг и являются предоставляемыми за плату.

В целях реализации Закона Санкт-Петербурга от 24.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге» Правительство Санкт-Петербурга, издало от 30 июня 2016 г. Постановление № 530 «О размере платы за предоставление социальных услуг, порядке взимания платы за предоставление социаль-

ных услуг поставщиками социальных услуг в Санкт-Петербурге и внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2014 № 1283». Размер платы за предоставление социальных услуг, входящих в перечень социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг в Санкт-Петербурге, утвержденный Законом Санкт-Петербурга от 24.12.2014 № 717-135 «О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге», рассчитывается на основании тарифов на социальные услуги, ежегодно утверждаемых Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, с учетом среднедушевого дохода получателей социальных услуг, рассчитанного в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 18.10.2014 № 1075 «Об утверждении Правил определения среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно». Необходимо указать, что 9 ноября 2016 г. вступило в силу новое Постановление Правительства Санкт-Петербурга № 987 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.12.2014 № 1283», в котором определяется, что во всех формах социального обслуживания, предоставляются бесплатно следующие виды социальных услуг: социально-психологические; социально-педагогические; социально-трудовые; социально-правовые; услуги в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности.

Можно констатировать, что в рамках раздела социально-медицинских услуг, предоставляемых по индивидуальной программе предоставления социальных услуг в Санкт-Петербурге, не предполагается проведения педагогической диагностики, реализации спортивной подготовки, освоения основ техники по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата, отбора и спортивной ориентации перспективных спортсменов для дальнейших занятий по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата.

Реализация программы спортивной подготовки в соответствии с Федеральным стандартом спортивной подготовки по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата на этапе начальной подготовки, выявление функциональных лимитирующих факторов у лиц с нарушениями в состоянии здоровья и инвалидов, формирование рекомендаций по выбору спортивных дисциплин, оптимальных двигательных режимов, на наш взгляд, возможна и необходима в условиях центров социальной реабилитации инвалидов. В центрах социальной реабилитации инвалидов, осуществляется постоянное медицинское, психологическое наблюдение, создаются наилучшие условия для педагогической диагностики и тестирования, разработки и реализации индивидуального плана ознакомления с

различными видами спорта инвалидов, получения первого спортивного опыта в соответствии с индивидуальными возможностями и предрасположенностями, получения персонализированной пропаганды активных физкультурно-оздоровительных занятий и адаптивного спорта. В центрах социальной реабилитации, на отделениях адаптивной физической культуры и спорта, могут решаться следующие задачи: углублённая физическая реабилитация; социальная адаптация и интеграция; формирование устойчивого интереса к занятиям спортом; расширение круга двигательных умений и навыков; освоение основ техники по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата; развитие физических качеств и функциональных возможностей; отбор перспективных спортсменов для дальнейших занятий по виду спорта спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата.

Для реализации индивидуального плана реабилитации или абилитации инвалида в части раздела «физкультурно-оздоровительные мероприятия, занятия спортом», на наш взгляд, необходимо расширение предоставляемых услуг по индивидуальной программе предоставления социальных услуг и перенесение услуг по адаптивной физической культуре и спорту из раздела социально-медицинских в социально-педагогические, что позволит специалистам отделений адаптивной физической культуры центров социальной реабилитации инвалидов, осуществлять необходимые мероприятия по реализации начального этапа спортивной подготовки инвалидов. И, что не мало важно, позволит лицам с инвалидностью получать услуги в области адаптивной физической культуры и адаптивного спорта, без оплаты.

Таким образом, можно сказать о нерешённости проблем, связанных с массовым распространением адаптивного спорта, адресным информированием лиц с нарушениями в состоянии здоровья, включая инвалидов в области адаптивной физической культуры, выявлением перспективных адаптивных спортсменов. О своеобразном разрыве, бреши между этапом медицинской реабилитации, для лиц с нарушениями в состоянии здоровья, включая инвалидов, и регулярными занятиями адаптивной физической культурой и адаптивным спортом. Во многом это связано с не налаженным межведомственным взаимодействием, а также с существующими несоответствиями в законодательстве на уровне Российской Федерации и города Санкт-Петербурга. Этим связующим звеном, на наш взгляд, с успехом, могут выступать центры социальной реабилитации, обеспечивая реализацию спортивно-оздоровительного и начального этапов спортивной подготовки инвалидов.

Авторы проведенного НГУ им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург научного исследования «Научное обоснование организационно-ме-

тодических рекомендаций по использованию технологий, основанных на применении средств и методов адаптивной физической культуры, в индивидуальных программах реабилитации или абилитации инвалидов и детей-инвалидов», отдают приоритет межотраслевому принципу организации работы по реализации индивидуального плана реабилитации или абилитации инвалидов в области адаптивной физической культуры и адаптивного спорта, поскольку потребности человека с ограниченными возможностями здоровья не укладываются в прокрустово ложе отраслевых рамок.

Дальнейшая разработка, рассмотренной в отчете по научно-исследовательской работе, проблемы поможет улучшить систему адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в нашей стране и, как следствие, повысить уровень качества жизни лиц с инвалидностью [15].

Список литературы

1. Воробьев С.А., Баряев А.А. Анализ федеральных стандартов спортивной подготовки адаптивного спорта в спортивных дисциплинах, представленных в нормативах Всерос. физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» // Адаптивная физическая культура. – СПб. – 2016. – №1. – С. 32–33.
2. Евсеев С.П. Теория и организация адаптивной физической культуры: учеб. – М.: Спорт, 2016. – 616 с.
3. Евсеев О.Э., Грачников А.А., Евсеев С.П. Об опыте работы по индивидуальной программе реабилитации и абилитации инвалидов и детей-инвалидов в области физической культуры и спорта // Учен. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – СПб. – 2017. – №7 (149). – С. 66–74.
4. Жаворонков Р.Н. Сравнительно-правовой анализ федерального законодательства РФ в области реабилитации и социальной защиты инвалидов и Конвенции ООН о правах инвалидов: науч.-практ. пособие. – М.: Папирус, 2009. – 353 с.
5. Инвалидность и социальное положение инвалидов в России: научное издание / под ред. Т.М. Малевой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 256 с. – ISBN 978-5-7749-1213-1
6. Итоговый сборник материалов проекта «Система реабилитационных услуг для людей с ограниченными возможностями в Российской Федерации». – М.: Папирус, 2009. – 248 с.
7. Махов А.С. Информационно-потребностные компоненты формирования мотивации у инвалидов к занятиям адаптивным спортом // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. – 2010. – №11. – С. 99–102.
8. Модель комплексной реабилитации инвалидов в Российской Федерации: научно практическое руководство / под ред. А.Е. Лысенко. – М.: Папирус, 2009. – 370 с.
9. Нормативные и правовые основы организации спортивной подготовки в Российской Федерации / под ред. Ю.Д. Нагорных. – М.: Сов. спорт, 2014. – 338 с. – ISBN 978-5-9718-0748-3
10. Разработка научно обоснованных организационно-методических рекомендаций по использованию технологий, основанных на средствах и методах адаптивной физической культуры, в индивидуальных программах реабилитации

или абилитации инвалидов и детей инвалидов: отчёт о НИР / О.Э. Евсеева [и др.] – СПб., 2017. – 350 с.

11. Об организации работы по реализации психолого-педагогических мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой реабилитации или абилитации инвалида (ребенка-инвалида): Распоряжение от 29.01.2016 г. № 234-Р Комитета по образованию Правительства Санкт-Петербурга. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/43413588/>. (дата обращения: 11.07.2018).

12. Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии: приказ от 20.09.2013 № 1082 Министерства образования и науки РФ. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70485996/> (дата обращения: 25.05.2018).

13. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70552648/>. (дата обращения: 14.08.2018).

14. О мерах по реализации приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 31.07.2015 № 528н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы по реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы по реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм : распоряжение 11.07.2016 № 201-р. – [Электронный ресурс] – URL: http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_primorsk/news/105706/. (дата обращения: 25.05.2018).

15. Организационно-методические рекомендации по использованию технологий, основанных на средствах и методах адаптивной физической культуры, в индивидуальных программах реабилитации или абилитации инвалидов и детей-инвалидов // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minsport.gov.ru/2017/doc/Method-rekomendacii-reabilitacii-abilitacii-invalidov_detei.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

16. О социальном обслуживании населения в Санкт-Петербурге: закон от 24.12.2014 г. № 717-135 Правительства Санкт-Петербурга. – [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/22921069/> (дата обращения: 14.08.2018).

17. О физической культуре и спорте в Российской Федерации (последняя редакция): Федеральный закон от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ. – [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 25.05.2018).

18. Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 №1101-р «Об утверждении стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90500/e9cb35da6f06ab8a3f7d43086823a39e524a77b7/ (дата обращения: 01.10.2018).

19. Рекомендации Минспорта и Минтруда России по реализации приказа Минтруда России от 31.07.2015 г. № 528н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм». – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/> (дата обращения: 25.08.2018).

20. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ (ред.от 29.12.15) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о

правах инвалидов» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171577/ (дата обращения: 01.10.2018).

21. Федеральный закон от 24.22.1995 № 181 ФЗ (ред. 30.10.2017) «О соц. защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/39e7183271506d96746be0b469231a3667a0ef5c/ (дата обращения: 01.10.2018).

Л. Н. Семенова

Дисциплина, борьба с курением и физическая подготовка учащихся в коммерческих училищах в начале XX в. (Санкт-Петербургское Охтенское коммерческое училище)

История Санкт-Петербургского Охтенского 8-классного мужского коммерческого училища, начавшего свою деятельность в 1910 г., была не столь продолжительной. Всего 10 лет с момента учреждения его Охтенским Обществом образования и воспитания в 1908 г. и до закрытия в июне 1918 г. училище осуществляло учебно-воспитательную деятельность. Почти половина срока функционирования училища выпало на Первую мировую войну. Несмотря на имеющиеся трудности училище осуществляло общее среднее и частично профессиональное образование молодёжи большого Охтенского района столицы России.

Охтенское коммерческое училище, как и другие училища этого типа, строило свою работу на праве самостоятельной постановки учебно-воспитательной работы. Именно коммерческие учебные заведения большое внимание уделяли воспитанию своих обучающихся. В годы Первой мировой войны особую актуальность приобрело патриотическое воспитание, которое пронизывало всю повседневную жизнь педагогического, родительского и ученического коллективов [2]. Педагогический комитет (совет) Охтенского училища постоянно держал под своим контролем не только успеваемость учеников, но и их поведение.

Так, в одном из первых протоколов собрания педагогического комитета (11 марта 1911 г.) среди нарушений дисциплины были указаны неаккуратное ведение дневника, ложь, кривляние, частые опоздания, драки [8. Л. 12]. Осенью 1912 г. в повестку дня педсовета был включён вопрос о борьбе за дисциплину и мерах её поддержания. Было предложено «словесное внушение добавив вызовом родителей и в исключительных случаях – лишение учащегося праздничной свободы (отдыха) до 4-х часов, наблюдение за ним кого-нибудь из преподавателей, высылку ученика из класса, как меру, лишаящую ученика возможности пользоваться объяснениями преподавателя,

избегать; завести особый журнал, в который вносить факты, характеризующие учащегося» [8. Л. 35–36].

С взрослением учеников и переходом их в старшие VI–VIII классы ситуация с дисциплиной ухудшилась. Появилась проблема курения учеников. Впервые эта проблема была поднята на собрании педсовета в октябре 1914 г. Учащихся, которые были замечены в предосудительном поведении (курении), были подвергнуты порицанию [9. Л. 14–15].

В последующие годы педагогический совет расширил меры воздействия на курящих детей. Решением педсовета от 17 февраля 1916 г. 4 учащихся были удалены за курение из училища на неделю. Другие были предупреждены, что в случае курения их родители будут вызваны в училище. До сведения всех учеников была доведена информация, что в случае повторения нарушения порядка ученики будут удалены из училища [9. Л. 50]. Однако, судя по повторению повестки дня следующих заседаний педсовета, ситуация не улучшилась. В марте 1916 г. была снижена отметка за поведение 5 ученикам «за курение табаку». А в апреле того же года один из злостных нарушителей дисциплины (ученик V класса Василий Шмаков) был уволен из училища с правом осенью держать экзамен по всем предметам для поступления в VI класс. Интересно, что 21 апреля он был предупрежден о возможном наказании, но 26 числа он вновь был замечен курящим. В связи с этим решение педсовета было однозначным – уволить из училища [7. Л. 51].

В конце концов сложилась определённая система наказания нарушителей, о чём было зафиксировано в очередном протоколе педсовета от 27 сентября 1917 г. Третий вопрос повестки дня был посвящён курению учеников и борьбе с этим пороком. Было принято следующее решение: если ученик замечен в курении первый раз, то его родители должны быть оповещены об этом, они получали предупреждение, что «в случае вторичного замечания в этом проступке, – виновный удаляется на неделю, а в 3-й раз – виновный в курении и не оставивший этой пагубной привычки удаляется из училища» [9. Л. 92]. На педсовете прозвучало предложение одного из членов педагогического коллектива (В.М. Алфёрова) о желательности проведения ряда лекций училищного доктора (Д.К. Кустрю) о вреде курения.

Союзниками учителей в борьбе против курения были и родители учеников. На своих родительских собраниях они также поднимали вопрос о необходимости «самого бдительного надзора за курением учеников, борьбы с ним внутри и вне стен училища» [4. Л. 14].

Таким образом, борьба с пагубными привычками в стенах училища, такими как курение, шла постоянно. Но она сохраняла свою актуальность на протяжении всего времени школьной жизни молодых

людей. Руководствуясь принципами гуманизма, педагогический коллектив Охтенского коммерческого училища стремился обращаться к внутреннему миру учеников «сообразуясь с характером и запросами каждого питомца» [9, л. 42].

Вопросы, связанные со здоровьем учеников, их физическим развитием особенно остро встали в годы Первой мировой войны. Охтенское 8-классное коммерческое училище было мужским, поэтому его коснулась допризывная подготовка молодёжи.

Ещё в 1912 г. Министерство Торговли и Промышленности, к ведомству которого относилось училище, поставило задачу правильной постановки физического воспитания и в циркуляре от 17 марта предложило приступить к рассмотрению программы физического развития и обучения военному строю учащихся учебных заведений его ведомства [3]. Задачу создания школьной обстановки, способствующей физическому развитию учащихся, ставили и деятели коммерческого образования на своих съездах [1, с. 149].

В 1915–1916 гг. Министерство Торговли и Промышленности принимает ряд циркуляров, в которых администрациям вверенных им учебных заведений предписывалось организовать целенаправленную работу с допризывной молодёжью. Вводились уроки по физическому развитию и обучению военному строю [6, с. 127]. В одном из циркуляров (28 октября 1916 г.), учитывая положительный опыт 1915 г., перечислялись те меры, которыми должны были руководствоваться учебные заведения для правильной постановки данных занятий.

Так, обязательно занятия по допризывной подготовке должны были проводиться в двух старших классах (в данный период в Охтенском училище этими классами были VI и VII) не менее 5 часов в неделю, из них 2 часа в воскресенье. По усмотрению педагогического комитета часы на занятия по допризывной подготовке выделялись за счёт других предметов, или за счёт сокращения перемены на 5 минут при продолжительности урока 50 минут. Все занятия должны были быть завершены к 1 мая [6, с. 36].

Даже, если ученики освобождались от данных занятий по решению педсовета на основе заключения училищного врача п.9. циркуляра Министерства Торговли и Промышленности предписывал чтобы они «... занимались изучением общих сведений по военному делу... и сдавали словесный экзамен по этому предмету» [6, с. 36]. Ученики, освобождённые от гимнастики, тренировок и прочих физических занятий также должны были изучать общие сведения по военному делу [6, с. 12].

В марте 1915 г. министерство предложило «в виду исключительных событий военного времени и в предупреждении среди учащихся

эпидемиологических заболеваний» изменить окончание учебных занятий (учебный год завершился 15 апреля) [5, с. 36]. Для желающих учащихся летом рекомендовалось организовать физические упражнения, подвижные игры, походы и т.п. [5, с. 22]. В октябре 1917 г. Министерство Торговли и Промышленности вновь обратилось к вопросу о пересмотре учебных программ, их сокращении и о «мерах к сохранению здоровья учеников» [9, с. 94].

Итак, в годы своего существования Санкт-Петербургское Охтенское 8-классное мужское коммерческое училище наряду с осуществлением общеобразовательной подготовки учащихся осуществляло целенаправленную воспитательную работу по гражданскому, патристическому и физическому воспитанию. Совместные усилия педагогического коллектива и родителей были направлены на устранение пагубных привычек у детей, таких как курение, и на поддержание их здоровья в рамках допризывной подготовки, гимнастики и введения специальных уроков по физическому развитию.

Список литературы

1. О нуждах коммерческого образования. Докладная записка Самарского Биржевого Комитета VIII Всероссийскому съезду представителей Биржевой торговли и сельского хозяйства // Коммерческое образование. – 1913. – № 4. – С. 145–149.

2. Семенова Л.Н. Деятельность педагогического комитета Санкт-Петербургского Охтенского коммерческого училища // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2017. – № 4. – С. 125–137.

3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Фонд 106. Оп. 1. Д. 28.

4. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 31.

5. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 56.

6. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 59.

7. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 92.

8. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 94.

9. ЦГИА СПб. Ф. 106. Оп. 1. Д. 95.

В. А. Сивицкий

Проблемы судейства в танцевальном спорте

В основе теории спорта лежит парадигма трех составляющих: соревновательная деятельность, система спортивной подготовки и система внесоревновательных и вне тренировочных факторов. И самой основной из них является соревновательная деятельность. Эта теория определяет направление деятельности всех других. В свою очередь теория соревновательной деятельности рассматривается

как собственно соревновательная деятельности и система соревнований.

С развития общества появляются новые виды двигательной деятельности. Поэтому социальный феномен «спорт» – явление постоянно развивающееся. В частности, это развитие хорошо видно на примере появления новых направлений в спорте, новых видах. Яркий пример – новая дисциплина, появившаяся в самое последнее время в синхронном плавании: «хайлайт» – это акробатические элементы, в котором судится только акробатика.

В последнее время произошли изменения в составе Всероссийской федерации танцевального спорта и акробатического рок-н-ролла. В ее состав вошел сравнительно новый вид спорта – это «брейкинг» (вместо танцевальной дисциплины «брейк-данс»). Теперь брейк-данс стал олимпийским видом спорта.

Международный олимпийский комитет принял решение о включении в программу Олимпийских игр брейк-данс. Дебют танцевального вида спорта состоится на соревнованиях 2024 г., которые состоятся в Париже. Ранее соревнования по брейк-дансу проводились только на юношеских Олимпийских играх 2018 г.

Говорить о их «новизне», на мой взгляд, не совсем верно, так как они появились на основе «двигательного» опыта уже признанных видов спорта. В качестве примеров таких видов можно привести следующие: батут, фристайл, ролики, шорт-трек, танцы, и многие другие.

Одной из главной проблемы у молодых видов спорта является проблема оценки двигательных действий соревнующихся. В результате соревнований должно быть всем понятно, почему участники распределены по местам именно в таком порядке. Или по-другому: по какому ясно понятному критерию (или совокупности ясно понятных критерий) сравниваются все участники. Т.е. во всех видах спорта всем должно быть ясно по какому объективному критерию оцениваются участники. Пока этот критерий не определен – говорить о виде спорта как о спорте не является справедливым.

С этой точки зрения хотелось бы рассмотреть признанный МОК в 1997 г. танцевальный спорт как «вид спорт» и попробовать определить, какой критерий должен быть положен в основу сравнения соревнующихся пар. Для этого обратимся к опыту «родственных» видах спорта.

В основу методики рассмотрения мы использовали классификационный метод систематизации видов спорта.

Л.П. Матвеев разделил все виды спорта по характеру двигательной деятельности спортсменов:

- 1 группа – высокоактивная двигательная активность;
- 2 группа – действия, связанные с управлением техническими средствами;

3 группа – стрелковые виды;

4 группа – абстрактно-игровые виды (шашки, шахматы и т.д.);

5 группа – технико-конструкционные виды.

В свою очередь В.Н. Платонов подразделяет виды спорта по-другому:

Использования разные критерии группирования, можно определить родственные «похожие» виды спорта и использовать их опыт тренировочной деятельности для нового вида спорта. С этой точки зрения рассмотрим два критерия группирования.

1-й критерий – наличие сложно-координационной работы телом.

Здесь интересно отметить, что по этой классификации в одну группу попадают как гимнастические виды, так и единоборства (бокс, борьба), фехтование и игровые виды спорта. В результате такой группировки можно определить общие черты у таких видов как танцевальный спорт, бокс и борьба. И действительно, при подробном подходе можно обнаружить, что похожим является динамика двигательной нагрузки в финале (одинаковы периоды активной работы и перерывов для отдыха). Опыт адаптаций к подобному режиму активности в боксе, борьбе можно использовать в процессах тренировки в танцевальном спорте.

2-й критерий, который присутствует во многих видах спорта. Это критерий «наличия музыкального сопровождения».

Был проведен поиск видов спорта, которые использовали музыкальное сопровождение. Найденные были разделены на две группы. Сначала (для справки) приведены такие виды, которые еще не признаны, и даже не рассматриваются как вид спорта. А во вторую – олимпийские и признанные виды

Виды, использующие музыку в соревновательной деятельности.

1. Современные танцевальные направления (хип-хоп, диско);
2. Черлидинг;
3. Артистическое фехтование;
4. Конный спорт;
5. Кинологический фристайл;
6. Прыжки под музыку в закрытых помещениях(скакалка).

Олимпийские и признанные виды спорта, использующие музыкальное сопровождение

1. Спортивная гимнастика – имеется система оценок;
2. Художественная гимнастика – имеется система оценок;
3. Эстетическая гимнастика – имеется система оценок;
4. Спортивная акробатика – имеется система оценок;
5. Фигурное катание – имеется система оценок;
6. Спортивная аэробика – имеется система оценок;
7. Синхронное плавание *новая судейская система;*
8. Лыжный фристайл – *имеется своя судейская система;*

9. Акробатический рок-н-ролл *вводится новая судейская система;*

10. Танцевальный спорт – *проверяется новая судейская система.*

Наличие музыкального компонента требует ввести в систему судейства эстетическую и артистичности компоненты и связанными с этим критерии музыкальности, ритмичности, выразительности.

Представленная методика классификации видов спорта позволяет сделать 2 вывода. Один из них имеет на наш взгляд принципиальный характер, второй – касается использования опыта других видов спорта.

Первый вывод: все приведенные виды спорта использует в соревновательном действии музыкальное оформление. И здесь термин «оформление» имеет принципиальное значение, т.к. оно служит для улучшения двигательного действия и усиления эстетического воздействия на судей и зрителей. Поэтому это сопровождение заранее выбирается, подбирается и синхронизируется с действиями спортсмена. Доли импровизации минимизироваться. Но совсем наоборот обстоит дело в танцевальном спорте. Танцевальный спорт – единственный вид спорта, в которой музыка является не только необходимым атрибутом, но и является определяющей двигательных действиях на паркете. Характер музыкального произведения спортсменам заранее неизвестен (хотя ритм и темп определены правилами соревнования). И главной задачей соревнующихся пар – понять мысль автора музыкального произведения, которое выбирает и включает судье по музыке, и передать его через свои движения. Поэтому основным критерием сравнения пар должен быть лучшее передача через двигательные действия мысли, заложенной в музыкальном произведении, импровизационные двигательными действиями соревнующих пар. Победить должна та пара, которой лучше удастся передать мысль, заложенная в музыкальном произведении. Отсюда и велика роль звукорежиссера, подбирающего музыкальные произведения для соревнований.

И второй вывод. Из приведенной классификации видно, что близкие виды спорта используют похожие и проверенные на практике системы оценивания. Можно увидеть, что сравнительно молодой танцевальный вид спорта пошел по пути заимствования опыта судейства у «старых, опытных» видов спорта. Всемирная федерация танцевального спорта WDSF презентовала новую систему судейства, по которой сейчас оцениваются финальные соревнования на многих важных турнирах, в частности WDSF Grand Slam.

Новая судейская система «Judge System» версии 3.0 (абсолютная система судейства) ограничивает компоненты, по которым производится оценка пары, до четырех.

Две составляющих охватывают технические аспекты танца, две – артистические качества: техническое качество – TQ; музыкальность – MM; партнерское мастерство (взаимодействие) – PS; хореография и презентация – CP. Судейская бригада состоит из 12 арбитров, которые разделены на две группы по шесть судей, и каждая такая группа будет оценивать только свои компоненты. Причем компоненты будут распределяться между группами судей случайным образом непосредственно перед каждым танцем.

Из анализа предлагаемой системы следует отметить, что существенным недостатком разрабатываемой системы судейства является отсутствие системы оценки трудности исполняемых действий, а упор делается только на качество исполнения, т. е. на работу тела. Недостатком также следует считать отсутствие системы сбавок за ошибки исполнения по всем 4-м компонентам судейства. Полностью отсутствует оценка воплощения идейного содержания музыки посредством двигательных действий, что, по нашему мнению, должно быть основополагающим при определении победителя. Но, несмотря на эти замечания, следует считать, что работа международной федерации WDSF танцевального спорта является, безусловно, позитивной и приведет к большей объективности системы судейской деятельности в танцевальном спорте.

Список литературы

1. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты [Текст]: учеб. для вузов физической культуры – М.: Сов. спорт, 2010. – 310 с.
2. Платонов В.Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте. – Киев: Олимпийская литература, 2009.
3. Правила судейства в танцевальном спорте: WDSF: Judge System» версии 2.1

Г. В. Скорохватова, Е. М. Чепиков, Т. С. Жуйкова

Анализ хронометрирования урока по лыжной подготовке в условиях зимней учебной практики

Педагогические наблюдения, проводимые во время зимней учебной практики по лыжной подготовке, показали, что практические занятия, проведенные обучающимися, должны анализироваться не только преподавателями, но и самими студентами-практикантами, с целью совершенствования их профессионально-педагогических умений.

В анализ необходимо включать:

- степень и характер затруднений проведения занятий на лыжах;
- анализ методической деятельности обучающихся;

- хронометрия занятий – соотношение затрат времени на различные элементы учебно-воспитательной деятельности и выявление их целесообразности [1].

Данные анализа позволяют глубже вникнуть в его содержание, изучить рациональность распределения времени как в отдельных частях, так и занятия в целом. Для оценки проведения урока на лыжах целесообразно использовать протоколы педагогического наблюдения и хронометрирование различных видов деятельности, учащихся на уроке для определения общей и моторной плотности [3].

Общая плотность урока (ОП) – это отношение педагогически оправданных затрат времени к продолжительности урока или его частей.

Моторная плотность урока (МП) – отношение времени, затраченного на выполнение упражнений, к общему времени урока.

По результатам исследований Г.В. Скорохватовой, З.Ю. Ансимовой, М.В. Дядичевой (2018) анализ педагогических наблюдений проведения обучающимися занятий на лыжах в условиях зимней учебной практики показал [1]:

- недостаточное знание обучающимися методики организации и проведения занятий на открытом воздухе в зимнее время года;

- неспособность видеть ошибки при выполнении упражнений на лыжах;

- непродуманная организация и содержание урока;

- излишняя и малоэффективная словесная информация для обучающихся на занятии;

- нерациональное использование времени (многократное повторение команд и распоряжений, замечаний, повторений и объяснений);

- недостаточная полнота использования обучающимися средств и методов обучения при необходимости внесения изменений по ходу проведения занятия на лыжах;

- неуверенность в правильности действий во время проведения занятия на лыжах.

Для оценки методической подготовленности обучающихся наряду с анализом педагогического наблюдения было проведено хронометрирование уроков по лыжной подготовке в условиях зимней учебной практики. Протокол хронометрирования включал:

1. Слушание проводящего урок студента-преподавателя и наблюдение за выполнением упражнений (объяснение и указания, исправление ошибок, показ упражнений студентом-преподавателем).

2. Выполнение упражнений обучающимися (выполнение строевых, общеразвивающих, специально-подготовительных упражнений, проведение игр, развитие физических качеств).

3. Отдых и ожидание обучающимися очередного выполнения задания (время ожидания обучающимися очередного выполнения упражнения, а также кратковременный отдых, предоставленный в целях регулирования физиологической нагрузки).

4. Действия по организации занятий (подготовка мест занятий, перестроения).

5. Простой по вине студента-преподавателя (опоздание группы к началу урока, поиск инвентаря и оборудования в процессе занятия (приведение в порядок неисправного инвентаря), раннее окончание урока, оставление без внимания учащихся (например, разговор учителя во время урока по телефону).

После окончания наблюдаемого урока по лыжной подготовке производилась обработка протокола хронометрирования. Против каждого показания секундомера в соответствующие графы распределялось время по видам конкретной деятельности. Подсчет осуществлялся путем определения разности времени показателей секундомера, зафиксированных по окончании предыдущей деятельности, и показаний секундомера, зафиксированных с завершением последующей деятельности обучающегося или студента-преподавателя. Проводились вычисления плотности урока (и его частей) по времени и в процентах. Общее время, затраченное на урок (или его часть) принимается за 100 %. Для вычисления моторной плотности время выполнения физических упражнений ($t_{фy}$) умножалось на 100 % и делилось на общее время урока ($t_{общ}$).

$$МП = \frac{(t_{фy}) \cdot 100\%}{(t_{общ})}$$

Для определения общей плотности урока или его частей суммировались показатели полезно затраченного времени (оправданные затраты) ко всему времени урока

$$ОП = \frac{(t_{опр}) \cdot 100\%}{(t_{общ})}$$

В результате проведенного хронометрирования было выявлено:

1) моторная плотность у студентов-преподавателей, проводящих уроки по лыжной подготовке на начальном этапе обучения была

ниже, чем при прохождении тем, связанных с углубленным разучиванием лыжных ходов и их закреплении вследствие траты времени на организацию обучающихся и объяснения заданий. Среднеарифметические данные хронометрирования моторной плотности при проведении уроков на начальном этапе обучения составили – 36,7 %, на этапе углубленного разучивания и этапе закрепления – 43,9 %;

2) общая плотность урока по лыжной подготовке, куда входят все виды деятельности (время начала и окончания деятельности; объяснение учебного материала; отдых после выполнения заданий; организация занятия (за исключением простоя по вине преподавателя) на начальном этапе составила 98,4 %, при изучении тем этапа углубленного разучивания и этапе закрепления – 98,6 %.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в условиях учебной практики обучающимся необходимо раскрывать специфику проведения уроков по лыжной подготовке в зависимости от:

- этапов обучения с учетом последовательности изучения способов передвижения на лыжах и тем занятий школьной программы;
- уровня физической подготовленности учащихся;
- пола и возраста;

Необходимо уделять внимание:

- самоанализу проведенного урока по лыжной подготовке;
- разбору организации и проведения занятий на лыжах;
- решению вопросов, связанных с возникновением затруднений при самостоятельном проведении обучающимися занятий по лыжной подготовке.

Анализ и учет результатов хронометрирования уроков по лыжной подготовке может способствовать повышению уровня методической подготовленности обучающихся и регулированию моторной плотности проводимого ими занятия. Неправильные действия студентов-преподавателей снижают общую и моторную плотность урока по лыжной подготовке, что недопустимо в связи с проведением занятий при низкой температуре воздуха [2].

Список литературы

1. Скорохватова Г.В., Ансимова З.Ю., Дядичева М.В. Анализ методической деятельности бакалавров в условиях учебной практики по лыжной подготовке // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61-3. – С. 267–271.

2. Скорохватова Г.В., Чепиков Е.М. Анализ педагогической деятельности и оценка затруднений студентов при проведении учебной практики // Развитие теоретических основ физического воспитания и спорта: материалы межвуз. науч.-практ. конф. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2018. – С. 26–30.

3. Чепиков Е.М., Борисенко С.И., Медведева Е.С. Педагогический контроль на уроке гимнастики: метод. рекомендации: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 35 с.

Значение занятий боксом для выполнения служебно-боевых задач сотрудников спецподразделений

Подготовка сотрудников СОБР, в отличие от других специальных подразделений ранее МВД, а сейчас Росгвардии, носит ярко выраженный индивидуальный характер. При большом количестве направлений в профессиональной деятельности, которые решают сотрудники (взрывное дело, снайперская стрельба, водолазная подготовка и т.д.), наиболее частым практическим аспектом является работа против вооруженного преступника в городе и на транспорте, что предполагает полноконтактное взаимодействие. Это особенно выражено при входе «на адрес», когда, проникая в квартиру или другое ограниченное пространство, зачастую дальнейшее проникновение возможно только в цепочке по одному. Указанное, безусловно, повышает опасность, так как только один сотрудник (по крайней мере, при первом контакте) может воздействовать на противника.

Успех обороняющемуся обеспечивает начало его защитных действий не во время замаха, а лишь тогда, когда удар уже четко определился, и противник уже не сможет ни задержать удар, ни изменить его направление. В этом случае хладнокровная выдержка, быстрота реакции и оттренированные до уровня навыка движения дают оптимальный результат, что определяет необходимость не только физической, но и психологической подготовки сотрудников.

Таким образом, очевидно, что для ведения схватки в ограниченном пространстве необходимо владеть навыками рукопашного боя, но бокс как вид единоборств для этого подходит лучше. Удары руками короче и быстрее, менее энергозатратны по сравнению с ударами ногами. Обучение при этом позволяет в более короткие сроки сформировать нужные нейронные связи (их цепочка физиологически обусловлено короче), что делает бокс оптимальным и особенно значимым для начинающего сотрудника. На это указывают многочисленные исследования различных авторов (Пашинцев, 2007; Филимонов В.И., 1999, Ширяев А.Г., Филимонов В.И., 2007 и др.).

На современном этапе развития спорта бокс является не только одним из видов спорта, но эффективным средством разностороннего развития физических качеств, морального воспитания, силы духа. Именно поэтому сегодня бокс включается в состав физической подготовки сотрудников спецподразделений, специфика деятельности которых ориентирована на полноконтактное противостояние террористам и иным наиболее вероятным противникам. При этом наиболее существенным является изучение характеристик (ближнего) боя с позиций развития двигательных умений и навыков сотрудников, которые отлично подходят для аспектов профессиональной деятельности.

Бокс уже ранее выбирался для физического развития военнослужащего и подготовки его к выполнению боевых задач. Так, В.И. Ленин в годы борьбы с иностранной интервенцией и гражданской войны издал декрет о всеобщем военном обучении (Всевобуч), профильной частью которой была физическая подготовка трудящихся. В 1919 г. В.В. Самойлов и П.В. Никифоров начали преподавать бокс на курсах Всеобуча. В 1920 г., после соединения нескольких курсов Всеобуча в отдел физического воспитания при Военной медицинской академии, бокс был включен в программу как предмет физической культуры (Романенко М.И., 1978).

После войны с Финляндией 1939–1940 гг. предпринимались различные попытки повышения обороноспособности. Главное внимание уделялось борьбе с вооруженным противником. Предусматривалось обезоруживание нападающего с винтовкой со штыком, револьвером, малой лопатой и ножом при помощи средств бокса.

В дни Великой Отечественной войны советские тренеры преподавали бокс у допризывной молодёжи как средство воспитания боевых качеств. В Суворовских и ремесленных училищах бокс включили в программу по военно-физической подготовке (Романенко М.И., 1978).

Современный рукопашный бой сочетает в себе передвижение, разнообразные ударные и защитные действия, которые выполняются на различных дистанциях.

Дистанция, на которой противники проводят боевые действия, во многом определяет технику, проявление разных физических и морально-волевых качеств в бою. Поединок на каждой дистанции проходит в самых различных условиях и имеет свои закономерности.

Подразделяют три основные дистанции: дальняя, ближняя и средняя.

Дальняя дистанция – такое расстояние при котором боксёр, находясь в боевой стойке, сделав действие сближения (челнок, шаг вперёд), может достать противника ударом. В бою тот боксёр избирает для себя дальнюю дистанцию, который может использовать своё превосходство в скорости передвижения, тем самым обезопасив себя от ударов противника.

Средняя дистанция – при этом расстоянии противника можно атаковать, нанося по нему удары, не делая предварительных действий для сближения. На такой дистанции можно применять одиночные удары и серии, не подходя вплотную к противнику, но легко с полной силой доставать до него ударами. На средней дистанции опасность ответного удара больше чем на дальней, а защищаться труднее, чем на дальней или ближней. Поэтому постоянно действовать на средней дистанции сможет не каждый боксёр.

В профессиональной деятельности сотрудников спецподразделений, действующих в городе, ближняя дистанция оказывается преобладающей. Это основано как работой в помещениях, так и психологией неподготовленного к бою противника, которому ближняя дистанция для противостояния кажется безопасней.

На ближней дистанции боксёр должен особо уделять внимание защите. Поэтому боевая стойка здесь становится более собранной, чтобы наиболее перекрыться от атаки соперника.

Ближняя дистанция – такое расстояние при котором боксёрам легче стоять во фронтальной боевой стойке по отношению к другому. Обусловлено это короткими ударами, в большинстве случаев боковыми и снизу, которые удобнее наносить из фронтальной стойки. И защиту так же легче осуществлять из такой стойки. На ближней дистанции соперники могут соприкоснуться какими-либо частями тела.

Формирование таких навыков возможно в основном, а может быть и только на занятиях единоборствами, в особенности ударными видами такими как бокс. Обобщая опыт боевых действий в Афганистане, различные исследователи и специалисты единоборств сошлись во мнении, что для ведения схватки в ограниченном пространстве необходимо владеть навыками рукопашного боя, бокса. Они отмечали, что именно тяжелыми были бои в домах, где путь приходилось расчищать огнем оружия, и часто в таких домах приходилось вести рукопашный бой. Немало фактов применения навыков рукопашного боя имелось во время проведения военных операций в Чечне (Ашкинази С.М., 2001).

Также прослеживается мнение военных специалистов и ветеранов боевых действий последних войн в Афганистане и Чечне в том, что изучение рукопашного боя в основном необходимо не для непосредственного боевого контакта с противником, а для воспитания бойцовских качеств, в отсутствие которых сотруднику или солдату в боевых действиях просто не выжить. Психологическая составляющая рукопашного боя как средства формирования моральных и боевых качеств военнослужащего, сотрудника спецподразделений, готовности к преодолению стрессовых факторов современного боя является основной (Исламов В.А., 2011).

При этом следует отметить, что настоящего боксёра отличает не только хорошая физическая подготовка и техника. В первую очередь – это думающий спортсмен, способный «читать» и предугадать намерения противника, что особо актуально для сотрудников спецподразделений.

В процессе проведения занятий и учебных схваток с моделированием боевых ситуаций, военнослужащий, сотрудник спецподразделения ставит перед собой задачу победить противника и стремится выполнить ее любым способом. По мнению В.Л. Марищука и

С.М. Ашкинази (2002), исследовавших данную проблему, психологический аспект подобной ситуации для военнослужащих неоценим, поскольку она способствует развитию важнейших для воина качеств - смелости, уверенности в собственных силах, решительности в действиях, стремлению сблизиться с противником, атаковать и победить в условиях, связанных с риском для жизни (Гавриленко Р.А., 2008).

На спаррингах и отработках по боксу военнослужащие приобретают навыки выполнения активных действий в условиях высоких психических нагрузок, а также получают опыт по преодолению трудностей и негативных психических состояний. Как утверждает С.М. Ашкинази (2001), в боевой подготовке, и в системе военного обучения, и воспитания ударные единоборства, такие как бокс и рукопашный бой будут всегда играть одну из важных ролей.

Исходя из вышеизложенного, можно оптимизировать прогноз совершенствования процесса не только физической, но и тактико-специальной подготовки сотрудников спецподразделений с использованием средств бокса.

Список литературы

1. Ашкинази С.М. Вопросы теории и практики рукопашного боя в Вооруженных Силах Российской Федерации: моногр. – СПб.: ВИФК, 2001. – 240 с.
2. Гавриленко Р.А. Повышение результативности боевых приемов борьбы в ограниченном пространстве средствами рукопашного боя: дис. ... канд. пед. наук; Московский ун-т МВД России. – М., 2008. – 176 с.
3. Исламов В.А. Дис. ... канд. пед. наук на спец. тему. – СПб., 2011. – 162 с.
4. Романенко М.И. Бокс. – Киев: Вища школа, 1978. – 296 с.

Ю. В. Смирнова, Е. Г. Сайкина

Психорегуляции сотрудников спецподразделений в процессе занятий фитнесом с элементами психотехнологий

На всех этапах развития человеческого общества, с самого момента зарождения физической культуры и до современного периода, военно-прикладная направленность занимала и занимает важнейшее место в этой области человеческой деятельности и области научного знания. Более того, сегодня, в условиях осложнений международной обстановки, нарастания внешнеполитической напряженности и роста рисков террористических угроз, значение максимально эффективного и разностороннего воздействия занятий физическими упражнениями существенно возрастает.

Наибольшая нагрузка при выполнении служебно-боевых задач повышенного риска, контртеррористических операций, приходится на

сотрудников специальных подразделений. Успешное выполнение поставленных государством и обществом задач, а также сохранение жизни и здоровья указанного контингента военнослужащих возможно лишь при высочайшем уровне не только специальной (огневой, тактической, высотной и др.) подготовки, но и необходимом уровне физических и психических кондиций. При этом сама профессиональная деятельность и условия ее осуществления несет существенные риски как жизни и телесному здоровью, так и психологическому состоянию сотрудников спецподразделений.

Указанное детерминирует актуальность поиска новых средств и форм проведения занятий по физической подготовке с данным контингентом, которые в своей совокупности позволяли бы оптимизировать психофизическое состояние занимающихся.

Исследование проводилось с 2015 по 2019 г. Определялась необходимость оптимизации психофизического состояния сотрудников спецподразделений, проводился сравнительно-сопоставительный анализ данных научно-методической литературы, проектирование, рассматривались возможности и обосновывалось комплексное использование средств фитнеса и психотехнологий для решения поставленной задачи, осуществлялся опрос сотрудников спецподразделений, математическая обработка и интерпретация полученных данных.

Анализ многочисленных исследований [1; 2 и др.] определили наличие у участников спецопераций, с одной стороны, негативных изменений в физическом и психическом состоянии, в частности – отмечены такие явления, как: эмоциональное истощение (особенно – после длительного по времени пребывания в зоне контртеррористических операций), повышение конфликтности, возникновение атипичных и даже, в отдельных случаях, патопсихологических реакций, изменения в мотивационной сфере личности. С другой стороны, помимо адаптации к жизни в мирном социуме, профилактики и коррекции психологических проблем, необходимо уделять особое внимание работе «на опережение», то есть, заблаговременно, в работе с данным контингентом военнослужащих, использовать средства и методы, которые позволят адекватно подготовить их организм и психику к выполнению предстоящих служебно-боевых задач.

При этом, согласно проведенных нами собеседований и опросов среди сотрудников различных спецподразделений Росгвардии в период с 2016 по 2018 год в г. Санкт-Петербург, Москва, Мурманск, одной и специфических характеристик их профессиональной деятельности является острый дефицит времени, ненормированный график работы, что вызывает необходимость поиска технологий и методик работы по психорегуляции данного контингента с преимущественных позиций «максимум результата в минимум времени», и выраженное

предпочтение занятиям физической подготовкой, нежели психотренингам. При этом идея проведения коллективных психотренингов вызвали отторжение у значительной части респондентов (96,7 %). Но и индивидуальные психотренинги вызвали интерес лишь у 17 % опрошенных.

Вместе с тем установлено, что существенная часть опрошенных (мужчины в возрасте $33 \pm 0,96$), испытывают интерес не только к традиционным занятиям различными видами двигательной активности, но и фитнесу. В частности, проведенное в 2016–2016 гг. исследование позволило выявить особый интерес к кроссфиту [3].

Полученные данные послужили основанием к разработке нашего проекта психофизической тренировки сотрудников спецподразделений, включающей упражнения фитнеса, психорегулирующий потенциал специально подобранного музыкального сопровождения и психотехнологий.

Идеологически выбор фитнеса не случаен, так как именно в этом инновационном формате физической культуры в наибольшей степени проявлен холистический подход и приоритет оздоровительной направленности занятий при добровольности и многообразия их выбора.

Использование средств фитнеса позволяет, за счет разнообразия различных направлений, их современности, инновационности, наличия практически у всех тренажеров систем «обратной связи», подобрать для тренировки именно те, которые будут решать задачи целенаправленного развития и совершенствования двигательных способностей, приоритетных для эффективного выполнения четко очерченной предстоящей служебно-боевой задачи (освобождение заложников, нейтрализация вооруженной группы террористов и т. д.), в конкретных климато-географических (наличие водных преград, пресеченная, высокогорная местность, разреженный воздух, высокие или низкие температуры и т. д.) и иных экстремальных условиях (выживание в условиях двигательной и сенсорной депривации, при завалах и т. д.).

При этом за счет «необычности» содержания фитнес-тренировки по сравнению с традиционным содержанием средств ОФП, развивается также вариативность двигательных навыков, «пластичность» психики, умение быстро адаптироваться к изменяющимся внешним условиям для выполнения стандартных задач. Также преодолевается монотонность и рутинность тренируемых годами шаблонов ОФП.

Следует отметить возможности использования музыкального сопровождения процесса выполнения фитнес-упражнений с учетом

психорегулирующего потенциала музыки и возможности за счет сочетания воздействия средств музыкальной выразительности и соответствующих физических упражнений добиться психофизического состояния.

Вместе с тем, в структуру фитнес-занятия, исходя из концептуальных предпосылок Mind-Bodi fitness, нами предлагается интеграция телесно-ориентированных практик, таких как работа с мышечным панцирем по В. Райху, психомышечная тренировка и др., в зависимости от необходимости достижения того или иного психоэмоционального состояния занимающимися.

Концептуальной основой нашего проекта является идея именно оптимизации психофизического состояния сотрудника спецподразделения для повышения уровня готовности к участию в контртеррористических операциях и вооруженных конфликтах и обеспечить его осознанное достижение на уровне «пусковой афферентации» за пределами спортивного зала, в реальных оперативных условиях. Поэтому оптимум необходимого состояния (ощущение пика физической формы, высокий уровень концентрации, «боевое» состояние и т. д.), достигнутый в процессе комбинированной психофизической фитнес-тренировки предлагается «заякорить» (в терминологии НЛП) при помощи индивидуально составленной «Библиотеки образов», формируемой в соответствии с ведущей модальностью каждого занимающегося.

Обобщенные итоги исследований [4] по вопросу об актуальности разработки подобной программы тренировки позволяют резюмировать, что ее разработку актуальной считают 72,2 % респондентов.

При этом 66,7 % опрошенных отметили, что могли бы при психологических проблемах заниматься по разработанной программе.

Готовность сотрудничать со специалистами физической культуры и принять личное участие в занятиях с целью формирования умения достигать оптимального психофизического состояния выразили 59,2 % участника опроса.

Выводы и рекомендации.

Резюмируя вышеизложенное, можно прогнозировать успешность внедрения и эффективность комплексного воздействия средств инновационных физических упражнений из различных направлений фитнеса и психотехнологий в процессе занятий фитнесом для решения задачи оптимизации психофизического состояния сотрудников спецподразделений, что, в свою очередь, позволит им еще более успешно выполнять поставленные, все усложняющиеся в современных условиях задачи, и при этом минимизировать риски физическому и психическому здоровью.

Список литературы

1. Маклаков, А.Г., Чермянин С.В., Шустов Е.Б. Проблемы прогнозирования последствий локальных военных конфликтов // Психол. журн. – 1998. – Т. 19. – № 2. – С. 15–25.
2. Пажильцев И.В. Психологические особенности личности сотрудников спецподразделений МВД России – участников контртеррористической операции на Северном Кавказе и их психотерапевтическая коррекция: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2007. – 260 с.
3. Смирнова Ю.В., Ишунькин В.С. Актуализация совершенствования физической подготовки сотрудников спецподразделений в условиях усиления борьбы с террористической угрозой // Актуальные вопросы прикладной военно-прикладной гимнастики: сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, посвящ. памяти проф. В.И. Силина. – СПб.: Изд-во ВИФК, 2016. – С. 23–27.
4. Смирнова Ю.В., Сайкина Е.Г., Смирнов В.Е., Никитина Е.С. Возможности использования средств физической культуры как средства оптимизации психофизического состояния сотрудников спецподразделений // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28320> (дата обращения: 01.04.2019).

А. А. Сомкин, О. В. Ляшенко

Технология организации и проведение круглых столов студентов на кафедре физического воспитания вуза творческого профиля

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (СПбГИКиТ) является высшим учебным заведением творческого профиля, направленным на подготовку специалистов и бакалавров по таким направлениям и специальностям, как: телевидение, народная художественная культура, драматургия, дизайн, реставрация, актёрское искусство, графика, режиссура кино и телевидения, кинооператорство, продюсерство, киноведение и ряду других. Учебные дисциплины «Физическая культура и спорт» и «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту» в СПбГИКиТ, как в непрофильном высшем учебном заведении, ориентированы прежде всего на формирование у студентов универсальной компетенции «способность поддерживать должный уровень физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» [1; 2; 3; 4]. Концепция развития кафедры физического воспитания СПбГИКиТ направлена, помимо учебной, методической и научной деятельности, на разнообразные инновационные формы работы со студентами [6]:

- секционные (спортивные, прикладные, оздоровительно-коррекционные, интеллектуальные виды спорта) занятия;
- культурно-массовые мероприятия – эстафета огня зимней Универсиады–2019; фестиваль здоровья «Бодрый КиТ» и др.;

- физкультурно-спортивные мероприятия – Спартакиада СПбГИКиТ по различным видам спорта [5].

Вместе с тем, для того чтобы наряду с так называемыми «выпускающими» кафедрами института активно и постоянно проводить научно-исследовательскую работу студентов (НИРС), на кафедре физического воспитания было принято решение о регулярном проведении круглых столов студентов. На подобных мероприятиях они будут представлять не только своим сокурсникам, но и профессорско-преподавательскому составу кафедры свои научные доклады, которые сопровождаются соответствующими слайд-презентациями [5; 7].

В связи с тем, что проведение всех научных мероприятий в СПбГИКиТ строго регламентировано, на кафедре физического воспитания была разработана и успешно внедрена технология организации и проведения круглых столов студентов. Она состоит из определённой последовательности этапов, которые изложены ниже.

Первый этап. Подготовка распоряжения о проведении круглого стола студентов института на кафедре физического воспитания в целях раскрытия их научного и творческого потенциала. В распоряжении должны быть отражены, в частности, следующие позиции:

- название предполагаемого круглого стола, место и время его проведения;

- состав организационного комитета, который будет заниматься непосредственно вопросами подготовки и проведения круглого стола;

- ответственный за проведение круглого стола (модератор).

Контроль за выполнением этого распоряжения возлагается на заведующего кафедрой физического воспитания. Затем данное распоряжение должно иметь визы декана факультета управления и медиакоммуникаций СПбГИКиТ, к которому структурно относится кафедра физического воспитания, а также начальника учебно-методического управления и начальника отдела научной деятельности и аспирантуры института. Окончательное решение о проведении круглого стола принимается проректором по учебной и научной работе. Только после положительного решения всех вышеупомянутых должностных лиц и включения в план развития учебной и научно-методической деятельности в СПбГИКиТ можно переходить к следующему этапу организации круглого стола.

Второй этап. Размещение на официальном сайте СПбГИКиТ информационного письма, в котором представлено:

- название круглого стола, место и время его проведения;
- сроки подачи заявок на участие в круглом столе и условия участия в нём (очная или заочная форма участия).

Третий этап. Непосредственно проведение самого круглого стола. К настоящему времени на кафедре физического воспитания было успешно организовано и проведено три таких мероприятия:

- «Психофизическая релаксация и здоровый образ жизни студентов творческого вуза»;

- «Медитация как средство развития эмпатии и коммуникативной толерантности»;

- «Обеспечение самозащиты и безопасности студента в условиях современного мегаполиса».

Участие в круглом столе, помимо самих студентов, членов организационного комитета и модератора мероприятия, принимает весь профессорско-преподавательский состав кафедры. Каждый студент представляет свой доклад, сопровождая его слайд-презентацией, а затем отвечает на вопросы. В заключение мероприятия происходит обсуждение представленных докладов, а также определяется тематика и время проведения следующего круглого стола.

Четвёртый этап. Составление отчёта (в электронной и печатной форме) и представление его в десятидневный срок (в соответствии с распоряжением) в научный отдел института. Кроме того, фотототчёт и краткое описание прошедшего круглого стола должно быть размещено на официальном сайте СПбГИКиТ.

Балльно-рейтинговая система контроля и оценивания знаний студентов в СПбГИКиТ по дисциплине «Физическая культура и спорт» предусматривает возможность получения ими дополнительных (или бонусных) баллов. Так, выступление с докладом на круглом столе на кафедре физического воспитания позволяет получить максимально ещё 10 баллов к итоговой оценке (зачёту) за семестр. Как следует из названий прошедших круглых столов, приведённых выше, в основном в них принимают участие студенты, посещающие секционные занятия и рекомендованные соответствующими преподавателями кафедры, которые проводят такие занятия. В двух первых мероприятиях принимали участие студенты, которые занимаются в секциях «Психофизическая релаксация» и «Дартс», в третьем – в секциях «Самозащита» и «Единоборства». Следует отметить, что в круглых столах принимали участие и иностранные студенты, обучающиеся в СПбГИКиТ, – из Белоруссии и Вьетнама, которые регулярно занимаются в секции «Психофизическая релаксация».

Заключение.

1. Проведение круглых столов студентов на кафедре физического воспитания вуза творческого профиля СПбГИКиТ позволяет раскрыть научный потенциал студентов при изучении ими дисциплины базового блока «Физическая культура и спорт».

2. Предполагается привлекать к участию в следующих подобных мероприятиях студентов, посещающих занятия и в других спортивных секциях института – атлетические виды (гиревой спорт, армрестлинг); спортивные игры (футбол, волейбол, баскетбол); интеллектуальные виды спорта (шашки, шахматы); черлидинг.

3. Планируется, что в перспективе на основе опыта проведения круглых столов будет сформирована отдельная секция кафедры физического воспитания при проведении студенческих научных конференций в СПбГИКиТ, а также будут приглашаться к участию в данных мероприятиях студенты из других вузов Санкт-Петербурга.

Список литературы

1. Волкова Л.М., Евсеев В.В., Половников П.В. Физическая культура студентов: состояние и пути совершенствования: моногр. – СПб.: СПбГПУ, 2004. – 149 с.

2. Кондаков В.Л. Системные механизмы конструирования физкультурно-оздоровительных технологий в образовательном пространстве современного вуза: моногр. – Белгород: ЛитКараВан, 2013. – 454 с.

3. Пономарёв Г.Н. Физическая культура в вузе: изменение образовательной деятельности кафедры физической культуры // Культура физическая и здоровье. – 2017. – № 3 (63). – С. 55–58.

4. Прокофьева Д.Д., Петров В.В., Огуречников Д.Г. Мотивация студентов к занятиям физической культурой и спортом в высших учебных заведениях // Проблемы современного педагогического образования: сб. науч. тр. – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 60. – Ч. 4. – С. 347–350.

5. Сомкин А.А. Нетрадиционные спортивные соревнования для студентов в творческом высшем учебном заведении // Инновационные процессы в науке и образовании: коллект. моногр. – Пенза: Наука и просвещение, 2018. – С. 206–215.

6. Сомкин А.А., Константинов С.А. Концепция развития кафедры физического воспитания творческого высшего учебного заведения // Мир педагогики и психологии: междунар. науч.-практ. журн. – Н. Новгород, 2016. – № 5. – С. 25–33.

7. Сомкин А.А., Састамойнен Т.В., Степанов В.С. Дисциплина «Физическая культура и спорт» в системе дистанционного обучения Moodle в творческом высшем учебном заведении // Проблемы современного педагогического образования: сб. науч. тр. – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 61. – Ч. 3. – С. 280–284.

Е. С. Сотников, Н. Е. Гуков, В. И. Муминов

Функциональное многоборье как средство подготовки спортсменов по атлетическим видам спорта

Введение

Спорт стал неотъемлемой частью жизни современного человека. Заниматься им сегодня не только полезно, но и модно. Многие люди пересматривают свой образ жизни, включают в свой распорядок дня

ежедневные утренние пробежки, посещение тренажерного зала, бассейны и многое другое.

Но есть категории людей, которые рассматривают спорт не только как средство для поддержания себя в отличной физической форме, но и как способ реализоваться в профессиональном плане.

Человек стремится к совершенствованию во всех направлениях, и силовые виды не являются исключением, но когда мотивация снижается, а занятия в тренажерном зале теряют свою привлекательность из-за отсутствия новых средств и методов, приходится искать инновационные направления, способные вовлечь занимающихся в процесс физического совершенствования. Поддержание эмоционального фона за счет разнообразия средств и методов, способствует повышению эффективности тренировочного процесса.

Основные положения

В настоящее время набирает популярность относительно новая дисциплина, которая называется «Функциональное многоборье». Им сейчас занимается, чуть ли не каждый третий, увлекающийся спортом. Спортсмены высокого уровня в различных видах спорта применяют основы функционального многоборья в своем тренировочном процессе.

Функциональное многоборье стимулирует физическую готовность сердечно-сосудистой и дыхательной систем, повышает выносливость, силу, гибкость, скорость, координацию, ловкость, баланс, точность. Функциональное многоборье - это комплекс упражнений, разработанный специально для того, чтобы тренировать все мышцы тела. Здесь используются упражнения, предназначенные для людей без профессиональной спортивной подготовки, и более сложные, которые практикуют подготовленные атлеты в соревновательных целях. Занятия отличает высокая интенсивность, основанная на максимальном числе повторений и большой разнообразности упражнений, выполняемых в строго регламентируемые интервалы времени. Согласно статистике многих атлетических журналов, этот вид физкультурно-спортивной деятельности в одинаковой мере привлекает мужчин и женщин.

Занятия функциональным многоборьем делятся на три блока, каждый из которых длится 20–30 минут. Первый блок отличается активным ритмом и направлен на тренировку сердца и дыхательной системы. Во время второго блока чередуется физическая нагрузка на различные мышцы. Третий блок упражнений производится в спокойном темпе и позволяет растянуть мышцы и восстановить дыхание. В результате одна тренировка приносит максимум пользы: укрепляет мышцы, сжигает лишний жир, формируется правильная осанка, улучшается работа сердца и дыхательной системы.

Неоднократно отмечалось, что в рамках функционального многоборья, помимо самого многоборья идет широкое развитие и популяризация, а также развитие других видов спорта, таких как тяжелая атлетика, легкая атлетика, гребля, пауэрлифтинг, гиревой спорт, атлетическая гимнастика и так далее.

Соревнования по функциональному многоборью проводятся в трех комплексных упражнениях в последовательности:

- выполнение упражнений по принципу пирамиды КУ-1;
- выполнение установленного количества повторов в упражнениях за кратчайшее время КУ-2;
- выполнение наибольшего количества повторов в упражнениях за установленное время КУ-3.

Каждый соревновательный комплекс представляет собой уникальный комплекс упражнений, состоящий из различных движений перемещений собственного тела, а также контролю и управлению внешними предметами и снарядами. Количество упражнений в одном комплексе не может составлять более 15, куда обязательно должны входить упражнения с собственным весом, со свободным отягощением и циклическими нагрузками. Упражнения необходимо выполнять максимально быстро в последовательности, обусловленной заданиями.

Основное отличие функционального многоборья от CrossFit заключается в системе развития и управления данным видом спорта. Оно развивается по правилам официальных видов спорта, по стандартам Министерства спорта Российской Федерации, что дает возможность более эффективно развивать детское направление, увеличить количество молодежи, вовлечь ее в спортивные занятия функциональным многоборьем. Открывать спортивные клубы и секции, внедрять методику тренировок функциональным многоборьем в школьные программы и вузы, возможность присваивать спортсменам звания, тем самым увеличивать мотивацию и желание. CrossFit же развивается за рубежом по проектам бизнес-систем, направленных на развитие фитнеса, популяризации клубов и извлечение финансовых средств посредством рекламы и продажи тренажерных комплексов.

Заключение

Принцип функциональной вариативности в функциональном многоборье достигается путем за действия всех видов интенсивности и метода изменения последовательности выполнения максимально широкого перечня физических упражнений с собственным весом, упражнений из атлетических видов спорта, а также привлечения циклических нагрузок, что дает возможность проверять всестороннюю физическую подготовленность атлета. Непредсказуемость выполненных физических задач, достигается путем сохранения в неизвестно-

сти до начала самих соревнований, составляющих и условий интенсивности, определения отдельных упражнений и их очередности, которые будут выполняться в общих комплексах упражнений, что как следствие стимулирует атлета к всесторонней подготовке физических показателей.

Список литературы

1. Физиологические аспекты выносливости в спорте: учеб. пособие. – Волгоград: ФГБОУ ВПО «ВГАФК», 2012. – 87 с.
2. Руководство тренера 1-го уровня CrossFit., 2019. – 259 с.
3. Общероссийская общественная организация «Федерация функционального многоборья». – URL: <http://www.vseffm.ru/>.
4. Приказ Минспорта России от 18 декабря 2018 г. № 1050. – 202 с.
5. Сайт. – URL: <http://WWW.CROSSFIT.RU>.
6. Журнал железный мир www.ironworld.ru 2015 – 6 с.

И. Е. Устинов, Н. Н. Мальчевская, В. А. Богданова

Самоподготовка преподавателя к занятиям по баскетболу в нефизкультурном вузе

Совершенствование процесса физического воспитания в высших учебных заведениях нефизкультурной направленности на основе выбора студентами вида физической активности повысило конкуренцию в элективных модулях дисциплины «физическая культура», усилило требования к преподавателю, который должен владеть широким спектром упражнений, приемов и технологий, используемых в спортивных дисциплинах. С учетом вариативного наполнения элективных курсов полное решение такой задачи в рамках профессионального обучения практически невозможно. В таком случае, основой роста профессионального мастерства преподавателя будет являться его способность к постоянному самосовершенствованию в рамках избранной специализации на основе базовых знаний, полученных в учебных заведениях, готовящих специалистов по физической культуре.

Отсутствие опыта соревновательной деятельности у преподавателя по элективному модулю затрудняет достижение данной цели. Однако такие вызовы могут быть решены посредством изучения медиаконтента, реализованного как на платформах типа «Moodle», «Blackboard» и т.д., которые позволяют системно излагать необходимые знания и оценивать их (Сидоренко А.С., 2017), так и информации, находящейся в свободном доступе в сети интернет. Первое

важно для документального подтверждения повышения квалификации. Второй вариант оптимален при самостоятельном поиске информации. Данные способы имеют свои сильные и слабые стороны относительно очного участия в мероприятиях повышения квалификации (Ермолаев А.П., Мухаметшин А.И., 2016). Их преимущества заключаются в возможности в комфортной обстановке изучить необходимые материалы. А недостатки связаны, прежде всего, с самодисциплиной и мотивацией, а также трудностями проверки практических навыков в реальных условиях. Данные варианты повышения квалификации особенно актуальны в педагогической среде (Жук О.Н., 2013).

Специалистам с базовым образованием по физической культуре, для восполнения недостатка практики по баскетболу, изучение медиаконтента мастер-классов, открытых занятий, семинаров имеет наиболее перспективное значение, по сравнению, с традиционными способами самоподготовки: книги (трудность создания визуального представления движений и схем взаимодействия); взаимопосещение занятий (ограниченность тематики занятий планом, контингентом и инвентарем); однодневные семинары для тренеров в разных городах (географический и финансовый фактор); курсы повышения квалификации и переподготовки (ориентированность на кадры высокой квалификации и спортивную модель тренировок); помощь специалистов (эпизодичность, узкий сегмент проблем); работа в паре с более опытным коллегой (трудности с составлением расписания).

Анализ медиаресурсов, направленных на тренерскую деятельность в баскетболе, показал, что информация, находящаяся в открытом доступе удовлетворяет требованиям специализированной подготовки тренеров по глубине (Шмаюн А., 2017). Однако их избирательное использование под конкретные задачи находится целиком в компетенции человека, использующего эти ресурсы, и целиком зависит от его профессиональной подготовленности в методических и теоретических вопросах.

Из вебресурсов с медиаконтентом по баскетболу следует отметить (Шмаюн А., 2017):

- ✓ вэб платформа FIBA – <http://coaching.fibaeurope.com>;
- ✓ представительство FIBA на «YouTube» <https://www.youtube.com/user/FIBAWorld>;
- ✓ сайт федерации баскетбола Канады – <http://www.basketballmanitoba.ca/2013/09/canada-basketball-video-collection.html>

Некоторые ресурсы для предоставления доступа к ним требуют регистрации и предоставляют медиаконтент на английском языке, что снижает ценность материалов. Этих недостатков лишен ресурс Российской Федерации Баскетбола в сети интернет.

Хорошей идеей является создание информационно-образовательного портала «азбука баскетбола» (Серебренникова Н.А., Матвиенко О.В., 2016). В нем будут представлены: основы баскетбола (теория, техника и тактика), видео мастер классы от действующих игроков и специалистов тренерского штаба (техника, тактика, ОФП, СФП и секреты работы с командой, советы и рекомендации для начинающих тренеров).

Один из проектов, стартовавший в 2008 г., под названием «Ты – тренер» изначально был направлен на широкую аудиторию и все семинары по баскетболу снимались с профессиональным качеством. Отметим семинары Бориса Соколовского «Техника передач и игра без мяча»; Владана Чубрича «Игра в пас» и «Отсечение и подбор»; Роланда Радвила «Детские игры».

Огромный интерес представляют семинары, проведенные под эгидой Российской Федерации баскетбола: Дмитрий Шумихин «Основы начального обучения техническим элементам»; Антон Юдин «Методика и совершенствование техники броска»; Иван Левин «Техника владения мячом»; Никита Моргунов «Индивидуальная техника защиты. Игра в защите»; Александр Шалыгин «Особенности физической подготовки юных баскетболистов».

Отметим также видеоуроки Олимпийского чемпиона Ивана Едешко (при поддержке баскетбольного центра московской области) – «Дриблинг», «Защита», «Совершенствование ловли и передачи мяча, а также других специалистов по баскетболу в рамках семинаров различного уровня: Саша Груич «Обучение технике бега. Остановки и повороты», «Дриблинг и передачи»; Игорь Галаев «Обучение основным техническим приемам игры в баскетбол в группах начальной подготовки»; Дмитрий Пушенков «Методика обучения основным техническим приемам в баскетболе в группах начальной подготовки». Хорошим мотиватором для самосовершенствования преподавателей, будет являться просмотр небольшого видеоролика «Детский баскетбол в Китае», где в рамках фестиваля в танцевальной форме под музыку выполняются упражнения с баскетбольным мячом.

Рассмотренный медиаконтент находится в открытом доступе на сервисе «YouTube» и доступен для просмотра. Из него можно узнать огромное количество упражнений на чувство мяча, различные варианты передвижений, остановок с мячом и без мяча, учебные варианты передач, бросковые упражнения, элементарные тактические упражнения, прививающие основы комбинационной игры и разрушающие примитивные стереотипы об игре в баскетбол как об индивидуальном проходе и броске в кольцо. Большой арсенал базовых упражнений (стоек, шагов, передач) невысокой физической интенсивности, но технически сложных, позволяет выстраивать учебные занятия элективного модуля «баскетбол» с учетом интересов студентов с

ослабленным здоровьем. Различные варианты упражнений с сопротивлением позволяют на практике отработать основы взаимодействия защитника с нападающим и избежать травм в учебных играх.

Рассмотренные семинары позволяют глубже понять суть баскетбольной тренировки, расширить арсенал средств преподавателя и, при необходимости, перевести их в свой двигательный опыт, а также адаптировать упражнения к реальным условиям применения. Изучение передового спортивного опыта позволит более осмысленно строить процесс физического воспитания по модулю «баскетбол» в нефикультурном вузе, а значит, сделает учебно-воспитательный процесс более качественным и интересным.

Список литературы

1. Жук О.Н. Формирование информационной культуры: проблема проектирования и внедрения дистанционного курса в системе повышения квалификации работников образования // Вестн. Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2013. – С. 139–150.

2. Ермолаев А.П., Мухаметшин А.И. Дистанционное образование как способ повышения квалификации специалистов по физической культуре // Проблемы и перспективы внедрения информационных и коммуникационных технологий в физкультурное образование в контексте подготовки конкурентоспособного компетентного специалиста: материалы междунар. заоч. электрон. науч.-метод. конф. – Волгоград: Изд-во ВГАФК, 2016. – С. 229–232.

3. Серебренникова Н.А., Матвиенко О.В. Информационно-образовательный портал «азбука баскетбола» // Стратегия формирования здорового образа жизни средствами физической культуры и спорта. «Спорт для всех» и внедрение всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО: материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тюмень: «Изд-во Вектор Бук», 2016. – С. 56-58.

4. Сидоренко А.С. Внедрение системы дистанционного образования в программу обучения студентов СПбГУ по дисциплине физическая культура // Физическая культура и спорт в системе образования России: инновации и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб: Изд-во «Золотое сечение», 2017. – С. 69–74.

5. Шмаюн А. Анализ медиаресурсов по баскетболу // Современное состояние и перспективы развития баскетбола: сб. науч.-метод. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием 30.11. – 01.12.2017 г. / под ред. С.В. Чернова, Л.Б. Андрющенко, И.В. Лосевой. – М.: РГУФКСМиТ, 2017. – 152 с.

О. Н. Федорова, Т. П. Елисеева, И. В. Легошкина

Индивидуализация начального обучения в спортивном плавании на основе двигательной асимметрии занимающихся

Существующие программы начального обучения плаванию хорошо известны, опробованы и научно обоснованы. Однако, именно на этом этапе, когда число обучающихся велико и позволяет трене-

рам осуществлять отбор в спортивном плавании, происходит большой отсев детей, не соответствующих среднестатистическим требованиям к их индивидуальным возможностям.

Обучение любому двигательному действию требует следования основным педагогическим принципам. Однако, учет индивидуальных особенностей занимающегося реализуется тренерами скорее на этапе совершенствования и в тренировках спортсменов высокой классификации. При этом, педагогические наблюдения подтверждают, что на этапе начального обучения тренеры-преподаватели наблюдают двигательную предрасположенность детей, однако, группу детей (от 15 до 20 человек) занимающуюся у одного тренера, делить на подгруппы и проводить занятия учитывая индивидуальные особенности бывает достаточно сложно. В большинстве случаев, тренер полагается на уровень успехов так называемого конкурентно способного процента обучающихся детей и отбирает в конце года таких ребят к дальнейшим занятиям спортивным плаванием. Мы полагаем, что индивидуальные особенности детей к обучению двигательным действиям должны учитываться при выборе методики подготовки в спортивном плавании. Именно такой подход позволит провести процесс обучения более качественно и быстро.

Практически все специалисты сходятся во мнении, что «...для более быстрого овладения навыком плавания ребенок должен обладать хорошей плавучестью (индивидуальные морфологические особенности), иметь положительную реакцию на контакт с водной средой (индивидуальные психологические качества), иметь достаточную координационную подготовленность (слаженная система управления нервно-мышечным аппаратом)» [2]. «Именно на эти показатели советуют обратить внимание авторы при начальном отборе детей для занятий спортивным плаванием, учет вышеуказанных особенностей представлен в специальной научной литературе, но только в качестве констатации фактов» [5]. При этом, ответа на вопросы: каким образом учитывать индивидуальные особенности детей на занятиях, как адаптировать классическую методику в конкретных ситуациях и какова эффективность таких занятий в спортивном плавании на начальном этапе, нами не обнаружены.

Специалистами в области плавания считается, что ребенок, не умеющий плавать и оказавшийся в водной среде, выполняет двигательные действия, которые ему предельно удобны и эффективны, с точки зрения, продвижения тела человека вперед [5].

Ведущие специалисты в области межполушарных отношений головного мозга у спортсменов Е.К. Аганянц, Е.М. Бердичевская и Е.В. Демидова такую закономерность объясняют влиянием «...слож-

ной организации межполушарной асимметрии, а именно, индивидуальным профилем асимметрии, который тесно связан с проявлением двигательных особенностей человека» [1].

Исследования Ю.А. Гордеева и Д.А. Лаврентьевой, которые были посвящены вопросу освоения техники плавания детьми с различными видами двигательной асимметрии, позволили говорить о необходимости разработки методики обучения плаванию с учетом двигательных возможностей детей, точнее, к их предрасположенности к симметричным одновременным или попеременным движениям.

Лаврентьева Д.А. в своей работе предложила рассмотреть методические особенности обучения плаванию младших школьников в малых группах с учетом двигательных асимметрий. Было определено, что: «Характерной особенностью качественного и быстрого освоения детьми спортивных способов плавания является то, что моторная асимметрия обуславливает неосознанный выбор рабочей структуры движений ногами в воде на этапе начального обучения плаванию у детей младшего школьного возраста» [6]. Авторами были разработаны комплексы упражнений для обучения плаванию детей младшего школьного возраста, имеющих определенные двигательные асимметрии. Однако, в тренировке спортсменов определение характера двигательной асимметрии и его применение для индивидуализации техники выполнения двигательных действий и выбора способа плавания на начальном этапе обучения не исследовалось. Это объясняется тем, что существующая и принятая в спортивных школах методика начального обучения хорошо известна и зарекомендовала себя на протяжении многих лет.

Таким образом, сложившаяся ситуация характеризуется противоречием между потребностью в эффективной методике начального обучения плаванию детей, обоснованной на знании о влиянии моторных асимметрий на качество, скорость и результативность освоения элементов спортивной техники плавания и возможностью реализации этой потребности в работе с детьми на начальном этапе обучения плаванию в спортивных секциях в силу сложившейся традиционной методики обучения, определенной последовательности обучения способам плавания и отсутствия экспериментальных данных об эффективности авторских разработок в спортивном плавании.

Исследование проводилось на базе бассейна МАУ «ТРКСЦ» в п. Сельцо, Ленинградской области. В течение учебного года дети 7–8 лет занимались в группах спортивно-оздоровительного плавания первого года обучения. Дети по результатам тестирования были разделены на контрольную и экспериментальную группы.

Контрольная группа (КГ) занималась по принятой в спортивных школах стандартной программе для обучения детей плаванию на начальном этапе, подготовленной авторским коллективом кафедры

теории и методики спортивного и синхронного плавания, аквааэробики, прыжков в воду и водного поло РГУФКСИТ в составе А.А. Кашкина и О.И. Попова, проф., д. пед. наук, В.В. Смирнова, доц., канд. пед. наук.

Экспериментальная группа (ЭГ) занималась по экспериментальной методике, основанной на индивидуальном подходе с учетом двигательной асимметрии, разработанной тренером-преподавателем высшей категории МАУ «ТРКСЦ» Т.В. Николаевой.

Занятия, основанные на индивидуальном методе, имеют свои организационные особенности, когда на основании какого-либо признака группа детей делится на подгруппы. Задания в различных подгруппах могут совпадать и различаться по дозировке и по содержанию. Перед началом занятий дети прошли медицинский осмотр, тестирование плавательной подготовленности и определение их двигательной асимметрии (ведущая рука, ведущая нога).

На основании индивидуальных двигательных особенностей, которую проявляли дети, были рекомендованы для обучения способы спортивного плавания со схожей координационной структурой движений ногами. Таким образом, дети с левополушарной моторной асимметрией и попеременной структурой движений ногами и руками составили КГ, они сначала обучались кролю на груди и на спине.

Дети с «правополушарной моторной асимметрией и перекрестной моторной асимметрией (ведущая левая нога и ведущая правая рука)», выполняющие одновременные движения ногами или одновременные асимметричные движения ногами (на боку) составили ЭГ, они начинали с обучения технике плавания способами брасс и баттерфляй.

Занятия в группах, проводились два раза в неделю по 60 минут. Предварительно дети выполняли 6 упражнений, определяющих уровень плавательной подготовленности в обеих группах. В конце года все детиплыли три дистанции (25 м кролем на груди, 25 м кролем на спине, 25 м брассом), кроме того, проводилась оценка техники плавания этими способами. Оценка за все упражнения проводилась в баллах и рассчитывалась в процентах от максимального результата.

В течение первого месяца обучения (8 занятий) с детьми проводились упражнения по освоению с водой, различные способы передвижения в воде с опорой и без, упражнения в лежании и скольжении на воде, ознакомление с простейшими элементами техники спортивных способов плавания, дыхательные упражнения, прыжки в воду. Тренером проводились наблюдения за характерными движениями ногами у занимающихся.

Со второго месяца дети были распределены по дорожкам бассейна на основе двигательных предпочтений и каждая подгруппа по

своей программе. Юные пловцы осваивали элементы техники плавания, но уже с учетом выбранного способа.

На заключительном уроке обучающиеся выполняли контрольные упражнения, а также плавание на дистанции 25 м в полной координации кролем на груди, кролем на спине и брассом.

По результатам оценки способа кроль на груди, установлено, что этот способ испытуемые ЭГ освоили на 1,98 балла (66,1 % от максимально возможного результата), тогда как дети КГ получили 2,2 балла (77,3 %).

При тестировании техники плавания кролем на спине дети ЭГ набрали 1,98 балла (66 %), меньше на 0,34 балла (11,3 %), чем показали занимающиеся КГ (2,32 балла и 80 %).

Оценка техники плавания способа брасс показала, что меньше баллов набрала КГ – 1,5 (49 %), ЭГ – 2,3 балла, набрав 79 % от максимально возможного результата.

Результаты, полученные в ходе исследования, объясняются направленностью обучения: в КГ основными способами обучения были кроль на груди и на спине, поэтому дети КГ лучше освоили эти способы.

Дети ЭГ, где обучение проводилось по методике начального обучения плаванию с учетом моторных асимметрий, хуже проплыли 25 м кролем на груди и кролем на спине. Однако, дистанцию брассом дети ЭГ проплыли быстрее, чем дети КГ. Только на этой дистанции различия между достигнутыми результатами были достоверны.

На основании проведенного эксперимента были сделаны выводы:

Существующее многообразие авторских методик обучения плаванию детей не предполагает учет индивидуальных особенностей детей, в том числе их двигательную предрасположенность к способу начального обучения способу спортивного плавания. Дети по-разному усваивают одновременные и попеременные симметричные движения. Разработанная методика обучения детей на основе двигательной асимметрии позволила реализовать индивидуальный метод в обучении, нежели использование традиционной программы А. А. Кашкина и др.

Основным итогом проведенного эксперимента было выполнение переводных нормативов всеми детьми ЭГ, тогда как дети, предрасположенные к одновременным симметричным движениям, с трудом обучаются плавать кролем и, либо прекращают занятия, либо не справляются с переводными нормативами. В нашем случае «детилевши» прошли отбор в спортивное плавание и смогут совершенствоваться в избранном виде спорта, кроме того, они «досрочно» овладели одним из самых сложных способов спортивного плавания – брасс, тогда как обычно процесс обучения брассу приходится на более позднее время, а детей пытаются учить движениям, которые для

них не только непривычны, но в водной среде становятся иногда просто невыполнимы. И спортивные школы могут при отборе терять талантливых пловцов только из-за того, что их начали обучать не с того способа плавания.

Список литературы

1. Аганянц Е.К., Бердичевская Е.М., Демидова Е.В. Физиологические особенности развития детей, подростков и юношей. – М.: КГАФК, 1999. – 72 с.
2. Аикин В.А. Обучение плаванию детей дошкольного возраста: метод. рекомендации. – Омск: ОГИФК, 1988 – С. 52–59.
3. Васильев В.С. Обучение детей плаванию. – М.: Физкультура и спорт, 1989. – 96 с.
4. Гордеев Ю.А. Обучение плаванию младших школьников, с учетом функциональной асимметрии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 1994. – 24 с.
5. Дмитриев Р.А. Плавание / Р.А. Дмитриев, З.П. Фирсов, Н.Ж. Булгакова. – М.: Физкультура и спорт, 1985. – 72 с.
6. Лаврентьева Д.А. Методика начального обучения плаванию детей младшего школьного возраста с учётом моторных асимметрий // Учён. зап. ун-та им. П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 6 (124). – С. 114–118.

Е. Э. Червякова

Подготовка школьников к тестированию по нормам ГТО

В современном мире, в связи с непрекращающейся тенденцией на ухудшение экологии и ростом населения, ведущего малоподвижный образ жизни, особо остро стоит задача по усилению роли физического воспитания и пропаганды здорового образа жизни. Такая стратегия в образовательной системе предполагает в числе прочего и всемерное применение идеологии гуманизма, без которой невозможно признание ценности отдельного человека, его роли в социальном обществе со всем набором прав и возможностей для полноценного развития его талантов и способностей.

Выявление уровня ответственности на занятиях физической культурой и вычисляемая при этом двигательная активность учащихся имеет более важное значение, чем уровень физической подготовленности, определяемый за счет прироста показателей тестирования. Отмечается, что если не сформировать мотивацию к занятиям физическими упражнениями, достигнутый уровень развития физических качеств, несомненно, будет утрачен в будущем [1; 2; 8].

К сожалению, в настоящее время акцент занятий физической культурой в общеобразовательной школе в основном делается на развитие физических способностей и сформированность двигательных умений и навыков, не принимая во внимание те факторы, которые настраивают ребенка на конечный результат обучения [4; 5].

По мнению специалистов, необходима целевая переориентация направленности учебных занятий по физической культуре с совершенствования физических кондиций учащихся на формирование навыков ответственного отношения к уроку. Это позволит школьникам использовать результаты, достигнутые в процессе физического воспитания, и в более старшем возрасте, так как у них вырабатывается установка на двигательную активность в представляющих интерес для человека формах [3; 6; 7]. В связи с этим обстоятельством предложено активно использовать на уроках по физической культуре подготовку к сдаче нормативов комплекса ГТО.

Нами была предпринята попытка разработать методику подготовки учащихся младших классов к сдаче норм ГТО и повышению двигательной активности средствами физической культуры.

Мы полагаем, что методика подготовки учащихся к сдаче нормативов ГТО будет более эффективной, если:

- сопряженно развивать физические способности и формировать специальные двигательные навыки для сдачи нормативов, целенаправленно выделяя для этого один урок в неделю из трех;
- разработать программу для самостоятельных занятий физическими упражнениями с учетом двигательной активности школьников.

В ходе исследования были выявлены следующие соотношения контингента обследуемых в возрасте 9–10 лет с различными уровнями двигательной активности:

- у 9–10-летних девочек: доминирует средний уровень двигательной активности (42,6 %); у 18,6 % школьниц этого возраста – выше среднего уровень двигательной активности; ниже среднего уровень двигательной активности характерен для 15,6 % контингента, высокий уровень – для 11,2 %, а низкий – для 12,0 % контингента школьниц.

- у мальчиков этого возраста были получены следующие данные: 34,8 % контингента имеют средний уровень двигательной активности; 20,9 % выше среднего уровень двигательной активности, 11,6 % – высокий уровень двигательной активности; ниже среднего уровень двигательной активности характерен для 20,3 % контингента и только 10,9 % – имеют низкий уровень данной характеристики.

Эти показатели для детей в возрасте 9–10 лет наглядно демонстрируют общую тенденцию на ухудшение двигательной активности. Идет непрерывный рост числа учащихся с показателями уровня двигательной активности от ниже среднего до низкого.

При замерах показателей физического развития очень четко прослеживается взаимосвязь этих показателей с уровнем двигательной активности у различных групп школьников.

У мальчиков и девочек с высоким уровнем двигательной активности отчетливо выражено преимущество по показателям ЖЕЛ, кистевой динамометрии и ОГК. По этим показателям выявлено достоверное различие данных показателей.

У мальчиков группы со средним уровнем двигательной активности, а у девочек с выше среднего уровнем выявлены наибольшие показатели длины тела по сравнению испытуемых с низким уровнем двигательной активности.

Наибольшие показатели массы тела выявлены у мальчиков и девочек с низким уровнем двигательной активности. И, как правило, недостаток двигательной активности данного контингента приводит к избыточному весу.

Таким образом, показатели двигательной активности способствуют оптимизации физического развития школьников.

Анализ показателей физической подготовленности указывает на то, что школьники с различными уровнями двигательной активности существенно отличаются по всем анализируемым показателям.

Так, результаты бега на 60 м у учащихся с высоким уровнем двигательной активности у 9–10-летних мальчиков составили 8,62 с, а у девочек – 9,23 с. Школьники других групп показывали в среднем худшие результаты, особенно с низким уровнем двигательной активности (соответственно 9,44 с и 10,04 с).

Наиболее существенно учащиеся с высоким уровнем двигательной активности превосходили школьников с низким уровнем в подтягивании на перекладине, в 6-минутном беге ($p < 0,01$). В других упражнениях (прыжок в длину с места, челночный бег 3×10 м, наклон туловища вперед) преимущество данного контингента было при пятипроцентном уровне значимости.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о разном уровне физической подготовленности учащихся с различными характеристиками двигательной активности.

Нами анализировалась общая успеваемость и успеваемость по предмету «Физическая культура» у различного контингента обследуемых. Наиболее высокая общая средняя успеваемость выявлена нами у мальчиков, имеющих выше среднего уровень двигательной активности ($\bar{x} = 4,25$ баллов). У девочек в целом прослеживается аналогичная закономерность, только наиболее высокая общая успеваемость получена у испытуемых со средним уровнем двигательной активности ($\bar{x} = 4,40$ баллов).

Анализ успеваемости по предмету «Физическая культура» показывает существенные различия в успеваемости школьников в зависимости от их уровня двигательной активности.

Следовательно, результаты нашего исследования показали, что показатели двигательной активности, активный двигательный режим оказывают положительное влияние на успеваемость школьников.

В педагогическом эксперименте нами проверялась возможность формирования мотивационных установок и качества подготовки к сдаче нормативов ГТО за счет увеличения двигательной активности учащихся как на уроке физической культуры, так и особенно во внеурочное время.

В экспериментальной группе осуществлялось индивидуальное планирование воздействий физических упражнений, отказ от традиционной стратегии учета физической подготовленности (индивидуальная оценка), саморегуляция уровня осознанности учебной деятельности. Это изменяет представление о свободе познавательной и моторной активности, приводит к активизации самостоятельных занятий физическими упражнениями.

За период исследования нами выявлены позитивные изменения в обеих группах, но более выраженные – в экспериментальной.

Нами установлены межгрупповые различия показателей конечного обследования: учащиеся экспериментальной группы имели преимущество в беге на 60 м, прыжках в длину с места, подтягиваниях на перекладине, наклоне туловища и в беге на 1000 м (при $p < 0,05$).

Дети контрольной группы выполнили нормативы ГТО только в одном виде программы – наклоне туловища вперед, в то время как их сверстники из экспериментальной группы справились с пятью нормативами: бег 60 м, прыжок в длину с места, подтягивание, наклон туловища вперед и бег 1000 м. На золотой значок выполнили нормативы 2,5 % детей, на серебряный – 74,8 % и на бронзовый – 22,7 %, в то время как в контрольной группе этот показатель составил соответственно 0, 11,3 и 26,4 %.

За период исследования нами выявлена и перегруппировка контингента обследуемых: в экспериментальной группе увеличилась доля учащихся с высоким (с 20,5 до 21,9 %) и выше среднего (с 32,5 до 38,5 %) уровнями двигательной активности. В этой группе соответственно снизилось количество учащихся с низким уровнем двигательной активности.

Контрольная группа показала прямо противоположные результаты. Школьники с высоким и выше среднего уровнями двигательной активности частично переместились на уровень ниже. И общая доля учащихся с низким уровнем двигательной активности также выросла.

Выводы исследования однозначно указывают на то, что повышение уровня двигательной активности, а также пробуждение интереса к занятиям физической культурой ведут к улучшению физических кондиций учащихся.

Примененная методика позволила значительно повысить физическую подготовку испытуемых. К тому же доля времени отдыха, занятого активными двигательными функциями (игры, работа по дому, прогулки), значительно выросла. Всё это вкуче позволило школьникам значительно повысить результаты при сдаче норм ГТО.

Список литературы

1. Бальсевич В.К. Физическая подготовка в системе воспитания культуры здорового образа жизни человека (методологический, экологический и организационный аспекты) // Теория и практика физической культуры. – 2010. – № 1. – С. 22–26.
2. Винокурова Н.В. Формирование ответственности у подростков как целевая функция деятельности классного руководителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Киров, 2004. – 24 с.
3. Внеурочная деятельность. Подготовка к сдаче комплекса ГТО: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / В. С. Кузнецов, Г. А. Колодницкий. – М.: Просвящение, 2016. – 128 с.
4. Волков В.К. Современные и традиционные оздоровительные системы // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 12. – С. 45–47.
5. Лебедева Н.Т. Двигательная активность в процессе обучения младших школьников // Гигиенические основы физического воспитания. – Мн.: Народная асвета, 2005. – С. 18–21.
6. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 08.07.2014 № 575 «Об утверждении государственных требований к уровню физической подготовленности населения при выполнении нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса (ГТО)».
7. Семенова С.А. Коррекция режимов двигательной активности детей младшего школьного возраста, проживающих в условиях комплексного экзозоологического климата: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 26 с.
8. Тихвинский С.Б. Роль физического воспитания в здоровье подростка. – Л.: Знание, 1988. – 32 с.

Н. А. Шумихин

Ретроспективный анализ спортивных результатов в прыжках на батуте и тенденции совершенствования экспертной оценки

Научная база тренировочного процесса и соревновательной деятельности в прыжках на батуте находится на низком уровне и не удовлетворяет потребность в теоретических знаниях, поэтому выделение тенденций развития вида спорта является важным аспектом в изучении вида спорта. Проведен статистический анализ 240 выступлений спортсменов мирового уровня старше 18 лет, выступавших в индивидуальных прыжках на чемпионатах мира и Олимпийских играх с 2000 по 2017 гг., в финальной части соревнований и выполняющих

произвольную комбинацию. Определены основные компоненты тенденций развития прыжков на батуте в мире как олимпийского вида спорта.

Выявлено, что развитие мировых прыжков на батуте связано с внедрением информационно-технического оборудования и совершенствованием технических атрибутов снаряда. В связи с этим увеличились коэффициент трудности и длительность полета исполняемых соревновательных программ. Полученные данные позволяют спроектировать дальнейшее развитие прыжков на батуте как олимпийского вида спорта.

Введение

Профессиональный спорт в XXI в. развивается стремительно быстро благодаря появлению информационно-технических «машин», которые облегчают понимание содержания вида спорта. В прыжках на батуте, как довольно сложном виде спорта по своему содержанию, за последние 15 лет очень многое было введено в технической части. Так, например, появилась новая информационно-техническая аппаратура, которая помогает специалисту в прыжках на батуте определять уровень технической подготовленности спортсмена. Однако в настоящее время никто не исследовал, насколько полезно включение этой аппаратуры в соревновательный процесс.

Цель исследования – теоретически обосновать и выявить особенности развития прыжков на батуте, с учетом внедрения информационно-технических аппаратов и модернизации технического оборудования.

Результаты обследования. С 2011 г. в судейский аппарат международных соревнований был включен информационно-технический аппарат, измеряющий длительность полета спортсмена во время исполнения соревновательных программ. Определяется длительность полета, каждого отдельного элемента соревновательной программы и после завершения выступления аппарат суммирует длительность полета всех десяти элементов (либо любое другое количество выполненных элементов соревновательной программы) и показывает итоговое время длительности полета. Оценка спортсмена за выступление переводится из секунд в баллы, где 1 секунда = 1 баллу, вплоть до 0,001.

Проведя анализ соревнований мужчин в индивидуальных прыжках, мы наблюдаем резкое возрастание результатов в 2011 г. во всех компонентах исполнительского мастерства, что в первую очередь связано с введением информационно-технического аппарата и модернизацией технического оборудования.

При анализе индивидуальных прыжков женщин в финальной части соревнований изменений не наблюдается, результативность после введения информационно-технического аппарата сильно не увеличилась, а на некоторых соревнованиях и вовсе уменьшилась.

На сегодняшний день российские спортсмены-батутисты не имеют превосходства на мировой спортивной арене в индивидуальных прыжках, хотя на ЧМ 2017 г. в этом виде российская сборная завоевала одну медаль (серебро). Результаты первых Олимпийских игр 2000 г. и последующие чемпионаты мира до 2007 г. были довольно высокими, а это означает, что квалификация современных тренеров в прыжках на батуте находится на низком уровне из-за отсутствия специальных образовательных программ, в то же время объем образовательных учреждений для проведения учебно-тренировочных занятий профессиональной направленности не соответствует международному уровню.

Для увеличения результативности российского профессионального спорта, в частности прыжков на батуте, необходимо готовить грамотных, высококвалифицированных специалистов этой области, образовательный процесс которых строится на структурированной, ступенчатой, теоретико-практической базе. Необходимо разработать научно-методическую основу теоретической подготовки специалистов по прыжкам на батуте, которая на сегодняшний день отсутствует. Также нужно оборудовать спортивные организации материально-технической базой для проведения тренировочных занятий.

Тенденции развития прыжков на батуте на мировой арене связаны в первую очередь с модификацией технического оборудования и внедрением информационно-технических аппаратов в судейство. Это позволяет изменять и усложнять соревновательные комбинации, увеличивать высоту прыжков и повышать зрелищность вида спорта. В международные правила соревнований с 2017 г. включен новый аппарат, который измеряет перемещение спортсменов на снаряде во время выполнения соревновательных программ, тем самым вид спорта стал еще более объективным.

Выводы

Таким образом, развитие профессионального спорта в прыжках на батуте зависит от модернизации технического оборудования. При этом техническая и физическая подготовленность спортсменов имеет прямо пропорциональную зависимость.

Совершенствование экспертной оценки наблюдается в сторону объективного оценивания спортсменов на соревнованиях, снижая влияние субъективного оценивания технической подготовленности.

Список литературы

1. Наставление по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2009). – СПб.: ВИФК, 2013. – 200 с.
2. Основы теории и методики проведения тренировочных занятий по прыжкам на батуте в ДЮШОР: учеб. пособие / Н.Г. Шварц, Л.В. Блохина и др.; под ред. В.Ю. Дерябина. – М.: МПГУ, 2013. – 177 с., ил.
3. Прыжки на батуте: Технические правила/Федерация прыжков на батуте России. – М., 2017.
4. Рекомендации по математической обработке и интерпретации результатов исследований по физической подготовке военнослужащих / Ю. К. Демьяненко. – СПб.: ВИФК, 1997.
5. Электронный ресурс: www.womanwikli.ru/w/ Упражнения на батуте.

Сведения об авторах

- Амочкина В. С. аспирант философского факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Андреева Н. С. аспирант IV курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Ансимова З. Ю. кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения физической культуре и спортивной подготовки, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Аракелян А. В. доктор медицинских наук, профессор, заместитель руководителя клиники акушерства и гинекологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова
- Байрон А. А. аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Бар Н. С. кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Белов В. В. доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Белоусова И. М. старший преподаватель кафедры теории и методики адаптивной физической культуры, физической реабилитации и оздоровительных технологий, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
- Бенда В. Н. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Богданова В. А. старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Богемская Н. Н. кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Боедов А. А. аспирант философского факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Бойкова Т. Ю. кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Буков Ю. А. доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики адаптивной физической культуры, физической реабилитации и оздоровительных технологий, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
- Вайгачева Л. В. научный сотрудник научно-исследовательского отдела (медико-психологического сопровождения), Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова

- Ващук Р. И. магистрант II курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Веремченко В. А. доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Виноградова М. А. магистрант I курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Власова В. Л. кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель физической культуры, Промышленно-экономическое отделение СПб ГБПОУ «Петровский колледж»
- Волков А. В. аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Волков А. С. студент II курса магистратуры исторического факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Вьюшкова С. С. кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Габдулина А. Х. преподаватель, Новосветовская детская школа искусств
- Гайворонская И. Б. кандидат психологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Головеев И. Ф. магистрант II курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Головешкина Н. В. кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Григорьева Г. В. кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Губин В. А. доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Гуков Н. Е. преподаватель кафедры гимнастики, атлетической подготовки и спортивных игр, Военный институт физической культуры
- Гуменская О. М. кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

- Давыдова Т. Ю. аспирант, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта
- Елисеева Т. П. кандидат педагогических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Еремеев С. Г. доктор экономических наук, профессор, ректор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Еремеева Ю. В. магистрант I курса факультета психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Ермолаева М. В. магистрант I курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Жуйкова Т. С. студентка, Институт физической культуры и спорта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
- Жукова А. Е. лаборант-исследователь, НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Исаева В. А. врач кабинета функциональной диагностики, Городская поликлиника № 62
- Калинина Д. В. студент IV курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Капитанаки В. Е. старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Капустина О. В. кандидат исторических наук, начальник отдела оценки пенсионных прав застрахованных лиц, Управление Пенсионного фонда Российской Федерации, г. Гусь-Хрустальный, Владимирская область
- Карпова В. В. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Карпова В. И. студент IV курса кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Карпцова Е. В. кандидат медицинских наук, бакалавр заочной формы обучения кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Касьянов Г. А. кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Квицинская Ю. А. студентка II курса магистратуры факультета психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

- Кивихарью И. В. кандидат педагогических наук, доцент, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта
- Козлов Н. Д. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Колесникова Е. К. студент V курса кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Колосова А. Г. студент V курса кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Конева А. В. доктор культурологии, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Коськов М. А. доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Кузина Р. Х. кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (медико-психологического сопровождения), Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
- Кузьменкова В. Н. кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Куницына И. А. кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии развития и образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Кучеров А. Г. преподаватель, Горбуновская детская школа искусств
- Лебедев А. С. тренер по хоккею с шайбой, муниципальное автономное учреждение «ОЛИМП», г. Кингисепп
- Лебедева Е. И. кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Левочкина И. В. магистрант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Леонов К. Н. студент V курса факультета физической культуры, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Ли Линцзюнь аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Ли Ясюнь аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

- Лустин С. И. доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры психофизиологии и клинической психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Лю Явэй аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Ляшенко О. В. кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физического воспитания, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Макаров Д. А. кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Макарова О. С. преподаватель колледжа, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Мальчевская Н. Н. старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Медведева Е. Н. доктор педагогических наук, профессор, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта
- Мирошникова Е. М. доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Морозова Е. В. ассистент кафедры философии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Муминов В. И. старший преподаватель кафедры гимнастики, атлетической подготовки и спортивных игр, профессор, Военный институт физической культуры
- Мурашов Г. П. магистр II курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Наумова В. Н. воспитатель высшей категории, детский сад № 47 Колпинского района
- Неверова И. В. старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Никуленкова Е. В. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Овчинников Б. В. доктор медицинских наук профессор, начальник научно-исследовательской лаборатории (коррекции и реабилитации военнослужащих) научно-исследовательского отдела (медико-психологического сопровождения), Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова

- Олифир М. В. учитель АФК, школа № 627 Невского района Санкт-Петербурга
- Осипов Ю. А. студент II курса магистратуры факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Пестова С. С. аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; преподаватель ГПФО Центра профессиональной подготовки ГУ МВД по Свердловской области
- Пилипенко А. Е. студентка II курса магистратуры факультета психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Подольская И. В. старший преподаватель кафедры военной психофизиологии, Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
- Пронина Т. С. доктор философских наук, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Романенко А. С. магистрант I курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Румянцева А. И. кандидат биологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (медико-психологического сопровождения), Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова
- Рябцев И. А. магистр, младший научный сотрудник, Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова
- Савина К. И. аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Сайкина Е. Г. доктор педагогических наук, профессор кафедры гимнастики и фитнес-технологий, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Самсонова Т. П. доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, зав. кафедрой музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Семёнов А. М. независимый исследователь
- Семенова Л. Н. кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Семёнова О. А. младший научный сотрудник НОЦ исторических исследований и анализа, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

- Сергеева М. В. старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Сивицкий В. А. кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гимнастики, Национальный государственный университет им. П. Ф. Лесгафта
- Сидненко Т.И. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор Центра образовательных технологий, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Сидорова И. А. старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Синько Г. И. кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Скорохватова Г. В. кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Смирнов М. Ю. доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Смирнова О. С. студентка II курса магистратуры, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Смирнова Ю. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Солдатова М. А. кандидат исторических наук, доцент кафедры физической культуры и спорта, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Сомкин А. А. доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры физического воспитания, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
- Сотников Е. С. преподаватель кафедры гимнастики, атлетической подготовки и спортивных игр, Военный институт физической культуры
- Сучкова О. А. студентка факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Тимченко А. В. студент IV курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Травкин С. Н. кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

- Уварова И. В. старший преподаватель кафедры музыкальных дисциплин факультета философии, культурологи и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Усманов У. М. студент II курса магистратуры, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Устинов И. Е. кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Федорова О. Н. кандидат педагогических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Фоминенко Ю. А. магистрант II курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Чепиков Е. М. кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Черанёва Н. Ю. студентка II курса юридического факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Червякова Е. Э. кандидат педагогических наук, доцент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Чермянин С. В. доктор медицинских наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Чернеевский А. П. кандидат философских наук, старший преподаватель, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Чернова Г. Р. кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры коррекционной педагогики и коррекционной психологии, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Чуракова П. С. магистрант I курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Ши Явэнь аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
- Шумихин Н. А. преподаватель кафедры гимнастики, атлетической подготовки и спортивных игр, Военный институт физической культуры
- Щукин Н. С. магистрант II курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
- Юрьев М. С. кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский союз ученых

Научное издание

XXIII ЦАРСКОСЕЛЬСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной научной конференции
23–24 апреля 2019 г.

Том I

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 31.05.2019. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1544

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10